

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ!
НОВАЯ КНИГА ИЗ ВЕЛИКОГО ЦИКЛА
«ПЛОСКИЙ МИР»! -

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

От магистра юмористической фэнтези № 1 в мире, чей тираж
превысил 50 000 000 экземпляров!

Противопоказано лицам без чувства юмора

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Александр ШАЛГАНОВ.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Елена БОСОВСКАЯ.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Татьяна МУРИНА.

КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ:

Евгений ХАРИТОНОВ.

КИНОФАНТАСТИКА, НОВОСТИ:

Дмитрий БАЙКАЛОВ.

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:

Екатерина АРОЯН.

ТВОРЧЕСКИЙ СОВЕТ:

Эдуард ГЕВОРКЯН, Александр ГРОМОВ, Олег ДИВОВ, Марина и Сергей ДЯЧЕНКО, Евгений ЛУКИН, Сергей ЛУКЪЯНЕНКО, Борис СТРУГАЦКИЙ.

ОБЛОЖКА:

Игорь ТАРАЧКОВ.

САЙТ ЖУРНАЛА:

www.esli.ru

ЭЛЕКТРОННАЯ ПОЧТА:

if@esli.ru

АДРЕС ДЛЯ ПЕРЕПИСКИ:

МОСКВА, 119435, Б.Саввинский пер., д. 9, ИД «Любимая книга», журнал «Если».

КОНТАКТНЫЕ ТЕЛЕФОНЫ:

8(499)248-08-90 (доб. 201).

РАСПРОСТРАНЕНИЕ:

ИД «Любимая книга», тел. 642-97-55.

ИЗДАТЕЛЬ:

Издательский дом «Любимая книга».

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДИСТРИБЬЮТОРЫ:

«Наша пресса», «Центропечать», «Сити Пресс Сервис», «Сейлс», «Метропресс» (С.-Петербург), «ДМ пресс», ХК «Сегодня пресс», «Роспечать», «Желдорпресс», «АРПИ-Сибирь» (Новосибирск).

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати.

Свидетельство ПИ № 77-7491.

Отпечатано в ООО «Красногорская типография» 143400, Московская область, г. Красногорск, Коммунальный кв., д. 2
Зак. 2353

Тираж 14 000 экз.

Перепечатка материалов допускается только с разрешения редакции.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Редакция вступает в переписку только на страницах журнала.

Редакция не несет ответственности за содержание рекламных объявлений.

©«ЕСЛИ», 2010

ЕСЛИ

127 Борис РУДЕНКО

ОЧЕНЬ ХОЛОДНО

Туристы грезили о подлинном рае, и они его получили. Трудиться, где и сколько прикажут, под руководством мудрых наставников - это ли не Истинный Свет?

193 Адам-Трон КАСТРО

ПЕРЕСТРЕЛКА НА ТЁМНОЙ СТОРОНЕ

Человечество сложило легенды о «первой лунной перестрелке». Героине, а заодно и нам с вами, предстоит отделить правду от вымысла в этом космическом вестерне.

3 Раджнар ВАДЖРА

«ЛИСТАТЕЛЬ»

Подобным удивительным событиям вы можете найти самые разные объяснения - с точки зрения физики, мистики или повседневной реальности... И ни одно из них не приблизит вас к истине.

37 Карл ФРЕДЕРИК

УЗКИЙ МИР

Существует тонкая грань между разрушением экосистемы и созданием новой.

67 Серхио Гаут вель АРТМАН

ЗАРАЖЁННЫЕ

В этой жизни умереть так трудно...

77 Николай КАЛИНИЧЕНКО

ПРЕДЕЛ ЖЕЛАНИЙ

Увлеченно генерируя из песка зажигалки, кружки и целые дома, люди не могли предугадать последствий своего магического созидания.

113 Дмитрий БАЙКАЛОВ

ФУЛЛХАУЗ

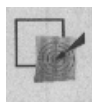
Его зовут Дьявол. Просто Дьявол. Он оказался в лифте и сделал свое дело. Об этом нам поведают «Ночные хроники»

119 Аркадий ШУШПАНОВ **С КЕМ ВОДЯТСЯ ВОЛШЕБНИКИ?**

«А вы ноктюрн сыграть могли бы на флейте водосточных труб?» Если руководствоваться жесткими законами кинематографической магии, это не всегда получится. Так какие они - законы?

115 ВИДЕОРЕЦЕНЗИИ

Из многократных попыток киноверсий компьютерных игр успешными, как ни странно, часто являются экранизации игр несуществующих. А вот фильмы, снятые по реальным играм, редко завоевывают популярность.

243 Глеб ЕЛИСЕЕВ

СТРАННЫЙ, СТРАННЫЙ ВЕСТ

Как говорил один из героев культового сериала «Госпиталь МЭШ»: «В этом фильме есть три вещи, ради которых его нужно смотреть: лошади, ковбои и лошади». В нашем случае лошади иногда оказываются с фотонной тягой, а в кобурах ковбоев вместо револьверов - бластеры. В остальном - все тот же старый добрый вестерн.

250 РЕЦЕНЗИИ

Книгоноша принес нам книг, на этот раз вполне приличное количество, и мы спешим поделиться впечатлениями о прочитанном с вами.

265 КУРСОР

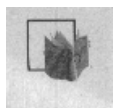
В Харькове построили уже целую дюжину мостов. Звездных.

257 ВЛ. ГАКОВ

ТОЛКОВАТЕЛЬ КОШМАРНЫХ СНОВ ВЕКА

Давно замечено: фантаст, стремящийся вырваться за границы жанра, обретает культовый статус в самом жанре (зачастую, правда, ничего не получая в мейнстриме). А этот еще и от рыцарского звания отказался.

268 ПЕРСОНАЛИИ

В отличие от спецслужб, мы не скрываем информацию о наших

резидентах. Напротив: охотно и совершенно бесплатно делимся ею с любимым, кто возьмет в руки наш журнал.

РАДЖНАР ВАДЖРА

«ЛИСТАТЕЛЬ»

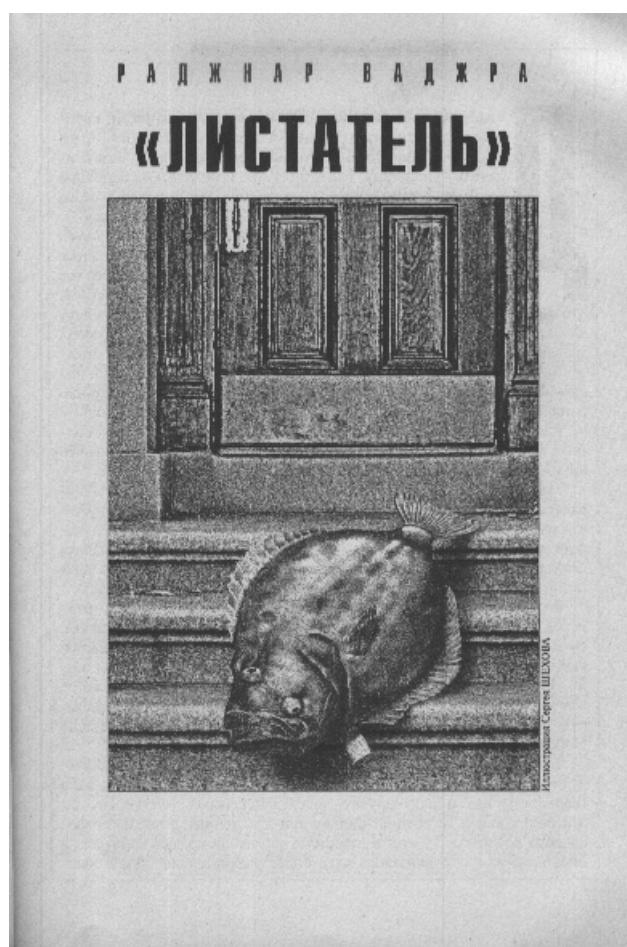

Иллюстрация Сергея ШЕХОВА

Давайте я опишу всю картину. У меня неприятности, крупные неприятности, и я, хоть убейте, ничего не могу с этим поделать. Мне холодно, больно, я устала и еще - Бог свидетель - напугана. Так что в данный момент мое основное занятие - выживание, а это значит, что я должна снова и снова отвлекать себя от навязчивого желания сдаться. Вчера (думаю, что вчера) я перебирала в памяти выдающиеся события своей жизни. Печально, но факт: падений оказалось куда больше, чем взлетов. Затем рассказывала сама себе все анекдоты, какие только приходили на ум. Не могу сказать, что эти занятия подняли мне

настроение, но они позволили убить пару часов. И тогда я решила воплотить в жизнь мечту, не покидавшую меня уже два года. Только не смейтесь. Я представила, что нахожусь в книжном магазине, в котором работаю, на еженедельной встрече нашего писательского клуба «Литературные львы». Но вместо того чтобы просто готовить и подавать кофе, я зачитываю вслух свое последнее детище.

Разделить то, что вы сотворили, с группой людей, способных оценить ваше произведение и выступить с разумной критикой, - не это ли должно приносить истинное наслаждение?

Может, вам это чуждо, но именно об этом я мечтала, поэтому и старалась вжиться в сцену, представить, как я устроилась в одном из установленных полукругом пыльных кресел и сижу в типичной позе писателя: плечи и голова выдаются вперед, спина согнута. Когда я начала свой рассказ, выдавая его экспромтом, моя заинтересованность внезапно пропала, и далеко не сразу мне удалось понять, в чем тут дело.

Больше всего я любила само чувство, которое испытываешь, читая перед аудиторией, - по крайней мере, как я себе это представляла. Но я не смогу пережить его до тех пор, пока у меня не появится настоящий рассказ, созданный мной и выученный наизусть так, чтобы возникло ощущение, будто я читаю его вслух. Безумно? Я знаю, но когда еще найдется время, чтобы себя побаловать? Никогда не замечали такую закономерность: ни одного дела не сделаешь до тех пор, пока не разберешься с чем-то еще?

Так что я начала мысленно строить сюжет и тут же налетела на очередное препятствие. Кажется, мое положение не способствовало творчеству, как и ряду других вещей. Получалась чистая ерунда. В итоге я создала всего лишь сильно приукрашенный отчет о произошедших событиях. И хотя я говорила, что не собираюсь заниматься писательством, это оказалось куда более увлекательно, чем ожидалось. Интересно будет попробовать по-настоящему, если я когда-нибудь отсюда выберусь.

В общем, я закончила свой шедевр, повторила его с дюжину раз и поспала - пусть и не очень крепко, но долго. Теперь я готова дать своей мечте вторую попытку. Предупреждаю: в жизни редко когда найдется сюжет, развитие образов или даже конфликт - то есть все эти штуки, о которых каждую неделю болтают «Львы». То, что вы услышите, вряд ли покажется хорошим рассказом, но, несмотря на это, я попыталась сделать его интересным. Можете потом поделиться со мной впечатлениями и сообщить, насколько мне это удалось.

Кстати, вот почему я позвала вас. Я легко могу представить сидящих полукругом людей, но все они будут лишь... заполнителями. Не думаю, что мой мозг сумеет сейчас сотворить более одного воображаемого собеседника. Но вы вполне подойдете - будете слушать и составите

мне компанию. Только не перебивайте.

Шутка.

Кстати, а ведь это идея! Давайте еще поиграем в игру. Я буду рассказывать все как есть, добавляя маленькие преувеличения и откровенные выдумки. Пару раз я остановлюсь, а вы попытаетесь отгадать, где я отклонилась от истины. Это не так-то легко, потому что странные вещи начали происходить еще до того, как я угодила в эту историю. Лучше слушайте внимательно.

Готовы?

* * *

Пять лет назад, в 2013-м, в колледже Санта-Круза я написала эссе, называвшееся «Опасный бизнес», - в рамках единственного курса экономики, который я когда-либо посещала.

Тогда название показалось мне остроумным, но не совсем подходящим, так как говорилось там на самом деле о типах небольших американских предприятий, смываемых волнами банкротства. Сразу после раздела, посвященного продуктовым магазинам в мелком семейном бизнесе, настал черед аналогичных «семейных» книжных лавок. Тогда я и понятия не имела, что вскоре столкнусь с этой проблемой лицом к лицу. А столкнуться пришлось, потому что три крупные белые акулы жадно пожирали всю рыбу помельче. В результате мелкая рыбешка вроде «Листателя», в котором я на текущий момент проработала уже четыре года, оказалась на грани вымирания. А акулы продолжали кружить.

...Да, теперь, когда я цитирую все это по памяти, то вижу, что начало - полный отстой, так что можете мне об этом не говорить. Настоящие писатели наверняка скажут, что тут слишком много информации, которая подается слишком быстро, да и вступление чересчур вычурное. Но у меня нет сил, чтобы начать все заново. К тому же за то эссе я получила пятерку...

Наш магазин находится рядом с Тихим океаном, где-то между Сан-Диего и Сиэтлом, и на самом деле он назывался не «Листатель». Простите мою уклончивость, но некоторые секреты, которые я собираюсь раскрыть, принадлежат не мне, так что придется немного замутив воду.

...Уклончивость. Ха! Если бы я действительно собиралась печатать эту историю, мне пришлось бы скрыть ее большую часть. Кстати, вам не кажется, что я немного перегибаю палку с океанической темой?..

Начнем с моей начальницы и давайте договоримся, что ее - в честь магазина - звали Листательница. Я считаю, что в таких вопросах лучше уж переусердствовать. Если вы ждете подробного описания, вам не

повезло, и не только потому, что я хочу скрыть ее личность, но из-за того, что она сильно менялась время от времени. Случайно столкнувшись с ней, я иногда замирала, осознавая, насколько она прекрасна, а после слегка изменялся ракурс или освещение, и она уже казалась мне почти ведьмой. Могу сказать, что волосы у нее темные и длинные, а глаза будем считать просто серыми. Еще она всегда носит только синее или зеленое.

Что до меня, то я стараюсь вести себя свободно и непринужденно, но не в смысле секса. У меня слишком короткий нос, слишком много веснушек и волосы, которые вы сочтете либо вызывающе рыжими, либо просто рыжими - в зависимости от вашего вкуса. Мои пропорции не так уж плохи, но к ним добавляется два кило приятной полноты, плюс еще четыре килограмма, оправдать которые уже не так просто. Я кажусь толще, чем есть на самом деле, потому что моя физическая форма оставляет желать много лучшего - особенно для девушки на третьем десятке. Даже Джордж Буш - помните такого? - относился к критике лучше, чем я отношусь к упреждениям.

Что ж, теперь вы можете догадаться о моих политических взглядах, но я и не возражаю против раскрытия некоторых своих секретов. Мой IQ около 150, у меня на ягодице есть татуировка в форме кельтского узла, и я просто монстр в шахматах: я достаточно хороша для того, чтобы меня узнавали за пределами узких шахматистских кругов, в которых, кстати, меня весьма высоко ценят. Еще я свободно говорю на двух языках: английском и гэльском. Последний я применяю, когда звоню своей маме на Рождество. А вот свое настоящее имя я вам не открою.

Зовите меня просто Эми, потому что так звали мою лучшую подругу из колледжа. Она погибла в идиотской автокатастрофе, произошедшей не по ее вине.

...Еще два факта, которыми я поделюсь: на самом деле меня зовут Кэйтлин, Кэйтлин Маккензи Шредер, и если хотите знать, Маккензи - девичья фамилия моей матери. Впрочем, мою погибшую подругу действительно звали Эми, и по вполне понятным причинам я сейчас чувствую с ней некую близость...

Теперь расскажу предысторию. С учетом того, что в четырехстах метрах от нас уже есть книжный магазин, а на той же улице находится «Барнс энд Ноубл»^{*1}, не говоря уже о громадине «Амазона», «приходящего в твой район», Листательница должна была вертеться, чтобы удерживать нас на плаву. Для сохранения своего бизнеса она решила избрать тактику многозадачности.

Например.

¹ * *Известная сеть крупных книжных магазинов. Сайт этой сети - один из самых больших интернет-магазинов мира. (Здесь и далее прим, перев.)*

Деньги в этом городе можно заработать на нескольких видах товаров, в частности на продаже кофе. Соседний магазин проталкивает «Александрийский кофе», который является, по мнению нашей начальницы, попыткой вернуть продукт, производство которого свернул «Старбакс»^{**2} - что, в общем, не так уж и плохо, с учетом того, что «Барнс энд Ноубл» предлагает «Старбакс» под его собственным именем. В общем, Листательница нашла человека, который отыскал другого человека, и тот поставляет ей действительно качественный товар. Мы варим потрясающий эспрессо в обычной кофеварке, и, хотя он стоит недешево, чашка нашего напитка все равно дешевле того, что предлагает «Старбакс». А если вы доплатите десять-двадцать центов, мы нальем вам настоящий ямайский кофе.

...Если я когда-нибудь все же запишу свой рассказ и решу отправить его в журнал, эту часть определенно надо будет отредактировать. Каждый, кто прочтет это и знает наш магазин или хотя бы просто заглянет внутрь и увидит доску с нашим меню, скажет: «Ага!» - и начнет тут же искать меня. Ненавижу такое внимание. Также я дважды подумаю, прежде чем хвастаться домашними чизкейками с пеканом и лучшими в мире слоеными пирожными. Хотя стоит, возможно, упомянуть другие наши товары: каждый книжный магазин из тех, что еще барахтаются, занимается чем-то подобным. Хотите отгадать, к чему это я? Поздно, долго собирались...

Еще Листательница использует то, что она называет «социальными приманками». Каждый месяц у нас проводятся выставки, а по пятницам играет живая музыка. Иногда выступают всякие юмористы. К тому же наши диваны и кресла в специально отведенные вечера заполняют члены трех полупормальных книжных клубов. «Гильдия фэнтези», нерегулярные посетители с Бейкер-стрит и, наконец, «Литературные львы», среди которых есть два публикующихся автора.

...Думаю, «Львы» - на самом деле, увы, называющиеся «Книжные черви» - заразили меня своей тягой к писательству, черт бы побрал косые взгляды их красных глаз. До сего момента я этого даже не осознавала. Раньше мы содержали еще и «Ладьи» - шахматный клуб, но он приносил слишком мало дохода, чтобы работать ради него допоздна. Вот почему «Ладьи» собираются теперь в основном в моем доме. Вернее, собирались. Похоже, им понадобится новое место...

Существует и еще один неофициальный клуб. Каждое утро, примерно с девяти до двенадцати, к нам приходят завсегдатаи. Конечно, в эти часы появляются и толпы нерегулярных посетителей (не тех, которые с Бейкер-стрит) - некоторые из них даже посещают нас неделю-другую, но после всегда исчезают, словно смытые неким невидимым отливом.

² ** *Американская компания по продаже кофе и одноименная сеть кофеен (самая большая в мире).*

Наша великолепная пятерка, в отличие от них, всегда восседает по утрам на своих диванах. Все они, как правило, приходят в магазин пешком и никогда не начинают очередную дискуссию до тех пор, пока все пятеро не рассядутся по местам и не запасутся кофе с конфетами. Познакомившись благодаря «Листателю», они сформировали своего рода клику, с легкостью предоставляющую временные визы всем, кто пожелает присоединиться к сессии их утренней болтовни. Однако полным членством может похвастаться лишь их группа. Мы с Листательницей являемся почетными членами в те минуты, когда не слишком заняты.

Одна из причин, по которым мы с Полом, работающим на полставки, все еще приходим сюда, заключается в том, что наши завсегдатаи - страстные любители кофе, и каждый из них проглатывает одну-две чашки нашего лучшего варева в час. Да-да, вы не ослышались. Профессор Джей, например, поглощает перед обедом пять чашек каждый день - а работаем мы шесть дней в неделю. Этим, по-моему, объясняются и его энергия, бьющая через край, и странное чувство юмора. Примерно в одиннадцать моя начальница обычно шепчет: «Эми, пора их разгонять».

Даже когда я не могу поучаствовать в дискуссиях, их все равно стоит послушать. Возможно, кофеин здорово влияет на мозговые клетки, но наши «пять клиентов» (как называет их Пол) - самые умные люди, которых я когда-либо встречала. При этом они же высказывают самые чудные идеи, которые я когда-либо слышала.

Похоже, пора их представить - и кстати, извините за фальшивые имена.

Тара всегда сидит на зеленом диване, возможно, из-за того, что он подходит под цвет ее глаз. Она блондинка сорока с чем-то лет, достаточно плотная, чтобы рядом с ней я казалась тощей, и у нее весьма изысканные манеры. Если бы она сбросила килограммов двадцать, она могла бы... нет, я не хочу заходить так далеко. Не желаю становиться в ряды круглолицых девиц, с прищуром изучающих других полных людей. В общем, у нее весьма привлекательный голос с шотландским акцентом, напоминающим мне о моей маме, вот только мама говорит, скорее, как Шрек. Тара носит с собой костыли, но редко когда ими пользуется. Она профессор морской биологии в творческом отпуске.

Серж - то есть Сергей - ближе к пятидесяти, чем к сорока. Он худ и выглядит выше, чем есть на самом деле, но при этом не кажется изможденным. Очень спокойный, лицо его уже покрылось небольшими морщинками от десятков вежливых улыбок. В волосах заметна седина, зато они не выпадают. Библиотекарь на пенсии - этот куда серьезнее, чем вы подумали, потому что на вывеске его библиотеки красовались слова «...Конгресса США».

Если говорить о лице, то профессор Джей - тот же Серж, только лет на десять моложе. Он ниже и не отличается таким безграничным спокойствием. Не думаю, что видела еще у кого-то такие же ярко-голубые глаза. Он почти отошел от дел, но только в своей преподавательской деятельности. Джей появляется еще и на сборищах «Львов». Из всех наших литературных гигантов он публикуется меньше всех, и его работы не имеют ничего общего с беллетристикой. Он пишет археологические труды.

Дасти - новенькая в нашем клубе, и я так и не выяснила, почему ей не нужно по утрам находиться где-то еще. Ей около тридцати, и я бы охарактеризовала ее как полуготку, хотя подозреваю, что многие уже успели забыть, что означает слово «гот» в смысле моды. В общем, черная подводка для глаз, черные волосы и черные ногти. Глаза темны настолько, что не видно зрачков, а на бровях столько туши, что и сами глаза не очень-то разглядишь. Однако в одежде она предпочитает яркие цвета и любит демонстрировать свои красивые загорелые ноги. Про таких людей Листательница говорит, что они «имеют на это право».

Наконец, вот и старый добрый доктор Эйбрахам. Шестьдесят, плюс-минус пять лет, достаточно высокий, чтобы быть профессиональным баскетболистом. У него курчавые седые волосы и настолько светлая кожа, что он может показаться европейцем. Из всех завсегдаев он выдает больше всего слов в минуту - причем с солидным отрывом от остальных. Доктор наук по физике и информатике, самый ботаничный из всех «ботаников» - впрочем, его исследования приносят хорошую прибыль. Наукой он занимается, как правило, после полудня. Британец. Женат.

Если вам кажется, что я уделяю Эйбу больше внимания, чем остальным, то это потому, что он единственный завсегдаей, с которым я встречаюсь вне магазина. Он один из «Ладей», такой же, как и я, фанат шахмат, и мы с ним частенько устраиваем закрытые матчи. Он настолько хорош, что мне даже приходится немного попотеть, чтобы его одолеть. Надо сказать, что несколько раз он меня даже обыграл - когда я замечталась. Пока что это только три поражения из ста девяноста партий, так что можете сами судить, кто тут кого отпешит.

...Неплохо, а? «Отпешит» от слова «пешка». Или эта игра слов сложновата для восприятия?..

Пять месяцев назад Эйб бурно восторгался каким-то устройством, которое они изготовили в своей лаборатории. Иногда он называл его ДГГ, иногда «портативным детектором гравитационных гармоник». Целыми неделями он только и делал, что трещал об этом - и на утренних собраниях, и на наших вечерних матчах. Впрочем, если бы он

говорил на языке урду^{*3}, я поняла бы из его слов ровно столько же. Он выдавал предельно ясные предложения, например: «ДГГ используют поляризацию микроволновых лучей для того, чтобы регулировать интерферометр». Понимаете, о чем я? Наконец, я спросила его, для чего нужна эта штука. Он уставился на меня с изумлением, пораженный тем, что кто-то мог упустить столь очевидный факт. Потом фыркнул:

- Как?! Для того чтобы обнаруживать неуловимое - от искажений пространства-времени до волн де Бройля, создаваемых объектами, существенно более крупными.

В этот момент в его глазах появился блеск, которому позавидовал бы любой фанатик.

- Один прибор, Эми, объединяет в себе устройство для измерения гравитационных волн, существенно превосходящее LIGO^{*4}, и средства обнаружения колебаний, вернее - последствий колебаний, до недавнего времени считавшихся бесконечно малыми, слишком малыми, чтобы их рассматривали на практике!

Заканчивать такое странное предложение восклицательным знаком как-то нелепо, но этот восклицательный знак четко слышался в его голосе.

В общем, я так и не набралась смелости, чтобы попросить его перевести это на английский язык, но мне хватило нахальства спросить о практическом применении подобной штуки. Сперва он прочитал мне увлекательную лекцию о чисто научных исследованиях, после чего неохотно признался, что машинное время можно разбазаривать и на всякие глупости, не связанные с ее прямым назначением: на поиск находящихся под землей радиоактивных материалов или обнаружение приближающихся землетрясений путем измерения подземного давления. Потом он добавил, что ДГГ может даже обнаружить котенка, свалившегося в колодец, - по крайней мере до тех пор, пока зверек будет барахтаться в воде. Для того чтобы отделить вибрацию котенка от общей вибрации колодца, потребуется, конечно, анализ специфичных для котиков колебаний.

Вот и вся наша пятерка завсегдаев. На моем рабочем столе только что ожил виджет с кукушкой, так что мне пора отложить все это и отправляться в постель. Ожидается длинный день. Завтра нас ждет встреча с «Литературными львами» и их последователями, надеющимися, что их потреплют по гриве. И поскольку люди в писательском клубе не так далеки от жизни, как члены «Гильдии

³ * *Официальный язык Пакистана, один из основных литературных языков Индии.*

⁴ * *Лазерно-интерферометрическая гравитационно-волновая лаборатория. Главная задача LIGO - экспериментальное обнаружение гравитационных волн космического происхождения.*

фэнтези», я должна подготовиться к тому, что меня, возможно, ожидает контрабандная выпивка. В общем, спящей красавице уподобляться не стоит, а подремать все-таки надо. Спокойной ночи, мой дорогой кто-бы-там-ни-было.

...Видите, как я упомянула здесь этот виджет? Дала читателю зацепку, будто на самом деле рассказ - электронный дневник, блог, который я веду на компьютере. Хотела бы я, чтобы именно так все и было. И если бы я только могла лечь в постель. Скоро, наверное, вырублюсь от усталости. Последнее время это происходит все чаще и чаще - думаю, ничего хорошего это мне не сулит...

Облом. Я просидела со «Львами» до полуночи и потому здорово измоталась.

...Есть у меня подозрение, что я действительно не спала после полуночи, но, поскольку кругом крошечная тьма, а я не могу ни посмотреть на часы, ни двинуть рукой, на которую они надеты, ни даже включить подсветку, что тут скажешь наверняка?

Чтоб вы знали: мне не нравится переход к этой части истории. И я начинаю понимать, почему многие писатели так не любят повествование от первого лица. Слишком легко переборщить с комментариями. Может, мне следовало начать от третьего лица или сделать свои замечания более красочными, используя формат блогов? Вставить смайлики? Нет, десять к одному, что редакторы и так завалены историями из блогов, а я не хотела бы... эй! Почему я говорю так, будто этот текст когда-нибудь попадет к редактору? Кажется, у меня заходят шарики за ролики. Не будем об этом. Ладно, следующий эпизод имел место в действительности, но вряд ли это произошло прошлой ночью. Пройдя ночью вообще ничего хорошего не произошло - если это вообще была ночь...

Когда собрание уже подходило к концу, один из начинающих авторов попросил Джеральда, самоуверенного и известного «Льва», рассказать о самых грубых писательских промахах. Сначала я слушала вполуха - Джеральд перечислял то, о чем мы и так слышали раз в две недели, ошибки настолько стандартные, что у них уже появились собственные имена. Вроде «я страдал ради искусства, теперь ваш черед» - что означает заполнить повествование кучей не относящегося к делу мусора просто потому, что вы потрудились провести некоторые исследования и теперь вам хочется повыпендриваться.

Потом, однако, Джеральд сошел с накатанных рельсов и взялся за свою личную коллекцию. Я начала прислушиваться, когда он упомянул «кабельный синдром». Определение: слишком активные попытки связать повествование с темой посредством образов или каламбуров. Фраза казалась мне довольно абстрактной до тех пор, пока он не начал приводить примеры:

- Возьмем любую программу кабельного телевидения. Посмотрим на

доктора, пытающегося купить дом, и услышим высказывания вроде «выдаст ли он на этот дом санитарный патент?» или «чихать он хотел на первый взнос».

...Кстати, если бы я работала над текстом всерьез, пришлось бы подчистить начало и избавиться от океанических эпитетов. Я использовала их - сейчас буду хвастаться - лишь для эскиза. Впрочем, море - важная часть картины, которую я пытаюсь изобразить, так что постараюсь не выкинуть случайно чего-нибудь ценного.

Джеральд говорит, что всякий рассказ нужно начинать с приманки, какого-нибудь действия или загадки, чтобы увлечь читателя. Так что мне, возможно, стоило начать так: «Во вторник утром, когда Листательница собралась открывать магазин, она увидела огромную рыбку, бьющуюся на ступеньках».

...О боже, вот я и пополнила ряды неудачников. Эта фраза не дает толком ощутить атмосферу таинственности, и к тому же она не соответствует истине. Рыба оказалась не такой уж большой, на ступеньках возникла уже после того, как мы открылись, и нашла ее Дасти. Думаю, это даже не увлекает, хотя странно, конечно, что рыбка выбралась покувыркаться на бетоне. Мы живем рядом с океаном, а не на его поверхности. А, к черту, я не планировала менять рассказ во время чтения, но почему бы не поместить это вступление прямо сюда, с некоторыми изменениями?..

Во вторник утром, два часа спустя после открытия, Дасти, пришедшая самой последней из всех завсегдатаев, нашла на ступеньках живую рыбу.

Конечно, она подумала лишь о том, что через нее придется переступить, а не о том, как эта рыба вообще здесь очутилась. Естественно, она не замедлила сообщить обо всем нам, стоило ей только переступить через порог и начать очередной сеанс своих утренних стенаний. Восседавшая на диване Тара - наш водный гуру - услышала ее жалобу и отправилась посмотреть, оставив костыли, чтобы никто не занял ее место. Мы с Листательницей решили присоединиться.

Меня удивило проворство, с которым Тара наклонилась к нашему чешуйчатому посетителю - широкому, плоскому, почти полуметровой длины.

- *Limanda aspera*, - пробормотала Тара. - Желтоперая камбала. Странно...

- Еще бы, - подхватила я. - Обычно за утренними круассанами приплывает рыба-молот.

- Что тут странного? - спросила Листательница, когда мы посмотрели на нее. - Я имею в виду, что странного в ее биологическом виде, черт возьми?

Моя начальница редко сердилась, и мне стало любопытно, что же ее

так взволновало.

Тара указала в сторону океана.

- Вдоль побережья тянутся километры мертвой зоны. Кислорода там недостаточно для скорпеновых. Поэтому, - она посмотрела на меня своими изумрудными глазами, - я считаю, что в твоей истории об акуле-сладкоежке есть лишь, скажем так, крошечная капелька истины.

Мы обе улыбнулись.

...Так, по крайней мере, должна была высказаться Тара. На самом деле она сказала: «Акулы предпочитают мясо, дорогая». Проклятье, я только что вспомнила о жемчужине мудрости, которую как-то обронил Джеральд. Он сказал, что рыбы или птицы, появляющиеся в неожиданных местах, стали почти неизбежным атрибутом юмористической научной фантастики или фэнтези. А я не хочу превращать свой рассказ в шутку. Увы, мне не удастся избавиться от своего морского товарища, потому что все произошло именно так, пусть в реальности он и был доставлен мертвым.

Кстати, вы уже успели поймать меня на лжи? Правильно, я пока лишь слегка приукрасила факты, хотя на самом деле Тара предположила еще, что камбала выпала из грузовика, после чего какая-нибудь дворняжка подобрала ее и доставила нам. Но где же тут магия? Вернемся к фантастике!..

На улицу вышел Эйбрахам. Бросив всего один взгляд на создание, которое уже едва трепыхалось, он побелел.

- Это то, о чем я думаю? - спросил он, тяжело дыша.

- Riskну предположить, что это рыба, - ответила я.

- Я хотел сказать, что у нас... у нас же не водится камбала. Тара?

- Да, эта камбала определенно не местная.

- Может ли быть так, что кто-то ее обронил? Случайно.

Мы поглядели налево, затем направо - видимо, высматривая рыбака, который решил вернуться, почувствовав, что корзина для рыбы вдруг сделалась слишком легкой.

- Маловероятно, - резюмировала я.

Эйб стал заламывать руки - я читала об этом жесте, но никогда еще не видела его в реальной жизни. Да что здесь происходит? Сначала чудила Листательница, теперь Эйб. Никогда еще не видела его в таком состоянии. До этого, впрочем, он тоже вел себя странно - всю прошлую неделю ходил жутко взволнованный, а с понедельника вдруг стал угнетенным.

- Проклятье, - прошептал он, сильно кусая губу. - Это значит... неважно.

Когда он ретировался в магазин, Тара подняла рыбу, которая уже перестала дергаться.

- Посмотрим, не удастся ли мне раздобыть оберточной бумаги. У меня есть друг в отделе морепродуктов. У вас в холодильнике найдется

место, если я пообещаю сделать упаковку воздухонепроницаемой?

- Для тебя - непременно.

- Я понесу костыли, - предложила я, не уверенная, что Тара справится и с ними, и с рыбой.

- Не беспокойся, дорогая, уж три квартала я как-нибудь проковыляю. Но спасибо. Спасибо вам обеим. Когда я вернусь, мне понадобится свежий кофе.

Подхватив нашего морского друга, она двинулась к магазину. Я в очередной раз отметила ее странную походку - словно разные ноги хромали по разным причинам. Я чуть не побежала следом, чтобы помочь, но Листательница бросила на меня строгий взгляд, и мы обе вернулись к работе. Я отправилась к завсегдатаям, чтобы проверить, не слишком ли медленно они движутся к своей обычной передозировке кофеина.

Затем я приняла четыре заказа. Наши постоянные клиенты вели себя как обычно. Дасти, глядя на меня, подняла крашеную бровь, Серж одарил меня теплой улыбкой и продолжил возиться с меню GPS-навигатора в своем iPhone 6s. А вот профессор Джей не смог выдать очередную странную шутку и вместо этого спросил о причинах «гражданских волнений», пожаловавшись на то, что ни слова не может вытянуть из Эйбрахама, который по-прежнему выглядел расстроенным и обеспокоенным.

- На ступеньках лежала живая рыба, - пояснила я. - Сейчас, наверное, уже неживая. Не думаю, что она пыталась кого-нибудь побеспокоить.

- Она побеспокоила меня, - проворчала Дасти. - Сильно побеспокоила.

Теперь разволновался Джей.

- Живая, говоришь?

- Да, вплоть до недавнего времени. Похоже, ее занесло к нам издалека.

- О Господи, - он переменялся в лице. Волнение осталось, но к нему прибавилась злость. Может, сегодня какой-то национальный день ненавистников жабр?

Я попыталась поднять одну бровь так, как это делала Дасти, но поднялись, конечно же, обе.

- Да в чем проблема, профессор? - эта фраза кажется грубой, но я произнесла ее вполне вежливо.

- Существует... э... вероятность, что мы имеем дело с шуткой. Целью которой являюсь я.

Он что, действительно покраснел?

- Зачем кому-то подшучивать над вами перед входом в наш магазин?

Он покраснел еще сильнее.

- Ты мне не поверишь. Черт возьми, да я и сам порой не верю себе. Я собиралась ответить, но меня отвлекли. Эйбрахам совершил нечто немыслимое для завсегдатая. Он встал и ушел, оставив свою большую

дымящуюся кружку кофе со сливками на столе. Я уставилась на медленно закрывавшуюся дверь, затем перевела взгляд на кружку, после чего вернулась к профессору.

- И все же попробуйте рассказать, - предложила я.

Он глянул на Дасти, которая, казалось, совершенно ушла в себя - однако я знала, что это может быть всего лишь иллюзией.

- Хорошо, - вздохнул он. - Наверное, мне действительно стоит с кем-нибудь поделиться... Эми, ты веришь в эльфов?

Он не заметил этого, но Дасти тут же впилась в него своим готическим взглядом. Серж, насколько я могла судить, по-прежнему развлекался со своей новой игрушкой. Я посмотрела в голубые глаза Джея, пытаюсь убедить себя в том, что он меня разыгрывает, но увидела лишь кристально чистую откровенность.

- Нет, - наконец ответила я.

- Вот и я тоже. По крайней мере, я не верю в эльфов в обычном понимании этого слова... Ты знаешь, что я когда-то занимался археологией в поле?

Я с умным видом почесала лоб.

- Об этом нетрудно догадаться, с учетом того, что вы преподавали этот предмет и все время пишете книги по археологии. Так вы говорите, что раскопали какие-то останки эльфов?

Он выдавил из себя улыбку.

- Вряд ли это можно назвать останками. Я не палеонтолог, зато кое-что понимаю в энтомологии.

- Никогда об этом не слышала, - призналась я и посмотрела по сторонам, проверяя, не нужна ли кому моя помощь. Листательница стояла у кассы, наплыва посетителей не наблюдалось. - Но как это связано с энтомологией?

- Да и откуда тебе это знать? Возможно, я уже сказал слишком много.

- Думаете, я по-прежнему буду делать вам кофе с тройной порцией сахара, если вы сейчас не расколаетесь?

...Расколаетесь, ха! «Кабельный синдром» наносит ответный удар...

- Эффективная угроза, - он вздохнул. - Хорошо. Двадцать лет назад мой бывший студент, живший в Ирландии, написал мне письмо. Он рассказал о том, как нашел странное нагромождение веток и дубовых стволов, наполовину вросших в дно пересохшего озера. Он считал, что это кранног, нечто вроде искусственного острова.

- Построенного пиктами. Я знаю о кранногах. Моя мать - шотландка.

- Великолепно, - воскликнул он. Похоже, мне удалось его впечатлить. - Я связался со знакомым могильщиком, мы собрали бригаду студентов и отправились на учебные раскопки в Эйре⁵, - он облизнул пересохшие губы. - На месте, определенно напоминавшем руины

⁵ * *Официальное название Ирландской республики с 1937 по 1949 год.*

пиктов, я обнаружил странные норы, слишком маленькие для грызунов, но великоватые для обычных ирландских червей. И мне стало любопытно. Пока наша команда занималась подготовкой к работе, я взял лопату и раскопал один из туннелей.

- И что же вы обнаружили?

- Нечто совершенно неожиданное, - он вздрогнул. - На глубине в полтора метра туннель сделал поворот и привел меня к точке, в которой сходились и множество других туннелей. Вот там я его и нашел.

- Я вас сейчас покусаяю. Что вы нашли?

- Нечто вроде улья, только крупнее и покрытое воском. Я никогда не видел таких вещей и не слышал ни о чем подобном. Мне следовало перенести свою находку в лабораторию для тщательного изучения, но вместо этого я совершил чудовищную ошибку - разрезал оболочку.

- И изнутри выскочили маленькие человечки в зеленых одеждах? - ухмыльнулась я.

- Едва ли их можно назвать человечками. Изнутри вылетели большие мохнатые зеленые насекомые. Не меньше пяти сотен.

- Ух ты, с этого момента давайте помедленнее.

- Они с жужжанием двинулись на меня и моих студентов, я решил, что они сейчас нападут. Но вместо этого они опустились на свой улей, вцепились лапками в воск и улетели вместе с ним. Благодаря своему неосторожному разрезу я смог увидеть, что находится внутри.

- И что же?

- Во-первых, там оказался мед. Он капал из улья. Но главное... - он вновь сделал паузу, чтобы облизнуть губы, - я увидел крошечную... мебель.

Я не знала, рассмеяться мне или выказать удивление.

- Профессор, вы пытаетесь мне сказать, что эльфы - жуки?

- Тогда я еще не пришел к таким выводам. Но вспомним народные сказки о маленьких человечках. В зеленой одежде? Да. С горшком золота? Да, если счесть «золото» за метафору, обозначающую мед. Маленьких? Да. Разумных? Да, и еще раз да. Их мебель своеобразна, но изготовлена очень искусно. Тонкая работа. И наконец, к вопросу о шутках. Тогда они улетели, но меня не забыли. Или же не простили.

- С чего вы взяли?

- Поначалу я ни о чем не подозревал. Но потом начались всякие мелкие неприятности. Ключи от моей машины бесследно исчезли, а несколько дней спустя появились вновь - в виде куска льда в морозилке. Тогда я решил, что меня разыграли студенты. Как-то раз я стал чистить банан, а изнутри вылезли полчища рыжих муравьев. То есть там вообще не было фрукта, только одни муравьи. После того как я разобрался с беглецами и заработал пару укусов, я изучил кожуру через слабый микроскоп. И знаешь, что обнаружил?

- Торговую марку?
- Очень-очень маленькие швы.
- Хм, - я окинула его пристальным взглядом. Он казался совершенно серьезным. - И как же вы поступили?

Он посмотрел по сторонам, желая, наверное, убедиться, что никто, кроме меня, его не услышит. В результате он заметил Дасти, но лишь пожал плечами и стал говорить тише:

- Мой выпускник поделился именами нескольких ирландских старожилков, которые слыли экспертами по... э... народным средствам. Я надеялся, что они знают, как справиться с этим. Если какое-нибудь средство и существовало, я решил, что искать его в Ирландии будет логичнее всего.

- Да уж, пожалуй.

- Трое травников просто посмеялись и выставили меня за дверь, но четвертый оказался совсем другим. Весь в татуировках, будто он и сам пикт. Он дал мне... амулет, - профессор Джей взялся за серебряную цепочку и вытащил из-за пазухи медную клетку, настолько маленькую, что в нее едва поместилась бы монета. Вместо запаса мелочи там оказались две зеленые скорлупки или, возможно, осколки одной скорлупы. Затем он поспешно спрятал амулет под рубашку.

Дасти склонилась к нему.

- Что это за скорлупа? - требовательно спросила она.

- Думаю, это панцирь эльфийской королевы. С тех пор прошло двадцать лет, - продолжил он, - шутки не прекратились, создания даже проследовали за мной через два континента и обратно. Но с тех пор как я начал носить эту штуку, они, хм, держатся на расстоянии.

Я задумчиво кивнула.

- Так вот почему вы решили, что эта рыба как-то связана с вами.

- Да. Ты хоть представляешь, сколько еще на Земле видов, о которых мы не имеем ни малейшего представления?

- Да откуда мне знать...

- Вот именно, - он допил кофе одним долгим глотком, отставил кружку и вышел из магазина, не проронив ни слова.

Я наблюдала за ним через стекло до тех пор, пока он не скрылся из вида, и все пыталась убедить себя в том, что он просто меня разыграл. А затем... возможно, это всего лишь мое воображение, но я готова поклясться, что видела, как следом за ним сквозь стекло пролетело нечто зеленое.

День становился все более и более интересным.

...Теперь, когда я произнесла это вслух, стало ясно, что последняя строчка никуда не годится. Если хотите, можете подать на меня в суд. Но скажите, я солгала насчет рассказа профессора?

Я привела все в точности так, как он говорил, почти слово в слово. Вспомним, однако, что профессор Джей славится своим причудливым

чувством юмора, и есть у меня подозрение, что в тот день он меня все же надул. Хотя мне и почудилось нечто зеленое. Видите, какая я доверчивая? Теперь дайте передохнуть...

...Ужасно хочется пить. При мысли о еде меня начинает подташнивать, но я бы убила кого-нибудь ради одного-единственного глотка воды. Тупая боль не отступает, вдобавок я лежу на бетоне, который заставляет меня потеть. Кажется, что ноги сейчас хрустнут и отвалятся из-за всего этого жуткого веса. Но об этом лучше не думать. Слава богу, что хоть грудь и голову не придавило. Если я сосредоточусь на чтении, мне удастся, возможно, забыть об этом кошмаре, хотя бы на время. Ладно, моя воображаемая аудитория снова со мной...

На следующее утро мы открыли магазин, все как обычно. Но через двадцать минут пришла Тара и нашла на ступеньках двух рыб: еще одну камбалу и - как она это назвала - радужную макрель. Она сказала, что эта самая макрель обитает гораздо южнее нашей широты. Листательница, услышав ее слова, слегка побледнела.

Я нутром чуяла, что Эйбрахам и профессор Джей сегодня не присоединятся к нам, и оказалась почти права. Они все же пришли, но пробыли с нами недолго, лишь до тех пор, пока не услышали о сегодняшней бесплатной доставке. Джей пробормотал нечто в том духе, что «все это неслучайно», и разразился проклятьями. Он уехал быстрее, чем я успела бы произнести «удачного колдовства!». Впервые в жизни я увидела его машину.

Эйб страшно разволновался и практически выбежал из магазина. А Листательница, благослови ее Бог, попросила меня догнать его и узнать, в чем тут дело. Тем самым она принесла немалую жертву, потому что количество посетителей уже требовало свистать всех наверх.

...Да, я действительно переборщила с морскими мотивами...

Спринтером меня назвать трудно, так что Эйба я догнала только через четыре квартала. Да и то «догнала» в данном случае означает, что я остановилась и из последних сил крикнула:

- Пожалуйста, постойте, доктор!

Эйб замер, повернулся и нахмурился, увидев, что я ковыляю ему навстречу.

- Спасибо, - произнесла я, задыхаясь, - что подождали.

- В чем дело, Эми? - он выглядел раздраженным.

- Мы... - тут мне пришлось прерваться и глотнуть воздуха, - простите, мои легкие к такому не приспособлены. Мы с Листательницей о вас беспокоимся. Почему вы сбежали?

На какое-то мгновение мне показалось, что он и сейчас убежит.

- Дорогая моя, находиться рядом со мной куда опаснее, чем ты можешь представить. Так что спасибо за заботу, но тебе пора

возвращаться обратно. Прямо сейчас.

- Почему?

За ним что, тоже гоняются пчелы?

- Я не вижу ничего страшного, если только бесплатная доставка рыбы не превращает ученых в маньяков-убийц. И потом, если вы в опасности, я не могу вас так просто оставить. - Ну, вот, мне пришлось немного соврать.

Он оскалился, и на улыбку это вовсе не походило.

- Несмотря на мой возраст, я смогу от тебя убежать.

- Да, но я знаю, где вы живете. - Мы часто играли в шахматы у него дома.

Он огляделся по сторонам.

- Туше. Давай заключим сделку. Обещаешь все сохранить в тайне?

- Естественно. - Мое лицо приняло добропорядочное выражение.

- Ладно. Ты уйдешь, если я объясню тебе, в чем угроза?

- Да, если я никак не смогу вам помочь.

- А ты и не сможешь. По правде говоря, мне действительно стоит проинформировать об этом кого-то еще, кроме... э... узкого круга лиц, с учетом того, что последствия оказались более значительными, чем я представлял. Проблема возникла в результате моей работы.

Я знала, что он любит поговорить.

- Никогда не подумала бы, что теоретическая физика - рискованное занятие.

Он криво усмехнулся.

- Наш проект продвинулся намного дальше чистых предположений. Недавно мы создали конструкцию или, если угодно, устройство, которое подтверждает кое-какие теории.

- Теории?

Что бы его ни тревожило, он все равно оживлялся все больше и больше по мере погружения в свою любимую тему.

- Мы начали с того, что решили опровергнуть теорию Большого Взрыва. И сделали другой вывод из общеизвестных астрономических наблюдений. Небесные тела, такие как звезды и галактики, движутся тем быстрее, чем дальше они находятся от наших телескопов. Учитывая расстояние, мы положили в основу преобразование массы в энергию, поскольку эти тела движутся со скоростью, близкой к скорости света, образуя таким образом границу нашего пространства-времени. Хотя уничтожение космоса с последующим воссозданием и возможно, мы сочли эту идею слишком незелегантной. Поэтому далее мы предположили, что энергия, возникающая в результате преобразования, возвращается от границ к Вселенной в целом, где превращается в свободную материю.

- Вы говорите об установившемся состоянии?

- Да, но не в том смысле, в котором понимали его Голд, Бонди, Хайл

или Фагерквист. Рад, что ты знакома с этим термином, хотя лично я предпочитаю называть это «непрерывным созиданием».

- Так как же машина...

- Выслушай меня до конца. После этого мы спросили себя: каким образом может возвращаться эта энергия. После долгих расчетов и размышлений я решил, что на границе катаклизм должен быть достаточно интенсивен, чтобы открывать некий путь к внешнему множеству измерений и проталкивать преобразованную материю за пределы нашей Вселенной. Затем я предположил, что чужое пространство не сможет взаимодействовать с этой энергией и возникающее в результате противодействие... э... вернет энергию в материальное состояние. Учитывая тот факт, что внешние измерения не могут удерживать материю, структура которой является отражением нашей реальности, получается, что конденсат в результате возвращается в наше пространство. Я назвал этот цикл тау-процессом.

Хватайте тазики, девочки, с небес льется материя.

- Изящная концепция, доктор. Но где же опасность?

Он бросил на меня строгий взгляд.

- Терпение. Если теория тау-процесса верна, стоит также рассмотреть и распределение возвращенной материи.

- А стоит ли?

- Тогда давай немного порассуждаем. Если материя попросту вернется к исходной точке, наша Вселенная рано или поздно превратится в огромную пустую сферу с тонкой колеблющейся оболочкой, а это не укладывается в нашу гипотезу непрерывного созидания. Если материя будет возвращаться в одну и ту же точку, там неизбежно возникнет черная дыра колоссальных размеров, что опять же не соответствует нашей центральной концепции.

- Понятно, но разве это не походит на подготовку к новому Большому Взрыву?

Несколько мгновений он смотрел на меня со смесью удивления и одобрения.

- Ценное замечание. Я уже не раз говорил, что твоя текущая должность, возможно, не позволяет тебе раскрыть весь имеющийся потенциал. Как бы то ни было, мы отошли от традиционной теории и стали рассматривать альтернативы, но не ради того, чтобы вернуться обратно, едва столкнувшись с трудностями. И кроме того, что же, по-твоему, должно вызвать взрыв этой гигантской черной дыры? Мы предположили, что две рассматриваемые реальности выровнены или, наоборот, смещены относительно друг друга таким образом, что возвращающаяся материя распространяется весьма широко, что, в свою очередь, позволяет протестировать правильность всей модели на практике.

- Вот о чем я действительно желаю услышать.

- Сейчас услышишь. Если тау-процесс продолжается вечно или хотя бы парочку квадриллионов лет, каждая частица в нашей Вселенной уже должна была так или иначе пройти через наше теоретическое гиперпространство множество раз.

- Ух ты. Интересная складывается картина...

- Так не логично ли будет предположить существование некоего накопительного эффекта, вызванного таким количеством переходов?

Я пожала плечами.

- Да как мне... а, черт, разжуйте, пожалуйста, и эту часть.

Какое-то мгновение он выглядел раздраженным, но все же продолжил:

- Учитывая рассматриваемый отрезок времени, каждая частица, дошедшая до наших дней, должна была когда-то побывать в черной дыре, а после освободиться, когда эта дыра достигла границы трансформации.

Я начала упускать нить разговора и потому просто кивнула. Он наклонился ко мне.

- Наконец, рассмотрим запутанность квантовых состояний. Ты знаешь, что я имею в виду под «запутанностью»?

- Конечно, я ходила на физику - на курсы в средней школе и на «физику для гуманитариев-невежд» в колледже. Это когда две субатомные штучки влияют друг на друга, несмотря на то что находятся в разных часовых поясах.

Он фыркнул.

- Забавно, но довольно близко к цели. Одна из моих коллег - она специализируется на запутанности - считает, что условия внутри черной дыры способствуют возникновению огромного числа запутанных сущностей, то есть этих твоих «штучек». Она предположила, что такие сущности остаются запутанными на протяжении всего тау-процесса. И более того, связаны они через гипервселенную.

- Постойте-ка, - я пыталась привести свои мысли в порядок. - Вы хотите сказать, что каждая частица в нашей Вселенной как-то... связана с этим другим измерением?

Он изобразил аплодисменты.

- А также, пусть незначительно, связана через вторую вселенную с любой другой частицей! Теперь ты знакома с нашей рабочей теорией, - он смотрел куда-то вдаль, сквозь меня. - Мы создали чисто математическую модель нетронутого атома углерода и сравнили ее с реальным атомом. С учетом того, что небольшие различия могло внести огромное число тау-циклов, мы вычли возмущения и получили частоту тау, которая, как мы надеялись, имеет отношение к сути гипервселенной.

- Я все еще с вами, ну, или вроде того.

Он заговорил быстрее.

- Затем мы послали луч когерентного света через линзу, содержащую сверхохлажденный конденсат Бозе - Эйнштейна, замедляя свет до скорости улитки и давая фотонным волнам взаимодействовать с магнитным полем, колеблющимся на частоте $\tau\omega$. Пройдя через линзу, свет достиг цели - заряженного диска из цезия. Повторив эксперимент с другим диском, но без колебаний, мы надеялись увидеть различия между состоянием возбуждения наших двух целей, потому что часть фотонной энергии предположительно могла исчезнуть в гиперпространстве.

Я поняла примерно треть.

- И что же случилось?

- Результат оказался, мягко говоря, неожиданным. Мы установили различные сверхчувствительные детекторы для измерения энергетических колебаний, включая инфракрасные датчики и наш недавно разработанный ДГГ - ты помнишь, как я рассказывал об этом устройстве? Я горжусь им.

Не мешает послушать еще. Я слышала это всего пару тысяч раз.

- Конечно, ваш гравитационный нюхач и локатор потерявшихся киск.

Он даже не улыбнулся.

- Именно. Но когда мы провели первый эксперимент с нашим $\tau\omega$ -генератором, цель попросту исчезла.

- Правда? То есть она... дезинтегрировалась?

- Не в моем понимании этого слова. Если бы от нее остались молекулы или даже атомы, мы бы их засекали. Но не осталось вообще ничего. Очевидно, мы смогли проделать дыру, ведущую в другую вселенную.

- Хм... но вы же вроде сказали, что наша материя там не задерживается?

Впервые с начала объяснений он снова занервничал.

- Так и есть.

- Значит, диск просто возник снова в вашей лаборатории?

- Едва ли. Мы даже представить себе не могли, где он «возникнет», но предположили, что местоположение задают векторы его бесчисленных запутанных квантов. Он мог появиться в любой точке пространства и, насколько мы знаем, времени.

Он уже волновался настолько, что я не стала просить дополнительных пояснений.

- Очаровательно, Эйб. Значит, вы так и не нашли свой диск?

- Именно поэтому мы повторили процедуру с GPS-передатчиком. Водонепроницаемым, на случай если он возникнет на Земле - что казалось нам маловероятным - и попадет в воду.

- Умно. Ну и как?

- Устройство, к нашему восхищению, действительно возникло на

Земле, в пятидесяти километрах к востоку от Монтевидео и совершенно определенно в воде. Из этого мы заключили, что частицы с наибольшей запутанностью... э... связываются с относительно близким участком пространства-времени.

- Круто! Я чувствую запах «нобелевки». Разве вы не изобрели первый в мире телепортатор?

- Это вышло случайно, - пробормотал он. - Впрочем, ты довольно точно передала настроения, овладевшие мной на прошлой неделе. - На его лбу блестели крошечные капельки пота.

И как же все-таки вся эта физика связана с нашей рыбкой?

- Хотите сказать, телепортатор перестал работать?

- Вообще нет. Постепенно мы научились даже управлять эффектом, пропуская через наш тау-генератор вторичные импульсы, разбрасывая новые GPS-передатчики и наблюдая за тем, где они появляются. После двухсот пятидесяти шести попыток мы смогли передать объект из нашей лаборатории в другое место с точностью до сантиметра.

- Ничего себе.

- Во время этих экспериментов мы - опять же случайно - обнаружили, что процесс в некотором роде можно обратить вспять. Я вижу, что ты озадачена, да и мы, честно говоря, озадачены не меньше твоего, хотя и подозреваем, что это также связано с квантовой запутанностью. В общем, оказалось, что если телепортируемый объект возникнет в точке, занятой материей более плотной, чем газ, количество этой материи, соответствующее массе цели, вернется в лабораторию. Что-то вроде равноценного обмена.

- Вот это я понимаю! Так, значит, вы даже можете телепортировать удаленные объекты без их ведома? Почему же вы не танцуете на радостях посреди улицы?

Он вынул платок и протер лоб.

- Мои восторги закончились в субботу днем. Я находился дома, расположился с удобством и праздновал, с удовольствием планируя опыты для следующей недели. И тогда мне позвонила Шерри Сабин. Она сказала, что Бен Хольцкокер, один из основных участников моего проекта, пропал. Шерри - его ассистентка.

- Пропал?

- Именно. Он не вышел в свою смену в субботу. Не брал телефонную трубку, его мобильник не отвечал, хотя мы договаривались оставаться на связи, ведь перед нами раскрылась совершенно новая область. Когда Шерри - у нее есть запасные ключи - приехала к дому Бена, она увидела, что его «хонда» на месте, а самого нигде нет. Я не слишком-то беспокоился до тех пор, пока Шерри не перезвонила мне час спустя. Она решила связаться с остальными членами нашей команды и обнаружила еще два необъяснимых исчезновения: у Али Кингсли пропал щенок, также исчезла - что лично мне показалось куда более

значительным - Мейлинь Чу, наш старший инженер.

- Так вы...

Он поднял вверх палец.

- Я выявил опасную закономерность. На протяжении большинства экспериментов в непосредственной близости от генератора находились лишь двое: Бен и Мейлинь. А Али частенько оказывалась рядом с ними.

- И как, есть с тех пор новости?

Он помрачнел.

- На этой неделе мои коллеги не пришли в лабораторию и теперь официально числятся в полиции пропавшими без вести. Не вернулась и собака. К тому же мои товарищи начали жаловаться на то, что возле них или в тех местах, где они часто бывают, стали неожиданно возникать разные предметы. Этим утром Али позвонила мне и сказала, что ее любимая ваза исчезла прямо у нее на глазах. Ну как? Звучит угрожающе?

- Не совсем, - на самом деле по моей коже пробежали мурашки. - Если виной всему ваши эксперименты, то что, как вы полагаете, происходит?

- Я вижу два варианта, - он отступил в сторону, и мы пропустили нескольких пешеходов. Разговор не возобновился до тех пор, пока они не отошли на порядочное расстояние. - Скорее всего, мы вызвали некий... э... последовательный сдвиг гиперизмерений, подвергнув воздействию частоты тау не только целевые объекты, но и наши тела. Нечто вроде слышимых квантовых колебаний, которые могут возникнуть при пропускании сверхтекучей жидкости через достаточно маленькое отверстие.

- Все, я потерялась. Но все эти разговоры о сдвиге навели меня на мысль о пузыре воздуха под плохо наклеенными обоями. То есть убираешь пузырь из одного места, а он возникает...

- Я понял суть аналогии, и это вполне подойдет. Важно здесь то, что люди и, возможно, объекты, подвергшиеся интенсивному воздействию частоты тау, могут послужить связующим звеном для различных точек нашего пространства-времени. А в некоторых ситуациях - которые мы пока еще не можем предугадать - материя, похоже... э... проваливается в дыру.

Я наконец его поняла, и смысл его слов мне не понравился.

- То есть вот этот кусок мостовой справа от вас может оказаться порталом в Тасманию?

- Или в Сингапур, или на Луну, или на тысячу километров под поверхность земли. И этот «кусочек» может возникнуть прямо у тебя под ногами.

Я инстинктивно отступила на шаг и посмотрела на мостовую.

- Плохи дела... Ладно, вы сказали, что таково наиболее вероятное

объяснение всего этого волшебного шоу. А как насчет другого объяснения?

Его лицо приняло какое-то странное выражение.

- Возможно, гипервселенная обитаема, и нечто, потревоженное нашими экспериментами, просто... рыбачит.

Я промолчала, и он продолжил говорить тем же задумчивым голосом:

- Взаимодействовать с чужими измерениями нелегко. Все равно что пришивать пуговицу, наблюдая за своей работой через зеркало, сквозь калейдоскоп и висеть при этом вверх ногами. На самом деле, конечно, все на порядок сложнее, - он кисло улыбнулся. - Ну что, готова теперь уходить?

- Да. Думаю, мне пора возвращаться в магазин, - я не предложила ему вернуться вместе со мной.

...Знаю, о чем вы подумали. Если бы я поработала над рассказом как следует, мне пришлось бы существенно сократить объяснения Эйба. Между нами говоря, я не собиралась приводить такой длинный диалог, но, когда я придумывала эту часть, мне показалось, что я упускаю нечто важное. Поэтому я пустила все на самотек в надежде на то, что это нечто всплывет на поверхность. Увы, оно так и не всплыло - ни тогда, ни сейчас. В любом случае, пора вам отгадать, в каких местах эта история отклонилась от истины.

Ха! Знайте же, я снова вас одурачила. Все, что касается телепортации - стопроцентная правда. Я повторила все объяснения дословно или, по крайней мере, чертовски близко к оригиналу. Я не солгала даже там, где Эйб оставил свой кофе и выбежал из магазина.

Однако я соврала насчет его мотивации. На самом деле второе пришествие рыб никого не напугало, потому что я его выдумала. Эйб сорвался с места, потому что его осенила идея насчет очередного эксперимента с частотой тау. Он поспешил домой, после чего запрыгнул в машину и жег покрышки до самой лаборатории. А Листательница послала меня за ним, потому что нам обоим стало интересно, из-за чего он оставил наше недешевое варено. Наш диалог я передала практически без искажений, только Эйб не особенно нервничал, скорее, он просто проявлял нетерпение. Кстати, он действительно рассказал мне о «Деле пропавших ученых», которые ушли в самоволку. Но упомянул о них, лишь когда объяснял, почему он не может дозвониться до Бена Хольцкокера и заставить того провести новый эксперимент. Эйб понял, что у Бена с Мейлинь есть веская причина исчезнуть - оказалось, что они любили друг друга и сбежали вместе.

Да, и никаких пропавших щенков. Всякую всячину про раскрывающиеся порталы и, конечно же, про межгалактических рыбаков я тоже выдумала.

Думаю, в следующий раз вам повезет. Постарайтесь слушать

внимательнее.

* * *

Вся эта история, конечно, меня потрясла. Особенно пугающе прозвучал рассказ о его пропавших коллегах, хоть я и не разобралась до конца со стоящей за этим теорией. Я, конечно, не физик, но мне показалось, что Эйб как-то слишком уж спешит делать выводы - а это все равно что прыгать на костылях. И все же я боролась с желанием обернуться. Обернуться, чтобы увидеть его исчезновение или, напротив, появление рядом с ним какой-нибудь странной сущности - не знаю, что именно напугало бы меня больше.

В магазине наплыв покупателей захлестнул Листательницу и Пола уже почти с головой, поэтому мне пришлось потрудиться, прежде чем я смогла поговорить с ней. К середине дня волна схлынула, и я довольно поверхностно отчиталась перед начальницей. Я помнила о просьбе Эйба оставить все в тайне, к тому же мне не хотелось особенно вникать во всю эту историю.

Завсегдатаев у нас негусто, но зато они проявляют редкостную верность своим привычкам. Тара сидела на своем обычном месте, словно ухоженная домашняя кошка, и слушала, как Серж и Дасти перебрасываются идеями насчет загадочной рыбы. Серж наконец-то оторвался от своей игрушки и заинтересовался текущими событиями. Дасти умничала, цитируя целые страницы из старых книг, написанных неким Чарльзом Фортом⁶. Она считала, что появление на нашем пороге морских обитателей сродни дождю из лягушек. Похоже, что в историю о жуках-эльфах, рассказанную Джемом, она не поверила.

Для бывшего библиотекаря Серж выдвигал довольно дикие теории. Не думаю, что он воспринимал их всерьез. Тем не менее в доказательство каждой из них он приводил набор неких пунктов, отмечая их в воздухе указательным пальцем. Таким образом можно доказать - или опровергнуть - все что угодно, начиная со смерти Пола Маккартни и заканчивая фальсификацией записей о высадке на Луну или даже существованием жуков-эльфов. Для того чтобы в таких случаях увидеть обман, зачастую потребуются хорошая осведомленность или приличное образование.

Одна из наиболее причудливых теорий Сержа гласила, что Листательница на самом деле полубогиня, дочь Посейдона. А рыба приплыла сюда из дальних вод, после чего выкарабкалась из моря и

⁶ * Чарльз Форт (1874-1932) американский публицист, составитель справочников по сенсациям, предтеча современного уфологического движения.

проползла на плавниках до самого магазина, движимая сильнейшим религиозным чувством.

Ради такой идеи Дасти даже поделилась с нами одной из своих редких улыбок, а я заметила, что камбала, оба глаза которой находятся на спине, скорее всего, заблудилась бы по дороге. Сержа мой аргумент совершенно не смутил, и он привел следующие доводы:

Почему облик Листательницы так часто меняется?

Я и не знала, что кто-то еще, кроме меня, это заметил.

Почему она всегда носит только синее или зеленое?

Почему из всех маленьких книжных лавок «Листатель» - единственный успешный магазин на десять миль окрест?

Почему Листательница так разволновалась при появлении рыбы? Боялась, что ее истинную сущность раскроют?

Этот пункт меня удивил. Не думала, что он обращает внимание на что-то еще, кроме продукции компании Apple.

Почему книг по мифологии у нас больше, чем в «Барнс энд Ноубл»?

Почему Листательница уделяет такое внимание продаже высококачественных - театральная пауза - жидкостей?

Под которыми, как я понимаю, он имел в виду кофе.

Он приводил и другие аргументы, еще менее веские - все эти вопросы вполне можно было бы счесть за забавную разминку для ума и не более.

Все, кроме одного.

Что же на самом деле ее беспокоило?

Когда появилась возможность, я задала свой вопрос напрямую, и это потребовало куда больше мужества, чем вы думаете. Листательница - хороший человек и отличная начальница, но она очень замкнута. За те четыре года, что я с ней проработала, она ни слова не сказала о своей личной жизни и избегала даже самых невинных вопросов.

Вот почему ее реакция меня ошеломила - она огляделась по сторонам, увидела, что пылающие костры покупательских нужд успешно погашены, и сказала Полу, что мы отойдем на пару минут. Затем взяла меня за руку и практически утащила в кладовку, которую мы называем «буфетной».

- Эми, я не желаю, чтобы об этом узнала еще хоть одна живая душа. Мне следовало бы уже все тебе рассказать, но я не хотела, чтобы ты волновалась.

Она опустила на табуретку, а я оперлась о пустой стеллаж.

- О чем ты говоришь?

- Послушай, дорогая. Давным-давно, еще в 1989 году, я работала консультантом в абортарии. Я не стыжусь этого. Думаю, мне удалось спасти много жизней, включая и жизни детей, чьи матери не видели поначалу иного выхода.

- Ты же знаешь, что я не возражаю против абортов. Ну, или, по

крайней мере, знаешь теперь... В любом случае я бы не стала тебя осуждать.

- Это действительно трудный вопрос, пусть радикалы и склонны игнорировать сложности. - Она помолчала. - Одна группа... черт, да целая банда борцов с абортами преследовала меня не переставая.

- Что, настоящие фанатики?

- Я думаю, что и фанатики сочли бы их действия слишком экстремистскими. Они фотографировали меня на улице и дома, редактировали фотографии, чтобы я выглядела уродиной, и выкладывали эти снимки в Интернете вместе с ворохом моих личных данных. Они практически призывали людей нападать на меня.

- Ужасно, наверное. Прости, что заставила тебя вспомнить.

- Это еще не все. Несколько месяцев спустя они начали пачкать мою машину экскрементами и оставлять у меня на крыльце булки, измазанные фальшивой кровью. Стали звонить по десять раз за ночь. А когда я перестала брать трубку, они принялись оставлять свои гневные речи на автоответчике. Я не ушла с работы: ты знаешь, какой я бываю упрямой. Тогда они взялись преследовать меня - в продуктовых магазинах, на заправках, повсюду. Да, я сообщала об этом в полицию, но копы ничего не смогли сделать. Мне противостояла целая разветвленная сеть, а я не сумела дать полицейским ни одного имени для судебного запрета.

- И что же ты сделала?

- Я начала бегать от них, и каждый раз, когда мне удавалось скрыться, старалась сохранять инкогнито как можно дольше. Выработала чудную привычку постоянно менять свою внешность. Выворачивала наизнанку одежду и изменяла макияж, когда меня никто не видел. Стала носить шляпы и темные очки. Я меняла даже лицо - выпячивала челюсть, втягивала щеки, слегка поднимала брови, - в общем, делала все, что приходило на ум. Я и сейчас продолжаю вести себя так же, уже по привычке.

У меня отвисла челюсть. Никогда не подумала бы, что она меняет свою внешность сознательно.

- Замечала ли ты, что у всего есть... зерно? Зачастую его стоит извлечь, а иногда лучше и не пытаться. В данном случае мое сопротивление лишь убедило этих придурков в том, что они правы. И в итоге я сдалась. Господи, я ненавидела их за это, но в девяносто четвертом, когда какая-то психопатка по имени Сальви начала отстреливать тех, кто занимался абортами, я решила, что с меня хватит. Я забрала наследство и все свои сбережения, переехала сюда и открыла магазин.

Я вскочила.

- Постой-ка! Ты хочешь сказать, что сейчас, когда прошло уже больше двадцати лет, они нашли тебя здесь?

- Месяц назад мне позвонили. Кто-то сказал «привет» и начал проклинать меня, на чем свет стоит, обещая, что я буду вечно гореть в аду за свои прегрешения.

- Но послушай, это еще не значит, что рыбу прислали именно они. Профессор и Эйб утверждают, что это связано с ними. И доводы у них, надо сказать, весьма потусторонние.

- Нет, все дело во мне. Я надеялась, что фанатики отстанут, когда я уволюсь, но, похоже, эти люди из тех, которые никогда ничего не прощают.

- Но почему рыба?

- Помнишь булочки? Хлеб и рыба. «Иисус не любит тебя», - вот что они хотят этим сказать.

- А я говорю - к черту их!

Для меня это было довольно сильное заявление. Обычно я предпочитаю выражаться максимально корректно и излучать положительные флюиды. Я опустила взгляд и увидела, что мои пальцы сжались в кулаки.

* * *

Той ночью мне не спалось. Откровения Листательницы поразили меня и заставили вскипеть мою шотландскую кровь. Уже перед самым рассветом я поняла, что заснуть мне не удастся, и решила прогуляться до магазина, чтобы выпустить пар. До открытия оставалось еще много времени, но я решила устроить засаду и захватить подозреваемых на месте преступления. Я и понятия не имела, что буду делать дальше, но это не помешало мне залить в термос горячего какао, одеться в черное и выйти из дома в туманную тьму, густую как гороховый суп.

Всего несколько раз мне доводилось доходить до магазина пешком, и никогда еще я не делала этого в таком тумане. Сделав пару шагов, я решила пойти по дороге, на которой точно не заблужусь: к пляжу, затем налево и прямо до тех пор, пока не наткнусь на большую стоянку. Потом снова налево, еще три квартала - и я у «Листателя». Не знаю, как я разглядела бы этих фанатиков - если только кто-нибудь из них не наступил бы мне на ногу, - но сдаваться я не собиралась. Путь до океана занял целую вечность. У берега туман, к моему удивлению, истончился, и я смогла видеть метров на сто вперед. Поэтому-то я и заметила два длинных и тонких предмета, прислоненных к перилам. Подойдя ближе, я разглядела костыли Тары.

Она что, гуляла тут и упала за низкое ограждение? Или совершила самоубийство?

Я разволновалась и бросилась к ближайшей лестнице - одной из тех лестниц, которых я обычно остерегаюсь, потому что они вьются вокруг

скалы и состоят из шатких деревянных ступенек. В небе висела полная луна, но туман не давал ей высветить пену и гребни волноломов серебристым сиянием. Свет рассеивался, приобретая цвет олова.

Но и этого оказалось вполне достаточно.

Я остановилась на полпути и замерла.

На мелководье плавали девять крупных существ, покачивавшихся на волнах. Сначала я приняла их за дельфинов, но после заметила отсутствие спинных плавников.

Тара, одетая безумно легко, стояла на пляже, словно не чувствуя холода, и громко разговаривала, хотя рядом с ней никого не было. Теплая одежда лежала на песке, а пока я смотрела на нее, Тара сняла и белье. Грудь у нее оказалась лучше, чем у меня, зато ее тело от живота до голени покрывал короткий серый мех. Жутко деформированные ступни загибались внутрь.

Вперед выплыли четыре существа. Двое - тюлени - держали в зубах живую рыбу. Двое других встали, достигнув берега, и я поняла, что передо мной люди. Толстые, но лоснящиеся и покрытые мехом, как Тара. Вместо ступней я разглядела ласты, которые свернулись, имитируя человеческие конечности, стоило им ступить на песок.

Тюлени наклонились и выложили свою рыбу. Мужчины проковыляли к Таре, переваливаясь как утки, после чего обняли ее и завели негромкую беседу.

Что это за чертовщина? - подумала я. Может, она работает с каким-то морским спецназом... и с тюленями... и все это - какой-то дикий генетический эксперимент, который...

...Извините, кажется, я прикорнула. Сейчас я проснулась и готова продолжить. Странно. Я помню, где мы остановились, до конца осталось уже совсем немного. Мне пора бы браться за дело и закругляться, но я чувствую некую... незаконченность. Я все думаю о достижениях Эйба и еще кое о чем - могу рассказать, если обещаете не волноваться.

Кажется, дело плохо. Мне трудно дышать, то есть еще труднее, чем раньше. Думаете, у меня кончается воздух? Прекрасная мысль. Я считала, что до меня как-то добирается кислород, но похоже, я просто вдыхала тот воздух, который накопился в подвале. Когда он закончится - мне конец.

Только не надо принуждать меня к каким-нибудь действиям. Что я, по-вашему, могу сделать со здоровенной балкой, придавившей мои ноги и правую руку? Мне даже подумать об этом больно.

А может, мне еще повезло. Не так, конечно, как моим соседям, Сью и Рою, которые прекрасно проводят время в Пуэрто-Вальярта и хотят, если верить открытке, чтобы я тоже оказалась там. Но если бы я не занималась стиркой в тот момент, когда началось землетрясение, меня бы, наверное, раздавило. Думаю, что стиральная машинка или

сушилка спасли меня от рухнувшего потолка, приняв на себя большую часть...

Ой-ой. Кажется, я снова вырубилась. Есть у меня подозрение, что вскоре это произойдет еще раз, и тогда я уже не вернусь. Я пробовала кричать, молиться и просто ждать, но скажи мне, мой воображаемый друг: разве меня не должны бы уже спасти? Не значит ли это, что рухнул весь дом и все уверены, что мне крышка? Или землетрясение было настолько сильным, что спасателей на всех не хватает? А если мои знакомые не пострадали, то придет ли им в голову, что я заперта тут, в подвале? Например, моей начальнице, или Полу, или Эйбу, или...

Эйбу. Конечно же, Эйбу! *Хеллмабоаб*, как сказала бы моя мама, то есть нечто вроде «боже милостивый», только куда более сочно. Знаю-знаю, я заболталась, но это, друг мой, от волнения!

Как я могла все это время находиться столь близко к разгадке и не находить ответа? Доктор Фрейд, наверное, сказал бы, что все дело тут в подсознании. Смотрите, что я сделала: я собрала все свои недавние воспоминания и склеила из них историю. Историю, в которой почти все детали, кроме одной, имели отношение к делу. И знаете, что это за деталь? Гравитационный детектор Эйба! Раз за разом я вспоминала о нем без всякой видимой причины. А потом, помните, я все трепалась насчет экспериментов с частотой тау и никак не могла переключиться на другую тему. Теперь понимаете? Мое подсознание пыталось - пусть и недостаточно явно - донести до меня одну мысль. Видите ли, я и есть этот «котенок в колодце»! И Эйб, возможно, сумеет вытащить меня отсюда.

Да, знаю, мои шансы невелики. Все равно что обыграть Каспарова или Капабланку в их лучшие годы. Вернее, не просто обыграть, а поставить им мат в три хода. И все же подбодрите меня. Давайте предположим, что Эйб как-то поймет: я нахожусь здесь, и никто не может до меня добраться. Если это действительно так... выслушайте меня... тогда, возможно, телепортатор Эйба вытащит мое тело, если гравитационный детектор определит координаты. И не смотрите на меня так. Разве не стоит попробовать? Помните, что нужно детектору, чтобы заметить мокрую кошку? Движение.

Не смейтесь, я все же могу двигаться. Свободна, конечно, лишь левая рука, но, может, этого будет достаточно, чтобы хоть чуть-чуть покачать все мое тело. Котенок в колодце тоже ведь не сможет особенно разгуляться. О да, будет больно. Если у вас есть другие предложения, сейчас самое время их высказать. Нет? Ну, тогда буду все делать по-своему. Простите уж, что придется немного покричать.

О господи, это еще больше, чем я думала. Едва ли удастся про...

...Привет, мой воображаемый друг. Сестра Рэтчед только что выключила свет и пожелала мне сладких снов. Но спать мне не хочется, поэтому пора снова вызвать тебя. Возможно, в последний раз.

Не то чтобы мне очень хочется сейчас все это заканчивать. Просто мне нужно как-то привести свои мысли в порядок, чтобы рассказать Эйбу, каково это - прокатиться через другую реальность. Вы понимаете, что я - первый человек, совершивший такое путешествие? Эйб, конечно, здорово рискнул моей жизнью, но с учетом обстоятельств он просто решил, что шансов у меня все равно мало. Как я и боялась, спасатели не смогли бы меня откопать без подъемного крана, а все краны к тому времени уже разгребали завалы в центре города. Похоже, наши дома не справились с какими-то семью с половиной баллами.

А, вы хотите знать, каково это - телепортироваться? Скажу прямо: это феерично. Да-да, вы не ослышались.

Не то чтобы я очень уж люблю всякую мистику. Тем не менее моя мама продолжает утверждать, что я прямой потомок пророчицы по имени Коиннич Одар и что все женщины в нашей семье обладают экстрасенсорными способностями. Честно говоря, никогда не замечала, чтобы кто-то из нашей ветви клана Маккензи проявлял хоть крупицу скрытых талантов. Впрочем, есть у меня кузина, которая согнула ложку - она на нее села.

По отцовской линии сверхъестественных способностей тоже не больше, чем у квашеной капусты. И тем не менее я заявляю, что мне на помощь пришла частичка шотландского ясновидения, потому что Эйб пытался спасти меня именно в тот момент, когда я догадалась пошевелиться. Как я и надеялась, ему хватило лишь слабого колебания, чтобы в точности определить мое местоположение. Конечно, мне стоит списать это на чистое совпадение или на свое подсознание, но почему бы и не надеть лавровый венок, раз уж он все равно висит в моем шкафу?

На самом деле я весьма точно вообразила, как Эйб неистово крутит свой детектор пропавших котят и настраивает телепортатор. Поскольку никто точно не знал мою массу, эти «ботаники», усевшись за руль своего тау-такси, решили перестраховаться и наградить меня в своих расчетах крайней степенью ожирения. В результате они перетащили не только меня, но и весомый кусок бетонного пола, служившего мне постелью. Впрочем, вряд ли владелец дома будет кому-то жаловаться.

Думаю, вы уже заметили, что я несу всякую чепуху, лишь бы отсрочить тот момент, когда мне придется описать неопишваемое. Ладно, давайте приступим.

Эйб утверждает, что мое путешествие было «мгновенным», но он не прав. По крайней мере, не прав с моей точки зрения. Если меня и

протащило через другое измерение, я этого не заметила, зато увидела по-новому нашу Вселенную. На протяжении одного безумно долгого мгновения все будто бы... вывернулось наизнанку. Я заглянула внутрь бесконечных галактик и разделяющей их пустоты так, словно они находились внутри невыразимо прекрасного драгоценного камня. Почти как глаз Будды. Вселенная не имела определенной формы или размеров, она, конечно, не казалась ни маленькой, ни большой. Зато она выглядела... совершенной, и каждый электрон, каждый атом в ней находился на своем месте. И еще: очень, очень миролюбивой. Мой разум словно вздохнул и успокоился. Никогда еще не чувствовала такого умиротворения и не знала, что само умиротворение бывает настолько прекрасным. Я могла бы оставаться там вечно, и, наверное, какая-то часть меня там и осталась...

Знаю, о чем вы думаете. Эйба вряд ли устроит подобный отчет, но даже теперь, поговорив с вами, я не знаю, как сделать его более научным.

К тому же это все, что мне удалось вспомнить. Говорят, когда очутилась в лаборатории, я была без сознания. А очнувшись я уже в больнице, на этой койке, с капельницей. Оказалось, что у меня сломана нога, треснули четыре ребра и рука вся в синяках, но мне дают сильные обезболивающие, так что я чувствую себя не так уж плохо. Хуже всего пришлось моему языку - он пережил три дня без воды, поэтому потрескался и распух. Тут помогает лед. Я где-то читала, что люди умудрялись продержаться без воды больше недели. Не представляю, как им это удавалось.

Врачи - если вам это интересно - беспокоятся о двух вещах. Во-первых, из-за удара по голове мог повредиться мой мозг, но с этим пока вроде все в порядке (впрочем, постучать по дереву не помешает). Во-вторых, сломанная кость сдвинулась под неправильным углом, так что меня ожидают скальпель и новые феерические ощущения. Но лучше уж так, чем иначе.

Кстати, мне не одиноко. Листательница навещала меня уже дважды, а Пол с Эйбом - трижды. И между прочим, Листательница все-таки лучшая начальница в мире, потому что она обещала позаботиться о моей медицинской страховке. Эйб говорил, наши завсегда и еще не знают о том, что меня удалось вытащить единым куском, потому что магазин закрылся на ремонт. Жду не дождусь, когда уже выйду отсюда и начну свою жизнь заново. Это землетрясение здорово перемешало все побережье, и мы еще не скоро вернемся к нормальной жизни.

Что ж, рассказ, похоже, подходит к концу. Вы же знаете, что я не могла бы сочинить его самостоятельно, особенно историю Листательницы, которую, кстати, я нисколько не приукрасила. Что? Хотите знать, правдив ли эпизод про Тару, морских оборотней и спецназ?

Да ладно вам. Будьте серьезнее...

Перевел с английского Алексей КОЛОСОВ

© Rajnar Vajra. Page Turner. 2010. Печатается с разрешения автора.
Рассказ впервые опубликован в журнале «Analog» в 2010 году.

КАРЛ ФРЕДЕРИК

УЗКИЙ МИР

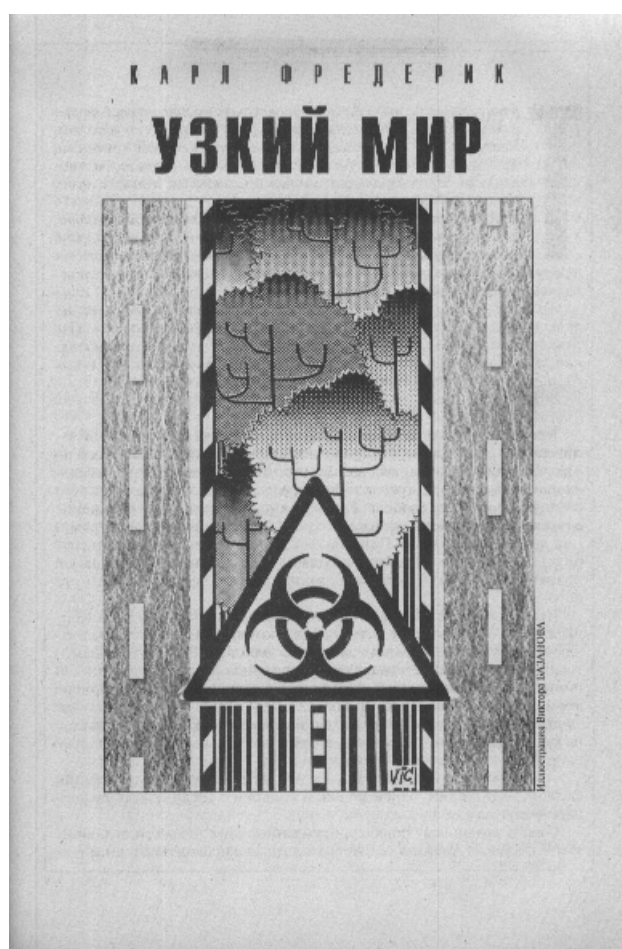

Иллюстрация Виктора БАЗАНОВА

Трава хороша на вкус. Крысы еще вкуснее, но приходится отрыгивать шерсть. Птицы также недурны. Однако их трудно поймать, и потом чаще всего они оказываются слишком крупными. Крысы прямо перед нами. А где им еще быть - разве только позади нас. Проголодавшись, мы бежим, ловим их, играем с ними, а потом едим.

С одной стороны от нас находится большая и широкая тропа, на

которой всегда много всяких дурнопахнущих вещей. Они большие и движутся так быстро, что нам не удастся пересечь тропу. С другой стороны располагается еще одна тропа, по которой вещи движутся в обратную сторону.

Большая-большая, яркая вещь со множеством отверстий в боках останавливается у края тропы. Из нее выходят крупные животные. Они двигаются на задних лапах и пахнут как самцы. У них блестящий и яркий мех. У них длинные передние лапы с огромными пальцами, они несут с собой какие-то предметы. Мы прячемся в высокой траве.

* * *

Когда пятнадцать минут назад автобус отъезжал от водородной заправочной станции, чтобы продолжить неспешный путь на север по Трассе 81X, Адриан принялся мечтать о том, как машина наберет скорость на этом прямом, подобно стреле, супершоссе и доставит его в Канаду, домой... к свободе. Глядя в окно, он видел в нем отражение собственного неоновно-оранжевого комбинезона, оранжевые отражения других пассажиров. Прижавшись носом к стеклу, он сконцентрировал внимание на темном грозном небе, зелени разделительной полосы и придорожном мусоре, занимавшем в данный момент его внимание.

Несколько недель назад Адриан поступил на первый курс Корнелльского университета - изучать экологию леса. А теперь стал заключенным исправительного заведения Эльмира. Он еще раз посмотрел в окно. Изучение экологии разделительной полосы шоссе... Он попытался улыбнуться идее, но так и не сумел этого сделать. Припав лбом к стеклу, Адриан плотно закрыл глаза.

Проснись! Проснись! Проснись! Когда автобус замедлил ход и наехал на край разделительной полосы, виброголосовая полоса подняла тревогу. *Проснись! Проснись! Проснись!*

- Все нормально, ребята, - крикнул офицер исправительной службы. - Выходим, берем мешки и коробки с обедом. Даю пятнадцать минут на еду.

Следуя заученному порядку, осужденные друг за другом вышли из автобуса. Сосед Адриана - Джейк спустился в проход между сиденьями, и Адриан последовал за ним. Джейку было за пятьдесят, однако двигался он так, будто уже разменял восьмой десяток. Взяв коробки с обедом и мешки для мусора, они вышли на свежий воздух. По указке Адриана оба устроились подальше от автобуса - насколько это можно было сделать без замечаний со стороны офицера исправительной службы.

Адриан разорвал упаковку на коробке, но Джейк на свою только

посмотрел.

- Ты в порядке? - спросил Адриан.

- Ага, насколько могу судить. - Джейк отодвинул коробку. - Просто в последнее время постоянно ощущаю какую-то усталость. Ничто не интересно... даже еда. - Он поглядел на небо. - Должно быть, погода виновата.

Адриан посмотрел вверх. На далеких грозовых облаках играли зарницы, но дождя еще не было, и казалось, что он начнется не скоро. Впрочем, на случай ошибки Адриан располагал пустым мешком для сбора мусора, который в случае чего можно было нахлобучить на голову.

Джейк, словно прочитав его мысли, проговорил:

- Зарницы. Черт! Как жарко-то. - Он ощупал свой мешок для мусора. - Но здорово, что мы выбрались на воздух. Шесть месяцев назад такую работу исполняли бы робомусорщики.

- Читал про них, - рассеянно отозвался Адриан, не проявляя стремления продолжать разговор. - Но под дождем они показали себя не настолько хорошо, как это предполагалось.

Джейк, нахмурившись, посмотрел на небо.

- Уродская нынче погодка, дождь льет в любой момент - просто когда захочет.

- Глобальное потепление.

- Как знать... Однако может оказаться, что до нас на эту разделительную полосу нога человека не ступала много-много лет.

Адриан собрал объедки и отправил их в мешок.

- Мы дешевле роботов-мусорщиков, - заметил Джейк. - А может быть, и смысленнее.

Адриан усмехнулся. Свежий воздух и обаяние Джейка просветлили его настроение.

- Должен заметить, - проговорил Джейк, - что на осужденного преступника ты не похож.

Адриан напрягся.

- Не в обиду сказано. - Джейк успокаивающе повел ладонью. - Надо думать, ты ни в чем не виноват.

Он бросил взгляд за спину, на белый автобус с буквами NYDOC, выведенными на его боку. Машину окружали занятые обедом заключенные в костюмах оранжевого цвета.

- Нью-Йоркская исправительная служба. - Он усмехнулся. - А есть ли среди нас вообще виноватые.

Адриан повесил голову:

- Похоже, я-то не без греха.

- Как это?

- Меня пригласили на вечеринку в общежитие, - проговорил Адриан, не поднимая глаз от травы. - Я еще никогда не уезжал далеко от дома -

и вот оказался в колледже. Мне предложили... э... косяк. И я почувствовал, что меня осмеют, если я его не попробую.

- И тебя арестовали.

- Ага. - Череда болезненных мыслей пробежала в памяти Адриана. - Дали три месяца. Я пропущу весь первый семестр. Как арестованный за употребление наркотиков. - Он медленно покачал головой. - Даже не знаю, как все это объяснить маме. Ужасная ситуация.

- Ты действительно невиновен, - сказал Джейк негромко.

Внезапная яркая вспышка выбелила небо, за ней последовал сокрушительной силы раскат. Адриан обернулся. Его примеру последовал и Джейк, но с куда меньшей энергией. На противоположной стороне шоссе прямо на их глазах вспыхнуло дерево, одна из его ветвей с треском повалилась на землю.

- Фига себе! - воскликнул Адриан, вскакивая на ноги. - Я еще не видел, чтобы молния ударяла так близко.

Со стонами, хрустя суставами, поднялся и Джейк.

- Лучше бы вернуться в автобус.

- А я не хочу, - с внезапной решимостью заявил Адриан.

Джейк оглянулся, и тут грянула вторая ослепительная вспышка, оглушительно ударил гром, а затем последовал взрыв.

- О боже! - воскликнул Джейк. Слово окаменев, он смотрел на охваченный бледно-голубым пламенем автобус. Заключенные, находившиеся ближе к машине, также взирали на внезапный пожар.

- Голубое пламя, - прошептал Адриан. - Должно быть, лопнул водородный бак.

- Ну да. - Джейк повернул к автобусу. - Пошли.

- Нет!

Джейк оглянулся и многозначительно посмотрел на Адриана:

- Существуют худшие места, нежели тюрьма минимального уровня безопасности.

- Я не намерен возвращаться, - пробормотал Адриан, комкая мешок для мусора. - Я... не могу смириться с таким положением.

Джейк кивнул.

- Пожалуйста, не говори никому, - взмолился Адриан.

Джейк на мгновение застыл.

- Я тебя не видел. - Он наклонился и с большим проворством, чем когда-либо подмечал в нем Адриан, подхватил свою коробку с обедом и перебросил молодому человеку. - Держи!

- Джейк, спасибо! - Адриан повернулся и, не выпуская из рук мусорного мешка, побежал по разделительной полосе на север, к небольшой рошце.

Спрятавшись между ветвей горных дубков, не растерявших листву к концу сентября, Адриан принялся наблюдать происходившее возле далекого автобуса. Все заключенные смотрели на машину и как будто

не замечали ничего другого. Около автобуса лежали две фигуры - оранжевых комбинезонов на них не было.

Адриан выдохнул, так и не осознав, что последние минуты не дышал. Пока его не хватились - во всяком случае, до сей минуты. Однако двигаться дальше он не смел: оранжевый комбинезон делал его столь же заметным, как праздничный фейерверк в честь Дня Канады.

Порывистым движением Адриан рванул вниз застежку-молнию ненавистного одеяния, знака его неволи. Высвободившись из комбинезона, он остался в трусах, носках и кроссовках. Рассеянными движениями сложил костюм, завернув штанины и рукава внутрь, превратив его в похожую на футбольный мяч ярко-оранжевую сферу.

Отправив скатанный комбинезон в мусорный мешок, он побежал со всей возможной скоростью - сперва пригнувшись, а потом выпрямившись во весь рост. Если его и замечали с дороги, то могли принять за свихнувшегося физкультурника.

Он бежал, пока не запыхался, а потом потрусил к ближайшей рожице. Выхода нет. Ему придется добираться до Канады в одном белье. Минуточку! Он взял мусорный мешок и вытряхнул оранжевый шар на траву. Зацепив черный пластик зубами, Адриан проделал в мешке дыры для рук и головы.

Облачившись, он оглядел себя. А неплохо! Правда, ремень пригодился бы.

Уже в гораздо лучшем расположении духа он с разбега отвесил пинок оранжевому шару, отправив его по высокой дуге. Комбинезон приземлился в траву, а потом выкатился на уходящую к северу полосу дороги. Со смешанным чувством Адриан провожал взглядом машины, гнавшие этот оранжевый мяч вперед. Да, тюремная одежда была ненавистна ему, однако теперь он остался в одних трусах и «рубашке» из мусорного мешка.

Когда последний след оранжевого шара растаял вдалеке, Адриан подхватил подаренный Джейком обед и снова побежал. Он ощущал себя свободным - пусть раздетым, но свободным. Адриан задумчиво улыбнулся. Он всегда мог сказать, что стал жертвой дурацкой студенческой шутки и потому оказался брошенным на середине шоссе. На бегу он наслаждался высоким и беспричинным восторгом, осеняющим бегуна. Его посещали видения, сулившие автостоп до самой границы. Там он уж как-нибудь проскользнет. Там несложно. Границу с Канадой до сих пор охраняли без особого рвения. А из Канады его не вышлют обратно. Одно плохо: в Корнелльский университет ему уже не вернуться.

- А какая разница? - выдохнул он вслух. Университет Торонто ничуть не хуже. А туда его, конечно же, примут.

Постепенно бег его замедлился до рысцы, потом - до шага. Продвигаясь на север по зеленой полосе между двумя непрерывными

потоками машин, Адриан хмурился, замечая разбросанные там и сям пластмассовые стаканчики и обрывки упаковок фаст-фуда - тот самый мусор, который должна была собирать его команда. Отвратительно, когда люди вышвыривают мусор из окна автомобиля. Он напряженно усмехнулся. Те самые люди, которые сделали возможным его побег.

Когда солнце опустилось к горизонту, Адриан вдруг ощутил не просто усталость - изнеможение. Возле небольшой рощицы, оазиса карликовых сахарных кленов, он остановился, чтобы обдумать ситуацию, понаблюдать, спланировать дальнейшие действия, отдохнуть и съесть Джейков ланч.

Сидя под деревом и прожевывая сэндвич, Адриан отсутствующим взглядом смотрел на несущиеся машины. Согласно знаку, им было разрешено двигаться со скоростью семьдесят пять миль в час. Адриан в уме перевел ограничение в более привычные единицы. Сто двадцать километров в час. Ого! И большинство автомобилей превышало скорость - сто тридцать, сто сорок километров в час. Адриан покачал головой. На такой скорости у водителей нет времени обозревать окрестности. Его не заметят. Как ни странно, мысль эта заставила его почувствовать себя одиноким. Практически он находился в абсолютном уединении. С тем же успехом мог бы оказаться на другой планете. Можно было бы подумать, что дорожный шум принесет некоторое утешение, ибо звук этот создают люди, спешащие по своим делам. Однако движение было таким плотным и равномерным, что шум превращался в монотонное гудение; Адриану приходилось концентрировать свое внимание, чтобы заметить его.

Краем глаза он заметил движение в траве. Котенок! Затем он заметил второго, а потом третьего зверька, неторопливо подбиравшихся к нему. Каким, собственно, образом котята попали на разделительную полосу? Он ощутил прилив возмущения: неужели их просто выбросили сюда! А потом глаза его округлились. Животные были размером с котенка, однако пропорции тел соответствовали взрослым кошкам. И двигались они с изяществом и легкостью, присущими взрослым представителям кошачьей породы. Зверьки припадали к земле, прятались, выслеживая добычу. Удивленный уже самим размером животных, Адриан был еще более озадачен и заинтригован их поведением - оно явно обнаруживало признаки групповой охоты. Он еще не слышал, чтобы кошки охотились стаями.

А потом он увидел объект охоты: пять или шесть мохнатых серых пятнышек в траве. Одна из кошек прыгнула. И пока она играла со своей жертвой, Адриан сумел разглядеть голову крошечного создания. Тупую, короткую и толстую: голову не мыши, а крысы - точнее крысенка. Адриан прищурился, осознавая, что, как и кошки, крысы были, скорее всего, взрослыми. Два случая карликовости. Ограниченная численность крыс для кошек и скудость питания для

крыс делают маленький размер выгодным... численность популяции и тех, и других также невысока. Он читал об островах, где представители фауны были много меньше, чем их собратья на материке. А территорию разделительной полосы с практической точки зрения вполне можно считать островом - длинным и чрезвычайно узким.

Мысль о том, что разделительные полосы скоростных шоссе могут обладать собственными уникальными экосистемами, на мгновение привела Адриана в восторг. Даже голова закружилась. Он займется этим в колледже. Он улыбнулся, представив себя экологом разделительных полос - первым и единственным.

Быть может, решил Адриан, заключение стало для него благословением - судьба показала ему дорогу к будущему. Он отломил кусочек сэндвича с не поддающимся определению ломтиком мяса. Пригнувшись, он протянул угощение кошке, еще не поймавшей крысу.

- Киса, сюда! Кис-кис-кис.

Кошка опасливо пробиралась вперед, обнаруживая скорее признаки осторожности, чем страха.

- Хорошая киса, хорошая.

Кошка взяла мясо, и Адриан протянул руку, чтобы погладить животное по шерстке. Кошка внезапно повернулась, зашипела и укусила его прямо во впадину между большим и указательным пальцами. Выступила кровь.

- Черт!

Дикая кошка подбежала к товаркам.

Опасность заражения встревожила Адриана. Если на разделительной полосе могли водиться собственные виды животных, то уж особенные бактерии и вирусы тем более - штаммы, для которых врачи не приготовили никаких антител. Адриан покачал головой и решил ни о чем не думать. Да, такова одна из профессиональных издержек работы шоссежного эколога. И она представляла собой куда меньшую опасность, чем прежде - до того как была разработана универсальная вакцина против бешенства, столбняка и западнонильской лихорадки, которую вводили всей канадской молодежи.

Вспомнив про сэндвич, Адриан покончил с ним, затем разделался с пирожком, запив его соком из пакетика. Повинуясь рефлексу, поискал взглядом мусорный ящик, которого, конечно же, не нашел. С легкой досадой Адриан поставил опустошенную коробку на край дороги. Итак, он сам сделался обычным и презренным загрязнителем жизненной среды. Не столь уж хороший способ начала карьеры эколога, специализирующегося по разделительным полосам дорог.

Приободрившись после еды, Адриан продолжил путь на север. Он ненадолго задержался перед видеоинформационной панелью, вывешенной над уходящей на юг полосой дороги. Она ярко светилась в сгущающейся тьме. На панели моргала надпись, предупреждавшая о

пробке, возникшей в результате аварии. Должно быть, случившейся с его автобусом.

Провожая взглядом струящийся мимо него поток автомобилей, он шутливо попытался представить себе машины в экологических терминах: трейлеры с прицепом нетрудно было уподобить слонам. Автодома - тупым коровам, внедорожники... ну, внедорожники тянули на антилоп гну, японские машинки экономкласса соответствовали оленям, а полицейские автомобили явно заменяли хищников. Он улыбнулся. А выбоины - патогенные бактерии. Однако ни выбоин, ни даже просто трещин на дороге не усматривалось. И, кстати, полицейских машин тоже. Камеры слежения, регистрирующие аварии и любителей превышать скорость, сделали излишним постоянное патрулирование. Адриана тревожило и то, что камеры могли засечь и его самого... впрочем, вероятнее всего, они не нацелены на разделительную полосу.

На родине, в Канаде, он видел дорожные патрули. Однако суперсовременная магистраль 81X в таковых не нуждалась. Адриан пожегся от мысли, утверждавшей, что он не только первый от начала времен эколог разделительной полосы, но также вообще единственный человек во всей экологической системе этой дороги. Вновь ощутив себя одиноким, он отвернулся от движущихся машин. Разделительная полоса теперь казалась темной и неуютной. Но если он и оказался невидимым для мимолетных автомобилей, еще большую радость представляла теперь возможность спокойно справиться нужду, не выставляя себя на всеобщее обозрение.

Он понимал, что уже достаточно далеко удалился от автобуса, и мог попробовать добираться далее автостопом. Однако кто остановит машину посреди ночи, тем более ради «одетого» подобным образом человека.

Впереди замаячила еще одна рожица. Он решил остаться в ней до утра. Под одним из стволов нашел ровный клочок почвы, из которого не торчали корни, рухнул на землю и закрыл глаза.

Очнулся он во тьме от холода. Свернулся клубком, но это не помогло. Он попытался согреться, втянув руки в мешок и пристроив ладони между бедер. А потом ушел в мешок с головой, стараясь хотя бы чуть-чуть согреть воздух дыханием. И наконец пожалел о том, что так безрассудно расстался с комбинезоном.

Сон пришел не сразу.

* * *

Адриан проснулся на рассвете - холодный, голодный, страдающий от жажды и совершенно не отдохнувший. Не отводя глаз от солнца, еще

только обещавшего дневное тепло, он побегал на месте, пытаясь согреться. Да, светило удовлетворит одну из его потребностей, но что касается остальных... Надо как можно скорее попытаться остановить идущий на север автомобиль. Более перспективны грузовики с канадскими номерами.

Подойдя к краю разделительной полосы, он быстро обнаружил, что остановить было невозможно не то чтобы канадский грузовик - вообще ни одну машину. Он находился рядом с самой скоростной полосой, и непрерывное движение по ней не позволяло ни одной из машин сбросить скорость. Адриан посмотрел на вторую полосу. Там было полегче, однако не намного.

Глядя на пролетающие мимо автомобили, он постепенно начал понимать, что дело его безнадежно - от начала до конца. Через четыре полосы полотна ему никогда не перебраться. И вся идея о бегстве в Канаду - всего лишь глупая мечта. Адриан сжал кулаки. Оставалось только одно - сдаться. И он поежился от мысли о том, что придется снова натягивать неоновый оранжевый комбинезон.

«Я не могу вернуться назад».

Он посмотрел через дорогу. Ведь для того, чтобы сдаться полиции, надо перейти на ту сторону и там дожидаться появления полисменов.

Словом, Адриан решил продолжить движение на север. Он знал: в противоположном направлении его не ждет ничего хорошего... совсем ничего. Автобус уже, конечно, убрали. И он пошел вперед, пытаясь обдумать план действий.

Внимание его привлек придорожный знак: «Запрещается подбирать и высаживать путешественников автостопом». Вздохнув, он продолжил путь.

Быть может, ему удастся набрести на машину с проколотой шиной или другой поломкой. Вчера ему таковых не попадалось, но как знать, сегодня, может, и повезет. А если хозяином окажется возвращающийся домой канадец? Адриан покачал головой. Размечтался!

Он шел теперь вдоль края дороги, высматривая машину полицейского патруля. Их не было видно, однако Адриан не мог представить себе настоящую автомагистраль без полицейских автомобилей - даже если над ней установлены автоматические камеры. Впрочем, быть может, до сих пор ему просто не везло. Он вспомнил об аварийных телефонах. Но таковые ему просто не попадались. На канадских шоссе они расставлены через равные расстояния, но если подумать хорошенько, мера эта излишняя: в наши дни у каждого в кармане мобильник. Рука его автоматически потянулась к карману брюк. Но, конечно же, ни телефона, ни брюк у него не было.

Он шел вперед, ощущая все возрастающие голод и жажду, которую только усугубляла сооруженная из пластикового мешка черная рубаха, буквально впитывавшая лучи солнца. Скоро на первый план вышла

именно жажда. И когда солнце поднялось к зениту, он не мог уже думать ни о чем, кроме воды. Адриан опустил глаза к земле и увидел мусор, и мусор этот он осознал уже в новом качестве. Быть может, ему удастся среди всех этих оберток отыскать еду. И что более важно - воду.

Теперь он напряженно всматривался в траву - не мелькнет ли белый пластик стаканчика. Вскоре ему удалось отыскать стаканчик, в крышке которого еще торчала соломинка, а внутри обнаружилась жидкость - вода, оставшаяся от растаявшего льда. Вновь его обеспокоила перспектива подхватить какую-нибудь заразу, но лишь на миг. Болезнь имела абстрактный характер, в отличие от скорой гибели от жажды. Он залпом поглотил жидкость - великолепную и чуть отдававшую ароматом колы. Потом он нашел еще несколько стаканчиков, позволивших унять жажду. Губы Адриана натянула тугая улыбка.

Эти водители, эти свиньи, которых он прежде так презирал, по сути, спасли ему жизнь.

Однако голод не отступал, и теперь он принялся искать и пищевые обертки. Таковые попадались достаточно часто, но никакой еды не содержали. На многих из них были заметны следы мелких зубов. Поежившись, Адриан осознал, что конкурирует с крысами.

Однако еда необходима. И он решил перейти через дорогу. Машины или остановятся, или нет. Адриан ступил на дорожное полотно, но затем метнулся обратно. На такой смертельный риск он еще не был способен.

Измощенный, изголодавшийся, снова полный жажды, он влачился вперед, надеясь только на чудо. И если оно не придет, быть может, завтра, в субботу, машин окажется меньше, и он сумеет перейти дорогу.

Внимание его привлекло далекое оранжевое пятно. Адриан застыл на месте. На краю разделительной полосы маячил его собственный оранжевый комбинезон - по-прежнему скомканный в мяч, только грязный. Он не мог усмотреть в этом ничего, кроме знамения, знака того, что полиция разыскивает его. Он поднял «мяч», но не смог заставить себя раскатать его и надеть комбинезон. Придется подождать до наступления темноты. Ненавистное свидетельство тюремной неволи принесет тепло.

* * *

Дэн заболел ангиной, а Филип нагрубил маме и потому был временно исключен, в результате чего на собрании патруля присутствовали только три члена отряда Визжащих Бобров. Однако сей факт ничем не облегчил положение Кифера Бернхардта, предводителя отряда,

докладывавшего высокому собранию о том, что его папу вызвали на срочное совещание в Олбани, и потому он не сможет вывезти их на пикник, положенный патрулю в уикенд. И Кифер вцепился в карту как в гарантию собственной безопасности.

- Что такое? - вскричал Алекс, отголоски его слов загуляли по подвалу.
- Это просто свинство!

- Мы уже закупили припасы, собрали и упаковали все необходимое, - с мольбой в голосе произнес Пол.

- Да знаю я. - Кифер разгладил карту на столе для настольного тенниса. - Но мы все равно можем отправиться завтра в однодневный поход.

- Это не одно и то же, - возразил Пол.

Кифер продолжил:

- Вчера мой брат вернулся из колледжа. Он сказал, что утром отвезет нас в нужное место и заберет после обеда.

Пол наморщил нос.

- погоди, - проговорил Алекс. - Ты хочешь сказать, что взрослых с нами не будет?

- Угу.

- Тогда, может, и повеселимся, - подмигнул Алекс.

- Ну да, - уже с энтузиазмом провозгласил Кифер, радуясь тому, что его патрульные более не сердятся на него. - Только в Шендегенскую лощину мы все равно не сможем съездить. У машины Джея нет полного привода.

- Куда же мы в таком случае отправимся? - спросил Пол.

- Куда угодно. - Кифер провел рукой над картой. - Ну, то есть во всякое место, куда можно доехать за час. Если это, конечно, безопасно.

- Безопасно? Что ты хочешь сказать? - спросил Алекс с ноткой подозрения в голосе.

- Не знаю, - признался Кифер. - Так выразился Джей. Наверное, он имел в виду такое место, куда не явится какой-нибудь маньяк-извращенец и не станет приставать к нам.

Алекс и Пол рассмеялись. Кифер показал на карту:

- Ребята, ну-ка садитесь поближе. Давайте сообразим, куда нам двинуть.

Пол наклонился над картой и указал на дорогу, выделенную красным маркером:

- А это что такое?

- Трасса 81X, - не без гордости произнес Кифер. - Мой папа был главным архитектором этой дороги.

- Ландшафтный архитектор? - Алекс хихикнул. - Он что, деревья проектировал?

- Ну, приходилось и деревья. Искусственные то есть.

Пол снова наморщил нос:

- Ты хочешь сказать, что все деревья на ее разделительной полосе ненастоящие?

- Настоящие. Но па говорит, что трасса 81X, наверное, станет последним шоссе, окруженным живой природой. А потом пойдет сплошной неодерн и неодрев. - Кифер прикоснулся кончиком пальца к красной линии возле Уитни-пойнт, ближайшего к дому населенного пункта. - Разделительная полоса здесь великолепна. Много рощиц, зарослей кустарника, и засеяна она особой низкорослой травой, которую никогда не надо косить.

- Жаль, что такая не растет у нас на дворе, - сказал Алекс.

- Па называет эту полосу узким островком природы. - Кифер провел пальцем вдоль линии. - Доходит до самой Канады.

- Тогда... - Пол помедлил. - Тогда почему бы нам не совершить свой поход по разделительной полосе трассы 81X?

Алекс и Кифер посмотрели на него. Наконец Кифер, осознав, что Пол говорит серьезно, расхохотался:

- Да ну тебя!

- А почему нет? - спросил Пол. - Твой брат может высадить нас в любом месте, а после обеда ему будет просто найти нас и подобрать.

Алекс мельком глянул на Кифера:

- А знаешь, неплохая идея. - Он усмехнулся. - Кроме того, на разделительной полосе ты не сумеешь заблудиться и завести нас невесть куда, как в прошлый раз.

- Что? Это я вас завел?..

- Впрочем, может, идея и не столь уж хороша, - задумчиво проговорил Пол. - Если на полосе появится банда мотоциклистов или кого-то еще, нас спокойно поджарят.

- Да ладно тебе, - махнул рукой Алекс. - Трасса 81X - идеально спокойное место. Целый миллион народу будет видеть нас все это время.

- Ну а если на полосе окажется сбежавший из зоопарка леопард?

- Пол! - Алекс возвел взгляд к потолку и рассмеялся.

- Эк хватанул! - разочарованно проговорил Кифер. - Во всяком случае, это был не леопард, а медведь.

- Что-что? - переспросил Алекс, поворачиваясь лицом к Киферу.

- Было дело до того, как вы приехали сюда. Сбежал у какого-то там цыгана. Дверца фургона сломалась, и его медведь вырвался на свободу.

- Рассказывай!

- Клянусь честью скаута, - проговорил Кифер - Цыган боялся вляпаться в историю и потому начал ставить медвежьих капканы.

- Правильно, - согласился Пол. - А медведь выскочил на дорогу и попал под грузовик. Погиб, конечно, - закончил он шепотом, словно бы рассказывая историю с привидениями. - А цыган умер несколько

месяцев спустя от какой-то совершенно загадочной болезни.

- Ух ты! - выговорил Алекс.

- Ну ладно-ладно, - продолжил Кифер. - Все это было давным-давно. А мне нравится мысль про разделительную полосу. Давайте отметимся на ней.

- На виду у толпы народа? - поморщился Пол. - Предпочитаю заниматься *этим делом* в уединении.

- Ну да, - согласился Кифер.

- Эй! - проговорил Алекс после затянувшегося на несколько секунд молчания. - У моего папы есть рыболовная палатка. В полу ее проделана большая круглая дыра. И я, скажем так... позаимствую ее.

Алекс, который был на год старше и на двадцать сантиметров выше, чем Пол, бросил снисходительный взгляд на приятеля:

- Ты доволен?

- Как будто бы.

- Отлично. - Кифер сложил карту. - Разобьем лесной лагерь - без видеоигр и мобильных.

- Лесной? - хохотнул Алекс. - Это на разделительной полосе шоссе?

- Ладно, скажем иначе. Экологический лагерь. Все собрано и убрано.

- За исключением того, что останется под рыболовной палаткой, - заметил Алекс.

Пол хихикнул.

- Завтра утром в восемь. Здесь, - объявил Кифер, не забывая о роли старшего в патруле. - Я возьму мобильник, чтобы вызвать Джея. Согласны?

- Ага.

- Отлично.

* * *

Роберт Бернхардт оставил свою машину возле Нью-Йоркского центра по контролю за заболеваниями. Он не имел ни малейшего представления о том, почему его, ландшафтного архитектора, вызвали на совещание эпидемиологов, тем более субботним утром, и был весьма озадачен этим. Он вышел из лифта на двадцать третьем этаже и, переступая порог шикарного конференц-зала, пообещал себе, что вынесет все предстоящее - ради Кифера и его скаутского патруля.

Он посмотрел в окно на простиравшуюся часть автострады 787. Страшная как смертный грех! Разделительная полоса сплошь заросла сорняками. Должно быть, амброзия полыннолистая. Буквально на его глазах невысоко над дорогой начала сгущаться туманная дымка. Еще одно проявление этой странной погоды, которая держится последнее время. Губы его сложились в тонкую улыбку: туман не сделал

разделительную полосу менее уродливой.

В дальнем конце помещения открылась дверь; Роберт повернулся на звук и увидел двоих мужчин, вошедших с бумажными кофейными стаканчиками в руках.

Один из них сделал шаг вперед и протянул свободную руку:

- А, доктор Бернхардт. Хорошо, что вы приехали. - Он чуть склонил голову. - Я Золтан Лацко. - Кивнув в сторону двери, он добавил: - Не хотите ли кофе?

- Нет, спасибо. - Роберт улыбнулся. - Кроме того, я - мистер Бернхардт.

- Простите.

Они представились: эпидемиолог Золтан Лацко работал в Национальном центре инфекционных заболеваний, а его спутник - Дуэйн Бейтс, человек плотного сложения и притом постоянно хмурый, являлся помощником директора Нью-Йоркского отделения службы по чрезвычайным ситуациям.

- Полагаю, мистер Бернхардт, - начал Золтан, жестом приглашая всех садиться, - что вам известен так называемый эффект магистрали 80?

- Вы хотите сказать, что экологические особенности районов к северу и югу от трассы различаются потому, что животные не могут пересечь дорогу?

- Но здесь различие минимально, - проговорил Золтан. - Поскольку животные способны переходить через нее на перекрестках, разница эквивалентна сотне миль.

Он поднял руку, как будто в ней был зажат кусочек мела.

- Дело не только в трассе 80. У нас появилась сетка, мини-экологии, определяемых системой магистралей. - Он пристально поглядел в глаза Роберту. - Однако разделительная линия вашей магистрали 81X обладает резко отличающейся экологией. Быть может, даже опасной.

- Отличающейся и опасной? - Роберт склонил голову. - Конечно, вы не имеете в виду этих мини-кошек, не так ли?

Если лицо Дуэйна отразило гнев, то Золтан казался удивленным.

- Вам что-то известно о кошках?

- Старший моей бригады дорожных рабочих упоминал о них, - ответил Роберт. - Но особой немного. Такие пушистые милашки, по его словам.

- Милашки? - едва ли не взвыл Дуэйн. - Они переносят серьезную болезнь.

- Мы в этом пока не уверены, - продолжил Золтан недовольным тоном. Он повернулся к Роберту: - Мы ищем причину заболевания, поразившего значительное число заключенных нью-йоркской тюрьмы. Некая разновидность иммунодефицита. И положение действительно может оказаться очень серьезным.

- Иммунодефицита? - проговорил Роберт, чувствуя, что подобной реакции от него ожидали.

- Не то, о чем вы подумали, - поспешно сказал Золтан. - Какое-то неизвестное нам поветрие. Симптомы: усталость, пассивность, апатия, безволие и, как мы думаем, повышенная восприимчивость к другим заболеваниям.

- Ну, для заключенных этот вариант не столь уж и плох, - вставил Дуэйн едва ли не весело. - Я имею в виду пассивность и усталость.

- Похоже на моноклеоз, - проговорил Роберт.

- Но этот диагноз не подтвержден. - Золтан обменялся взглядом с Дуэйном, прежде чем продолжить: - Ладно. Вот вам закрытая информация. Похоже, что если лицо, зараженное этим вирусом, подхватывает другую вирусную инфекцию, болезнь может закончиться смертью.

- Может закончиться смертью? - брызнул слюной Дуэйн. - Да мы имеем дело с признаками пандемии. Необходимы решительные действия: возможно, нам грозит новый СПИД.

- Ну ладно вам, - успокаивающим тоном проговорил Золтан. - Это явное преувеличение.

Лицо Дуэйна побагровело, и Роберт попытался смягчить ситуацию вопросом:

- Но откуда пришла инфекция?

- Еще несколько дней назад мы этого не знали. - Дуэйн отодвинулся от Золтана. - В аварию попал автобус исправительной службы вместе с заключенными. Многие из них по несколько месяцев занимались сбором мусора на трассе 81X. Все они прошли обыкновенное медицинское обследование - автоматизированный анализ крови и так далее, и у многих обнаружили вирус.

- Чем дольше заключенный занимался сбором мусора на 81X, - продолжил Золтан, - тем больше вирусных тел оказывалось в его крови. - Он улыбнулся, как сделал бы Шерлок Холмс, успешно разрешив дело. - Поэтому мы уверены в том, что парни подхватили его на разделительной полосе 81X. А кошки кажутся наиболее вероятными переносчиками вируса.

- Но это безумие, - выпалил Роберт. - Как мог возникнуть такой вирус в тесных рамках разделительной полосы?

- Не таких уж тесных, - протянул Золтан. - Она, конечно, не широка, но очень длинна. Во всяком случае, мы располагаем трупом задавленного на дороге животного. Его сейчас исследуют.

- Мы полагаем, что источником вируса стал беглый малайский медведь, - ровным голосом проговорил Дуэйн. - После чего вирус мутировал. Глобальное потепление явным образом способствует распространению новых разновидностей заболеваний. Мы не можем рисковать.

- Беглый малайский медведь? - Роберт не мог изгнать недоверия из голоса.

- Это долгая история. - Дуэйн так внимательно разглядывал кофейный стаканчик, словно обращался к нему, а не к Роберту. - Мы решили стерилизовать разделительную...

- Вы решили! - поправил его Золтан.

Дуэйн пропустил его слова мимо ушей.

- Нам придется закрыть шоссе и послать вертолеты, чтобы те обработали всю разделительную полосу - от Бингхэмптона до канадской границы.

- Ошибочная идея, - нахмурился Золтан. - Мы не имеем права уничтожить целую экологическую систему. Это чудовищный поступок. Сравнять с землей изолированный узкий мирок!

- Придется, - веско сказал Дуэйн. - Сперва дадим объявление, потом закроем шоссе и сделаем все необходимое. - Он хлопнул ладонью по столу, заставив вздрогнуть кофейные стаканчики.

- Вот что. До сих пор нам везло. Тюремное население изолируется автоматически. Оно не имеет никаких физических контактов с обществом. Даже врачи обследуют заключенных в хирургических перчатках. И это хорошо, поскольку, как говорит присутствующий здесь Золтан, вирус может распространяться при физическом соприкосновении.

Золтан откинулся назад в своем кресле.

- Вот именно: *может* распространяться!

Дуэйн ожег эпидемиолога взглядом:

- Я не намереваюсь доверять безопасности ньюйоркцев слепой удаче.

Золтан ответил ему не менее яростным взглядом.

Роберт вновь попытался вопросом понизить градус дискуссии:

- Но какое отношение ко всему этому имею я?

- Нам необходимо знать, на какую глубину уходит дернина, - спокойно ответил Дуэйн. - И насколько она стабильна. Можно ли ее выкопать, не подняв в воздух тучу пыли?

- Очень стабильна. Толщина слоя дерна не превышает шести дюймов, за исключением деревьев, под которые копались четырехфутовые ямы. Под дерном уложен асфальт-337. - Роберт сузил глаза: - Но к чему вам это?

- Мы хотим, чтобы разделительную полосу немедленно заменили неодерном и неодревом, - информировал Дуэйн. - Справится ли с заказом ваша компания?

Роберт затаил дыхание. Контракт сулил большие деньги.

- Это будет дорого...

- Этой темой уже занимались, - проговорил Дуэйн. - Искусственная растительность дешевле, проще в обслуживании и чище в биологическом отношении. - Он прикусил губу. - Но мы попали в чрезвычайное положение. Не объявлять же конкурс на работы!

Роберт задумался.

- К сожалению, управление по охране окружающей среды считает используемую нами асфальтовую связку мутагеном. Потребуется известная осторожность. Однако, я думаю...

Звякнул мобильный телефон Золтана. Достав его из кармана, он бросил короткий взгляд на экран, определив звонящего, извинился и поспешил в угол конференц-зала, где продолжил разговор уже шепотом. Роберт и Дуэйн в молчании наблюдали за ним.

Менее чем через минуту Золтан возвратился к столу.

- Кошку обследовали, - сообщил он. - Вирус не обнаружен. - Он тяжело опустился в кресло. - Этого я не ожидал. Кошки вылизывают себя и друг друга. - Золтан резко повернулся к Роберту: - А существует ли на полосе другая популяция млекопитающих?

Роберт покачал головой:

- Мне об этом не известно.

- Гм... - Золтан погладил подбородок. - Скорее всего, это крысы. Они есть везде. - Он аккуратно опустил кулак на стол и проговорил, словно бы обращаясь к самому себе: - Да, кошки могли приобрести иммунитет к заболеванию. А вирус переносят крысы. - Он повернулся к Дуэйну: - Прямо сейчас стерилизовать полосу невозможно.

- Почему?

- Нам необходимо время для исследований. Нанесенная кошкой царапина или укус способны послужить прививкой от этой болезни.

- Чистейшая спекуляция: нам известно, что птицы также не являются переносчиками инфекции. - Дуэйн потер лоб ладонью: - И, к несчастью, у нас нет времени.

- Почему же? - потребовал ответа Золтан.

Зазвонил мобильный телефон Дуэйна. Он молча выслушал собеседника и пояснил присутствующим:

- Бейтс.

- Что? - Дуэйн подался вперед. - Какого черта вы не сообщили мне этого раньше? Его кто-нибудь видел? И какого черта мы можем сделать?

Дуэйн закрыл аппарат.

- Что случилось? - спросил Золтан.

- Отсутствует один из арестованных. - Дуэйн опустил аппарат в карман. - Из того автобуса. Юнец. Похоже, просто сбежал во время аварии.

- И это выяснилось только сейчас?

- Бумаги погибли при взрыве, - ровным голосом проговорил Дуэйн. - Охранников госпитализировали. - Он вздохнул. - Парнишку придется найти. В тюремном комбинезоне его легко обнаружить.

- Он не мог уйти далеко, - сказал Золтан.

- Его, собственно, и не искали. - Дуэйн неторопливо качнул головой. - Однако беглеца не заметила ни одна из выставленных на шоссе

камер. Наверняка до сих пор прячется на разделительной полосе!

- Это невозможно, - возразил Золтан. - Прошел уже не один день. Он не способен все это время провести на разделительной полосе!

- Минутку, - пробормотал в растерянности Роберт. - Допустим, он все еще на полосе. А если так, что тогда? Его простерилизуют вместе с деревьями?

- Думаю, он находится на разделительной полосе, - выразил надежду Дуэйн.

- Ага, мальчишка преступник. Поэтому чего с ним церемониться! Стерилизуем! Верно?

- Если он на разделительной полосе, мы его задержим.

- Как? - спросил Золтан.

- Во-первых, - невозмутимо проговорил Дуэйн, - движение по дороге перекроют. Далее над полосой поднимут вертолет с узкополосным громкоговорителем. Через несколько минут после него пролетит другой вертолет, который на небольшой высоте займется визуальным поиском оставленных на полосе автомобилей и прочих непредвиденных ситуаций. В своем оранжевом тюремном комбинезоне парень окажется таким же заметным, как школьный автобус на площадке для гольфа.

- Возможно. - Роберт указал в окно: - Но если вы еще не заметили, над магистралью 787 собирается туман. Наверное, и над 81X видимость не лучше.

Золтан стиснул кулак:

- Мистер Бернхардт прав. Вам придется остановить эту стерилизацию.

- Простите, Золтан, - Дуэйн опустил локоть на стол и подпер голову кулаком. - Служба национальной безопасности забрала у меня это дело.

* * *

- Напомните мне, зачем мы это делаем, - спросил Алекс, продвигаясь вперед, чуть согнувшись под тяжестью рюкзака. Они как раз добрались до очередной рожицы ухоженных деревьев.

Шедший первым Кифер, отягощенный собственным рюкзаком и висевшим на шее биноклем, был рад возможности остановиться. Они шли пешком уже целый час. Он повернулся к Алексу:

- А мне казалось, будет прикольно.

Замыкавший шествие Пол заметил:

- А туман-то густеет. - Он шагнул вперед, и все трое образовали тесный кружок. - Но мы словно идем по большой пешеходной дорожке.

Пол прихватил из дома дорожный посох и оперся на него.

- Тащимся, а вокруг все одно и то же. Трава и деревья, деревья и

трава. Даже заблудиться и то было бы веселее.

- Угу, - согласился Алекс. - Скучотища! - Откинувшись назад, он прислонил свой рюкзак к стволу дерева. - И ты намеревался устроить нам лесную стоянку - без компьютеров, радио, видеоигр и сотовых телефонов, кроме своего собственного. - Он бросил взгляд на машины, призраками пронесившиеся в тумане. - Ничего себе лес!

- Похоже, идея оказалась не столь уж хорошей, - признал Кифер. Лицо его вдруг повеселело. - Эй! Что если нам устроить сейчас обед, а после еды я позвоню брату, и он заберет нас прямо отсюда. - Мысль эта заставила его улыбнуться. - Еще успеем в кино!

Алекс усмехнулся:

- Кинопатруль. Ну-ну.

- Давайте-ка ставить палатку, - напомнил Пол.

- Палатку? - Кифер наморщил нос. - Зачем?

- Затем, - Пол бросил взгляд на текущие в тумане потоки автомобилей, алюминиевые опоры дорожных знаков, пенопластовый придорожный мусор. - Потому что я тогда сумею снова почувствовать себя всамделишным.

Кифер и Алекс обменялись удивленными взглядами: двенадцатилетний Пол был на полтора года моложе их обоих, но иногда приносил удачу, а иногда говорил весьма умные вещи.

- Ладно, - согласился Кифер.

- Что у нас на обед? - спросил Алекс, расстегивая рюкзак. Кифер ужом вывернулся из лямок собственного рюкзака.

- Спагетти, сосиски, виноградный напиток и сливочные ириски. - Он достал из рюкзака скаутскую инструкцию по приготовлению пищи и походную плитку.

Пол разбил палатку. Кифер установил плитку, налил в походную сковородку воды и бросил в нее спагетти вместе с сосисками. Алекс насыпал в алюминиевый кофейник порошковый виноградный напиток, добавил сахару, залил водой, размешал и попробовал. Потом Алекс раскрыл рыболовный тент.

После этого все трое, скрестив ноги, сели вокруг плитки, ожидая, пока закипит вода.

Алекс лениво вглядывался в текущий на север поток автомобилей.

- Он когда-нибудь останавливается?

- Движение есть всегда, - ответил Кифер. - Брат говорит, что с тех пор как они проводят измерения, движение постоянно - семь дней в неделю и двадцать четыре часа в сутки. - Он опустил руку в карман. - Кстати, о моем брате - надо бы вызвать его.

Он достал сотовый телефон и положил аппарат на землю, тот исчез в густой траве.

- Но сперва надо понять, где мы находимся... - Он поднял бинокль и посмотрел на юг. - Столб с отметкой 34,3. Посмотрим... Это в двух

милях от выхода в Уитни-пойнт.

- Эй, смотрите-ка! - воскликнул Пол, указывая на шевеление в траве. - Вот сюда!

- Ну да, - сказал Алекс. - Мыши.

Кифер перевел бинокль на траву и перефокусировал его.

- Нет, у меня дома жили и мышки, и крыски. Это, конечно, крысы. - Он опустил бинокль. - Боже, какие же они маленькие!

Подобравшись поближе, Пол схватил одну из них:

- Не кусается.

Он принялся играть с маленьким животным, пустив его по рукаву на плечо.

Оба других мальчика тоже поймали крыс и играли с ними до тех пор, пока не сварились спагетти.

Обернувшись, Пол застыл на месте.

- Мы не одни, - проговорил он едва ли не шепотом. - Вон там кто-то есть.

Повернувшись туда, куда указывал Пол, Кифер увидел вдалеке человека, фигура которого растворялась в тумане. Он приставил бинокль к глазам.

- Вот это да! Человек. И в руках у него оранжевый баскетбольный мяч или что-то вроде того. И одет, кажется, в мусорный мешок.

- Что еще? - спросил Алекс.

- Совсем молодой, - добавил Кифер. - Должно быть, ровесник моего брата.

Не отводя глаз от приближающейся фигуры, он передал бинокль Алексу.

- Смотрите, как он идет, - заметил Алекс. - Может, пьяный? Налакался так, что снял с себя всю одежду.

Кифер недоуменно пожал плечами.

Посмотрев на свою скаутскую форму, а потом вновь на незнакомца, Пол проговорил неторопливо и сонно:

- А если... если он просто не хотел быть тем, чем делала его одежда?

* * *

Адриан переходил с одной стороны дороги на другую, высматривая заключенное в пластиковые коробочки пропитание. Его уже качало от голода, а жажда и вовсе не разлучалась с ним.

Вновь рассердившись на несправедливый арест и приговор, он снял комбинезон и скатал его в футбольный мяч. Не выпуская этого шара из рук, молодой человек продолжил разыскивать питье и еду, гадая при этом, сумеет ли пережить сегодняшний день и вновь уснуть в тюремной одежде.

Наконец он обнаружил стаканчик, где оставалась пара унций талой воды: потрясающая находка, целое озеро. Адриан запрокинул голову и проглотил драгоценную жидкость, высосав ее из сосуда до последней капли. А потом посмотрел вперед - не на мусор, а просто вперед. Не веря собственным глазам, Адриан прищурился. Среди деревьев просматривалось нечто вроде палатки. Более того, палаток было две. Немыслимо! Но что еще более странно, перед одной из них сидели люди... невысокие люди. Островная карликовость у людей? Нет! Это, должно быть, мираж? Или причуды собственного разума?

Адриан, пошатываясь, направился к деревьям. Оказавшись ближе, он понял, что это никакие не карлики, а трое мальчишек в форме американских бойскаутов, и перед ними - еда. От нее шел восхитительный запах. Не отводя глаз от кипящего в сковороде варева, Адриан остановился перед мальчиками.

Один из них, самый рослый, поднялся на ноги. Его примеру последовали двое других.

- Привет, - проговорил Адриан.

- Привет, - с настороженностью в голосе сказал высокий парнишка.

Несколько секунд они взирали друг на друга в молчании.

- Это потому что ты не хотел... - проговорил самый маленький из троих едва слышным голосом, - не хотел испачкать свою скаутскую форму?

Адриан не мог не усмехнуться.

- С технической точки зрения, я по-прежнему являюсь скаутом. Центральный Уступ, Миссисауга, Онтарио.

Он протянул левую руку высокому подростку. Будем надеяться, что американские скауты тоже здороваются левой рукой. Мальчик помедлил, улыбнулся и ответил на рукопожатие.

- Меня зовут Кифер, но все кличут меня Кифом. Я... командую патрульным отрядом Визжащих Бобров. - Он указал на невысокого паренька, державшегося на шаг за его спиной. - Это - Пол, а это, - он качнул головой в другую сторону, - Алекс.

- Привет, - выдавил Алекс, чуть шевельнув рукой.

- Ты голоден? - спросил Пол.

- Умираю от голода!

Кифер кивнул в сторону котелка:

- Не сказать, чтобы особенно вкусно, но еды много. Всегда получается больше, чем надо.

За полчаса Адриан успел подружиться со скаутами. Кифер одолжил Адриану шорты и тенниску. Худощавый Адриан и рослый для своих лет Кифер были похожи сложением, поэтому заимствование оказалось удачным. Переодевшись, Адриан ударом с разбега послал скатанный в мяч комбинезон ярдов на пятнадцать вдоль разделительной полосы. И сердце его, сердце не реализовавшего себя футболиста, смутилось от того, что он не сумел отправить ком дальше.

Адриан еще не успел забыть разговоры вокруг очага в собственном канадском скаутском отряде под названием Начинание.

- ...Получилось так, что прокурор ненавидел наркотики, ненавидел канадцев, а заодно и Корнелльский университет. Он сказал, что я послужу примером для остальных. - Привалившись к дереву, Адриан заправился из тубика карамельным пудингом. - Дали три месяца. Вот так я провожу свой первый курс в университете.

- Мерзко с тобой обошлись! - прокомментировал Алекс.

- Мой брат учится в Корнелле, - добавил Кифер. - Он специализируется в компьютерных науках. А что изучаешь ты?

- Изучал, - Адриан коротко усмехнулся. - Я выбрал экологию леса. - Он глубоко вздохнул. - Но теперь все закончено, я попытаюсь поступить в университет Торонто и заняться экологией разделительных полос крупных шоссе.

- Экологией разделительных полос? - переспросил Алекс. - В самом деле? А я и не думал, что ее можно изучать.

- Пока еще нет. - Адриан перевел взгляд с одного потока автомобилей на другой. - Но здесь властвует собственная экология. Разделительная полоса подобна самостоятельному миру... острову - длинному и узкому. Семена растений могут приносить сюда птицы или ветер, но только не млекопитающие.

Тема постепенно начинала увлекать его самого. И он действительно уже мечтал заняться ее изучением в Торонто.

- Сюда могут попасть только самые предприимчивые и умные млекопитающие, рискнув перейти через дорогу. Ну, а экология не статична. Насколько я понимаю, из-за глобального потепления животные будут уходить на север.

Вдруг ощутив, что он слишком увлекся, Адриан умолк. Беспечный энтузиазм не улучшает имидж.

После недолгого молчания Пол констатировал:

- Некоторые уходят на север уже теперь. - Он указал на группу животных, небольших кошек. - Милые зверьки.

- Котята! - Кифер вскочил на ноги и, пригнувшись, осторожно шагнул вперед, подманивая кошек карамельным пудингом.

Одна из кошек, не обнаруживая признаков страха, пошла навстречу ему. Выставив вперед тубик, Кифер протянул руку, чтобы погладить животное.

- Не надо! - воскликнул Адриан.

Кошка метнулась прочь, а Кифер обернулся с недовольным выражением лица.

- Да, они милы, - согласился Адриан, поднимаясь на ноги. - Но это взрослые кошки. Взрослые и опасные. С виду забавные котята, но злые.

- Валяй! - ухмыльнулся Алекс. - Тоже мне, злые!

- Коты-убийцы из узкого мира, - развил тему Пол.

- Я серьезно, - нахмурился Адриан. - Одна из них укусила меня. - Он показал отметину на руке.

- Ничего себе! - воскликнул Кифер.

Под взглядами всех четверых кошки обошли лагерь и продолжили путь на север.

- Наверное, следуют за крысами, - предположил Кифер.

- Ты видел крыс? - спросил Адриан.

- Эй, - воскликнул Пол. - Что происходит?

Все остальные повернулись к нему.

- Движение, - показал он. На шоссе вдруг оказалось много меньше грузовиков и легковушек, чем было несколько минут назад.

Ребята принялись рассматривать редеющие потоки автомобилей.

- Авария? - спросил Алекс.

- С обеих сторон? - отозвался Кифер. - Едва ли.

В последующие пять минут оба потока машин превратились в единичные автомобили, потом пропали и они, а исчезновение дорожного шума только подчеркнуло его прежнюю назойливость.

- Страшненько, - проговорил Пол.

- Жаль, что у нас нет радио, - заметил Алекс.

Пол глянул на информационную полосу дорожного табло, однако под таким углом разглядеть текст было невозможно.

- Надо бы прочесть.

- Подожди-ка! - вспомнив про висевший на шее бинокль, Кифер поднес его к глазам. - Там есть еще одно табло.

- И что там сказано? - спросил Алекс.

- Сказано... - Кифер подрегулировал фокус. - «Шоссе закрыто. Немедленно покиньте его. Опасно. Не останавливайтесь. Не выходите из автомобилей». - Он перевел бинокль ниже. - Смотрите. Крысы бегут через дорогу на противоположную сторону.

- Им хватило ума убраться подальше от кошек при первой возможности, - удивился Адриан,

- А кошки их не преследуют? - спросил Пол.

- Нет.

- Хотелось бы знать, что здесь происходит, - наморщил лоб Алекс.

Кифер опустил бинокль и повернулся к Адриану.

- Интересно, зачем они перекрывают движение, - проговорил он, с некоторой долей неуверенности глядя в сторону Адриана. - Не для того ли, чтобы поймать тебя? - Он прищурил глаза. - А ты уверен, что виноват только в курении марихуаны?

- Ага, - откликнулся Адриан. - Только в курении. - С легким смущением он заметил, что невольно приподнял руку в скаутском жесте, и добавил со скромной улыбкой: - Клянусь честью скаута.

- Пошли, Киф, - предложил Алекс. - Он в порядке.

Кифер улыбнулся.

- Да, мне тоже кажется... - Он бросил взгляд на опустевшее дорожное полотно. - Наверное, нам надо упаковаться и последовать примеру крыс.

- Зачем? - спросил Алекс. - По-моему, можно остаться на месте и посмотреть, что произойдет.

- Здесь интересно, - улыбнулся Пол. - Мне бы хотелось остаться.

- Ладно, остаемся, - согласился Кифер. - Только сперва все равно надо собраться. На тот случай, если придется срочно уйти.

Даже с помощью Адриана лагерь сворачивали без спешки - дошло и до игры в салки.

- Все как и в моем старом отряде, - с улыбкой заметил Адриан. - На сборы уходит целая вечность, потому что убирать за собой никому не хочется.

- А это что? - негромко вымолвил Пол, вглядываясь вдаль. Кифер схватил бинокль.

- Похоже на вертолет. И кажется, приближается к нам.

Они молча следили за машиной. Когда она зависла почти над ними, вниз обрушился звук.

- Внимание! Опасность! Внимание!

- Сфокусированные звуковые волны, - буркнул под нос Адриан. - Впечатляет!

- Внимание! Всем находящимся на разделительной полосе трассы 81X. Немедленно покиньте разделительную полосу. Если необходима помощь, звоните по телефону 911. Серьезная опасность! Немедленно покиньте разделительную полосу!

Пол запрыгал на месте, не отводя глаз от вертолета и отчаянно размахивая руками.

- Эй! Здесь есть люди! Мы находимся на разделительной полосе.

- Не пыхти, - посоветовал Алекс. - Это беспилотник.

- Беспилотник. - Кифер нахмурился. - Тупость какая. Пускать беспилотники на такое дело.

- Если необходима помощь, звоните по телефону 911. Серьезная опасность! Немедленно покиньте разделительную полосу!

Кифер сунул руку в карман.

- Мобильник! Черт! Я потерял его.

- Ребята, - ровным голосом проговорил Адриан, стараясь не выдать своего страха. - По-моему, лучше убираться отсюда.

- Мне надо найти аппарат. Брат одолжил мне его. - Кифер бросил взгляд на вертолет. - И он убьет меня, если я потеряю мобильник. В любом случае, у нас еще есть время. Они не стали бы предупреждать, не оставив нам времени.

Кифер приступил к поискам, вернувшись назад - в ту сторону, откуда они пришли; вглядываясь в траву, он ворошил ее ногой. Алекс и Пол

присоединились к поискам.

Адриан уже почти решился приступить к угрозам, если они немедленно не соберут снаряжение и не оставят разделительную полосу, когда воздух вспорол жуткий вопль. Кифер повалился вперед, тяжело рухнув на землю. Адриан бросился к упавшему. Мальчик впился пальцами в окровавленную левую ногу и выл от боли. Адриан немедленно оценил ситуацию, хотя и не мог поверить собственным глазам. Нога Кифера оказалась зажатой самым современным медвежьим капканом. Адриан опустился на колени. До того как его семья перебралась из Северной Манитобы, он видел, как эти ловушки использовались для отпугивания белых медведей от населенных районов.

- Не напрягайся! Этот капкан реагирует на движения. Чем больше дергаешься, тем туже он затягивается.

Подбежали Пол и Алекс.

- О боже! - выдохнул Пол с явной мукой на лице.

- Кожа разодрана, - констатировал Адриан, тщетно пытавшийся отыскать на капкане спусковой рычажок. - Однако, хотя крови пролито прилично, серьезных повреждений нет.

- Но что же нам делать? - спросил шепотом Алекс.

- Вы с Полом немедленно убираетесь отсюда!

- Нет! - выкрикнул Алекс. - Я не брошу друга!

- И я тоже. - Пол, которому явно было дурно от вида крови, отвернулся. - О, нет! - проговорил он, устремляя вдаль полный ужаса взгляд.

Там, вдалеке, над дымкой тумана, возникли два вертолета, неторопливо и равномерно приближавшиеся к ним. Из-под дна первого уходила струя серого газа, возле земли расширявшаяся в облако. Из-под второго вертолета бил яркий фиолетовый луч, метавшийся туда-сюда по разделительной полосе.

И тут от земли послышался волчий вой.

Все вздрогнули - кроме Кифера.

- Телефон Кифа, - выпалил Алекс, бросаясь на звук.

Пол вновь запрыгал на месте, пытаясь взмахами рук привлечь к себе внимание вертолетчиков; Алекс побежал с телефоном к Киферу. Он передал аппаратик уже открытым.

- Почему они не видят нас? - застонал Пол, размахивая руками и прыгая.

Из телефона послышался голос:

- Киф. Немедленно выметайтесь оттуда. Киф. Ты слышишь меня? Нижняя губа Кифера дрогнула. Захлопнув телефон, он заревел. Адриан повернулся к Алексу и Полу.

- Катитесь отсюда, сейчас же! - крикнул он. А потом добавил: - Торопитесь! Приведите помощь. - Он понимал, что говорит эти слова

лишь для того, чтобы дать обоим мальчишкам повод бежать; никакой возможности привести помощь просто не существовало.

Алекс и Пол стояли на месте, как вкопанные. Волк снова завыл, но на сей раз никто не обратил на это внимания.

- Бегите! - завопил Адриан, замахиваясь кулаком. - Оставьте снаряжение! Бегите!

Алекс и Пол единым духом ринулись на другую сторону уходившей на юг полосы.

Адриан бросил взгляд за спину - на вертолеты. Они были уже совсем рядом. Как и зловещее облако. И тут он внезапно сорвался с места.

- Не бросай меня! - закричал Кифер.

Адриан бежал по разделительной полосе к тому месту, куда недавно отправил пинком свой комбинезон. Схватив яркий оранжевый шар, он одним движением расправил его и начал отчаянно размахивать им над головой. Такой сигнал, наверное, можно было увидеть и с Марса.

Край облака коснулся Адриана, и он закашлялся, однако продолжал размахивать ярко-оранжевым комбинезоном. Все вокруг словно бы потемнело. Он решил, что теряет сознание, однако успел заметить: задний вертолет отключил фиолетовый луч. Адриан подумал, что и первый вертолет вроде бы перестал испускать газ, однако в этом уверенности не было. А потом он и в самом деле провалился в черноту.

* * *

Очнулся Адриан в госпитальной палате. Здесь же оказались и все три скаута: Кифер лежал в постели, в то время как Пол и Алекс, одетые в больничные халаты, играли за столом в карты. Адриан понимал, что делает в палате Кифер, и мог догадаться, почему его самого поместили сюда. Но как здесь оказались остальные? Он видел, что ребята успели выбежать на безопасное место.

Адриан сел, привлекая к себе внимание остальных, и сказал:

- Привет!

Кифер немедленно просветил его:

- Благодаря тебе вертолеты зависли на месте, а через несколько минут подъехала «скорая помощь» и забрала нас.

- Это не местный госпиталь, - пояснил Алекс. - По-моему, мы в Олбани.

- Но ведь вас с Полом облако не задело, - сказал Адриан. - Почему же вы здесь?

Алекс пожал плечами.

- Все, что мне известно, - сказал Пол, - это то, что из нас выкачали крови достаточно, чтобы прокормить целую колонию летучих мышей-

вампиров.

Адриан наморщил нос:

- Не понимаю...

Тут вошла медсестра, и Адриан сразу все уяснил. На ней был комбинезон, похожий на бывший недавно его собственным, только белый и с карманами. Руки ее покрывали хирургические перчатки, а лицо - плотная маска. Девушка была молода, и Адриану подумалось, что без комбинезона фигура ее будет великолепной.

Она подошла к постели.

- Это карантинное отделение, так? - осведомился Адриан.

- Да, но уже не для тебя, - ответила она приглушенным голосом и окинула его критическим оком. - Ходить можешь?

Адриан спустил ноги на пол и оправил подол рубашки:

- Да. Я нормально себя чувствую.

- Хорошо. Надень шлепанцы и ступай за мной. - Девушка улыбнулась.

- Кстати, к тебе пришли.

Адриан ответил на улыбку:

- А не могу ли я сперва одеться?

- Не здесь. Твоя одежда находится в комнате первичного осмотра. Так что поторапливайся.

- Это мой папа? - спросил Адриан.

- Не угадал, - ответила сестра. - Идем.

- Ага. Хорошо. Секунду. - Адриан распрощался со скаутами и поблагодарил их. Он пообещал отослать заимствованную одежду Киферу, и они обменялись электронными адресами на листках из госпитального блокнота. Следуя за медсестрой, Адриан вышел из палаты. Им владели нелегкие мысли о том, что его забирают как осужденного преступника, недостойного общества скаутов.

Медсестра спустила с лица защитный респиратор.

- А ты настоящий герой, - протянула она, нарушив течение его мыслей явной ложью.

- Что-что?

- Я о том, как ты спас юного Кифера.

Адриан ощутил, что краснеет. Да, девушка действительно оказалась привлекательной. Он попытался сообразить нечто такое, что не могло бы сойти за проявление ложной скромности, но прежде чем успел что-то придумать, она сказала:

- Да, совсем забыла. Твой отец едет сюда, чтобы отвезти тебя домой. Он будет через несколько часов.

- Домой? Но...

Она рассмеялась.

- О, ты уже не преступник. Тебя оправдали, приняли твою апелляцию... словом, что-то в этом роде.

Он невольно задержал дыхание:

- В самом деле чудесно!

Медсестра приветливо рассмеялась и отправила Адриана в смотровую.

- Я пришлю твоего гостя. - И, уже поворачиваясь к двери, добавила: - У тебя будет время одеться.

Одеваясь, Адриан заметил, что одолженные шорты и тенниска выстираны. Это заставило его удивиться: почему ребят оставили в карантине, а его выпустили?

Размышления его прервал стук в дверь. Отворив ее, Адриан увидел перед собой совершенно незнакомого мужчину.

- Адриан? - спросил тот.

- Да, сэр?

- Я Роберт Бернхардт, отец Кифера. - Мужчина расположился в одном из кресел и указал Адриану на другое. - Во-первых, я должен поблагодарить тебя за то, что ты спас жизнь моему сыну.

- Я не сделал ничего особенного. - Адриан прикусил нижнюю губу, а потом настоятельно попросил: - Не могли бы вы рассказать мне о том, что здесь происходит? И почему мы находимся в госпитале?

Мистер Бернхардт рассказал ему о вирусе «болезни разделительной полосы», и о том, что анализы показали отсутствие такового в крови Адриана.

- Они понимают, каким образом ты мог получить иммунитет. Но их удивляет, что это произошло так быстро.

- А как дела у скаутов? - спросил Адриан. - У Кифера?

Мистер Бернхардт задумчиво покачал головой.

- Жаль, что это случилось с Кифером, - проговорил Адриан. - Мы успели подружиться.

- Да. Он рассказывал мне об этом. - Мистер Бернхардт наклонился вперед. - А тебе не случалось замечать карликовых кошек на разделительной полосе?

- Что? - Адриан наклонил голову. - Да. Но почему они интересуют вас?

- А может быть, - продолжил мистер Бернхардт, - одна из них случайно оцарапала тебя?

- Оцарапала? - Адриан показал на руку. - Нет, укусила. Сюда. Видите пятнышки, оставленные клыками.

- Но Кифера никто не кусал, так ведь?

- Нет. - Помолчав несколько секунд, Адриан добавил: - Его могли укусить, но я прогнал кошку.

Печаль, лежавшая на лице мистера Бернхардта, немедленно сменилась полной боли улыбкой. Поднявшись, он протянул руку Адриану.

- Рад был познакомиться с тобой, Адриан. - Он остановился, положив ладонь на дверную ручку. - Кифер просил меня съездить на разделительную полосу за скаутским снаряжением. Придется. - Он

вздыхнул. - Но мне необходимо найти хотя бы одну из этих кошек, - проговорил он негромко, как бы обращаясь к самому себе. - Просто необходимо.

* * *

Яркий свет упал на нас с небес. А потом пришел скверный запах. Спустилось плохое облако. Мы давились и кашляли кровью. Мы стали слишком слабы, чтобы охотиться. Все крысы ушли. Я один. Другие кошки не движутся. Я голоден. И чувствую себя очень плохо.

Перевел с английского Юрий СОКОЛОВ

© Carl Frederick. Narrow World. 2010. Печатается с разрешения автора. Рассказ впервые опубликован в журнале «Analog» в 2010 году.

СЕРХИО ГАУТ ВЕЛЬ АРТМАН

ЗАРАЖЁННЫЕ

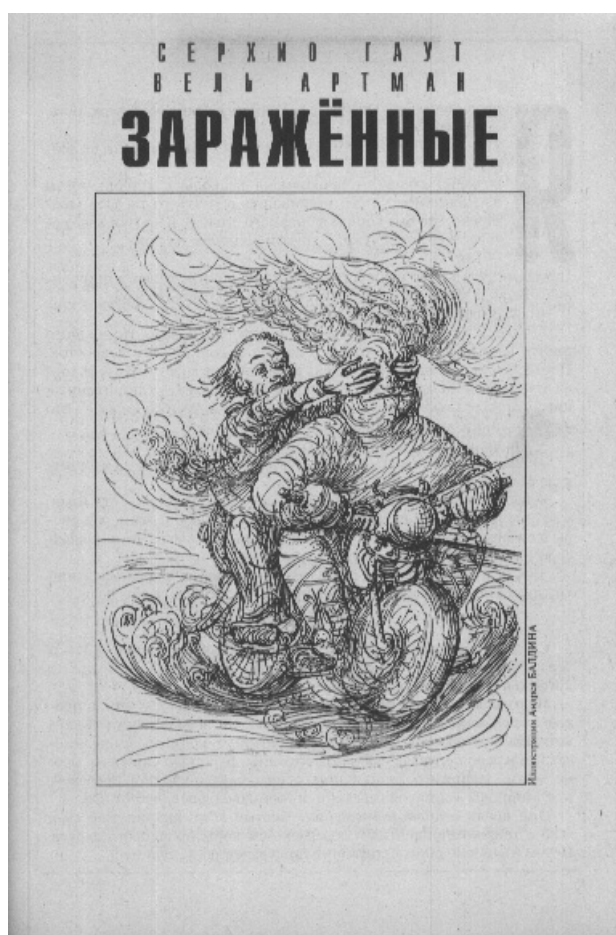

Иллюстрация Андрея БАЛДИНА

Я потрогал стену. Ощувив маслянистую твердую поверхность, отдернул руку. Бесполезно, сказал я сам себе, своим ходом ни за что не добраться. Неверно ступая, я проковылял несколько метров, потом поскользнулся, упал, ударившись обо что-то твердое (возможно, это была опора фонарного столба), и по уши извозюкался в грязной луже. С трудом поднялся на ноги.

- Такси!

Целую минуту вокруг царил тишина, наполненная запахом глицерина и густая, словно мармелад. Потом я услышал чей-то голос:

- Это вы вызывали такси? Куда вас отвезти?

Я подошел к шоферу, пытаюсь рассмотреть его лицо. Но из этого ничего не вышло. По его голосу я сделал вывод, что это подросток. Плохо дело, подумал я, ведь парень наверняка не знает дорогу. И хотя на таксисте была оранжевая униформа Профсоюза - единственный цвет, который можно было различить в условиях густого смога, - это не успокаивало меня, а еще больше сбивало с толку.

- Давно шоферишь? - поинтересовался я.

- Какая вам разница? - грубо огрызнулся таксист. - Говорите, куда ехать, и все!

Я назвал адрес своего дома. Мне следовало бы прикусить язык, а не

расспрашивать парня о работе. Водители не любят вести разговоры о своей профессии: в них тут же просыпается обида, накопившаяся за несколько столетий маргинального бытия.

Чувствуя себя ослепшей развалиной, я обхватил талию мальчишки, восседавшего на переднем сиденье, и мы тронулись в путь.

* * *

Содрав с себя грязную одежду, Мортелл швырнул ее на стул. Из-за чересчур экономного освещения ему опять померещилось, будто он погружен по горло в жидкий гудрон.

Не говоря ни слова, он обнял жену, и ему показалось, что он прикоснулся к манекену, измазанному медом. Он не мог защититься от этих мрачных образов. Такое уж время настало, когда сознание человека то и дело получает невидимые травмы. Всё стало скрытым, кроме запаха. Например, от женщины сейчас разило куриной требухой, а от Мортелла - ржавой селедкой, и гораздо сильнее, чем от нее.

Они поели в полном молчании. Чистый агар, цианидовый сыр, хлеб с тридцатипроцентным содержанием коры пробкового дерева. Потом пили чай, способствующий пищеварению. С душицей.

Ровно в восемь начался бутановый самум.

- Какая пунктуальность! - вдруг улыбнувшись, произнес он. - Мне кажется, что метеорологи стали применять ворожбу. Как же всё меняется в мире! Раньше-то они никогда не угадывали погоду...

- Пфф! - с трудом выдохнула вместо ответа женщина.

- Проклятье! Маски!

В девять они наконец смогли снять маски. И стали целоваться, сталкиваясь лбами в темноте. Каждая их фраза была имитацией давно забытых слов любви. Они произносили много ласковых фраз, не веря ни одной из них.

Тщетно пытаясь овладеть партнершей, Мортелл думал о другом. Ему хотелось бы сейчас попивать мистель*⁷, сидя на веранде кафе на берегу моря, ощущая кожей открытой груди дуновение ветра, и чтобы на лице была щетина недельной давности.

* * *

Плакат на стене гласил:

ТОКСИКОНЫ ОБЪЯВЛЯЮТСЯ ВРАГАМИ ОБЫЧНЫХ ЛЮДЕЙ!

⁷ * Здесь: водка, разбавленная водой, с добавлением сахара и корицы.
(Прим. перев.)

Сотрудничайте с нами! Доносите на них! Они стремятся завоевать всю планету. Они ждут, когда все обычные люди вымрут, чтобы занять их место под солнцем.

Как их распознать?

1) Они не используют ни маски, ни фильтры.

2) Они могут дышать углекислым газом, цианом, бутаном и парами ацетона.

3) Они могут есть всё, что угодно: ветви кустарника, пропилен, пироксил, подзол и лантан.

4) Они носят на груди отличительный знак своей секты - изображение зеленого дыма, исходящего из красной трубы, и мертвых рыб на черном фоне.

5) Они всегда держатся по трое, символизируя тем самым Священный Треугольник: заражение вод, отравление воздуха и стерилизация почвы.

Укрывательство токсиконов карается насильственным питьем проточной воды.

Сотрудничайте с нами! Выдавайте токсиконов!

**БОРИТЕСЬ ЗА СОХРАНЕНИЕ РОДА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО!
ЧЕЛОВЕЧЕСТВО - ЛУЧШИЙ ИЗ ВИДОВ РАЗУМНЫХ СУЩЕСТВ!**

* * *

В десять снова дали свет. Хотя загорелась лишь одна слабенькая лампочка, они смогли увидеть друг друга. Обнаженные бледные тела контрастировали с цветочками на обоях.

- О боже! - воскликнула женщина. - С кем я занималась любовью?! Я вас не знаю! Кто вы?

Мортелл вздрогнул. Слова женщины навели его на циничную мысль. Как можно называть это свинство любовью? Он еще хранил в душе драгоценные воспоминания о том, какой была любовь в далеком прошлом, но это вовсе не то, что они проделывали.

Свет опять погас. Мортелл догадался, что женщина пытается прикрыть свою наготу, будто он мог увидеть ее тело в кромешной тьме.

- Что я скажу своему мужу?

Вопрос звучал глупо. И он так и висел бы в спертом воздухе, если бы Мортелл не сжалился над женщиной.

- Вы ничего ему не скажете, - ответил он. - Вряд ли он скоро сумеет вернуться сюда. Возможно, с ним случилось то же, что и со мной. Таксист, не знающий города, завез его куда-нибудь - ко мне домой или к кому-то другому. И он переспал с чужой женой. Бедняжка придет в ужас, когда обнаружит подмену, и он, наверное, убьет ее во тьме... Я давно уже перестал волноваться из-за подобных мелочей.

- Он очень ревнив, - возразила женщина. - И никогда меня не простит!
- Ну-ну, - нетерпеливо произнес Мортелл, - не надо больше об этом...
- Я приличная женщина!
- Знаю. Кстати, я подложил в чай стрихнин. - Голос Мортелла выдавал его усталость и отчаяние.

- Что вы сказали?

- Я подмешал в наш чай стрихнин, это такой яд. Через несколько минут мы умрем.

- Я вам не верю!

Женщину пугала мысль о том, что она умрет в объятиях незнакомца, и муж, вернувшись домой, застанет ее с чужаком.

- Это быстродействующий яд. Я бы использовал кураре, но не смог достать. Скоро все для нас закончится.

Они молчали, не шевелясь.

- Ты чувствуешь что-нибудь неладное? - спросил наконец Мортелл.

- Нет...

- Что ж, подождем еще немного...

Мортелл был растерян, да и женщина начинала томиться. Он пытался ни о чем не думать, но ему представилось, как его мозг обретает не девственно-чистый, а желтоватый оттенок желчи.

- Как тебя звать? - спросил он, чтобы отвлечься.

- Ортенсия. А вас?

- Мортелл.

- А полностью?

- Просто Мортелл.

Он не решился признаться в том, что его имя - Нарцисс. К тому же он был уверен, что женщина солгала. Возможно, ее назвали Ванесса, Соланж или одним из тех имен, которые были в моде три десятилетия назад. Хотя, в конечном счете, это не имело никакого значения.

- И что дальше? - Судя по всему, терпение женщины окончательно лопнуло, и она решила не тратить больше ни секунды на ожидание смерти.

- Ничего не поделаешь, - сказал Мортелл. - Наш организм постоянно меняется. Теперь он научился усваивать стрихнин, и кто знает, какие еще яды стали для него безвредными. Умереть очень трудно. Впрочем, как и жить... У меня такое ощущение, будто я мчусь к перекрестку на желтый сигнал светофора и уже нельзя ни продолжать движение, ни остановиться. Знаешь, что такое светофор?

- Нет.

- Был когда-то такой аппарат, который регулировал движение автомобилей.

- Автомобилей... Сколько же вам лет? Вы, должно быть, очень старый. И говорите совсем как «ультра». Но вы же не из этих, верно?

Ортенсия была сильно напугана. Она бы, наверное, убежала от него,

но на улице еще опаснее, чем дома.

- Возможно, когда-то я относил себя к «ультра». А теперь какой смысл быть «ультра» или кем-нибудь еще? Разве в мире остались люди моложе двадцати лет? Единственным видом, который способен давать потомство на этой планете, стали токсиконы. Люди думают, что знают всё, а сами не знают ничего. Мы уже давно перестали учиться чему бы то ни было.

Он спохватился, что говорит бессвязно и слишком взволнованно, и умолк.

- В конце концов, это было не так уж противно, - сказала Ортенсия. - Вы уверены, что мой муж не вернется?

Мортелл дважды кивнул. Но женщина ничего не видела в темноте.

- У меня еще есть надежда, - сказала она.

- Надежда на что? - спросил Мортелл. Помолчав, он добавил: - Мне пора. Не могу находиться так далеко от дома.

- Не уходите! Мой муж отправился на поиски динамита, чтобы взорвать наш дом!

- Да что вы! Думаете, нам так повезет? После неудачи со стрихнином?

- Если динамит не взорвется, можно попробовать жевать его, - пролепетала она.

* * *

- Это не здесь, - тихо сказал я.

Однако таксист услышал меня:

- Но я привез вас по адресу!

И все-таки это был не мой дом. Я сосчитал руками прутья в решетке забора. Их оказалось всего девять.

- Послушай, приятель: ты, как и я, заблудился, просто не хочешь признаться.

- Я знаю город, как свои пять пальцев!

- Не валяй дурака! Я живу не на твоей ладошке.

Таксист цокнул языком и издал звук, который, видимо, означал смешок. Потом рванул с места на такой скорости, что я с трудом сумел удержаться на сиденье, вцепившись в талию мальчишки.

* * *

Мортелл едва волочил ноги, пробираясь сквозь окружавшие его расплывчатые тени - такие пухлые и черные, что, казалось, они способны бесследно поглотить целую толпу.

Дойти или не дойти - вопрос не в этом, думал Мортелл. Вопрос - зачем?

Ему становилось все труднее переставлять ноги. Нарастающее ощущение опасности заставляло волосы на затылке вставать дыбом. Он вытянул руки перед собой и сам себе показался смешным и похожим на сомнамбулу. Однако он сумел сделать еще несколько шагов. Потом остановился, чтобы поправить носовые фильтры. Ему вдруг пришла в голову мысль, что если он вдохнет окружающую его мерзость, то немедленно умрет. А почему бы и нет? Он и так уже мертв. Ему казалось, что на всей планете остаются лишь он, еще какой-то бродяга и фильтры. Пусть токсиконы получают в наследство всю Землю.

Он потрогал пластиковую маску, на которой крепились фильтры, и пробежал пальцами по ремешкам, соединяющимся на затылке. Последнее слово техники. Точнее - предсмертный хрип...

Мортелл задержал дыхание и улыбнулся. Неловко двигая пальцами, расстегнул застежку и резко сорвал с себя маску.

Сделал глубокий вдох. Легкие свистели и хрипели, однако в конце концов смирились с той гадкой смесью, которая когда-то называлась воздухом. Это было все равно что вдыхать муку из поджаренных зерен. Мортелл даже не удивился. Если искать во всем положительную сторону, то следовало признать: освобождение от фильтров представляет собой прогресс. Теперь ему оставалось лишь адаптировать зрение к постоянным сумеркам, и трансформация будет завершена.

* * *

Граница между мирами токсиконов и обычных людей была весьма условной, так что переход из одной группы в другую осуществлялся вполне естественным образом. Любой мог испытать соблазн поверить, что обычные люди превращаются в токсиконов в заброшенных телефонных будках, как это делал легендарный Кларк Кент, чтобы стать Суперменом. К сожалению, случаи обратного превращения не были зафиксированы, и до сих пор остается загадкой, когда и как токсиконы перешли к размножению половым путем.

П.Смутц. «Токсикологическая иллюстрированная энциклопедия»

* * *

- Стой! Да остановись же!

Таксист завез меня куда-то за город, слишком далеко от знакомых мест. Тут даже смог казался не таким плотным.

- Ну, что еще? - Шофер остановился и обернулся ко мне.

Он оказался зрячим. У него были зеленые глаза и пронзительный взгляд. Этот взгляд и отсутствие зубов придавали мальчишескому лицу сходство с каким-то монстром. Таксист издал смешок, и тогда я окончательно уверился в том, что передо мной не обычный человек, а токсикон. На его груди виднелся отличительный знак секты.

- Ты обманывал меня! - воскликнул я.

- С самого начала, - спокойно подтвердил он.

- А форма Профсоюза таксистов...

- Какие же вы глупые - люди! «Форма»! - передразнил он меня. Достал откуда-то баночку подзола и стал поедать его, окуная пальцы в черную смесь, как в сметану. - Да снимите вы эту маску!

- Ты что, с ума сошел? Если я сниму маску, то умру!

- Токсиконам маски не нужны. И, кстати, обращайтесь ко мне на «вы»!

- На «вы»? С какой стати?

- У нас строгая иерархия, - пояснил токсикон, облизывая пальцы. - А поскольку я только что завербовал вас, то отныне вы мой подчиненный.

- Ах ты, молокосос! Я тебе покажу - «подчиненный»! - выпалил я, бросившись на парня.

Токсикон попятился и той же рукой, которой он доставал подзол из банки, одним рывком сорвал с меня маску. Я рухнул лицом вниз и, прежде чем потерять сознание, ощутил, как в мой рот льется струя жидкого каучука.

* * *

Мортелл продолжал брести, обессиленный и изможденный. Всё казалось слишком далеким и безвозвратно утраченным. Мир, каким он его знал в молодости, жена, Ортенсия, попытки покончить с собой, неизменно завершавшиеся неудачей, токсиконы... Нет, токсиконы были рядом. Всего в одном шаге...

Ему стало холодно. Когда трансформация завершится и он перестанет думать как обычный человек, а начнет мыслить подобно токсикону, то уже не будет чувствовать себя таким одиноким.

В голове вдруг возник странный образ, настолько абсурдный, что Мортеллу невольно стало смешно. Фантазия демонстрировала ему некий видеоролик о весьма своевременном пришествии инопланетян, желающих спасти человечество за минуту до конца света. В этом видении пришельцы обладали всей необходимой технологией, чтобы очистить и восстановить атмосферу и поверхность планеты. Они любили красоту, исповедовали безупречную мораль и были готовы пожертвовать собой ради сохранения жизни на Земле.

Мортелл потряс головой, чтобы прогнать навязчивые образы. Это оказалось так мучительно - представлять себе нечто подобное. Даже если бы такие инопланетяне существовали где-то во Вселенной, они не стали бы тратить время на помощь вымирающему виду существ, не способных излечить себя. Но они могли бы помочь токсиконам - ведь юная и неопытная раса этого вполне заслуживает...

За спиной Мортелла прозвучал далекий взрыв, приглушенный желеобразной пеленой, которая окутывала город. Значит, муж Ортенсии все-таки вернулся с динамитом и сумел взорвать дом. Вот неудача! Крах вновь окутывал Мортелла своим черным покровом.

Он вернулся к мыслям о пришельцах. Если бы они потребовали слишком высокую цену за восстановление планеты, он бы пожертвовал собой. Но что могло сохраниться на этой планете, кроме ядовитых газов, заражения и мусора?

* * *

Листовка на стене гласила:

БУДЬТЕ СОЛИДАРНЫМИ С ЧЕЛОВЕЧЕСТВОМ! СЖАЛЬТЕСЬ НАД БЕДНЫМИ МУЖЧИНАМИ И ЖЕНЩИНАМИ, КОТОРЫМ НЕВЕДОМО СЧАСТЬЕ БЫТЬ ТОКСИКОНОМ!

Не обращайтесь с ними плохо! Не используйте насилие по отношению к ним! Не питайте к ним презрение! Не унижайте их!

Помните, обычные люди - это наши прародители!

ТОКСИКОНЫ ПРЕДСТАВЛЯЮТ СОБОЙ БУДУЩЕЕ, И ИМ ПРИНАДЛЕЖИТ ВСЯ ПЛАНЕТА!

Токсикон привез меня в деревню, где жили такие, как он. Там меня научили всем способам адаптации и выживания, и женщина-отшельница ответила почти на все мои вопросы.

Токсиконы хохотали взахлеб, когда я сказал, что в этом месте смог кажется не таким густым. А потом они объяснили, что в действительности смог здесь еще гуще, чем в городе, но я уже прошел стадию трансформации и стал полноценным токсиконном.

Чтобы отметить мое вступление в их общину, они устроили вечеринку. Мы пели, плясали, лакомились подзолом и лантано-самариевой смесью.

* * *

Мортелл решил отдаться на волю судьбы. Любые мысли изнуряли его и лишь усугубляли депрессию.

В какой-то момент он споткнулся и рухнул на что-то мягкое. И почувствовал себя еще более несчастным, чем когда-либо в своей жизни.

Ощупав предмет под собой, он понял, что это чье-то опухшее лицо. Пальцы его наткнулись на зубы во рту лежащего - значит, обычный человек. Только мертвый.

- Мертвый?! - возбужденно вскричал Мортелл. - Значит, умереть все-таки можно?!

Воодушевившись, он забыл и о воображаемых инопланетянах, и о токсиконах, и даже об этой проклятой планете. Он поднялся на ноги и стряхнул с одежды приставшие нечистоты.

- Пока есть смерть, надежда остается! - крикнул он.

Перевел с испанского Владимир ИЛЬИН

© Sergio Gaut vel Hartman. Los contaminados. 2005.

Публикуется с разрешения автора.

журнал **АНТИКВАРИАТ** ПРЕДМЕТЫ ИСКУССТВА
И КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЯ

Ваш гид по рынку
Достоверная информация
и реальные цены

Подписка:

- по каталогу ООО «Межрегиональное агентство подписки» (кроме Москвы) — индекс 99438;
- по каталогу «Пресса России» — индекс 45720;
- в отделе распространения, тел.: (499) 248-7408, факс: (499) 248-3811.

Адрес: 119435, Москва, Б.Саввинский пер., 9
Тел.: (499) 248-0576 (редакция), тел.: (499) 248-7408, (495) 585-7316 (отдел распространения),
www.antik.ru, e-mail: info@antik.ru (редакция),
sales@lubkniga.ru (отдел распространения).

ЖУРНАЛ АНТИКВАРИАТ

ПРЕДМЕТЫ ИСКУССТВА И КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЯ

Ваш гид по рынку

Достоверная информация и реальные цены

Подписка:

- по каталогу ООО «Межрегиональное агентство подписки» (кроме Москвы) - индекс 99438;
- по каталогу «Пресса России» - индекс 45720;
- в отделе распространения, тел.: (499) 248-7408, факс: (499)248-3811.
Адрес: 119435, Москва, Б.Саввинский пер., 9 Тел.: (499) 248-0576 (редакция), тел.: (499) 248-7408, (495) 585-7316 (отдел распространения), www.antik.ru, e-mail: info@antik.ru (редакция), sales@lubkniga.ru (отдел распространения).

НИКОЛАЙ КАЛИНИЧЕНКО

ПРЕДЕЛ ЖЕЛАНИЙ

Иллюстрация Владимира ОВЧИННИКОВА

*...Я, как дитя, играю пустотой,
Струящейся за каждой чертой,
За каждой гранью зримого пространства.*

*Я отворил в себе исток игры.
Я властен жечь и созидать миры.
Я различил в движении постоянство...*

Сергей Калугин

Транспорт был огромен. За неделю кропотливой работы из обычного карьерного проходчика сделали сухопутный броненосец. Обшили борта стальными листами, устроили палубы для пассажиров, усилили каркас и заменили двигатель. В багряном полумраке вспыхнула сварочная дуга, особенно яркая на фоне темного корпуса.

- Пушки ставят, - сказал часовщик Менакер. - Ночью на тягачах привезли. - И потом добавил, словно оправдывался: - У меня бессонница, я видел.

- Пушки? - Надир Кулиев, худощавый светловолосый мужчина лет

сорока пяти; удивленно посмотрел на старика. - Откуда в Тимирязеве пушки?

Часовщик пожал острыми плечами. Седая голова на тонкой шее качнулась туда-сюда, точно маятник. В больших круглых очках сверкнул отраженный свет.

Стражники подняли шлагбаум, и очередь двинулась к трапу. Беженцы медленно шли по улицам города. Мимо оставленных домов, мимо детских площадок и магазинов. За спинами уходящих гасли фонари.

* * *

Когда Надир услышал про корабль с Земли, то сначала не поверил - слишком зыбкой была надежда. Потом информация подтвердилась. Большой звездолет «Коперник» совершил выход из гиперпространства в районе их звездной системы, получил сигнал тревоги и отправился на помощь. В сотне километров от города на старый космодром опустился челнок. Люди радовались: вот-вот пришлют униботы - паковали вещи, забирали сбережения из банка. Весь день прошел в ожидании спасателей, а вечером перед тимирязевцами выступил хаким Алтарев. Он сказал, что космонавты не знают местных условий и что над пустыней боты не пройдут. Прорываться к челноку придется самим. Надир ждал восстания, но ничего подобного не случилось. Алтарева уважали.

Кулиев поднял голову к небу. Где-то там, скрытые завесой красной пыли, уже загорались первые звезды. Он полез в карман, достал пачку сигарет - все, что осталось от припасенного блока. Прочитал надпись «Тимирязевские особые», таясь неизвестно от кого, вытащил зажигалку. Этот маленький красный цилиндрик являлся пределом Надира, потолком возможностей, и в то же время недвусмысленно указывал на его место. Здесь, рядом с Менакером и остальными. А те, кто в пустыне... бог с ними. Бог... Мужчина глубоко затаился и выпустил облако сизого дыма, отгораживаясь от настоящего.

* * *

- Надир-абы! Старший брат! - зеленые глаза, немного асимметричная, словно неуверенная улыбка и множество тонких черных косичек. Азиза, гибкая и легконогая, подбежала, обняла, поцеловала в щеку. - Я такое нашла! Такое! Закачаешься! - она взяла его за руку. - Пойдем!

Надир любил бывать в гостях у сестры. Ее дом стоял на самом краю поселка. Широкие арочные окна открывались прямо в сад. Ровные ряды плодовых деревьев уходили в бесконечность. Над зеленеющим

океаном крон царили туманные зиккураты Радужных гор. Дом застыл, окруженный морем жизни, словно аскет в медитации. Теплый ветер свободно гулял по коридорам и комнатам, будоражил легкие занавески, играл медными колокольцами оберегов.

- Я ездила на этюды к Радужным горам. Знаешь, там копают арык. Землю из канала достали, а убрать еще не успели. Я подошла, думала: найду пару ракушек или камней для панно. А там... вот! - девушка подвела Надира к низкому круглому столику.

В центре изразцовой столешницы стояла стеклянная ваза с широкой горловиной. Емкость была доверху заполнена рубиновым песком.

- Ты погляди, какой яркий цвет! - восхищалась Азиза. - Я из него такого понаделаю! Такого!

Надир пожал плечами. Подумаешь! Чтобы не расстраивать сестру, подошел к вазе, взял горсть песка, растер между пальцами - слишком мягкий. Для раствора не годится.

В детстве он сильно завидовал Азизе. Ее умению видеть волшебное в обыденном. Потом понял: каждому свое. Надир работал главным технологом на бетонном заводе, производил материалы, из которых были построены все дома в городе. Кулиев любил свою работу.

- Пойду сварю кофе. Будешь? - сестра упорхнула в другую комнату, не слушая ответ. Знала: брат никогда не отказывается от чашки эспрессо.

Захотелось курить. Надир сунул сигарету в рот, несколько раз щелкнул зажигалкой. Пламя так и не появилось. Раздосадованный, он огляделся вокруг в поисках источника огня. Отчего до сих пор никто не удосужился изобрести вечную зажигалку? Внезапно внимание мужчины привлек едва слышный треск, словно разорвалась тончайшая мембрана. Звук исходил от вазы с песком. Красная субстанция в вазе образовала подобие водоворота, затем взбурлила, набухла пузырем и вдруг сгустилась в маленький блестящий цилиндр с темным отверстием жерла и единственной кнопкой. Слово во сне, Надир подошел к вазе, взял зажигалку, поднес к сигарете и нажал кнопку. Тут же возник веселый огонек. Мужчина неподвижно стоял и смотрел на пламя, которое только что создал. В коридоре ветер играл колокольцами. Раскачивались легкие шторы. В палисаднике у дома начали распускаться нарциссы.

Хаким Рахматов был мудрый человек, заморозил строительство арыка у Радужных гор, позвал ученых. Место, где сестра Надира нашла красный песок, оцепили, поставили охрану. Развернули научную базу.

Одного не учел хаким - масштабов открытия. Когда Азиза у него на глазах сотворила из песка райскую птицу - не статуэтку, не чучело, а самую настоящую, живую птаху, - Рахматов только мечтательно улыбался. Что виделось ему? Какие светлые грезы оживали в сознании пожилого человека? Нужно было создать змею или скорпиона. Может быть, тогда все сложилось бы иначе.

* * *

Главная ошибка хакима была в том, что находку не сохранили в тайне. По телевидению регулярно показывали передачи о песке. Репортажи с научной базы шли в прайм-тайм. Каждый горожанин мог видеть, как послушные воле ученых красные крупницы превращаются в ключи, микроскопы, спички.

Это просто невероятно! - академик Огурцов, возглавляющий научную группу, нервно поправил ворот рубашки. - *Материал обладает потрясающим потенциалом доатомной трансформации. Мы едва освоили синтез материи, а перед нами будущее. Причем весьма отдаленное. Каждая крупинка - это своего рода завод. Нет! Целая сеть заводов. Они могут производить все, что угодно: твердое и жидкое, живое и неживое. Мы не очень хорошо понимаем, как песок принимает команду от человека. Это чем-то напоминает опыт с магнитом и металлической крошкой. Наша мысль выполняет роль генератора поля, электронного стержня, вокруг которого формируется атомный скелет очередного «заказа», а следом и молекулярная плоть. Аналогом магнитной силы в данном случае выступает сила воображения.*

Азиза тоже была среди ученых. Никому, кроме нее, пока не удавалось создать живую материю. С легкой руки художницы материал получил название *джиннит*.

* * *

- Смотрите-ка, что здесь! Не может быть... - Менакер вышел из очереди, аккуратно поставил на землю старинный кожаный чемодан и побрел в темноту.

Они как раз достигли окраины Тимирязева. Здесь, на границе песков, запустение было особенно явным. Стены домов утопали в красных волнах. Город погружался в пустыню, словно корабль в морскую бездну.

- Стой! Куда? - Надир покинул строй беженцев, подтянул лямки рюкзака и устремился за часовщиком. Менакер уже исчез в темном дверном проеме.

Надиру приходилось бывать в заброшенных коттеджах, когда он с дружинниками прочесывал окраину. В сущности, ничего особенного: пустые коридоры, оставленные вещи. Однако сегодня все было иначе. Как в тот злополучный день...

* * *

- Есть движение! - Павлов недоверчиво и как-то брезгливо разглядывал сканер, словно прибор вдруг обратился в жабу. Видно было, что дружиннику до чертиков не хочется лезть в пустой дом. - Может, программа глючит?

«У меня семья, дети. На кой черт мне это надо!» - так и читалось на лице бывшего мелиоратора. «Вот поэтому ты и здесь, - подумал Надир. - Потому что семья, дети. А я? Что нужно мне?»

Рихард Плятт, командир группы, стремительно приблизился к Павлову, отобрал сканер. Чем дольше он разглядывал изображение, тем мрачнее становился. Узкое, костистое лицо словно застыло. Только подрагивали уголки большого рта.

«Стрекоза, он похож на стрекозу», - Надир поежился. С Пляттом, которого за глаза называли Геббельсом, тоже все было понятно. Сын и жена исчезли в пустыне два месяца назад. Рихард не сдался. Отправился на поиски вместе с двумя друзьями. Через неделю он вернулся один. Шел пешком, оборванный, обезвоженный, с винтовкой, в которой не осталось зарядов. После этого милейший учитель истории стал таким, как сейчас. Хищным, ненасытным, опасным.

- Зайцев, вызывай стражников, - наконец процедил Плятт. - Скажи: мы нашли ее. Павлов, Кулиев - за мной.

* * *

Дальнейшее напоминало раскадровку двумерного фильма. Темные коридоры, желтые прямоугольники входов. Сквозь проломы в потолке струится солнечный свет. Пыльные лучи высвечивают угол комода, спинку стула, куклу, сидящую у стены. Сердце заволокло бьет в груди и вдруг пропускает удар. Это не кукла! Резкий разворот. Что-то белое бросается в сторону от ствола винтовки. Выстрел, еще один. Щеку обжигают горячие капли.

Дом оживает, шуршит, шепчет на разные голоса. В коридоре движение. Низкорослые, неуклюжие, с большими круглыми головами - они в самом деле похожи на заготовки для кукол. Только не бывает у игрушечных карапузов таких широких зубастых ртов.

Кха-кха-кха - кашляет винтовка Рихарда. В полосе света возникает перекошенное лицо Павлова. Мелиоратору на шею опустилась черная бабочка, разрослась, раскинула крылья и вдруг потекла, вязко закапала на пол.

Вспышка! Это Плятт бросил гранату. Хищные куклы валяются, словно подкошенные.

- Зацепили! - кричит Рихард. - Быстрее! Шестая комната справа!
Нет времени проверить оружие, нет времени осмотреть Павлова.
Нельзя медлить. Иначе...

Комната светлая, с большим арочным окном, как в гостиной Азизы. Ни мебели, ни вещей. Пол устлан ровным слоем красного песка.

На широком подоконнике лежит девочка лет четырнадцати. Короткие, абсолютно белые волосы, прямой нос, загорелые плечи. Легкий алый сарафан в белый горошек измят и разорван. Из прорехи стыдно белеет исподнее. Одна рука свесилась вниз. Глаза плотно закрыты. По нежной округлой щеке ползет багровая капля. Хочется броситься к девочке, обнять, успокоить. Вместо этого Надир поднимает винтовку. «Ну же!»

- Привет, Надир! - девочка внезапно оживает, садится на подоконнике. Улыбается. Острые белые зубы, озорной взгляд голубых глаз. Кровь на щеке исчезла.

- Что ты здесь делаешь? - зачем-то спрашивает Надир.

«Стреляй, идиот! Стреляй!» - надрывается в голове невидимый паникер.

- Тебя жду, - девочка легко спрыгивает с подоконника, подходит к мужчине вплотную, заглядывает в глаза. - Вообще-то я приходила к родителям. Хотела позвать с собой. Мама плакала. Она это умеет. А отчим взял винтовку. Представляешь? Хотел стрелять в меня. Куколки наказали его. Кусали за руки, за ноги, пока он не упал. Ты тоже хочешь стрелять в меня?

Песок на полу приходит в движение, начинает обретать форму. Внезапно голубые глаза тускнеют, тело обмякает. Надир подхватывает девочку. Над красным в белый горошек сарафаном торчит рукоять ножа.

- Скажи ему... - губы девочки едва шевелятся, - скажи ему... все ради него.

Фильм кончается. Время замедляет ход.

* * *

- Слабак! - в окне маячил силуэт Плятта. - Еще одна ошибка - пойдешь под суд.

Рихард перебрался в комнату. Осторожно подошел, тронул ногой безжизненное тело.

- Как вы... как же вам удастся? - Надира трясло. - Это же ребенок!

Плятт оторвал его от девочки, резко поставил на ноги. Встряхнул. Дал пощечину.

- Очнитесь! Это не люди! Оболочка, а внутри... - он схватился за рукоятку ножа, вырвал его из раны. - Вот! Ни крови, ни гноя. Один

проклятый песок!

Тяжелый ботинок врезался в сыпучий покров на полу. По воздуху поплыла рубиновая пыль.

* * *

Преследуя часовщика, Кулиев прошел дом насквозь и оказался во дворе, обнесенном невысокой каменной стеной. Пески отчего-то пощадили это место. Ржавый язык бархана впивался в город чуть севернее, а здесь все выглядело нетронутым. Уголок прежней жизни, словно экспозиция в краеведческом музее. Скамейка, качели, на крыльце под навесом кресло-качалка.

Посреди двора возвышалось сухое дерево. Белый ствол поднимался из земли, а затем расходился в стороны двумя могучими руками-ветками.

Менакер стоял у дерева и водил ладонями по гладкой, лишенной коры поверхности - что-то искал.

- Это должно быть где-то здесь, у развилки, сейчас, сейчас... - бормотал часовщик. Надир подошел ближе, не решаясь прерывать старика.

- Вам помочь, почтенный?

- Простите, что не оборачиваюсь, молодой человек, - отозвался Менакер. - Я слышал, вы шли за мной. В этой темноте ничего не разглядеть. Если я обернусь, то придется искать сначала, тратить время, которого нет. У часовщика нет времени. Смешно.

- Но что вы ищете?

- Воспоминание. Всего лишь воспоминание.

Старик сошел с ума, подумал Надир. Как это горько. Неправильно. День за днем переносить кошмар, а затем, в самом конце, вдруг не выдержать и сломаться. Безумие - верный путь в пустыню. По законам города - смертная казнь. Может быть, не ждать, пока их найдут стражники? Без обвинений, без позора сломать старику шею и укрыть где-нибудь в доме? Главное, не закапывать в песок. Только не в песок!

* * *

Неизвестно, кому из горожан первому удалось «позвать» джиннит. Может, это был клерк, недовольный низкой зарплатой, или бедный влюбленный, решивший покорить девушку небывалым подарком. Через месяц песок был повсюду. Он возникал из-под земли, точно сорняк, растекался красными лужами, поскрипывал под ногами. Администрация пыталась локализовать утечки. Но нельзя же оцепить

весь город.

Оказалось, что каждый человек «дружит» с песком по-своему. У одних лучше получалось создавать керамику, у других - стекло. Творить сложные механизмы и живые существа могли единицы. Людей, говорящих с джиннитом, называли по-разному: песочниками, трансфигураторами, даже волшебниками. Однако самым живучим оказалось словечко «саб». Надир точно не помнил, откуда взялось это странное прозвище. Кажется, все из тех же пресловутых телеотчетов с научной базы. Сабулум - по-латыни песок. Разве нет? Как бы то ни было, едва услышав знакомый мелодичный звук, люди на улицах принимались квакать: «саб-саб».

Говорили, что если часто обращаться к песку - силы просящего возрастают, фантазия затачивается, как лезвие ножа. Появились клубы и общества по применению джиннита. Обсуждался вопрос о введении нового предмета в школах.

Азиза возглавила одну из групп сабов. Они называли себя «Мечтатели». Беззлобные, слегка рассеянные, эти люди сразу понравились Надиру. Он с удовольствием посещал их собрания и не столько совершенствовался, сколько наслаждался общением. Своей целью «Мечтатели» ставили создание нетривиальных вещей и живых существ. Они верили в то, что возможности песка куда шире, чем это принято считать. И, к несчастью, оказались правы.

* * *

- Нашел! Идите сюда скорее, - Менакер махнул Надиру рукой. - Можете посветить?

Надир подошел к дереву, достал зажигалку. Огонь осветил белый, словно мраморный, ствол.

- Смотрите, вы видите ее?

Надир наклонился еще ближе и вдруг разглядел профиль молодой девушки. Тонкие черты лица, крупный нос с горбинкой, волосы собраны в пучок на затылке. Это было что-то вроде барельефа. Только материалом для украшения служила плоть дерева.

- Это Ребекка - моя жена, - тихо сказал Менакер. - Как уйти, не простившись?

- Вы использовали песок?

- Почему сразу песок? - старик поморщился. - Вы так верите в эту... субстанцию?

- Но это лицо в стволе... похоже на чудо...

- Когда мы пришли сюда, здесь не было ничего. Сухая, мертвая земля. Скептики говорили, что саженцы никогда не приживутся. И вот за пять лет на целине поднялись сады. Отсюда и до Радужных гор. Персики,

вишня, алыча - тысячи квадратных километров. Вот - чудо!.. Это разновидность платана, - часовщик прикоснулся к стволу. - В юности его кора мягкая и чувствительная, точно кожа младенца. Я вылепил профиль жены из экопластика, закрепил его вот здесь, у развилки. Через год материал растворился, а форма осталась. Навсегда; Если мне становилось одиноко, я приходил сюда и говорил с Ребеккой. Потом начались перемены. Пришлось перебраться в центр. Я думал, коттедж давно снесли или песок пожрал его...

* * *

- Я не знаю, что со мной. Мне снится осень. Листья опадают с деревьев. И каждый лист - это лицо. Человек, которого я знала. Я боюсь, брат. Боюсь, что однажды все листья в саду осыплются. Я забуду дорогих мне людей. Тебя, Федора... Егорку, - Азиза закрыла лицо руками.

Благодаря джинниту дом Азизы преобразился. Он походил то на дворец султана, то на рыцарский замок. Интерьеры и помещения все время менялись. Надир восхищался каждым новым обликом, хвалил сестру, однако тот, первый дом с окнами в сад и поющими колокольцами нравился ему куда больше.

- Что говорит хозяин? - Надир относился к свояку с легким холодком. Если б спросили - почему, не смог бы ответить. Спокойный сильный мужчина Федор Алтарев производил приятное впечатление на собеседников. Несмотря на свою молодость, он возглавлял охрану хакима. Помимо железной воли Федор обладал харизмой настоящего лидера. Бывалые стражники слушались его беспрекословно. К жене и сыну Алтарев относился словно к иконам. Окружал заботой и буквально боготворил.

- Он старается понять меня. Подбодрить. Но я же вижу. Ему трудно принять мои способности. Федя говорит: то, что не требует усилий, не приносит счастья. Он не понимает, какое наслаждение работать с джиннитом. - Упоминание красного песка как будто придало сестре сил. Ее взгляд прояснился, на лице появилась легкая улыбка. - Ну что мы все про меня да про меня. Расскажи, как твои дела?

- Нормально. Завод закрывают, - Надир постарался сказать это буднично, без надрыва.

- Давно пора. Толку теперь от него... - Азиза махнула рукой, словно хотела стряхнуть пыль с рукава. Потом спохватилась. - Ой! Прости. Ты расстроился? Но ты должен понять. Человек ищет, где лучше. Теперь мы можем строить дома совершенно бесплатно. И какие дома!

- Не строить, а создавать, - Надир все-таки не выдержал.

- В чем разница?

- Строительство - это сложный процесс. Требуется труда, времени, квалификации. Чтобы стать специалистом, нужно учиться годы.

- Ну вот, ты говоришь, как Федор, - поморщилась Азиза. - Зачем ты цепляешься за старое, брат? Пойми: так, как раньше, уже не будет. Люди станут все чаще использовать песок желаний. Мы перешагнем ограничения быта, козни политиков и бюрократов. Только свобода! Только творчество! Разве не к этому стремится каждый человек?

- Не знаю. Не уверен. Люди по-разному понимают свободу.

- Это все от незнания. Вот когда мы...

- Дядя Надир! - в комнату вбежал Егор. Чертами лица он походил на отца, но зеленые глаза и улыбка достались мальчику от матери. На племяннике были легкая белая накидка и круглая школьная шапочка. Симпатичное лицо Егора портил внушительный синяк, набухший под левым глазом.

- Ты почему не в школе? - напустилась на него Азиза. - И этот синяк... ты что, подрался?

- Ну, подрался...

- Не нукай! Говори толком. С кем? Из-за чего?

- Из-за тебя, - выпалил мальчик. - Омар Багиров сказал, ты - ведьма, отняла работу у его отца. Сказал, что таких, как ты, надо топить в арыке. Вот я ему и врезал.

- Какая чепуха! Отняла работу. Кто его отец?

- Ренат Багиров был техником на нашем заводе, - тихо сказал Надир. - Один из лучших, ударник. Его сократили месяц назад. С тех пор Ренат живет в чайхане.

- Опять этот завод... - Азиза зачерпнула горсть песка из стоящей на столе вазы. Через мгновение она уже протягивала сыну пакет со льдом. - Вот, приложи к глазу, а Омару скажи, пусть его отец ко мне приходит. Я дам ему все, что он захочет. Возмещу любые убытки. В чем он сейчас нуждается?

- Он нуждается в себе, трудолюбивом, уважаемом человеке. Кормильце большой семьи. Сможешь дать ему это? - Надир покачал головой. - Ты слишком долго жила в сказке, Зи.

- Я... я не знаю. «Мечтатели» хотят только добра, - Азиза беспомощно посмотрела на брата и вдруг широко улыбнулась. - Мы сделаем вот что: соберем людей на площади, будем говорить с ними. Каждый получит компенсацию...

- Это может кончиться плохо, Зи, - Кулиев взял сестру за плечи. - Я вчера встречался с рабочими - они в ярости. Обещай мне, что не пойдешь на площадь. Прошу тебя.

- Хорошо, я подумаю, - Азиза недовольно нахмурилась.

Егор молча смотрел на взрослых.

Где-то в пустыне огромный шалун-котофей принялся рвать когтями обои. Неприятный звук стремительно приближался, нарастал. Надир резко обернулся. Пальцы самопроизвольно сжались, пытаюсь нащупать несуществующее оружие. На вершине бархана танцевал неоновый демон. Он весь переливался, и сиял, и сотрясался, точно марионетка в руках эпилептика. Тело гостя казалось зыбким, нестабильным, а его антропоморфность выглядела насмешкой над человеческим телом.

- Тише. Не провоцируйте его, - прошептал Менакер. - Возможно, он нас не видит.

Надир опустил руки, усилием воли заставил себя успокоиться.

- Соглядатай, - выдохнул часовщик. - Как вы думаете, оно... живое или это всего лишь кукла?

Надир пожал плечами. Он понимал, что хотел спросить старик, но не знал ответа. Возможно, за этой чуждой, пугающей формой по-прежнему скрывался человек. Возможно, даже кто-то из знакомых. Возможно...

Пришелец вспыхнул ярче прежнего и вдруг заскользил по гребню бархана в сторону поселка, словно медуза, влекомая приливом. В то же мгновение на темном персте минарета невиданным брильянтом вспыхнул белый огонь. Что-то хищное с глухим ревом понеслось к демону, ударило точно в центр. Взрыв поднял в воздух облако песка.

Через минуту над пустыми домами появился черный автобот. Разглядеть подробности с такого расстояния Кулиев не мог, но был уверен: на борту машины семь звезд и чинара - символ хакима. Капитан покидал свой корабль последним.

Летательный аппарат обошел по дуге оседающий песчаный клубок, завис над барханом, а затем устремился напрямик к дому Менакера.

- Заметили, - в голосе часовщика слышалась досада, словно ему было все равно, от кого прятаться. Лишь бы оставаться невидимым.

Машина приземлилась прямо за оградой. Человек в легкой броне стражника спрыгнул на землю. Подошел к дереву. Остановился.

Надир молча разглядывал свояка. Алтарев постарел. Мощный покатый лоб окончательно освободился от волос. Очертания скул и подбородка казались слишком резкими, словно у персонажей комиксов. Хаким отключил гарнитуру визора, и Надир наконец рассмотрел глаза Алтарева - два дьявольских маяка в тени глазных впадин. Огненный взгляд одержимого. Надир неожиданно осознал, что Федор всегда был таким. Просто хорошо маскировался. Теперь скрываться не было смысла. Казалось, кости скелета внезапно уплотнились, сжимая душу хакима, и та выступила наружу, точно сок перезрелого фрукта. Ярость, безумие, неукротимая сила - все было на виду.

«Как хорошо, что этот человек не умеет управляться с песком», - невольно подумал Надир, прежде чем протянуть свояку руку.

* * *

Люди собрались на площади. Их было много. Гораздо больше, чем он предполагал. Кулиев огляделся, выискивая знакомые лица. Вот крановщик Самсонов из соседнего дома насупился, смотрит зверем, а вон молоденькая продавщица Лидочка из магазина «Бытовые товары» - эта пришла из любопытства. Несколько студентов аграрного училища. Они-то что здесь забыли? Заводские явились все как один, привели друзей, родственников. Внешне люди выглядели спокойными, но это было спокойствие весеннего льда.

Сообщение передали этим утром по всем каналам. Группа трансфигураторов собирается сделать заявление. За день перед зданием администрации возвели трибуну, и сейчас на нее поднимались знакомые Кулиева по клубу «Мечтателей». Но где же Азиза? Надир облегченно вздохнул - сестры на трибуне не было. Шествие возглавлял муэдзин Ибрагимов - один из самых талантливых сабов в поселке. Ослепительно белые одежды делали его похожим на ангела или святого. А вон красный сарафан в крупный белый горошек - школьница Юлия Орлова, хрупкая, голубоглазая, с удивительными белыми волосами. Она влюблена в Ибрагимова. Смотрит на него, как на божество.

Муэдзин вышел вперед и поднял руки, призывая людей к молчанию. Постепенно голоса стихли. Жители поселка приготовились слушать.

- Братья и сестры, друзья! - тренированный ежедневным намазом голос Ибрагимова легко накрыл площадь. - Мы собрали вас здесь, чтобы прекратить разногласия и снять недовольство. «Мечтатели» знают о бедах горожан и понимают свою вину. Не печальтесь, смирите свой гнев. Люди песка желают только добра и процветания жителям города. Все, кто претерпел от нас, будут вознаграждены, ваши убытки возместятся втрое. Ваши семьи забудут о нужде. Желающих говорить с джиннитом мы готовы учить. Совершенно бесплатно!

Люди молчали. Надир чувствовал, как ослабевают напряжение. Муэдзин избрал верную тактику. Говорил только о вещественном, доступном. Ни слова о свободе и новом мире, который упоминала Азиза. Жадность цепко держала недовольных, однако у человечества хватало других грехов.

- Кем ты возомнил себя, Ибрагим? Может, ты пророк или святой, чтобы указывать мне, как жить? Этому ли я учил тебя в медресе? - из толпы выступил Муамар, преподаватель основ ислама и член Совета старейшин. Его седые волосы были взлохмачены, одежда в

беспорядке. - Люди! Посмотрите, что делают эти грешники. Они лепят из песка предметы и всяких тварей, насмехаясь над единственным творцом! Это же ересь! Ересь!

Толпа заволновалась, но ситуация еще не была критической. Если набожный техник Багиров готов был с ходу ринуться в атаку, то Самсонов и Лидочка плевать хотели на какую-то там ересь.

- Одной рукой они будут давать, а другой отбирать! - брызгал слюной Муамар. - Они забрали вашу работу, а потом отнимут ваши дома. Растлят ваших детей, - костистый перст, имама прицелился в Юлю Орлову. Та в ответ показала Муамару язык.

Как видно, упоминание о детях сыграло свою роль. Толпа зашумела, придвинулась к трибуне. В рокоте недовольных голосов проявилось уже привычное «саб-саб-саб». Ибрагимов не испугался. Сошел по ступеням навстречу своему обвинителю.

- Ты говоришь, мы еретики? Но что если джиннит - дар творца? Награда за наши труды?

- Вот тебе моя награда, - Муамар замахнулся и ударил муэдзина в лицо. Ибрагимов пошатнулся, сделал шаг назад, и тут горожане, стоящие в первом ряду, издали дружный вздох. Из разбитого носа муэдзина на бурнус сыпалась рубиновая пыль.

- У него песок вместо крови! - взревел Муамар. - Это демоны! Бейте их, люди! Бейте!

Миг, и знакомые лица исказились, обратившись гротескными масками. Горожане устремились к муэдзину. Тот воздел руки, словно пытался защититься от толпы, и вдруг рассыпался, опал на асфальт конусом красной пыли. Тимирязевцы в замешательстве остановились. В следующее мгновение из центра того, что было муэдзином, взвился ревущий вихрь. Удар ветра отбросил стоящих впереди людей. Ряды горожан смешались. Кто-то кричал от боли, кто-то ругался. Однако замешательство длилось недолго. Разъяренная толпа ринулась к трибуне, где по-прежнему неподвижно стояли «Мечтатели».

Дальнейшего Надир не видел. Работая локтями, раздавая затрецины и получая удары в ответ, он пробивался в сторону ближайшего переуллка.

* * *

Когда он вошел, Азиза спала. Кулиев сел на край кровати, осторожно прикоснулся к щеке женщины - теплая. Неужели под этой гладкой загорелой кожей - песок?

- Старший брат, - Азиза открыла глаза, потерла их кулаками, как в детстве. - Мне снился такой сон. Такой! Там был ты и еще Егорка. И сады цвели. Все деревья разом! Представляешь? Ветер подхватывал

лепестки, кружил их и уносил к самым облакам. Это было так прекрасно!

- Вставай, Зи, - Надир взял сестру за руку.

- Но мне так хочется еще немного подремать.

- Сейчас не время спать. Вставай.

- Что-то случилось? У тебя лицо бледное, - она слабо улыбнулась. - Видишь, я не пошла на площадь, как ты и просил. Сначала хотела, а потом раздумала. Муэдзин сам все сделает. Он так хотел командовать. Смешной человек.

- Нам нужно идти, Зи. У нас мало времени. Где Егорка? Где Алтарев?

- Поехали к дальним арыкам ловить рыбу. Да что случилось? - Азиза села на кровати.

Надир рассказал ей все.

- Значит, Ибрагимов был прав. Преображение возможно, - наконец вымолвила сестра. Кулиев ожидал чего угодно, только не такой реакции.

- О чем ты говоришь? Нужно бежать! Скоро здесь будет толпа. Я не знаю, что они могут сделать.

- Да, ты прав, нужно спешить, - Азиза резко встала, теперь она выглядела старше, сильнее. Надиру показалось, что вместе с уютной детской сонливостью сестра оставила на кровати прежнюю себя - веселую, беззаботную девочку. - Пойдем. В гараже есть флаер.

- Ты ничего не возьмешь из вещей?

- Все, что мне нужно, со мной.

«Она же саб! Создаст себе, что угодно», - подумал Надир и был поражен чувством неприязни, пришедшим вместе с этой мыслью.

* * *

- Останови во-он там, - Азиза еще раз сверилась с навигатором и указала рукой вперед. Они забрались в самое сердце садов. Лучи фар выхватывали из сумрака ближние стволы, создавая иллюзию коридора. Ночные насекомые бились о ветровой экран флаера. Ноздри будоражил терпкий запах прелой листвы.

Они приземлились на краю поляны. Впереди белели стены небольшой усадьбы. Не то дома смотрителя, не то базы агрономов. Над островерхой крышей медленно проступала летопись чужих созвездий.

- Я думал, мы едем к дальнему арыку, - Надир помог сестре спуститься на землю.

Азиза ничего не ответила, подобрала юбку и направилась к дому напрямик, раздвигая высокую траву. Надиру ничего не оставалось, как пойти за сестрой. Вскоре заросший газон кончился, и они выбрались на

площадку перед крыльцом. Под ногами заскрипел песок. Азиза взбежала по ступеням и дважды постучала. Скрипнула дверь, на пороге возник человек с фонарем в руках. Надир узнал муэдзина. Ибрагимов совершенно не изменился. Тот же тонкий нос, короткие волосы, изможденное лицо аскета. Словно и не было красного смерча, сбивающего с ног людей.

- Скольких удалось спасти? - сразу спросила Азиза.

- Семерых, - коротко ответил Ибрагимов.

- Боже, - женщина пошатнулась. Надир шагнул вперед, хотел поддержать, но Ибрагимов взмахнул свободной рукой, и что-то, стремительно поднявшись от земли, спеленало Надира по рукам и ногам. В густой тишине ночного сада прозвучал знакомый звук рвущейся мембраны.

- Зачем ты пришел? - Ибрагимов сошел по ступенькам и приблизился к Надиру.

- Теперь и сам не знаю, - Кулиев попытался двинуть руками. Однако путы держали крепко.

- Немедленно отпусти моего брата! - Надир никогда не слышал, чтобы Азиза говорила так. Холодно, угрожающе. Что она могла противопоставить этому высокому и без сомнения сильному человеку? Надир не знал, и от этого становилось жутко.

- Хорошо, но ему нечего здесь делать, - путы, державшие Надира, исчезли.

Азиза подошла, погладила брата по щеке.

- Я останусь здесь, Надир-абы. Поезжай домой. Передай Егорке и Федору, что я их люблю...

Она двинулась к дому, муэдзин - следом.

- Что вы будете делать? - выкрикнул Надир им вслед. - Вас ведь ищут. Ибрагимов повернулся к нему.

- Если ребенок не желает принять лечение, пилюли дают насильно.

Больше он ничего не сказал. Кулиев вернулся в город.

Утром между Тимирязевым и Радужными горами поднялся первый бархан.

* * *

Двенадцать винтов, скрытых в корпусе флаера, глухо взревели напоследок и стихли. Поверхность посадочной площадки подалась вниз, фиксируя машину хакима на крыше транспорта.

Алтарев настоял, чтобы Надир и Менакер летели с ним. Вслед за хакимом мужчины спустились в большое круглое помещение операторской, превращенное в подобие капитанского мостика. Над панелями управления парили световые экраны. Несколько стражников

следили за тем, как последняя группа горожан поднимается по трапу в железное нутро транспорта. Другие наблюдали за пустыней. Крыша над операторской была частично убрана, и Надиру на мгновение почудилось, что они с часовщиком оказались на вершине погребальной башни - из тех, что возводили огнепоклонники. Вот сейчас прилетят стервятники, и начнется кровавый пир. Вместо этого им принесли раскладные кресла, сухой паек и кофе. Тучный рыжебородый стражник, отдуваясь, втащил на площадку оставленный стариком чемодан.

Через двадцать минут погрузка завершилась. В глубине бронированной громадины оживило и забилося огромное сердце. Пол операторской завибрировал в такт этим мощным ускоряющимся ударам. Надиру отчего-то показалось, что транспорт слишком тяжел и не сдвинется с места. Он затаил дыхание. Ну, давай же! Давай! Должно быть, беженцы на палубах думали сейчас о том же. Удары переросли в глухой протяжный рев. Мгновение, и вот огромные колеса повернулись, сдвигая машину с места. Исход начался.

Вскоре на площадку поднялся Алтарев. Он так и не снял костюм стражника. Хаким подошел к защитному парапету, оперся обеими руками о металлический поручень.

Где-то в глубине пустыни зарождалась гроза. Красный сумрак будоражили далекие вспышки. Холодный огонь озарял покатые плечи Алтарева. Ветер взлохматил редющую шевелюру хакима, и Надиру показалось, что сквозь череп свояка прорастает трава.

Надир кивнул Менакеру и направился к Алтареву. Два здоровенных стражника заступили ему дорогу.

- Пропустить! - велел хаким, и телохранители тут же утратили к Надиру интерес.

- Извини. После первого нападения я стал менее доступен, - Алтарев оторвался от созерцания пустыни и повернулся к Кулиеву.

- Первого? А разве были еще?

- Всякое было, - туманно ответил хаким. - Ну, что молчишь? Задавай свои вопросы. Обвиняй меня в геноциде. Или что там еще у тебя на уме.

«В самом деле, что мне нужно от этого человека?» В голосе хакима Надир слышал спокойствие мужчины, выбравшего свой путь. Можно было спросить его, к чему все эти чистки, аресты, слезка? Зачем удерживать тех, кто по собственной воле стремился уйти? За этими вполне резонными и в то же время ненужными вопросами зрел еще один, самый главный: почему ты отрекся от нее?

* * *

Через три дня после бегства «Мечтателей» хаким Рахматов умер. В

новостях сказали - инфаркт. Девяносто два года, ничего удивительного. Правда, ходили слухи о самоубийстве. Но доказательств не было.

Надир до сих пор не понимал, как Алтареву удалось получить власть. Одно дело склонить на свою сторону стражников, совсем другое - договориться с чиновниками и старейшинами. Тем более что именно Алтарев, являясь начальником стражи, не сумел предотвратить бойню на площади. В тот момент, когда разъяренная толпа терзала сабов, а муэдзин Ибрагимов убивал горожан в образе красного смерча, Алтарев ловил рыбу на дальнем арыке. Тем не менее хакимом избрали именно Алтарева.

Новый лидер не стал тратить время на торжественные речи, а вместо этого ввел в городе чрезвычайное положение, арестовал всех практикующих сабов и устроил охоту за теми, кто успел бежать. Джиннит объявили вне закона. На рекордно короткой пресс-конференции новый хаким назвал всех членов группы «Мечтателей» опасными преступниками и обещал подвергнуть их справедливому суду. Таким образом, он фактически отрекся от собственной жены и лишил Егора матери.

Надир задумался, как бы поступил его предок, могучий пастух с предгорий Копетдага, если бы его родную сестру решили затравить и уничтожить, словно дикое животное? Наверное, взял бы нож и пошел резать обидчика. С другой стороны, Азиза сама выбрала этот путь. Ослушалась мужа, бросила сына ради своей мечты о лучшем мире. Кому нужна такая жена? Здесь, далеко от родной планеты, от мудрости предков и святынь веры, все выглядело не так. Изначально простые законы и постулаты уже не казались таковыми.

- Для чего ты собрал всех на этом... ковчеге? - наконец спросил Надир.

- Хороший вопрос, - Алтарев сцепил руки за спиной. - Позволь спросить, что ты знаешь о джинните?

- Странные речи в устах того, кто лично запретил любые упоминания об этой субстанции.

- Не юродствуй, - Алтарев кивнул на раскинувшееся внизу красное море. - В нашем нынешнем положении всем этим запретам грош цена. Итак, что тебе известно?

- Только то, что было в научных отчетах. Джиннит - это что-то вроде совершенного наносинтезатора, реагирующего на человеческие мысли. Умелый саб с хорошим воображением может создать из песка все, что угодно.

- Это не так.

- Не так? Но ты же сам видел, как они...

- Создают что-то? Вовсе нет. Они всего лишь делают заказ и получают желаемое. Когда тебе нужно купить рубашку или буханку

хлеба, ты идешь к принтеру, выбираешь нужный товар из списка, расплачиваешься, и машина формирует запрошенный продукт по заранее прописанной схеме. Тебе не нужно держать в голове все составляющие буханки хлеба на молекулярном уровне. За тебя это уже сделали разработчики программы. Раз и навсегда.

- Ты хочешь сказать, что джиннит уже имеет все необходимые данные? Но откуда эта информация здесь? Земля далеко.

- Я думаю, джиннит формирует свои конструкторы, исходя из неких базовых ориентиров, а потом достраивает заготовку в соответствии с воображением заказчика.

- И какие же это ориентиры? - Надир не ожидал от Алтарева подобных рассуждений, присущих скорее ученому, нежели политику.

- Данные о гравитации, электромагнитных полях, молекулярном составе элементов, метаболизме живых организмов - что угодно. Арестованные сабы на допросах подтверждали, что предметы, призванные ими с помощью песка, в деталях не соответствовали исходному образу, - хаким пристально посмотрел на собеседника. - У тебя в кармане лежит зажигалка. Скажи, она в точности такая, какой ты ее себе представлял?

- Н-нет, - Надир был ошарашен осведомленностью Алтарева. Выходит, Федор все это время держал его на поводке и мог потянуть в любой момент. Сразу появилась гаденькая мысль: «Кто-то донес». Перед мысленным взором помимо воли замелькали лица знакомых.

- Только не нужно делать из меня чудовище, - поморщился Алтарев, заметив выражение лица собеседника. - Я борюсь с корнем зла, а вовсе не с его мелкими проявлениями.

- По-твоему, джиннит - зло? - Надир решил, что более шатким его положение все равно стать не может.

- Сам по себе - нет. Проблема в нас. Сабы похожи на подростков, сующих руку в омут. Что там, внизу? Волшебный меч, сундук с пиратским кладом или погибель для всего мира?

- Шкатулка Пандоры, - Надир почувствовал, что начинает проникаться идеями Алтарева. - Из-за этого ты велел казнить безумцев?

- У меня не было другого выбора. Галлюцинации сумасшедших - очень яркие. Трудно представить, какие чудовищные формы мог бы принять джиннит под воздействием воспаленного сознания этих несчастных.

«Он же параноик. Параноик, избивающий шизофреников. А я стою и спокойно разговариваю с ним». Надир повернулся спиной к парапету. Оставленный город почти скрылся из виду. В красном сумраке едва угадывались очертания зданий.

- Я бы хотел повидать племянника. Где Егор?

- Он сейчас спит, - тонкие губы Алтарева тронула едва заметная улыбка, - намаялся за день. Ты увидишься с ним позже.

* * *

Вчера объединенными усилиями стражи и народной дружины была ликвидирована известная террористка и преступница Юлия Орлова. Ей приписывается ряд убийств и похищений, осуществленных в последние месяцы. В частности, жестокое убийство члена Совета старейшин и учителя основ ислама Муамара Ахметова.

Надир выключил трансляцию. Вышел на балкон. Прямо перед домом висел плакат социальной рекламы. Молодая женщина и мальчик в школьной форме стоят на склоне холма, над которым проплывают облака. Малыш указывает на облако, напоминающее слона. Надпись под картинкой гласит: *У ребенка богатое воображение? Обратитесь к специалистам!*

Из соседней комнаты долетали звуки старинной земной песни:

*И снится нам не рокот космодрома,
Не эта ледяная синева,
А снится нам трава, трава у дома.
Зеленая, зеленая трава...*

Надир попытался вспомнить название ансамбля и не смог. В молодости он, как и Егор, увлекался искусством двадцатого века. Чистое, наивное и в то же время по-своему мудрое, оно было наполнено мощной нерастраченной энергией. Предчувствием дальних светлых горизонтов. Мальчик мог бы скачать себе весь архив, но предпочитал ходить в гости к Кулиеву и слушать понемногу, растягивал удовольствие.

Скрипнула дверь, звук усилился, потом опять стих. Через секунду Егор вышел на балкон. Молча встал рядом с дядей.

- Наслушался? - Надир взъерошил мягкие черные волосы мальчика.

- Ага... Надир-абы, скажи, ты веришь, что «Мечтатели» убивают и похищают горожан и фермеров?

- Понимаешь, песок... он меняет людей, - перед Надиром возникла девочка в красном сарафане: «Куколки наказали его. Кусали, кусали...»

- Как бы то ни было, я не верю, чтобы... чтобы...

- Мама никогда бы этого не сделала, - Егор улыбнулся, словно прочитал мысли дяди. - Она желает, чтобы всем было хорошо.

- Идеалистка...

- Это как?

- Это... как бы тебе объяснить... Идеалисты, они точно космонавты из песни. Смотрят с большой высоты и видят все словно размытым. Трава им кажется зеленым ковром. А на самом деле в ней есть более и менее густые участки, проплешины, сухие места. Короче, при ближайшем рассмотрении все сильно меняется.

- Значит, всем сразу хорошо быть не может?

- Наверное, нет. Во всяком случае, я себе такого представить не могу.
- А я могу, - тихо ответил мальчик.

Послышался шум двигателей. Через минуту к балкону приблизился черный унибот. Крыша аппарата разломилась, точно панцирь жука, собирающегося в полет. Из салона показался стражник в легкой броне и шлеме.

- Пора идти. Отец зовет, - мальчик протянул Надиру руку, но отчего-то передумал, шагнул вперед и обнял дядю, по-детски прижался теплой щекой. - До свидания, Надир-абы.

С тех пор Надир не видел племянника.

* * *

Транспорт шел сквозь ночь, полагаясь лишь на приборы. Ни огонька, ни звука. Только скрип песка под тяжелыми колесами да вспышки далеких зарниц. Гроза шла стороной.

Менакер в кресле клевал носом. Надир присел рядом со стариком.

- А-а, это вы, молодой человек, - часовщик поднял голову, снял очки, протер их и снова водрузил на переносицу.

- Простите, что разбудил.

- Не стоит, - Менакер улыбнулся. - В моем возрасте сон слишком похож на смерть, а мне бы хотелось досмотреть этот спектакль до конца.

- Скажите, вам не грустно покидать город?

- Немного. Однако это приятная грусть. Я познал здесь все возможные виды счастья,

- Но ведь все, что мы создавали столько лет, теперь потеряно.

- Вы так думаете? А что если мир - это книга? Открыть новую страницу - не значит уничтожить прочитанные.

- Не слишком ли романтично звучит? - Надир грустно улыбнулся.

- Нас завораживают величественное вращение галактик, вечное движение морских вод и суровая неподвижность гор. Мы восхищаемся цветущими садами и древней мощью вековых лесов. Неужели вы считаете, будто Господь дал нам возможность наслаждаться всем этим ради того, чтобы безвозвратно сдуть нас с лица мира? Это глупо! Непрактично.

- Вы верите в Бога? Какого?

- У этого Бога одно истинное имя и множество прозвищ.

- Например, Саб?

- Саб? Что ж. Полагаю, и так его можно назвать. В самом деле, почему бы и нет? Что есть песок, как не глина Господня? Не из такого ли песка ребе Лёв лепил своего голема?

- И, насколько я помню, преуспел.

- Так-то оно так, но что из этого вышло? Одни хлопоты. Я вам вот что скажу, молодой человек, в мире есть вещи, которые лучше не трогать. И песок - одна из них.

Внезапный толчок швырнул их на пол. С пассажирских палуб раздались испуганные крики. Надир помог охающему часовщику подняться на ноги. Призрачный свет мониторов продолжал озарять капитанский мостик. За фронтиром защитного парапета вставала стена густого мрака.

Наконец включили прожектора. В холодном белом свете глазам напуганных людей явился призрачный город. Сначала Надиру показалось, что они заплутали и вернулись в Тимирязев. Однако это было не так. Дома загадочного поселения имели весьма причудливые очертания. Черные колонны, тонкие и странно изогнутые, точно водоросли под воздействием прилива, контрфорсы, походящие на берцовые кости, башни-фаллосы и страстно обвивающие их змеи открытых галерей, борьба округлых форм и острых углов. На свет прожектора всплывали из темноты каменные лица ангелов, бронзовые хвосты рыб и ощеренные пасти гранитных рептилий. Строения стояли свободно и совершенно бессистемно. Они вырастали прямо из пустыни. Ничего похожего на дорогу видно не было. Сухопутный корабль задел одно из зданий. Часть стены обрушилась, открывая соты пустых комнат. Ни мебели, ни отделки Надир не заметил. Похоже, город был покинут или вовсе никогда не заселялся.

- Напоминает огромную песочницу, - Менакер перегнулся через парпет, с интересом разглядывая открывающуюся картину. Это его и погубило.

Нечто вырвалось из темноты над транспортом и рухнуло на плечи старика. Надир разглядел худые руки с невероятно длинными пальцами, большую голову на тонкой шее и бледное лицо с плоским носом. Существо схватило часовщика, встряхнуло, точно тряпичную куклу, и вдруг впилось в плечо старика, легко прокусив ветхий пиджак. Менакер закричал, забился в страшных объятиях и, вырвавшись, рухнул на колени. Время остановилось, как тогда, в пустом доме. Надир бросился вперед. Он с размаху врезался в пришельца, впечатав кулак в окровавленный рот монстра. Тварь отпустила парпет и сорвалась вниз. Из рассеянного лучами прожекторов ночного мрака раздался дикий хохот-плач. В тот же миг город вокруг транспорта наполнился движением и многоголосым шепотом. Песок вскипел, порождая армию причудливых существ. Над домами всплыли сияющие конструкторы-наблюдатели. В окнах и на балконах вспыхнули тысячи зеленоватых светляков. Надир следил за тем, как армия бесов окружает ковчег. Этот жуткий центростремительный прилив завораживал, отнимал силы.

В плечо Надира впились железные пальцы. Кто-то потрянул его, дал

пощечину. Кулиеву почудилось, что это покойник Плятт встал из могилы. Однако перед ним стоял Алтарев.

- Пойдем со мной, - не попросил, приказал хаким. - Ты, возьми старика! Следуй за нами.

Все тот же рыжебородый стражник подхватил безвольно привалившегося к парапету Менакера. Часовщик был весь в крови. Вместе они начали спуск по винтовой лестнице, ведущей во внутренние помещения дредноута. Внизу обнаружился короткий коридор с единственной дверью в конце, у которой дежурили два стражника. За дверью - небольшая комната без окон. Очевидно, это была спальня для операторов проходчика. Вдоль стен, покрытых блеклыми фото обнаженных девиц, расположилось несколько коек. Под потолком тускло горели диодные лампы. Тучный стражник положил Менакера на одну из коек, встал на колени и принялся делать перевязку. Алтарев и Надир прошли в глубь помещения. Там, у дальней стены, возвышалась простая металлическая кровать. На ней, укрытый простыней, лежал мальчик.

Надир едва узнал племянника. Егор был чрезвычайно худ и бледен. Его волосы приобрели странный пепельный оттенок, тонкие бескровные губы были обметаны лихорадкой. Он выглядел старше своих лет и в то же время более хрупким и беззащитным.

- Что с ним? - Кулиев схватил хакима за руку. - Он болен?

- Просто спит, - Алтарев легко освободился от хватки свояка, подошел к кровати, откинул одеяло. Невероятно худые предплечья Егора охватывали браслеты инъекторов. Там, где иглы вонзились в кожу, распустились синие цветки гематом. К груди мальчика присосался паук-диагностер.

- Что ты с ним сделал? Отвечай! - Надир бросился на хакима, но тот стремительно шагнул в сторону, перехватил руку свояка, вывернул, резко потянул вниз и на себя. Надир упал на четвереньки, Алтарев оказался сверху, сильно ударил по ребрам, прижал к полу. Позади лязгнула дверь, затопали тяжелые сапоги стражников. Надира вздернули на ноги, заломили руки.

- Ты несдержан, а потому предсказуем, - Алтарев почти не запыхался. - Но это сейчас не важно. Ты, кажется, хотел узнать, почему я собрал всех жителей в одном месте?

Хаким подошел к кровати, наклонился над лежащим сыном, прикоснулся к экрану диагноста.

- Просыпайся, малыш. - С противным чмокающим звуком браслеты инъекторов отлепились от предплечий Егора. Мальчик с трудом открыл глаза.

- Папа? Где мы?

- Сейчас это не важно, сынок. Тебе нужно сосредоточиться. Скажи, что творится вокруг? Чего хотят люди?

Веки Егора опустились.

- Один человек ранен. Он без сознания. Тот, что рядом с ним, беспокоится за него, желает, чтобы раненый пришел в себя. Еще двое рядом с нами - у них нет собственных желаний. Они просто ждут твоего приказа. Дядя Надир желает причинить тебе вред, - глаза мальчика открылись. - Зачем ты хочешь навредить папе, Надир-абы?

- Забудь о тех, кто находится в этой комнате. Чего хотят остальные?

- Они боятся, хотят, чтобы их защитили... чтобы пушки стреляли, - мальчик поднялся на локтях, взглянул на отца, - их желания сильные, но нечеткие. Пушки не выстрелят, папа.

- Им нужно помочь, Егор.

- Хорошо, - мальчик вновь опустился на кровать, сжал кулаки, - я помогу.

На минуту в комнате установилась напряженная тишина, а затем ковчег содрогнулся раз, другой, третий. С койки на пол упал бинт, размотался белой полосой. Казалось, за стенами комнаты лопаются огромные воздушные шары. Тучный стражник подошел к Алтареву и развернул перед хакимом свиток тактического планшета. Камера показывала один из бортов транспорта и черные иглы орудий, плюющие сгустками дымного пламени. Затем изображение переключилось на город. В лучах прожекторов дрейфовали облака пыли. Из красноватой мути, точно пораженные гнилью клыки дракона, возникали закопченные руины домов. На одной из сохранившихся башен зажегся зеленый светляк маяка. В то же мгновение строение было уничтожено. Это было сделано столь стремительно, словно пушки транспорта обладали собственным интеллектом. На экране возник стражник в полумаске и легком шлеме, отдал честь.

- Большая часть нападающих уничтожена первым залпом. Сканеры выявляют слабую активность вне зоны поражения. Должно быть, это те, кому удалось бежать.

- Беглецов не преследовать. Продолжать движение, - распорядился Алтарев, а затем повернулся к Егору: - Молодец, сынок, я горжусь тобой. Тебе нужно поспать.

- А дядя Надир не станет причинять тебе вред? Это он из-за меня?

- Нет-нет. Дело не в тебе. Мы с дядей Надиrom помиримся. Спи.

Мальчик заулыбался - отец похвалил его, - сам протянул руку под иголку. Алтарев закрепил браслеты на предплечьях сына, погладил Егора по голове. Когда он накрывал мальчика простыней, тот уже спал. Надир смотрел на происходящее и чувствовал, что медленно сходит с ума. Он был словно актер, ненароком угодивший на чужой спектакль. Не зритель и не член труппы. То, что происходило у него на глазах, было неправдоподобно, чудовищно.

- Как... как ты... такое... со своим сыном? - прохрипел Кулиев. Слова давались с трудом. Вместо этого хотелось рычать и рвать зубами

ненавистное горло. Он попытался освободиться из рук стражников, но те казались вырезанными из гранита.

- Я знал, ты не поймешь, - спокойно сказал Алтарев.

- Что я должен понять?! Ты обкалываешь ребенка наркотиками и ведешь с ним безумные беседы о каких-то желаниях. Из тебя не нужно делать чудовище. Ты и есть - монстр!

- Может, и так, - каким пристально посмотрел на Кулиева. - Но в отличие от тех, кто снаружи, я не пытаюсь тебя убить.

* * *

Она явилась под вечер. Вошла в комнату и остановилась перед ним, так просто, словно отлучалась на минуту. Тонкие черные косички, которые она любила заплетать, теперь удлинились и служили ей одеждой. Живой плащ не столько скрывал, сколько подчеркивал формы. По сравнению с той, прежней Азизой, вечерняя гостья казалась более спокойной, уверенной в себе и величественной. Было в ней что-то от застывшей соразмерности античных статуй. Древний дух земли, языческое божество - вот на кого походила эта женщина.

- Я пришла поделиться информацией. Выслушай меня, - она говорила холодно и отстраненно. Алтарев много раз представлял себе эту встречу. Продумывал до мелочей. Он ждал чего угодно, но не такой фразы. Как будто не было шести месяцев напрасных поисков, бесчисленных одиноких вечеров и постоянных вопросов Егорки: «Когда вернется мама?».

- Выслушать? И только? Ты исчезла черт знает когда!

- Прошу тебя, не кричи. То, что было между нами, в прошлом. Я пришла к тебе как лидеру городской общины.

- Знаешь, в соседней комнате на кровати спит еще один осколок прошлого. Он сегодня получил пять по химии. Давай разбудим его, и ты скажешь, что он теперь пройденный этап на твоём блистательном пути в новый мир.

- Не пытайся смутить меня. Я сделала выбор, - она говорила убежденно, а ее лицо казалось совершенно спокойным, и все же Алтарев уловил в глазах жены какую-то тень, отблеск чувства. Когда долго живешь с человеком, начинаешь замечать такие перемены.

- Хорошо. Что ты пришла сообщить? - он ждал, когда же наконец этот панцирь безразличия даст трещину. Не дождался. Тон жены оставался все таким же отстраненно официальным.

- Город в опасности.

- В чем заключается опасность?

- Это все Ибрагимов. Когда мы начинали, он казался таким добрым и рассудительным, а после резни на площади словно сломался. Ему не

нужен новый мир... Я не знаю, что ему нужно. Мы с «Мечтателями» создали город недалеко от старого космодрома. Хотели, чтобы желающие учиться работе с песком жили там. Муэдзин отказался помогать нам. С каждым днем он все больше отдалялся от остальных сабов, погружаясь в свои исследования. Словно одержимый, экспериментировал с песком. Он часто подвергал себя трансформации. Даже сейчас не многие из нас готовы решиться на такое. Через месяц он перестал являться на наши собрания. Вскоре поползли слухи, что муэдзин нападает на отдаленные фермы. Похищает людей. Мы искали его. Тщетно. А потом из пустыни начали появляться странные создания. Химерические существа, словно наспех слепленные заготовки. Иные из них были словно звери, другие обладали зачатками разума, умели говорить. Эти последние вели себя агрессивно. «Мечтателям» пришлось давать им отпор. Страшнее всего было то, что побежденные химеры молили нас о смерти. Вскоре их стало слишком много, и нам пришлось уйти. Но прежде у одного из существ нам удалось выяснить, что муэдзин планирует напасть на Тимирязев.

- Для чего?

- Неизвестно. Может, хочет мстить за Юлю? Хотя вряд ли. Она была нужна Ибрагимову как средство, оружие. Бедная талантливая девочка была влюблена в него без памяти. Она не заслужила такой участи, - Азиза отвернулась, разглядывая пейзаж на стене - вишневые деревья в цвету. Это была ее картина. - Однажды мой брат сказал, что каждый понимает свободу по-своему. Тогда мне казалось, что это пустые слова. Однако теперь я думаю иначе. Быть может, свобода Ибрагимова в том, чтобы причинять боль другим?

- Чего же ты хочешь от меня?

- Муэдзина необходимо остановить. «Мечтатели» - не воины. У тебя есть опыт, оружие. Пошли стражников, а мы...

- Ничего не выйдет, - хаким покачал головой. - Тимирязев - маленький город. Сил стражи едва хватает, чтобы поддерживать порядок на улицах. На дружинников надежды немного. Из оружия имеются только автоматические винтовки да световые гранаты. Разогнать толпу демонстрантов - вполне достаточно. Сражаться с муэдзином такими средствами бессмысленно. Мы сейчас в трудной ситуации. Община готова расколоться. Чтобы предотвратить самосуд, мне пришлось ввести чрезвычайное положение и арестовать самых известных сабов. Но что делать с ними дальше? Мы не можем долго удерживать столько людей.

- Не отпускай их.

- Прости?

- Не отпускай их в пустыню.

- Муэдзин?

- Да. После событий на площади к нам присоединились несколько десятков сабов. В основном молодежь, студенты. Они считали своим лидером Ибрагимов. Однажды он повел их к Радужным горам, якобы основать еще одно поселение. Больше от них не поступало вестей. Мы думаем, он как-то использует других сабов, чтобы расширить свои возможности.

- Уничтожить сады и окружить город песками - тоже его идея?

- Нет. Это было общее решение. Мы считали, так процесс приобщения жителей к джинниту пойдет быстрее.

- Ты же любила деревья. Говорила, что не представляешь мира без цветущих садов. Господи, Зи, во что ты превратилась?

- Ты не поймешь этого, пока не обратишься к песку. Там, - она подняла руку, указывая в сторону пустыни, - может быть что угодно. Ты видишь только пыль, а нам являются образы небывалые и прекрасные.

- Интересно, какие образы являются Ибрагимову? - Алтарев начал злиться.

- Ошибки неизбежны. Но цель стоит того, - по ее лицу пробежала тень.

- Вы не в состоянии справиться с одним безумцем, а если их станет пять? Десять? Что тогда?

- Ты говоришь о том, чего не понимаешь. В нашей дальнейшей беседе нет смысла, - она направилась к выходу.

- Постой! Ты вот так уйдешь? Даже сына не повидаешь?

- Нет, - дверь скрипнула, открываясь. Он бросился за ней, выбежал в коридор. Никого. Хаким с размаху впечатал кулак в стену. Принялся выкрикивать оскорбления и мольбы в пустоту. На крик сбегались стражники. Они уверяли, что никого не видели. Алтарев ворвался в комнату, заказал в синтезаторе бутылку водки. Налил прозрачную жидкость в стакан, жадно выпил. Алкоголь должен был согреть его, расслабить, но эффект получился прямо противоположный. В глубине души Алтарева медленно набухало семя льда. Погруженный в свои переживания хаким не слышал, как за стеной тихо плачет маленький мальчик.

* * *

- Она ушла, а через два дня на резиденцию напали. Прошло столько времени, а я до сих пор помню все в подробностях. Это и в самом деле оказались химеры. Не птицы и не звери. Очень шустрые, прыгучие и сильные. Стражникам удалось подстрелить нескольких, но большая часть проникла внутрь, - Алтарев провел пальцами по шраму, пересекающему левую бровь. - Я сражался. Вход в апартаменты узкий, мне удалось задержать их. Тогда самые ловкие взобрались по стене,

вошли через балкон. Меня разоружили, загнали в угол. Наверное, в этот момент я впервые искренне верил в Бога. Однако химеры пришли не за мной. Два существа - самые крупные и больше всего похожие на людей - двинулись к комнате Егора. Наверное, они выбили бы дверь, но та открылась сама собой. На пороге стоял мой сын. Один из пришельцев протянул к нему руки и вдруг распался, рухнул на пол грудой песка. Через мгновение то же самое случилось с другими уродцами в комнате. Некоторые из них распадались полностью. От других оставались кости. Пустые черепа падали на пол, словно бильярдные шары. Потом мне часто снился этот стук. Когда все было кончено, Егор вышел в коридор. Через мгновение там тоже застучали бильярдные шары.

Сын вернулся, улыбнулся мне. Я спрашиваю: «Егорушка, как тебе это удалось?». А он: «Понимаешь, папа, они очень хотели исчезнуть. Вот я и помог им. Можно было прямо из комнаты, но они хотели, чтобы с ними кто-нибудь побыл в последний момент». Я говорю: «Как это у тебя получается?». А он: «Не знаю. Я это всегда умел. Вот когда почтенный Рахматов ушел на небо, ты очень хотел стать хакимом. Я помог. И когда дядя Надир хотел, чтобы мама на площадь не пошла - тоже».

Мы еще долго говорили. И чем больше он рассказывал, тем страшнее мне становилось. Вся наша совместная жизнь представилась спектаклем. А режиссер стоял передо мной и улыбался знакомой улыбкой женщины, которую я любил.

* * *

Надир видел, как вспыхивает и гаснет безумный огонь в глазах хакима. Алтарев не врал. Он действительно верил в то, что говорил. Кулиев бросил взгляд на спящего мальчика. Неужели это правда?

- Но как это возможно? - Ребро сильно болело. «Сильный удар у тебя, Федор».

- Когда мы зачали Егора, Азиза уже была заражена джиннитом. Это внутриутробная настройка. Стопроцентная совместимость. Понимаешь? Стопроцентная!

- Что значит заражена?

- Мы замечаем только крупные фракции песка, в крайнем случае пыль. То, что не фиксирует глаз, не стоит нашего внимания. Мы глотаем джиннит и вдыхаем его с тех пор, как обнаружили месторождение. Сами того не ведая, мы настраиваемся на него, а он - на нас. Можешь сказать, когда ты последний раз болел? - Надир попытался вспомнить и не смог. Алтарев усмехнулся. - Вот видишь, ты даже не задумывался об этом. Песок исподволь проникал в каждого жителя города, но сабы

получали куда большую дозу. Апофеозом этого слияния стало полное замещение базовых частиц организма человека модулями джиннита. Первый раз мы увидели это на площади.

- Преображение, - прошептал Надир, - преобразование возможно.

- Верно! А Егор... - Алтарев погладил сына по голове. - Егор стал жертвой этого преобразования.

- Но это не объясняет, зачем ты держишь его на транквилизаторах.

- А тебе бы хотелось, чтобы твою жизнь корректировал подросток? У него это получается само собой, как в туалет сходить. Скоро начнется период взросления, первая любовь, срывы, стрессы, приступы неожиданной радости и меланхолии. Ты не хуже меня знаешь, что творится в сознании взрослеющего мальчика. Через год от этого мира не осталось бы ничего. Все выкрутасы безумца Ибрагимова по сравнению с этим - детский лепет.

- Ты настолько не веришь в своего сына?

- Я боюсь его, - Алтарев сгорбился, опустился на койку и стал похож на старого стервятника. - Сначала Азиза, потом Егор. Этот мир отнимает у меня всех, кого я люблю.

Транспорт остановился. Мотор продолжал работать, но ощущения движения не было.

На запястье хакима ожил коммуникатор.

- Что у вас? - в голосе Федора слышалась усталость.

- Здесь что-то странное, мы не можем понять, - отозвался стражник, - что-то блокирует колеса.

- Сейчас буду, - Алтарев поднялся на ноги. Он снова стал самим собой. Спокойный, сильный, властный. - Пускай мой родственник остается здесь, - велел хаким стражникам. - Я скоро вернусь.

Едва за спиной Алтарева хлопнула дверь, хватка «нукеров» ослабла. Надир принялся растирать затекшие руки. Покончив с этим, он обратился к неумолимым стражам.

- Вы слышали, что он говорит? Считаете это разумным? Ваш шеф сошел с ума!

Великаны молчали. Они были словно близнецы. Огромные, широкоплечие и опасные. Так выглядят боевые машины, внушающие страх своей многообещающей неподвижностью.

- Сколько он вам платит, чтобы вы молчали? Или вы работаете за идею?

- Они просто работают. Так уж получилось, - Надир не ожидал, что будет так рад голосу старика.

- Как вы себя чувствуете, почтенный? - он подошел к Менакеру, склонился над ним. Тучный стражник нехотя посторонился.

- Как укушенный. Должен сказать, это чертовски больно, - голос старика был очень слаб.

- Я запутался, - Надир покачал головой. - Там, на кровати, лежит мой

племянник. Алтарев обкалывает его наркотиками, чтобы...

- Я знаю..

- Что?! Откуда?

- Сейчас это неважно. Хотите пойти со мной и досмотреть спектакль до конца? Я чувствую, финал не за горами.

- Пойти? - Надир удивленно смотрел на старика. Может быть, часовщик бредит? - Куда?

- Для начала нужно выбраться отсюда.

- Но как же... - Надир покосился на неподвижных стражников.

- С этим мы справимся, - старик приподнялся на локтях. - Выключи их!

Бородач шагнул к своим могучим товарищам, протянул руки ладонями вперед. Коснулся нагрудной брони великанов. Медленно, словно нехотя, неподвижные лица охранников дрогнули, потекли и принялись распадаться, словно береговой пласт земли под напором водного потока. Вскоре от них не осталось ничего, кроме одежды и оружия.

Тучный стражник повернулся к Надиру и часовщику. Его лицо покрывали бисеринки пота, но толстяк улыбался.

- Познакомьтесь. Это Гидеон, мой внук, он...

- Саб?

- Разумеется. И притом один из лучших. Я думаю, он не уступит знаменитым «Мечтателям». Когда начались аресты, я сказал ему: «Пойди к хакиму и предложи свои услуги. Алтарев неглупый человек, согласится». Как видите, я оказался прав.

- Алтарев использовал сабов?

- Конечно. Гидеон при помощи этого бедного ребенка сделал хакиму истуканов для охраны, пушки для транспорта и многое другое.

- От него вы узнали о Егоре?

- Гидеон - хороший мальчик. У него нет секретов от деда. Но мы с вами заговорились. Пора подняться наверх.

- Но ведь там Алтарев.

- Хакима в операторской нет, - Гидеон говорил звучным басом. - Он покинул транспорт.

- Вот видите, как все удачно складывается, - оживился Менакер. - Пойдемте скорее, а то что-нибудь пропустим, - часовщик сел на койке и тут же скривился от боли. Гидеон подставил деду плечо.

- Я не могу оставить племянника здесь, - развел руками Надир.

- Хотите поучаствовать в игре? - старик хитро прищурился. - Что ж, так даже интереснее.

Егор проснулся почти мгновенно. Открыл глаза. Внимательно посмотрел на склонившегося к нему мужчину.

- У тебя интересные желания, Надир-абы. Нужно помочь?

- Нет. Пока нет, - Надир выключил диагностер. Паук подобрал свои полимерные лапки, недовольно замигал красными огоньками. Кулиев снял аппарат с груди мальчика. - Я сейчас пойду на капитанский

мостик. Хочешь со мной?

- Конечно, хочу! - Егор улыбнулся, потом помрачнел. - Только я очень ослаб. Не смогу идти.

- Я тебя понесу, - Надир подхватил мальчика. Тот казался совершенно невесомым. Они прошли мимо останков «песочных стражей», миновали коридор и принялись подниматься по лестнице. Сверху струился белый свет, словно уже наступило утро.

На капитанском мостике было пусто, только у самого парапета застыл Гидеон. Рядом со стражником стояло кресло. Над спинкой маячила седая макушка Менакера.

Надир подошел к ним, посмотрел вниз.

Пустыня в этом месте напоминала ровный ковер. Барханы остались позади.

Прожекторы транспорта были включены, но куда ярче сияла огромная фигура муэдзина. Надир попытался прикинуть, какого тот роста. Пять, может быть, шесть метров? Кости обычного человека не справились бы с таким весом, но сейчас Ибрагимов был далек от нормы.

Он стоял в сотне метров от транспорта. Сияющий покров обволакивал исполинское тело саба, скрывая детали, и только лицо было хорошо видно. Длинное, скуластое, с тонким прямым носом и покатым лбом. За спиной Ибрагимова в отдалении переливалась россыпь красных огней - космодром.

Надир не сразу заметил человеческие фигурки, идущие через пустыню к сияющему великану. Несколько стражников и Алтарев, каким был без шлема.

- Жаль, нельзя услышать их разговор, - вздохнул Менакер.

Гидеон извлек из-за уха черную каплю интеркома, вставил в паз на пульте, увеличил громкость.

Сразу стал слышен скрип песка под сапогами стражников и странный, едва слышный гул, словно поблизости фонил музыкальный усилитель. Звук постепенно нарастал. Наконец Надир узнал его - знакомый треск разорванной мембраны, преумноженный и повторяемый раз за разом. Ибрагимов постоянно использовал джиннит.

Хаким остановился в нескольких метрах от гиганта.

- Отпусти нас, муэдзин! Дай людям уйти!

- Люди? А кто тебе сказал, что вы люди? - голос Ибрагимова соответствовал его росту и был отлично слышен с борта транспорта. - Может быть, это я создал вас? Придал вам форму, вложил в головы мысли, позволил размножаться и растить сады. Теперь вы наскучили мне, и я заберу все это. Потому что оно мое.

- Можешь забрать меня, если хочешь, но пропусти людей.

- Торгуешься? - в голосе муэдзина звучала насмешка. - А у тебя есть силы, чтобы удержать товар? Хорошо! Я пропущу людей. Но ты отдашь мне мальчика.

- О каком мальчике ты говоришь, почтенный?

- Не трать мое время попусту, хаким! - песок вокруг великана вскипел сотней маленьких вихрей. - Отдай мне своего сына и можешь убираться восвояси.

- Для чего тебе мой сын?

- Я воспитаю его. Обучу тому, что знаю. Мы сможем многого достичь вместе.

- Это неприемлемо.

- Я ждал такого ответа, - муэдзин поднял руки. По его зову из песка поднялись химеры. Их было множество. Тысячи гротескных созданий. Стражники сплотились вокруг Алтарева, подняли винтовки. - Ты зря покинул свой ковчег, хаким. Теперь я заберу всех.

Армия муэдзина медленно двинулась вперед.

- Нет! - внезапный порыв ветра взвихрил песок под ногами химер, заставляя творения саба вязнуть в субстанции, из которой они вышли.

- Мама пришла! - Егор заворочался в руках дяди. - Мама, здравствуй!

Из темноты возникла еще одна гигантская фигура. Азиза не уступала в росте муэдзину. Длинные черные косы женщины пребывали в постоянном движении, напоминая то щупальца кальмара, то извивающихся змей. Обнаженная и разгневанная, Азиза стояла перед сияющим великаном, словно ожившая ночная тьма перед яркой звездой.

- Явилась, - муэдзин сложил руки на груди. - А где же остальные отступники?

- Они не придут.

- Вот как? Не желают помогать тем, кто хотел забить их камнями и утопить в арыках? Это можно понять.

- Отпусти людей. Уходи.

- Что тебе до них? Неужели проснулись материнские чувства?

- Мы... я думаю, мы ошибались. Слишком увлеклись, разговаривая с песком. Утратили нечто важное. Забыли о цели.

- Наши цели давно не совпадают. Пока ты и твои прихвостни занимались самокопанием, я развивался. Сейчас ты увидишь результаты!

Муэдзин поднял руки к лицу и сорвал его, точно картонную маску. Из чудовищной раны извергся фонтан песка. Он засыпал грудь и плечи гиганта, поглотил яркий свет его одежд. В мгновение ока Ибрагимов утратил всякое сходство с человеком. Слуха людей достиг мелодичный шелест. Это миллиарды песчинок сдвинулись с места. Джиннит «шел» на зов муэдзина. Над равниной медленно и неотвратно поднимался гигантский бархан. Нет, не бархан - волна из песка. Вдоль колоссального, растянувшегося на несколько километров гребня вспыхивали электрические разряды. Из глубины пустыни примчался горячий ветер, поднял в воздух красную пыль. Мгновение - и сестра

Надира слилась с этой невесомой субстанцией, расстелившись над землей черным покрывалом, устремилась к подножию песчаного цунами.

- Что происходит? - обратился Надир к Гидеону, но ему ответил Егорка.

- Мама слилась с джиннитом. Она пытается помешать почтенному Ибрагимову обрушить волну.

- Ты можешь ей помочь?

- Нет. Ее желания слишком сложные. Я многого не понимаю.

- А как насчет твоих собственных помыслов?

- Моих? - мальчик удивленно заморгал. - Но папа говорил мне, что я еще слишком мал для собственных желаний.

- Человек не может быть слишком молод для желаний, - Менакер протянул руку и коснулся плеча Егора. - Желания - это все, что у нас есть, и сами мы венец чьих-нибудь желаний. Так уж все устроено.

- Я... я не знаю. Боюсь, - на глаза мальчика навернулись слезы. - Вдруг я причиню вред? Сделаю что-то не так.

- Ты сделаешь все правильно. Я верю в тебя, - Надир усадил Егора на парашют лицом к нависающей волне песка. - И почтенный Менакер верит, и Гидеон, и люди на палубах...

- И я... тоже, - Кулиев обернулся. На площадке стоял Алтарев. Он был сильно изранен. Костюм стражника висел клочьями. Из многочисленных порезов сочилась кровь. - Я верю в тебя, сынок. Покажи этому зарвавшемуся божку, что значит настоящий...

Волна накрыла транспорт.

* * *

В детстве Надир чуть не утонул. На спор прыгнул со стрелы крана в Тимирязевское водохранилище. Вода, такая теплая и ласковая, когдаходишь в нее с берега, встретила юношу прямым ударом в голову. Надир не лишился сознания, но почувствовал странное оцепенение. Он погружался все глубже и глубже в зеленоватую, пронизанную солнечными лучами воду. И ничего не мог с этим поделать. Когда масса песка врезалась в транспорт, Кулиев испытал сходные чувства. Правда, удар был куда слабее. Тем не менее его отбросило назад. Он не удержался на ногах, опрокинулся навзничь, сжался, ожидая столкновения с полом. Однако падение странным образом замедлилось. Песок, который должен был, точно наждак, рвать незащищенную кожу, душить, забивать рот и ноздри, - мягко охватил со всех сторон, не давая упасть. Надир отнял руки от лица, открыл глаза. Вокруг царил красноватый полумрак. Он казался упругим и вязким, словно клюквенное желе. Сквозь завесу бордовыми тенями проступали

контуры ближних предметов. Разглядеть что-либо еще было невозможно. И все же там, в рубиновой глубине, что-то происходило. Надир ощущал это, как не рожденный еще ребенок ощущает мир за переделами материнского чрева. Смена света и тьмы, танец смутных теней, едва ощутимая вибрация и приглушенные звуки. Кто-то говорил, а может быть, пел странно высоким голосом.

Вскоре желе начало истаивать, оседать. Отовсюду струился неяркий синеватый свет. На сей раз он имел вполне естественное происхождение. Наступило утро. Несколько часов, проведенных в красном плену, странным образом спрессовались в сознании, словно сон наоборот.

Надир увидел остальных., Они застыли в нелепых позах там, где были застигнуты песчаным приливом. Кулиев вдруг вспомнил научно-популярный фильм «Последний день Помпеи». Однако, в отличие от несчастных жертв Везувия, пассажиры транспорта остались живы. Поднялся на ноги невозмутимый Гидеон, у лестницы заворочался и застонал Алтарев, старик Менакер закашлялся и что-то вполголоса произнес на иврите. Не то ругался, не то возносил молитву. Не хватало только Егора. Надир шагнул к парапету и не поверил увиденному. Внизу, насколько хватало глаз, простирался шевелящийся изумрудный ковер. Трава была повсюду, даже на транспорт забралась. Там, где некогда стоял муэдзин, над зеленым морем возвышалось единственное дерево. Могучее, раскидистое, оно немного напоминало платан, что рос во дворе часовщика. пышная крона отбрасывала обширную тень. Под деревом, прислонившись к стволу, сидела женщина с длинными черными волосами.

* * *

- Егор ушел. - Азиза с благодарностью приняла из рук старшего брата плед. - Сказал, что боится навредить. Его можно понять. Такая сила... - Надир вглядывался в знакомые черты и не узнавал сестру. Перед ним был чужая женщина. Не властная богиня, но и не прежняя ласковая легконогая художница. - Знаешь, там, в пустыне, самое сложное было не вспоминать, и все же я знала, где он, могла в любой момент бросить все и вернуться. Сейчас он ушел. Наверное, навсегда. Но тоски нет... И слез. Совсем нет.

- А твои способности?

- Исчезли. Ничего не чувствую, - она грустно улыбнулась. Откуда-то сверху, медленно кружась, опустился снежно-белый лепесток. Затем еще один и еще. Надир поднял голову. Крону дерева охватило дымное облако раскрывающихся цветков. Процесс, обычно занимающий несколько дней, протекал стремительно. Вот легкий игривый ветерок

уже похитил белую фату удивительного растения, однако на ее месте тут же распустились кроваво-красные цветки.

- Маленькое чудо напоследок. Это же из моего сна. Вот хитрец! - Азиза неловко поднялась на ноги, пошатнулась. Надир шагнул вперед, поддержал сестру.

- Пойдем-ка под крышу. Простудишься, - он почувствовал, что за этой обыденной фразой последует еще множество таких же простых, привычных слов, жестов, поступков. Люди умеют забывать.

* * *

Пилот челнока не верил своим глазам. Бывалый астронавт, он привык к чудесам и загадкам дальнего космоса. Однако здесь было что-то совсем другое. Родное, давно забытое и в то же время необычайное. Мужчина вышел на посадочную площадку и поднял голову, во все глаза наблюдая за удивительным зрелищем.

Они скользили в светлом утреннем небе, точно кораблики фей. Снежно-белые и пурпурно-красные, лазоревые и золотые. Пилот наклонился, набрал горсть лепестков и подбросил их над головой, словно обычный земной мальчишка бросает в воздух охапку листьев.

Со стороны пустоши раздалось басовитое гудение. Приближался флаер. Астронавт стряхнул с плеча разноцветные эполеты, придал лицу суровое выражение и все же не удержался, усмехнулся в усы, разглядев, на какой развалине прибыл одинокий абориген.

Между тем пришелец остановил своего железного жука на краю площадки, легко соскочил на землю. Подошел к пилоту, протянул руку.

- Надир Кулиев из Тимирязева.

- Белкин моя фамилия, - рукопожатие технолога было что надо. - Что здесь у вас происходит? Где транспорт?

- Транспорт? Он не придет.

- Вот тебе раз! А зачем тогда «SOS» посылали?

- Я, собственно, за этим и прилетел. Нам удалось преодолеть кризис своими силами. Помощь больше не нужна. Вы уж нас извините.

- Но как же... - пилот растерянно развел руками, повернулся к безмолвной громаде катера, словно призывая его в свидетели. - Вы думаете, это так просто, смотреть на планету и обратно? Что я капитану скажу?

- Вот, возьмите, - Кулиев протянул астронавту пачку сигарет. - Понимаю, что глупо, но больше у меня ничего нет.

- «Тимирязевские особые». Синтезированные? - заинтересовался Белкин, прикидывая, сколько может стоять такая пачка. На Земле табак давно был под запретом. Приличное курево сохранилось только на таких затерянных во времени и пространстве мирках.

- Обижаете. Натуральные! Да вы попробуйте. Сами все поймете.

Преодолевая жадность, Белкин извлек сигарету, поднес ко рту, слегка сжал зубами упругий фильтр. Царский подарок!

- Сейчас дам огня, - технолог сунул руку в карман и вдруг радостно засмеялся. - Вот незадача, моя зажигалка сломалась!

Пилот покачал головой, глядя на полоумного туземца. Достал свое огниво. Над посадочной площадкой поплыли облака ароматного дыма.

- И что же теперь? Что здесь будет? - Белкин сделал долгую затяжку.

- Здесь? - Надир широко повел рукой, охватывая равнину. - Здесь будет сад!

Видеодром

проект

ФУЛЛХАУЗ

Один из самых непредсказуемых режиссеров современного американского кино представил зрителям первую часть своего нового проекта.

Манадж Найт Шьямалан, или просто Найт Шьямалан, как его часто называют в Голливуде, в особом представлении не нуждается. Как режиссер и сценарист он знавал и невероятные взлеты (вроде «Шестого чувства»), и оглушительные провалы («Девушка из воды» и «Явление»), пробовал свои силы и в «авторском» кино («Пробуждение»), и в кассовом («Повелитель стихий»). Он всегда

полон самых разных сценарных идей, от некоторых из них киностудии приходят в восторг, а иных пугаются как огня. Но идеи у самого Найта не всегда есть время реализовывать - он занят «Повелителем стихий» и его продолжениями.

Выход прост - надо самому попробовать себя в роли продюсера. Шьямалан заключает сделку со студией Media Rights Capital на продюсирование трех фильмов ужасов. Все фильмы будут основаны на его идеях и сняты под его творческим контролем, осуществляемым на всех стадиях производства. Согласно контракту, Шьямалан должен будет таким манером выдавать по одному фильму ужасов в год на протяжении трех лет под специальным продюсерским баннером «Ночные хроники».

Для создания первой ленты Шьямалан нанял сценариста Брайана Нельсона, известного по триллеру «30 дней ночи». Картина получила неприятное название «Дьявол», а режиссуру осуществили известные по фильму «Карантин» братья Джон Эрик Даудл и Дрю Даудл.

На самом деле ничего нового и свежего в замысле фильма нет. Однако подобного соединения трех классических триллерных архетипов, пожалуй, в кино еще не встречалось. Во-первых, это схема замкнутого пространства - про запертый в застрявшем лифте мини-социум снято столько всего, что глаза разбегаются. Во-вторых, более избитой темы, чем явление дьявола в мировом кинематографе, еще не придумали. В-третьих, тема воздаяния за прошлые грехи также не блещет оригинальностью, особенно когда идет почти прямой отсыл к одной из самых великих реализаций данной темы - роману Агаты Кристи «Десять негритят», уже много лет на Западе так не именуемому, а получившему политкорректное название «И никого не стало», да и негритята вдруг превратились в маленьких индейцев. Но в том-то и суть проекта «Ночные хроники» - он заставляет зрителя окунуться в мир, где сверхъестественное сталкивается с привычным, Их пятеро, Трое мужчин - охранник-психопат, араб-жулик и некто в куртке. Две женщины - молодая брачная аферистка и женщина постарше, в прошлом тоже судимая. Три плюс два. Фуллхауз. Они заперты в остановившемся посреди огромного небоскреба лифте, Их видит (но не слышит) через камеру наблюдения детектив Боуден, пять лет назад потерявший жену и сына и мечтающий о возмездии неизвестному, скрывшемуся с места той катастрофы. Каждая из попыток техслужб здания пробиться к лифту заканчивается трагедией. Почему-то становится ясно всем, в том числе и скептически настроенному детективу, что один из запертых в лифте - дьявол. Ибо в лифте иногда гаснет свет, и в полной темноте происходит убийство. Каждый раз, когда восстанавливается освещение, компания недосчитывается одного из негритя... участников. Кто дьявол-убийца и

как от него спасти оставшихся - вот задача для Бодена. Да и оставшимся в живых «сокамерникам» это не помешало бы...

Бюджет фильма минимален - всего около десяти миллионов долларов. Тем не менее, не став хитом сезона, картина благополучно окупается в прокате, демонстрируя, что не только спецэффектами жив нынешний кинематограф. Иногда можно посопереживать героям и под обычный, хотя и не без хичкоковских саспенс-приемчиков, видеоряд. Да и тема воздаяния и покаяния, хотя и не блещет новизной, полезна, особенно если вовремя и к месту.

Проект, похоже, будет продолжен. Говорят, для одного из следующих фильмов Шьямалан использует идею, которую приберегал для так и не случившегося сиквела «Неуязвимого». Может быть, на этот раз получится что-нибудь помасштабнее. Хотя бы в смысле привлечения звезд - например, того же Брюса Уиллиса. Вдруг его заинтересует сиквел одного из самых успешных фильмов с его участием.

Дмитрий БАЙКАЛОВ

рецензии

СКОТТ ПИЛИГРИМ ПРОТИВ ВСЕХ

(SCOTT PILGRIM VS. THE WORLD)

Производство компаний Big Talk Productions, Closed on Mondays Entertainment и Marc Platt Productions (США), 2010.

Режиссер Эдгар Райт.

В ролях: Майкл Сера, Элисон Пилл, Мэри Элизабет Уинстэд, Марк Веббер, Джонни Симмонс, Эллен Вонг, Киран Калкин и др. 1 ч. 52 мин.

Чтобы завоевать сердце девушки своей мечты, Скотт Пилигрим должен победить ее бывших парней. И не только парней. Однако это не так просто, Потому что сам Скотт - типичный современный подросток, предпочитающий телевизор, видеоигры и комиксы тренажерному залу. И все, чем герой может ответить злым бывшим, - его смекалка...

«Скотт Пилигрим против всех» - это, во-первых, киноадаптация комикса, а во-вторых, лучшая экранизация несуществующей компьютерной игры. То есть она есть, но появилась на свет уже после

выхода фильма. Вот такой круговорот...

Фильм от начала до конца построен по схеме классической компьютерной игрушки. По ходу картины Скотт накапливает опыт, получает бонусы и сражается с боссами. Все это сопровождается узнаваемыми геймерскими маркерами под звуки игровых автоматов 1990-х, Поверженные враги взрываются фонтаном серебряных монеток. На экране то и дело выскакивает титр «Level Up». А прежде чем одолеть босса, герой должен найти его уязвимое место. Так, одного из бывших Скотт побеждает лишь тогда, когда ему удается напоить его коровьим молоком. Бывший оказывается истинным веганом и только поэтому терпит поражение. Звучит необычно, Выглядит так же. Подавляющее большинство героев картины как будто сбежало со страниц комикса. А в некоторые моменты экран кинозала становится и вовсе похожим на комикс - вспыхивая загогулинами вопросов и делясь на три-четыре части,

Необходимо предупредить, что «Скотт Пилигрим против всех» - строго нацеленное на определенную аудиторию кино. На молодежь, которая легко узнает себя в героях картины. Поэтому если вы никогда не играли в компьютерные игры, никогда не шелестели страницами комикса, то лучше держаться от фильма как можно дальше. В противном случае происходящее на экране не поддастся дешифровке и покажется полным безумием.

Степан Кайманов

ТЕККЕН

(TEKKEN)

Производство компаний Crystal Sky Pictures, GAGA и Namco Ltd (США - Япония), 2010.

Режиссер Дуайт Х. Литтл.

В ролях: Люк Госс, Келли Овертон, Латиф Кроудер, Кэри-Хироюки Тагава, Гэри Дэниеле, Мирен Монро, Джон Фу и др. 1 ч. 32 мин.

Над экранизациями компьютерных игр висит проклятие. С момента выхода «Смертельной битвы» в 1995 году и до настоящего времени, помимо самой «Смертельной битвы», появилось всего два фильма, которые можно смотреть без раздражения. Это «Обитель зла» и «Сайлент Хилл». Даже студия «Дисней» со всеми своими ресурсами и опытным продюсером не смогла достойно перенести на широкие экраны историю персидского принца. Как ни печально, кинокартина «Теккен» пополнила и без того огромную свалку неудачных экранизаций «по мотивам». Еще по рекламному видео было понятно,

что нас точно не ждет фильм мирового уровня. Но теплилась зыбкая надежда увидеть хотя бы крепкий боевик категории «Б». Ожидания оказались напрасны.

Игра «Теккен» по жанру - файтинг без примесей. На одноименный турнир, организованный злой корпорацией недалекого будущего, съезжаются бойцы со всего света и начинают лупить друг друга до полусмерти, чтобы получить право сразиться с победителем прошлого турнира. И если простой сюжет игры был целиком и полностью перенесен на экраны, то адаптировать прочий материал у создателей фильма отчего-то не вышло. То ли запутались в персонажах, количество которых с выходом шестой и пока последней части игры перевалило за тридцать. То ли вдруг подумали, что способны снять настоящее кино с драмой для широкого круга зрителей, а не только для поклонников игры,

Несмотря на банальную завязку, понять, что происходит в фильме, наверное, не смогут даже фанаты. Положительные персонажи из игры внезапно становятся отрицательными в фильме, и не все из них походят сами на себя. Диалогов почти нет, герои все время меняются, обстановка - тоже. Но самое непонятное заключается в том, почему мордобои в фильме по файтинг-игре поставлены отвратительно? Персонажи мнут друг другу бока совершенно одинаково, бесхитростно, камера при этом бежит где-то у них под ногами. И после третьей турнирной схватки становится ясно: тридцать пять миллионов долларов потрачены впустую.

Алексей Старков

ВАМПИРСКИЙ ЗАСОС

(VAMPIRES SUCK)

Производство компаний Regency Enterprises и Road Rebel (США), 2010.

Режиссеры Джейсон Фридберг и Аарон Зельцер.

В ролях: Дженн Проске, Мэтт Лантер, Дидрих Бедер, Крис Ригги, Ариэль Кеббел, Б.Дж. Бритт, Чарли Вебер, Эмили Бробст, Брэдли Доддс и др. 1 ч. 20 мин.

Сюжет «Вампирского засоса» - чистая компиляция событий, произошедших во всех известных «Сумерках». Молодая девушка Бекки приезжает в самое обыкновенное американское захолустье, где живет ее строгий отец. Немного похандрив, она знакомится с симпатичным вампиром, а затем с не менее симпатичным оборотнем. Те, конечно, влюбляются в нее без памяти, словно Бекки последняя женщина на

Земле, и ради нее готовы порвать друг друга на куски. При этом как в оригинале, так и в пародии девушка обладает очень сомнительными внешними данными. Словом, было бы за что бороться...

Странно, что кинематографисты столь долго тянули с подобной пародией. Уже первая часть «Сумерек» превратила вампиров из кровожадных убийц в настоящую икону современной массовой культуры. Так или иначе, пародия добралась до экранов и даже попыталась рассмешить зрителей. Но попытка эта оказалась тщетной. Даже самые ярые поклонницы Стефании Майер воротили нос от картины, которая стремилась им угодить всеми доступными средствами. И актеров для пародии подобрали удачно, чуть ли не рост в рост с оными из оригинала. И фрагменты для высмеивания выбрали самые динамичные и интересные. Увы, забыли о главном - чувстве юмора. Вампир, представляющий человека в виде огромного хот-дога или гамбургера, очевидно, по мнению создателей, должен вызывать гомерический хохот. Хотя один светлый момент в фильме все же есть - это главная героиня в исполнении Дженн Проске. Она очень точно пародирует Кристен Стюарт, сыгравшую Беллу в оригинальном фильме. Но проблема в том, что пародировать-то там особо и нечего. Потому что за всю вампирскую «Санта-Барбару» Кристен Стюарт смогла изобразить ровно две эмоции: Белла грустит, Белла счастлива.

Как это часто случается с комедиями, все по-настоящему смешные моменты были показаны в рекламных роликах. Так что достаточно посмотреть их в Интернете, а сам фильм смело пропустить. Не стоит он трат денег и времени.

Степан Кайманов

ДОРОГА

(THE ROAD)

Производство компаний Nick Wechsler Productions и Chockstone Pictures (США), 2009.

Режиссер Джон Хиллкот.

В ролях: Вигго Мортенсен, Коди Смит-Макфи, Роберт Дюваль, Гай Пирс, Шарлиз Терон и др.

1 ч. 51 мин.

Постапокалиптическими притчами любителя фантастики не удивишь. Он их повидал уже так много, что готов создавать статистические тома, классификации видов и подвидов, генерировать аналитические графики и таблицы. Но бывают случаи, когда картина настолько общая, что почти всеобъемлющая. Такова и экранизация

одноименного романа Кормака Маккарти австрало-канадским режиссером Джоном Хиллкотом. Романа, между прочим, завоевавшего в 2007 году Пулитцеровскую премию!

Само название относит фильм к жанру «роадмуви». Двое, отец и маленький сын, чьих имен мы так и не узнаем, идут на юг. По опустошенной неизвестной (да и надо ли нам знать, какой конкретно) катастрофой Земле. Добывая пищу в развалинах, прячась от банд людоедов, натываясь на таких же, как они, бедолаг-странников, вспоминая прошлую жизнь и жену/маму, покончившую с собой от невыносимости существования. Зачем они идут на юг - непонятно и не будет понятно до конца. Но они несут в сердце огонь: отец внушает сыну, что необходимо сохранить в себе человека на фоне всеобщего озверения.

Надо отдать должное - фильм сделан очень красиво, даже несмотря на неизбежный натурализм. Картины мертвой планеты задают ощущение вечной осени, и почти каждый кадр становится маленьким художественным шедевром, подкрепленным блестящей музыкой Ника Кейва. Поклонникам боевиков, жесткого экшена, леденящего саспенса фильм решительно не рекомендуется, Любителям философских аллюзий, неспешного развития сюжета, неизбежных «проблем выбора», изысканного видеоряда, блестящей игры актеров (а состав подобрался на заглядение: «Арагорн» Вигго Мортенсен, ветеран цеха Роберт Дюваль, знаменитые, но трудноузнаваемые в обносках и гриме, Шарлиз Терон и Гай Пирс и совсем не теряющийся на фоне грандов юный Коди Смит-Макфи) - смотреть непременно!

Тимофей Озеров

тема

С КЕМ ВОДЯТСЯ ВОЛШЕБНИКИ?

Казалось бы, для магии не существует преград. Однако издревле в искусстве для нее вводили правила не менее жесткие, чем законы физики.

Для любого произведения, будь то книга или фильм, нужен конфликт, противоречие. А какое противоречие там, где можно все? И художники вынуждены ограничивать даже волшебство, заключать его в некие рамки.

Известно выражение, что развитая техника для несведущего человека неотличима от магии, То же самое можно сказать о любом изощренном искусстве или ремесле. Даже в быту о таком можно слышать эпитеты «чудесно» и «божественно». Прилагательное, которое добавили потомки к произведению Данте, скромно названному автором «Комедией», несет сразу несколько смыслов и оценок. Элемент волшебства в том или ином произведении (а в нашем случае - в фильме) часто играет не только сюжетобразующую роль. Магия предстает образным выражением какой-то важной стороны человеческой жизни, ее чудесным продолжением. Она становится не безусловной, как, например, у Толкина, а обусловленной, со своими внутренними правилами и законами.

Типы «магии в кино» демонстрируют работу мысли кинематографистов - и одновременно лакуны в их фантазии, ресурсы для будущих художников.

Одно из древнейших явлений, которому приписывались волшебные свойства, - природные стихии. Самый простой ход, когда персонажи черпают магическую силу из природного явления, а наиболее простой уровень - это «первозлементы»: земля, вода, воздух, огонь. Именно так построен известный мультипликационный сериал «Аватар: Последний маг воздуха» (иногда ошибочно принимаемый за аниме, хотя выпустила его на самом деле компания Nickelodeon). В 2010 году вышел игровой римейк первого сезона, поставленный М. Найтом Шьямаланом. После того как права на название «Аватар» были выкуплены Джеймсом Камероном для собственного проекта, фильм сохранил только подзаголовок (в русифицированном варианте - «Повелитель стихий»).

Четыре народа, обладающих магической властью над одной из стихий. Ключом к управлению каждой служит энергия «ци». Поэтому искусство мага воздуха, огня, воды или земли развивается путем тренировок в восточных единоборствах, когда нужную силу аккумулирует не только воля, но и все тело волшебника, вернее, целостная система «сознание - тело». А сам процесс управления стихией выглядит как формальный комплекс упражнений гимнастики тайцзицюань. Схватка двух магов нередко идет одновременно врукопашную и с помощью артефактов «родной» стихии. Подобную

боевую магию ранее можно было увидеть в дилогии игровых экранизаций «Смертельная битва», где бойцы в спаррингах нередко использовали какой-то индивидуальный волшебный прием, например, превращение или замораживание.

Этим подробно разработанная магическая система «Повелителя стихий» не ограничивается. Магия каждого элемента диктует свой уровень развития цивилизации. Жизнь Народа Воды колеблется между первобытно-общинным строем северных племен на одном полюсе и изоцированной культурой позднего барокко на другом. Народ Воздуха исповедует нечто вроде теократии, и маги воспитываются в храмах, похожих на буддийские. Народ Земли вполне логично проживает при феодализме. А самый развитый в культурном отношении, но и самый воинственный Народ Огня общественно пребывает на уровне деспотии, а технологически - в «веке пара», хотя чуждую стихию в его машинах заменяет управляемый огонь.

Ранее близкий творческий подход можно было увидеть в фэнтези-мультфильме восьмидесятых годов прошлого века «Полет драконов». Это тоже экранизация иллюстрированного романа Питера Дикинсона и Уэйна Андерсона. Правда, стихии разделялись не по «физическому» принципу и персонифицировались всего в одном маге. Но волшебников тоже четыре: Зеленый маг Природы, Синий маг Океанов и Гор, Желтый маг Лечения, Прозрачности и Медитации (по крайней мере, так это звучало в переводе Леонида Володарского) и Красный маг Тьмы. В последнем случае, учитывая год выхода фильма, 1984-й, вполне можно усмотреть какие-то политические намеки. Любопытно и то, что все маги были родными братьями, хотя каждый носил ярко выраженные внешние расовые отличия: классический седобородый старец - маг Природы, темнокожий - маг Океанов, азиат - маг Медицины и inferнальный дьяволоподобный - маг Тьмы.

Основной конфликт разгорался тем не менее не между волшебниками, а между магией и наукой. Главный герой, земной ученый, постоянно находит естественное объяснение ирреальным феноменам, Он даже раскрывает секрет полета драконов: организм этих рептилий вырабатывает водород, который и поднимает многотонные тела, а заодно позволяет метать огонь с помощью биоэлектрического разряда...

Кстати, чисто «национальное» деление волшебства давно уже стало общим местом. Сюжеты основывались на магии китайской («Большой переполох в Малом Китае»), древнеегипетской («Мумия», «Повелитель кукол»), еврейской («Голем»), тибетской («Тень»), цыганской («Худеющий»).... В основе лежит глубинная и трудно преодолеваемая неприязнь к «чужакам», эффект групповой психологии - страх перед неизвестным и непонятым, который вызывает в воображении причудливые образы. Даже небезызвестный Фредди Крюгер неспроста

носит немецкую фамилию - тонко просчитанный режиссерский ход, опирающийся на ментальность своего зрителя.

Значительно больше примеров использования «подсистем», когда волшебными свойствами наделяется только какой-либо класс явлений, предметов, существ или даже один-единственный артефакт.

В канадском сериале «Рыцари стальной крови» (2009) волшебную силу дает минерал - та самая «стальная кровь». Ранее, в «Золотом компасе» (2007) Криса Уэйца по роману Филипа Пулмана, такой магической субстанцией выступал элемент под названием Пыль. Контакт с ним для человека обеспечивал дэймон, «внешняя душа» в виде разумного говорящего животного. Собственно, расы альтернативной Земли делятся на жестко зависимых от дэймона (люди), гибких в отношении с дэймонами и магией (ведьмы) и лишенных дэймона, а следовательно, и души (бронированные медведи).

Связывание волшебства с природой вполне естественным образом перетекает в тему магических свойств животных. В «Звездной пыли» (2007) Мэттью Бона сквозным образом становится гадание ведьм на звериных внутренностях. Эта тема звучит в фильме намного ярче, чем в оригинальном романе Нила Геймана. Но животная магия присуща не только отрицательным персонажам, Серия фильмов «Повелитель зверей», начатая картиной Дона Коскарелли (1982), повествует о «конаноподобном» воине Даре. Колдовство перенесло еще не родившегося младенца в чрево коровы, и мальчик приобрел способность не только общаться со зверями и птицами, но и пользоваться на расстоянии их органами чувств. Визуализировано это с помощью ракурсов камеры, она то стелется по земле, имитируя тоннельное зрение хищника, то взлетает на высоту полета орла.

Чаще используется прием, когда магия рождается из взаимодействия человека и откровенно сказочного существа. Хрестоматийный пример - исполнение джинном трех желаний главного героя. Желаний может быть и меньше, а на месте джинна - Песчаный Эльф («Пятеро детей и волшебство», 2004), В многочисленных постановках «Питера Пэна» только волшебная пыльца фей позволяет героям летать, чем в последней экранизации 2003 года воспользовался даже капитан Крюк. В «Хрониках Спайдервика» (2008) Марка Уотерса слюна хобгоблина дает людям возможность видеть магических созданий, причем «инициация» максимально проста: это... плевок в глаза.

Наконец, мотив, почерпнутый из фольклора, - волшебные свойства бытовых и необычных предметов. Длинной чередой идут фильмы о магических талисманах, амулетах, скипетрах, жезлах, волшебных палочках. Можно вспомнить и спички из отечественной «Тайны

железной двери», и болтик из экранизации Крапивина «Удивительная находка, или Самые обыкновенные чудеса». Возглавляет этот арсенал, безусловно, Кольцо Всевластья.

На второе место, пожалуй, может претендовать знаменитая шкатулка-головоломка Ле Маршана из цикла «Восставший из ада», начатого Клайвом Баркером. Подобно Кольцу Всевластья, она, если можно так выразиться, амбивалентна - в один и тот же момент времени делает владельцу нечто желаемое и вредное. Толкиновское Кольцо способно сделать невидимым - и в тот же миг «впрыснуть» новую дозу зла, которая приводит в итоге к полному перерождению личности. Кубик Ле Маршана открывает дорогу к запредельным наслаждениям, сразу же разрушая тело, в прямом смысле разрывая его на части. Помогают в этом «мокром деле» существа-сенобиты, бывшие люди, познавшие плоды запретных удовольствий. Парадоксально и то, что параллельный магический мир, хотя и обозначен как «ад», своими обитателями воспринимается с противоположным знаком (но сюжеты первых фильмов построены на том, как некто пытается покинуть его, «сбежав от своего счастья»).

На третье место попадают всевозможные колдовские книги-гримуары. Их парад возглавляет Некрономикон из многочисленных экранизаций прозы Лавкрафта и подражаний, вроде культовых «Зловещих мертвецов» Сэма Рэйми. Иные магические книги обладают даже самосознанием, что выражается мастерами по реквизиту в придании им какой-то «человеческой» черты, которая оживает и двигается. Это может быть открывающийся глаз, как в комедии Кении Ортега «Фокус-покус» (1993), или выпуклая морда на обложке, как в «ужастике» Фреда Олена Рэя «Злые мультфильмы» (1992).

Но содержание важнее формы. И здесь, пожалуй, лидирует магическая книга из хита российских кинотеатров и кассет начала девяностых «Чернокнижник» (1988). Если бы главный герой-колдун узнал из этой книги имя Бога, то смог бы повернуть вспять сам акт сотворения мира и человека. И если бы не жестокая аллергия на соль, свойственная всем колдунам, ему бы это удалось. Кстати, кроме использования соли, эпизоды охоты на чернокнижника показывают различные колдовские уязвимости: кровь указывает местонахождение ведьмака, втыкание гвоздей в следы доставляет ему реальную боль, а нога святотатца не может безнаказанно ступить на землю католического кладбища. Любопытно, что в продолжении все тот же ироничный чернокнижник, сыгранный британским актером Джулианом Сэндзом, выполняет более локальную задачу. Он «всего лишь» собирает шесть рунных камней, чтобы открыть врата ада. Противостоят ему почему-то на этот раз не пуританин-охотник на ведьм, а современные друиды.

Почти что рекламная формула: «Собери несколько волшебных штучек

и получи власть над миром» - рискует завоевать титул самого заштампованного приема кинофэнтези. Тем не менее ее упорно продолжают применять, хотя зрителя, похоже, это привлекает все меньше и меньше. Один из симптомов - провал экранизации аниме «Драконий жемчуг: Эволюция» (2009) Джеймса Хонга, где герои и злодеи собирают по всему миру магические жемчужины. Кстати, как и в «Повелителе стихий» центральный персонаж здесь владеет восточными единоборствами, в том числе и дистанционным «воздушным ударом».

Еще одной веточкой являются фильмы о магах-убийцах, наделенных всего одной колдовской способностью. Чаще всего это реинкарнация. Маньяк в «Первой силе» Роберта Резникоффа (1991) перемещается из тела в тело, как пришелец в «Скрытом враге». Другой маньяк, Чаки Ли Рэй, оказался способным переместиться только в куклу («Детская игра» Тома Холланда, 1988). В картине «Дом 3» (1989) серийный убийца-колдун после казни на электрическом стуле превращается в разряд тока и путешествует по проводам, время от времени материализуясь. Наиболее креативно поступил адепт черной магии Гораций Пинкер в «Электршоке» (1989) Уэса Крэйвена. После казни он существует только в виде телевизионного сигнала, хотя тоже не брезгует перепрыгиванием из тела в тело.

На самом деле именно сочетание с современными научно-техническими реалиями открывает перед киномагией огромные возможности по сравнению с устаревшими артефактами. Пока это-немного коснулось телевидения, сотовой связи, электричества и самого кино в виде «волшебных билетов», А предположим, соединение магии с киберпанком еще только ждет своего воплощения. Рано или поздно появится сюжет в стиле «Матрицы», когда выяснится, что, например, вся научно-техническая реальность - не более чем наведенная волшебниками иллюзия, чтобы защититься от охоты на ведьм. Интересное бы кино получилось?

Существуют и такие проявления закованного в целлулоид волшебства, которые очень трудно классифицировать. Главным образом это касается долгоиграющих проектов, многократно меняющих если не создателей, то концепцию. В первую очередь, конечно, речь идет о знаменитой Силе из вселенной «Звездных войн». Сама вселенная сотворена как «нормальный» фэнтезийный мир со своими королями, принцессами и рыцарями. Вместо гоблинов выступают аборигены далеких планет, а вместо традиционных оживающих вещей - роботы. Непознаваемая Сила, используемая джедаями и ситхами, играла роль здешней магической энергии и на протяжении первой трилогии оставалась едва ли не самым

загадочным явлением.

Но создавая трилогию-приквел, Джордж Лукас решил заодно «подновить» и Силу. Фанаты узнали, что ее дают таинственные, но вполне материальные микроорганизмы, называемые «мидихлорианы» (по созвучию с хламидомонадами?), распространенные по всей «далекой-далекой галактике». Несмотря на то что серия «Призрачная угроза», где были упомянуты мидихлорианы, имела грандиозный успех, объяснение природы Силы вызвало критику поклонников. Поэтому в двух следующих фильмах Лукас вернулся к старой доброй «научно-фантастической мистике». И то правда: микроорганизмы, вполне вероятно, могут аккумулировать Силу, но способны ли вызвать к жизни духи рыцарей-джедаев в финальной сцене всей саги?!

Другой характерный пример - франшиза «Горец». В первом фильме Рассела Малкэхи мы видим классический вариант приема «ограничения» магии - энергия горцев дает только бессмертие и прибавление сил, больше ничего, и передается, только если один адепт отсечет голову другому.

Во втором, снятом тем же Малкэхи исключительно в силу контрактных обязательств, произошло то же, что позднее проделал и Лукас. Волшебство решили рационально объяснить. И вот уже бессмертные оказываются пришельцами с далекой планеты, а разряды их энергии - то ли частью физиологии инопланетян, то ли продуктом высоких биотехнологий.

Однако в третьем фильме все вернулось на круги своя. Сила бессмертных трактуется именно как волшебство, причем главный отрицательный герой Кейн (намек на то, что он и есть Каин, первый убийца в истории человечества) способен управлять ею. Например, он создает иллюзии и превращается в ворона.

В пятом фильме зрителю пообещали открыть секрет бессмертных. Но обманули - мы слышим только туманные рассуждения, что энергию дает некий Исток, сокровенная долина в Восточной Европе во время парада планет. Единственный оригинальный ход - это возможность для бессмертного стать обычным человеком, если в критический момент он откажется рубить голову главному врагу.

Идея римейка «Горца» муссируется не первый год. Может, придумают что-нибудь новое, вроде мидихлорианов?

Наконец, большой раздел киномагии базируется на чисто человеческих категориях - феноменах пола, возраста, эмоций. Как правило, в таких сюжетах магия выступает средством выражения перемен в жизни героев.

Тема волшебства эмоций и душевных качеств пока развита слабо. Чаще всего используется мотив связи магии с верой в ее возможность. «С кем водятся волшебники? А с тем, кто верит в них...» В «Капитане

Крюке» Стивена Спилберга фея Тинкербелл в состоянии перенести взрослого Питера Пэна в волшебную страну. Однако вернуть свои чудесные силы он сможет, только если заново в них поверит, а для рационального сознания сорокалетнего бизнесмена это необыкновенно трудно. Носителем магии оказывается даже не вера, а воображение, которое герой Робина Уильямса должен заново научиться «включать».

Нечто подобное происходит и в картине Зака Хелма «Лавка чудес» (2007). Престарелый волшебник Магориум (Дастин Хоффманн) перед кончиной передает свой магазин чудесных игрушек помощнице (Натали Портман). Однако все волшебство держится не только на фантазии, но и на неумном оптимизме мистера Магориума. Потеряв учителя, его наследница, переживая большое горе, теряет и способности. Из феерии красок и проказ магазин превращается в мрачное пыльное место. Заново магию вызывают к жизни пробуждение первой симпатии между героиней и ее новым другом, а также видение в обычном предмете чего-то большего.

Огромное количество сюжетов связано с чисто женскими чарами. Причем здесь вступает в силу еще и магия чисел. Классический пример - «Иствикские ведьмы» (1987) Джорджа Миллера по сатирической книге Джона Апдайка. Когда три провинциалки собираются вместе, они в состоянии воплощать свои тайные желания. Случается чудо - в город является идеальный мужчина с внешностью Джека Николсона. Правда, мужчина оказывается самым дьяволом, но вошедшие во вкус колдуньи справляются и с ним.

«Особая тройка» ведьм держится в культуре, видимо, со времен шекспировского «Макбета», а может быть, восходит к трем плетельщицам нитей судьбы из греческой мифологии. Потому трио колдуний - частый гость на экранах. Магическое число, однако, было разрушено в молодежном триллере «Колдовство» (1996), где три школьницы-изгои, увлекающиеся понятно чем, обретают настоящее могущество, только когда к ним присоединяется четвертая. Другой оригинальный поворот - силу чародейкам дает некое одушевленное природное начало Манон. И здесь нет как таковой черной или белой магии - она приобретает «цвет» согласно поступкам и тайным желаниям ведьм, каждый раз возвращаясь к ним бумерангом. Естественно, это не может не привести к конфликту в квартете, когда «белой» оказывается лишь одна из девушек.

Нередок сюжет, когда приобретение магических способностей отмечает некую возрастную веху - переход из детства в отрочество или из отрочества в юность. В известном аниме Хаяо Миядзаки «Служба доставки Кики» девочка становится ведьмой в 13 лет и обязана жить самостоятельно. В диснеевском «Хэллоунтауне» героиня потеряет волшебные способности, если до 13 лет не попадет в нужную «среду»

и не начнет обучение,

Из этого ряда выделяется фильм Ренни Харлина «Ковен» (2006), неточно переведенный для российского проката как «Сделка с дьяволом». По «правилам игры» магия здесь передается, напротив, по мужской линии, Первые способности мальчишки из пяти колдовских семей получают в 13 лет, а полное могущество - в день совершеннолетия. Однако сила для них не благо, а проклятие. Применение магии укорачивает жизнь, колдун буквально стареет с каждым заклинанием. Правда, визуализация волшебства традиционно, если не сказать - банальна: в основном, это метание в противника энергетических сгустков, а летающий автомобиль уже был в «Гарри Поттере».

В этом направлении остается еще немало «белых пятен». Например, Кризисы старшего возраста. Чем, скажем, не сюжет для комедии, когда герой осознает, что является магом, лишь выйдя на пенсию и имея взрослых детей и внуков? И даже вынужден пойти учиться в «школу волшебства», где сидит за партой с семилетними магами-вундеркиндами?

Наконец, нельзя не заметить, что магия проникла во многие жанры, причем не только в «родные». Есть героическая фэнтези, фильм ужасов, мистика, молодежный фильм, детская киносказка, семейная комедия, боевик, мелодрама и даже лукасовская космоопера... Но имеются совсем или почти не заполненные «ячейки»: военный фильм, альтернативная история (сам по себе редкий киножанр), криминальная драма, фильм о животных, «подводные» авантюры, вестерн. Магическая тема может даже создавать жанры: так, новое популярное направление «мокьюментари», или псевдодокументалистику, открыла небезызвестная «Ведьма из Блэр» (1999).

Так что волшебникам экрана пока есть, где развернуться.

Аркадий ШУШПАНОВ

БОРИС РУДЕНКО

ОЧЕНЬ ХОЛОДНО

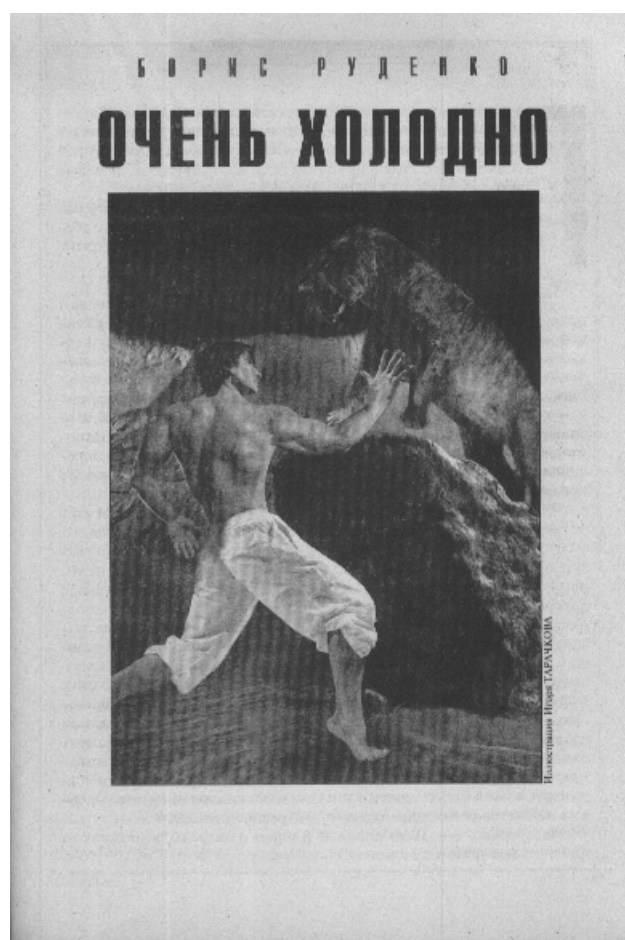

Иллюстрация Игоря ТАРАЧКОВА

Голограмма стюардессы была восхитительна. Стройная фигурка в тоненьком, маленьком платьице, едва прикрывающем загорелые бедра. Белозубая улыбка, очаровательный вздернутый носик и кокетливая фирменная шляпка, надвинутая на левую бровь.

- Дорогие пассажиры! Рада приветствовать вас на борту нашего лайнера. Наша компания благодарит вас за выбор и обещает сделать перелет на Коринну не только быстрым, но и комфортным...

А вот с масштабом голограммы они переборщили.

- ...В соответствии с правилами, которые вам уже известны, вам предстоит пройти через карантинный сектор корабля, - продолжала стюардесса, - всю вашу одежду - извините! - я специально подчеркиваю: всю одежду полностью, а также все личные вещи без исключения прошу сложить в индивидуальные контейнеры, которые будут опечатаны до окончания полета. На это время вы получите фирменные костюмы нашей компании и все необходимые принадлежности для личной гигиены. Надеюсь, наша просьба вас не затруднит. Напоминаю также, что за пределы посадочной зоны категорически запрещено проносить оружие любого типа, а также колющие и режущие предметы. Еще раз извините. Приглашаю вас к путешествию!

Плавающая в воздухе над толпой пассажиров гигантская десятиметровая красotka лукаво подмигнула, махнула ручкой и исчезла.

Толпа разделилась надвое, втекая в обозначенные световыми указателями карантинные коридоры правого и левого борта. Марк не торопился, потому входил в числе последних, наблюдая, как команда докеров под присмотром корабельного суперкарга неспешно заполняет освобожденную пассажирами площадь посреди трюма межзвездника грузовыми контейнерами. Контейнеры ползли по разбросанным по полу гравилентам, выстраиваясь стройными рядами на обозначенных для каждого местах.

Насколько Марк успел приглядеться, пассажиров этот рейс собрал очень разных. Несколько маленьких, но шумных в ожидании удовольствий от предстоящего отдыха компаний туристов; компактная, держащаяся особняком от остальных группа рабочих-контрактников; деловые люди, погруженные в размышления о бизнесе или о том, чего бизнес их лишил, а также семьи переселенцев, отягощенные не только размышлениями, но и огромным багажом.

Марк вошел в правый коридор и встал в очередь за низеньким плотным крепышом с лысым затылком.

- Никогда не встречался с такими дурацкими правилами, - пробормотал крепыш в пространство, скорее всего, рассчитывая на ответную реакцию Марка. - Не понимаю, зачем у нас нужно забирать вещи.

- После эпидемии на Бrame карантинные правила ужесточаются повсеместно, - легонько двинул плечами Марк.

- Но каждый из нас и так прошел все необходимые исследования, - раздраженно сказал крепыш. - Меня всего истыкали иголками. А вас разве нет?

- Конечно, - подтвердил Марк. - Но в том, что касается безопасности, ничто не бывает чрезмерным.

Крепыш презрительно хрюкнул и замолчал. Очередь двигалась довольно быстро. Вскоре Марк с крепышом оказались в одной из освободившихся кабинок для переодевания.

- Назовите, пожалуйста, ваши имена, - попросил голос из невидимых динамиков. Теперь с пассажирами говорил мужчина, вежливый, но строгий.

- Марк Грегус, - сказал Марк.

- Фаран Лерски, - сказал крепыш.

Прошло около минуты, затем в нижней части стены открылись дверцы и в кабинку въехали два контейнера. На крышке одного из них Марк увидел свое имя, на втором значилось имя крепыша. Марк открыл крышку и вытащил пакеты из стерильного пластика. В одном была упакована легкая хлопковая одежда, в другом - обувь, в третьем -

всякая бытовая мелочь: расческа, крем для бритья и прочее. Сверху лежала карточка опознавателя на прочной тесемке.

- Пожалуйста, сложите все свои личные вещи в контейнеры. Они закрываются на кодовый замок, - объяснил голос. - Еще раз напоминаем: абсолютно все. Если вам понадобится что-либо из того, что не входит в стандартный набор, сообщите нам об этом. В течение десяти минут вам будет предоставлено все необходимое. Напоминаю: личная карточка пассажира должна находиться при вас постоянно, все время полета.

- Мне может понадобиться многое, - проворчал Фаран. Но, скорее, не невидимому стюарду, а самому себе. Впрочем, может быть, и Марку.

Марк переделался, сложил вещи в контейнер, набрал на кодовом замке номер своего почтового ящика и надел на шею тесемку с карточкой. Он стоял вполборота к пытящему Фарану и в какой-то момент уловил короткое движение попутчика, сунувшего себе что-то сзади под куртку. Фаран быстро огляделся, и Марк сделал вид, что ничего не заметил.

- Вы впервые на Коринну? - спросил Фаран. Настроение его слегка улучшилось.

Марк ответил улыбкой и кивком.

- Прекрасный отдых, прекрасный! - продолжил Фаран. - Я бываю там каждый год. Однако есть своя специфика. Осторожность нужна везде. Советую об этом не забывать! Особенно с вашей белой кожей. Вижу, вы давно не получали ультрафиолета..

- Это так, - согласился Марк.

- Ультрафиолет, загорелые девушки, изумительная кухня - это и есть Коринна, - вдохновенно продолжал Фаран, - а у вас дома, подозреваю, намного прохладнее.

- Там очень холодно, - вежливо подтвердил Марк.

Покинув раздевалку, они присоединились к прочим пассажирам, покидающим карантинную зону через турникеты под бдительным присмотром корабельных стюардов. Марк миновал турникет перед Фараном и тут же услышал за спиной возню и сдавленное восклицание. Фаран дергался в руках двух дюжих стюардов, пытаясь освободиться. Третий быстрым движением вытащил у него из-за пояса маленький пластиковый игольник - любимое оружие хулиганов и ночных грабителей.

- Пассажир Лерски! - громко произнес стюард, старший из всех, судя по количеству нашивок на рукаве. - Вы серьезно нарушили правила поведения на корабле и в наказание до конца полета будете содержаться в карантинном блоке под замком. Пассажир Грегус! Благодарю вас за бдительность и помощь экипажу.

- Марк Грегус, ты предатель! - заорал Фаран, прежде чем Марк успел удивиться. - Мы еще сочтемся с тобой, подлая крыса!

Он продолжал выкрикивать что-то в том же духе, пока стюарды

волокли его прочь. Марк ощущал на себе тайные взгляды пассажиров, тут же отводивших глаза в сторону.

- Зачем вы это сделали? - спросил он у старшего стюарда. - Я ничего не знал и не мог вам помочь.

- Проходите, пассажир, - так же громко отвечал тот с полной невозмутимостью. - В знак признательности со стороны капитана корабля класс вашей категории будет повышен до полулюкса. Ваш маршрут - желтый. Оповещатель укажет вам номер каюты.

Он отвернулся и пошел к турникетам. А Марк, пожав печами, отправился вдоль желтой линии, указывающей дорогу. Через пару минут его нагнала семья туристов: мужчина с намертво прикипевшей к лицу маской чванливого высокомерия, его супруга - худенькая усталая женщина и два упитанных подростка с шалыми глазами прирожденных озорников.

- Вы поступили совершенно правильно, гражданин, - изрек глава семейства. - Еще при посадке я обратил внимание на этого Лерски. Уверен, он мог доставить нам немало проблем.

- Не думаю, что ему хватило бы на это времени, - сказал Марк. - Наш полет продлится меньше двух суток.

- Для того чтобы испортить настроение многим, этого вполне достаточно, - заверил муж.

Оповещатель Марка пискнул. В ответ над ближайшей дверью зажегся и замигал номер каюты. Марк пришел.

- Легкого полета, гражданин! - попрощался с ним глава семейства.

На полулюкс, по представлениям Марка, каюта явно не тянула. Скромная восьмиметровая ячейка с минимумом мебели: кровать да маленький столик. В стене - вход в столь же скромный санблок и приемный лючок корабельной линии доставки заказов. «Интересно, как себя чувствуют пассажиры четвертого класса», - невольно подумал он.

Над дверью вспыхнул экран, на котором возникла все та же красotka в волнующем форменном платице.

- Уважаемые пассажиры, - сверкая улыбкой, заговорила она. - Наш полет продлится всего сорок два часа. Все это время вы будете чувствовать наше внимание и заботу. К сожалению, общие помещения на время перелета по техническим причинам будут закрыты. Чтобы скрасить эти временные неудобства, мы предоставляем вам огромный выбор развлекательных видеопрограмм и фильмов, любой из которых вы можете выбрать с помощью карточек-оповещателей. Через полчаса после входа в прыжок в ваши каюты доставят ужин. Надеемся, наша кухня вам понравится. Желаю приятного отдыха.

Общие помещения! Интересно, относятся ли к ним коридоры и переходы? Марк подошел к двери и подергал ручку. Без результата. Забавно! Дверь заблокирована. Он снял с шеи оповещатель и попытался использовать его в качестве ключа, но по поверхности

пластика неторопливо и безостановочно лишь бежал список блокбастеров и романтических комедий последнего десятилетия, приглашая приобщиться к любому. Справа от двери он увидел пластину с надписью «Стюард». Осторожно прикоснулся к ней, потом нажал посильнее. Еще и еще раз. Ответа не последовало. Тогда Марк сделал то, что ему единственно оставалось: завалился на постель и ткнул пальцем в первое попавшееся название видеобоевика.

* * *

Марк услышал, как они вошли, но не подал вида, что проснулся, пока его бесцеремонно не сдернули с мягкого матраса. Тогда он открыл глаза и изобразил на лице возмущенное непонимание. Или растерянную возмущенность - для тех, кто ворвался в каюту, подобные нюансы были не важны.

- Быстро в коридор! - услышал он короткий приказ.

Возражать не стоило - их было двое, вооруженных электрошокерами, которые каждый был готов и, видимо, очень хотел немедленно пустить в ход. И тот, и другой были затянуты в черный пулезащитный пластик, чрезвычайно популярный среди частных охранников, однако лиц не скрывали, и Марк их постарался запомнить: у того, кто показался ему старшим, как будто не было бровей. На самом деле они существовали: редкие и абсолютно под цвет кожи. Второй выглядел обычным тупым наемником. Изображая полное подчинение и покорность, Марк поднялся и вышел из каюты.

В коридоре толпились испуганные полуодетые люди. Вдоль стены цепью растянулись вооруженные охранники.

- Я не понимаю! - услышал Марк знакомый неприятный голос чванливого пассажира. - Что здесь происходит? Я требую объяснения!

Рассекая толпу, возле него немедленно появился Безбровый и ожесточенно впечатал приклад своего оружия в живот бунтовщика. Тот икнул, согнулся и упал. Пронзительно закричала его жена. Крик подхватили еще несколько женщин, а уже спустя секунду орали, вопили почти все. Сухо затрещали электрошокеры, но охранники пока не применяли их на поражение. Пинками, ударами прикладов они спрессовывали толпу в плотный многоголовый ком. Линия в черной форме оттеснила людей от лежащего пассажира и Безбрового, с лица которого не сходило выражение непонятной злобы и ожесточения. Крики потихоньку стихали, короткое возбуждение сменялось ужасом осознания непонятно откуда пришедшей беды. Безбровый оглядел пассажиров, потом нагнулся, рывком вздернул упавшего на ноги и толкнул в толпу.

- Ты, Фин Крамик, получил сейчас первое предупреждение, - негромко

сказал он. - Моли небеса, чтобы оно оказалось для тебя последним.

Он отвел глаза от приходящего в себя Крамика и заговорил громче, хотя в наступившей мертвой тишине его слова прекрасно слышал каждый:

- На корабле введено чрезвычайное положение. Вы должны быстро и точно выполнять все мои приказы. Сейчас не время задавать вопросы и своевольничать. Вы просто должны делать то, что я вам скажу. Поэтому теперь все тихо и спокойно направляются на нижнюю палубу, к выходу. Вперед!

Он повернулся и зашагал первым. Подталкиваемая охранниками толпа пришла в движение. Марк шагал следом за пострадавшим. Тот шел, держась за живот, согнувшись и шаркая ботинками. Всхлипывающая супруга поддерживала его под руку. Рядом семенили испуганные дети.

- Очень интересно, куда нас привезли? - негромко проговорил кто-то сзади. - До Коринны еще лететь и лететь!

Перед створками выходного люка Безбровый остановился. Повернувшись к толпе, поднял руку, призывая к вниманию.

- Сейчас вы все, группами по двадцать человек, погрузитесь в экипажи. Делать это следует как можно быстрее, потому что снаружи сегодня очень холодно. И хотя к машинам вы пойдете по тепловому коридору, медлить не советую.

- Где мы находимся? - робко спросили из толпы. - Куда вы нас привезли?

- Вам все объяснят, когда мы прибудем на место, - зычно пообещал Безбровый. - Довольно разговоров, мы не можем терять время. Первая группа - пошли!

Створки люка распахнулись, и внутрь ворвались клубы морозного пара. Несмотря на то что в узком туннеле-переходе, сооруженном из пластика, повсюду ревели тепловые пушки, мороз был настолько силен, что вызвал температурный шок. Легкая «фирменная» одежда совершенно не защищала от холода, спасение было только в скорости. Забыв обо всем, люди неслись по туннелю и забирались, толкаясь, в тесные салоны приземистых гусеничных машин. Марк попал в третью по счету, вместе с семьей несчастного Крамика. Дверцы машины плотно закрылись, и температура начала постепенно повышаться. Люди переводили дух, растирая успевшие замерзнуть лицо и руки. В салоне находились лишь пленники. Водительский отсек отделялся глухой переборкой с маленьким односторонним стеклом.

- Нет, это не Коринна, - произнес все тот же голос.

Марк взглянул на соседа. Крепкий мужчина средних лет с умным и сдержанным лицом - один из немногих, кто оказался способен сохранить самообладание.

- Думаю, мы попали в очень неприятную историю, - задумчиво сказал

мужчина.

- И вы можете говорить об этом так спокойно! - истерически взвизгнул пострадавший глава семейства. - Это пираты. А мы теперь их пленники. Рабы!

- Возможно, вы правы, - с прежней невозмутимостью ответил мужчина, чем спровоцировал новый приступ истерики.

- Меня тошнит от таких, как вы! - заорал Крамик. - Прекратите прикидываться суперменом! И вы, и я - мы все заложники здесь!

Негромко захныкал один из его сыновей. Через секунду к нему присоединился второй. Мать принялась их успокаивать. Глава семейства растерянно повернулся к ним и мгновенно увял, как проколотый шарик. Между тем экипаж пришел в движение и выехал на открытое пространство. Те, у кого была возможность, прикинули к крохотным иллюминаторам. Снаружи стояла глубокая ночь. Отсвет фар шедшей позади машины выхватывал из темноты лишь узкую полосу снега рядом с гусеницами, но уже в десятке метров в сторону мрак становился непроницаемым. Они двигались так около получаса, затем машина замедлила ход. Марк услышал, что гусеницы экипажа застучали, въехав на твердое покрытие. В иллюминаторах посветлело, машина остановилась, и дверцы распахнулись.

Марк спрыгнул на гладкий каменный пол и огляделся. Машины стояли в ряд в хорошо освещенном помещении с низким потолком и грубо обработанными стенами. Помещение походило на пещеру, вырубленную в горном монолите. Скорее всего, так оно и было. К выбирающимся из экипажей пленникам тут же подсакивали охранники, бесцеремонными толчками формируя всех в подобие колонны, которую возглавил все тот же Безбровый. Через арку разъехавшихся створок стальных ворот колонна втянулась в туннель. Марк принюхался, пытаясь уловить характерные для этого места запахи. Сейчас годилась любая информация. Но ни знакомых, ни необычных запахов он не ощутил. Воздух здесь был сухим, теплым и чистым, разве что с легким привкусом пыли. За спинами пленников раздался лязг: отсекая каждого из них от прежней жизни, сомкнулись мощные створки ворот.

* * *

Рядом с Безбровым на небольшом возвышении стоял старик в широком, просторном одеянии, похожий на ящера сморщенной желтой кожей бритого лица.

- Понимаю, никто из вас не ожидал, что окажется здесь, - заговорил старик тихим, ломким, словно пересохший тростник, старческим голосом, однако слова его отчетливо доносились до каждого из

встроенных в стены микрофонов. - Вы думаете, что с вами случилась беда, что вам не повезло. На самом деле это совсем не так. Вы не представляете, какую удачу отыскали. Хотя для того, чтобы познать смысл происшедшего и обрести счастливое спокойствие, вам понадобится некоторое время.

- Я требую встречи с консулом! - раздался яростный крик слева от Марка. - Я свободный гражданин республики Деветон!

Старый ящер повернул голову к Безбровому, тот мгновенно навел камеру сканера на кричащего и показал старику считывающий экран. Он пробежал глазами подсказку, кивнул и вновь обратился к аудитории пленников.

- Фин Крамик, свободный гражданин республики Деветон, - зашелестел старческий голос. - Только что вы грубо нарушили правила поведения нашего города. Никому не дозволено прерывать выступление членов магистрата. Тем более главного зрителя рудника. На вас налагается наказание в виде исправительных работ в течение дополнительных шести месяцев.

- А сколько тут у вас длится месяц? - крикнули с другой стороны, и Безбровый немедленно развернул туда сканер, а потом показал экран старому ящеру.

- Рагнар Николаи, - с явным удовольствием проскрежетал старик. - Я налагаю на вас наказание в виде трех дополнительных месяцев. Есть ли еще желающие нарушить закон?

- Вы все здесь будете наказаны! - заорал Крамик. - Вы сгниете в тюрьме Федерации!

Ближайший охранник, рассекая толпу, как воду, шагнул к нему и ткнул разрядником в живот. Крамик жутко охнул, согнулся и упал.

- Я повторяю свой вопрос, - невозмутимо произнес старый желтый ящер. - Кто еще собирается нарушить закон Истинного Света?

Ответом было молчание.

- Тогда самое время внимательно меня выслушать, - кивнул старик, отчего складки его желтой кожи затрепетали от подбородка до воротничка рубашки. - Все вы оказались здесь потому, что такова ваша судьба, именно она привела вас, и изменить ее невозможно. Нужно лишь не ропща следовать начертанным путем.

Старик сделал паузу, словно ожидая новых протестующих возгласов, но на этот раз желающих возразить не нашлось.

- Судьба дала вам счастливую возможность потрудиться во благо города Истинный Свет, которому назначено стать началом нового мира, нового порядка во Вселенной. Труд очистит ваши мысли и души, и тогда настанет час, когда каждый из обращенных получит возможность стать полноправным гражданином города. Искренность и старание будут вознаграждены. Очень скоро вам покажут ваше жилье, расскажут, чем предстоит заниматься, и объяснят правила, по которым

существует рудник. Слушайте внимательно и запоминайте, потому что проступок, совершенный по неведению, ничем не отличается от умышленного нарушения. А теперь вы можете задавать вопросы. Но не слишком увлекайтесь, потому что времени, потраченного на бесплодные разговоры, уже не вернуть, а его у всех нас не так уж и много.

- ...У нас здесь дети, - прошелестел женский голос. Это отважилась произнести жена дважды пострадавшего Фина Крамика.

Старик пристально взгляделся.

- Мы уважаем узы брака и ценности семейной жизни, - изрек он. - Ваши дети будут жить в среде сверстников до достижения совершеннолетия. Вам позволят регулярно с ними видеться.

Легкий гул пробежал по толпе пленников. «До совершеннолетия» по отношению к двум десятилетним мальчишкам означало, что впереди у всех долгие годы плена.

- Когда мы сможем вернуться домой? - крикнули откуда-то сзади.

Прежде чем ответить, старик пожевал сухими губами.

- Ваш дом здесь. Отныне и навсегда, - объявил он. - И только от вас зависит, насколько он будет уютен и ласков по отношению к вам.

Кажется, теперь закричали все сразу. Вопли гнева, отчаяния, ярости слились в нестройный хор. И тут же к пленниками со всех сторон ринулись охранники. Сейчас они уже не церемонились. Фиолетовые вспышки разрядов слепили глаза, люди валялись под ударами электрошокеров. Посреди всеобщей паники Марк счел наилучшим сохранять полную неподвижность, но это его не спасло. Один из разгоряченных бойней охранников сладострастно послал разряд ему в грудь. Марка скрутило в судороге боли. Охранник секунду полюбовался корчащимся телом и поспешил дальше. Расставаясь с сознанием, Марк постарался запомнить его радостную рожу с отвислыми мокрыми губами.

* * *

- Возвращайся, старик, - услышал Марк, а потом ощутил мягкое похлопывание по щекам.

- Я не старик, - сказал Марк и открыл глаза.

Склонившаяся над ним физиономия - красная, словно обожженная жестким ультрафиолетом, и украшенная седой щетиной - выглядела довольно дружелюбно.

- Рано или поздно ты им здесь станешь. Этого не избежать никому из нас. Я знаю, что ты - Марк. Меня зовут Луис. И если мы не поторопимся, то пропустим ужин.

Марк поднялся и огляделся. Помещение, в котором он находился,

предназначалось для ночлега рабочих или рабов - нынешний статус Марка еще нуждался в уточнении. Здесь могло разместиться человек двадцать. Ряд двухъярусных коек вдоль длинной стены, несколько умывальников у выхода и ни одного окна.

- Где мы? - спросил Марк.

- В Рудном городе.

- Что за город?

- Город, вырезанный в скале, - ответил Луис. - Рудник. Здесь мы живем, работаем и умираем. Проще говоря - каторга. Ты слышал о Хрустальных Цветах?

- Я даже однажды видел такой цветок. Их привозят из Пограничных миров. Но никто точно не знает, откуда именно.

- Теперь ты узнаешь. Их привозят отсюда, - сказал Луис. -А отыскивают их здесь пленники планеты Клондайк и славного города Истинный Свет. Рабы. Такие, как мы с тобой. Первое время тебе будет тяжело, но ты постепенно привыкнешь, если хочешь жить. В сущности, тут не так уж и плохо. Есть еда, тепло, а иногда даже нам устраивают кое-какие развлечения. За пределами рудника нет даже этого. Откровенно говоря, там вообще ничего нет.

- Где остальные?

- Кого ты имеешь в виду? Те, кто живет здесь, еще не вернулись с работы. Ты увидишь их позже. А новичков, которые прибыли сюда на одном корабле, разместили по другим командам и спальным отсекам. Если ты хочешь быть с ними, можно попытаться найти свободную койку.

- Нет, - мотнул головой Марк. - Мне все равно. Я никого из них не знаю.

Он встал и прислушался к собственным ощущениям. Последствия электрошока исчезали довольно быстро.

- Кто ты, Луис? - спросил он.

- Такой же пленник, как и ты.

- Давно ты здесь?

- Уже шесть лет.

- И ты... смирился?

- А разве у меня есть выбор?

- Выбор есть всегда, - сказал Марк.

- Только не у нас, - покачал головой Луис.

- Неужели никто не пробовал бежать? Разве нет способа выбраться отсюда?

Луис невесело рассмеялся.

- Хотя главный вход формально охраняется, выбраться отсюда можно. И сделать это не особенно трудно: старые выработки подходят вплотную к поверхности, а некоторые даже ведут наружу. Достаточно лишь отыскать нужный лаз и освободить его от обломков. Не самая

сложная задача: дальше все намного труднее. От рудника до космодрома и города Истинный Свет, где живут наши хозяева, всего каких-то тридцать километров, любой желающий может попытаться их пройти. Некоторые действительно пытались.

- И что с ними стало?

- Клондайк - очень холодная планета, - вздохнул Луис. - По крайней мере та ее часть, где мы находимся. Наверное, ты и сам успел заметить. Там, наверху, только холод и смерть. Температура воздуха - минус восемьдесят. Иногда немного холоднее. Лета здесь никогда не бывает. Поэтому замки, решетки, охрана - они просто ни к чему. Никому не под силу проделать этот путь. Я сказал о том, что некоторые пытались бежать. Так вот те из них, кому хватило ума понять свою ошибку в самом начале побега, сумели вернуться. Они были обморожены, но остались жить. Кстати, их даже не наказали за попытку. А другие умерли. Все до одного.

- И за все время никому действительно не удалось бежать? - спросил Марк.

- Повторяю, это невозможно. Я видел замерзшие трупы беглецов, - сокрушенно покачал головой Луис. - Охранники показывают их нам, оставляя на некоторое время в приемном ангаре.

- Думаю, теперь самое время рассказать о тех, кто все это с нами делает, - предположил Марк.

- О горожанах? Ты удивишься, но мы почти ничего не знаем о жизни города. Нам просто неоткуда и не от кого о ней узнать. Те, кто приезжает забирать Цветы, охранники - с нами вообще не разговаривают. Напрямую с каторжниками имеет дело лишь один из них - Лодд. Он называет себя смотрителем рудника. Ты видел этого старого ящера, он всегда встречает новые партии пленников. Лодд сообщает лишь то, что считает нужным. И, как правило, врет. Мы можем только строить догадки. Думаю, город Истинный Свет - нечто вроде религиозной общины. А возможно, это просто укрывшаяся здесь шайка бандитов, которых разыскивают во всех мирах.

- Не слишком гостеприимное место для убежища. Они могли бы отыскать планету потеплее.

Соглашаясь, Луис наклонил голову.

- Могли бы. Они даже могли бы просто перебраться в южные широты. Лодд как-то проговорился - в экваториальной зоне жить намного комфортнее. Но Хрустальные Цветы растут именно здесь, в этой самой скале, которая стала для нас тюрьмой. И больше нигде во всей Вселенной. Потому они и ценятся немислимо дорого. Я уверен, что каждый из горожан в состоянии купить себе отдельную планету на свой собственный вкус. Возможно, так они уже и поступили или в конце концов поступят. Совсем неудивительно, что этот морозильник они считают лучшим из миров. Вот только на шахте они работать не хотят.

- Какая досада! - хмыкнул Марк.

- Горожанам это не нравится, - невозмутимо продолжал Луис. - Хрустальные Цветы можно собирать исключительно вручную и очень - очень! - осторожно, ведь они невероятно хрупки. Грубое прикосновение их убивает, поэтому никакие механизмы использовать нельзя. Во всяком случае, подобных механизмов у горожан нет, и они не торопятся их приобрести. Для этой работы годятся только человеческие руки. Пока Цветок не стабилизируют пламенем в печи отжига, он может разрушиться даже от легкого щелчка ногтем. Он взрывается, разлетаясь на тысячи осколков. И, разрушаясь, убивает тех, кто находится рядом. Вот потому-то наши гостеприимные хозяева поручают эту работу пленникам, число которых все время приходится пополнять. А способ для достижения этой цели они выбрали весьма простой. Их корабли берут в какой-нибудь крупной транспортной компании подряд на чартерные перевозки и некоторое время честно выполняют свои обязательства. А потом в один прекрасный момент корабль исчезает. Он не приходит в пункт назначения - такое, увы, случается на трассах Космоса. Его объявляют погибшим, хотя на самом деле он вместе с пассажирами оказывается на планете, которую ее обитатели называли Клондаик. К сожалению, для твоих родных и близких ты навсегда пропал без вести, погиб вместе с кораблем. И хотя на самом деле ты еще жив, ни для них, ни для тебя это не имеет принципиальной разницы. Прости, но тебе придется с этим смириться.

Луис внимательно посмотрел на Марка.

- Надеюсь, я не слишком сильно тебя огорчил? - поинтересовался он.

- Нет, не слишком, - ответил Марк, и это было абсолютной правдой. Чувства, которые испытывал сейчас Марк, к огорчению не имели ни малейшего отношения, хотя Луису показывать этого он не собирался и сохранял весьма хмурое выражение лица.

- Слишком уж расстраиваться действительно не стоит, - сказал Луис. - При известной осторожности продержаться можно достаточно долго.

- А если пленники тоже не пожелают работать?

- Тогда они очень скоро умрут с голоду, - немедленно ответил Луис. - Или замерзнут. Пищу, энергию и все остальное мы получаем в обмен на Хрустальные Цветы. Надо сказать, по-своему наши хозяева справедливы и честны.

Луис немного помолчал, затем продолжил:

- Пища и энергия. Здесь отсутствуют охрана или надсмотрщики, потому что в них нет никакой необходимости. Но они очень тщательно следят за тем, чтобы установленные правила соблюдались. Жилой и рабочий секторы утыканы видеоточками и прочими электронными шпионами. Кстати, нас с тобой сейчас наверняка кто-то внимательно слушает. Поэтому работать придется всем. Ну, а те, кто не способен

понять этого простого условия...

Луис многозначительно поднял брови.

- И зная, что можешь быть услышан, ты не боишься своей откровенности? - поинтересовался Марк.

- То, о чем я тебе рассказываю, ты бы и сам скоро узнал. А что касается Лодда - повторяю, ему совершенно наплевать на то, как мы к нему относимся. Главное, чтобы работа на шахте шла своим чередом и Хрустальные Цветы отправлялись с планеты на аукционы. Если кто-то из нас поступает неправильно, если что-то нарушается и число найденных Цветов становится меньше, мы все ощущаем это почти немедленно. Здесь становится холоднее. Лодду недосуг искать правых и виноватых, он наказывает всех. Мы сами вынуждены очень строго следить за тем, чтобы правила не нарушались.

Серия коротких звонков прервала его на полуслове.

- Это приглашение на ужин, - объяснил Луис. - Нам следует поторопиться, чтобы не остаться голодными.

Марк шел за ним по длинной, слабо освещенной галерее, в стенах которой изредка открывались поперечные ходы.

- Сейчас мы находимся в жилом секторе, - продолжал на ходу объяснения Луис. - Точнее, в его мужской части. Женщины живут отдельно, да и работают тоже. С ними разрешают встречаться раз в две недели. Штольни начинаются двумя ярусами ниже. А здесь расположены спальные казармы, столовая, комнаты семейных свиданий и даже иллюзион, где нам иногда крутят голографические истории. Любой может пользоваться им после окончания работы и в дни отдыха. Повторяю, горожане в определенном отношении заботятся о своих рабах. Не в их интересах, чтобы рабы умирали слишком быстро от голода, отчаяния и тоски. Они погибают по другим причинам. Но не думаю, что в первые месяцы у тебя возникнет желание развлечься.

- Почему?

- Поначалу ты будешь слишком сильно уставать.

- Старик, который встретил нас здесь, этот самый Лодд, говорил о том, что у каждого из нас есть шанс стать полноправным гражданином, - вспомнил Марк. - Что это значит?

- А-а, это традиционное приветствие Лодда, - кивнул Луис. - Лживое и ни к чему не обязывающее. Старый мерзавец с самого начала считает нужным дать рабам некоторую надежду. Считается, что когда пленник находит свой сотый Цветок, то получает пропуск в лучшую жизнь. Он может достаться ему и за некоторые другие заслуги. Не скажу, что это так просто. Поскольку ты неплохо держишься, открою тебе сразу, что на поиски может понадобиться не год и не два. Сейчас ты еще никто, после десятого найденного Цветка тебе присвоят категорию Соискателя гражданства, после тридцатого ты станешь Кандидатом в

граждане, после семидесятого - Действительным Кандидатом. Если раньше тебя не убьет Цветок или ты не умрешь от старости.

- А ты? - полюбопытствовал Марк. - Какая категория у тебя?

- Я всего лишь Кандидат, - развел руками Луис.

- Кому-нибудь на твоей памяти удавалось пройти весь путь?

- Иногда Лодд объявляет, что кто-то из нас становится полноценным гражданином. Проверить это невозможно - мы больше никогда не встречаем своих товарищей. Лодд говорит, что все они счастливо живут в городе. Может, и так, хотя, полагаю, представления о счастье у нас с ним разные. Но что я знаю абсолютно точно: покинуть Клондаик не удастся никому и никогда... Кстати, мы уже пришли. Надеюсь, ты запомнил дорогу?

Он собрался распахнуть дверь, но Марк его мягко задержал.

- Скажи, почему ты меня опекаешь? - Спросил он.

- В моей команде на прошлой неделе погибли сразу трое, - ответил Луис. - Просто потому, что у одного из них сдали нервы. Я видел, как ты держался, пока Лодд плел свои небылицы. Твои нервы в полном порядке, и это повышает шансы на долгую счастливую жизнь каждого члена команды.

- Счастливую?

- Это зависит только от того, чего ты в ней рассчитываешь добиться.

Луис открыл дверь и вошел. Марк шагнул следом. Это помещение оказалось намного просторнее общей спальни команды. За длинными столами сидело около сотни человек, занятых поглощением еды. Луис подошел к стойке раздачи и прижал ладонь к матовой поверхности опознавателя. Через секунду стойка выплюнула коробку с ужином. Точно так же получил свою порцию и Марк. Они сели на ближайшие свободные места, и Марк обнаружил среди своих соседей по столу тех, кого уже успел узнать за время полета. Напротив него сидели Фаран Лерски и мужчина со спокойным лицом, который ехал с Марком в одном экипаже.

- Это ты, Грегус, - ухмыльнулся Лерски. - Я вижу, предательство не сильно тебе помогло.

- Я не предавал тебя, Фаран, - сказал Марк.

- А откуда же они узнали...

- Он тебя не предавал, - подтвердил мужчина. - Это излюбленный прием тюремщиков. Они хотят, чтобы каждый из нас подозревал в предательстве своего соседа. За нами внимательно следили с той минуты, когда мы ступили на борт этого проклятого корабля, а твою дурацкую игрушку обнаружил сканер. Я вообще не понимаю, на что ты рассчитывал, пытаясь ее скрыть. Кстати, уверен, что за нами наблюдают и сейчас. Я прав?

Луис, на которого мужчина смотрел в ожидании ответа, молча кивнул.

- Бэкэтт, - представился мужчина.

- Луис. Вас уже распределили по командам? Впрочем, это не важно, здесь каждый вправе самостоятельно выбрать себе товарищей. В нашей спальне есть свободные места, и если вы захотите занять одно из них...

- Пожалуй, я так и сделаю, - задумчиво произнес Бэккетт. - Благодарю. Фаран вдруг засопел, нахмурился и отодвинул свою коробку с пайком в сторону.

- Я... вероятно, я был не прав, - пробурчал он, глядя исподлобья. - Полагаю, я должен принести Марку извинения. И если у вас есть еще одно свободное место, я бы хотел его занять.

- Хорошо, - сказал Луис после короткой паузы. - Еще одно место у нас найдется...

* * *

Под многометровой толщей горы утро начиналось не с восхода местного светила, которого многие обитатели Рудного города вообще ни разу не видели, а когда включались освещение спален и ревуны побудки. После завтрака рабочие команды расходились по своим ярусам, штрекам и штольням. В камере с рядами стеллажей, где хранилось оборудование шахтеров, Луис инструктировал новичков.

- Сейчас я еще раз повторю то, что каждый из вас уже слышал по два раза. Но если я замечу, что кто-то слушает невнимательно, то врежу от души, потому что от того, насколько крепко вы запомните, зависит ваша жизнь. Да и не только ваша.

Все мы работаем в одиночку, каждый в своем отдельном штреке. Вот ваше снаряжение: сканер, резак, дыхательный комплект и контейнеры для Хрустальных Цветов, если вы их найдете. Как работать резак, я вам уже показал. Но вначале вы очень внимательно обследуете стенку сканером - он проникает сквозь камень на глубину одного метра, - и если ничего интересного не обнаруживаете, включаете резак. Обломки породы складываете на транспортер. Аккуратно удаляете слой и снова просвечиваете скалу сканером. И так далее. Но когда сканер покажет песчаный карман, вы должны стать предельно внимательны. Резак работает на минимальной мощности с глубиной проникновения не более пяти сантиметров. И все время контролируете сканером. Самое главное начинается после того, как карман вскрыт. Теперь очень осторожно, руками, следует выгрести из кармана песок, так же осторожно извлечь Хрустальный Цветок и уложить в контейнер. Ничего сложного, если ни на секунду не забывать об осторожности. Сырой, не обработанный температурой Цветок не переносит ударов, он может взорваться даже от легкого щелчка. Поэтому только руки... И если все удалось, все получилось, вы выносите контейнер из штольни,

вызываете транспортировщиков и можете считать рабочий день законченным, а также не выходить на работу назавтра.

- Тогда зачем у каждого по два контейнера? - спросил Фаран.

- Иногда, очень редко, в кармане могут оказаться два Цветка, - ответил Луис, - это автоматически означает лишний день отдыха. Однажды некто Гривс из седьмой команды нашел в одном кармане даже три Цветка. Но такое случилось всего однажды.

- И отдыхал целых три дня? - с ухмылкой поинтересовался Фаран.

- Целых три дня, - подтвердил Луис.

- Весьма щедрая награда, - Фаран покрутил головой и сплюнул.

Ирония его была вполне уместна, если учесть, что цена отдельных экземпляров Цветков на аукционах достигала стоимости звездолета.

- Не думайте, что найдете Цветок немедленно, - предупредил Луис. - В среднем, каждый из нас обнаруживает один Цветок за неделю. Но если в течение первого месяца кому-то из вас так и не удастся найти ничего стоящего, это очень плохо.

- Насколько плохо? - спросил Бэккетт.

- Неудачника переводят в команду откатчиков или ставят на обжиг. Это совсем другая работа. Может быть, на первый взгляд она менее опасна, однако тем, кто там вкалывает, я совсем не завидую... Пока это все, - закончил инструктаж Луис. - О прочем вы узнаете сами, когда начнете работать. Если появятся вопросы - меня легко найти.

- Последний вопрос, Луис, - задержал его Марк. - Ты сказал: «ничего стоящего». Там попадает еще что-то кроме Цветков?

- Попадает. Небольшие образования, внешне немного похожие на настоящий Цветок. Мы называем их «детьми». Они почти не имеют ценности, зато абсолютно стабильны и потому не опасны, хотя их тоже подвергают процедуре обжига. Говорят, что иногда с ними что-то происходит в условиях очень низких температур. Впрочем, точно я не знаю. Найти их - какой-никакой результат. За «детей» нам тоже платят правом жить дальше. Поэтому каждый вскрытый карман осматривайте внимательно и неторопливо. Рабочий день длится десять часов. Потом вам на смену придут откатчики, они освободят штольни и штреки от пустой породы. А теперь пора приниматься за дело. И я желаю всем удачи...

Свой первый карман Марк обнаружил спустя четыре часа после начала работы.

Он вгрызлся резак в твердь, вырубая обломки породы рядами - снизу вверх. Рудная гора представляла собой гигантский базальтовый монолит двухкилометровой высоты и с восьмикилометровым периметром основания, сплошную скалу практически без посторонних включений. Эта скала была единственной вершиной на огромном пространстве равнины, покрытой вечными снегами и льдом. Она была чужеродна и казалась попросту забытой здесь каким-то древним

великаном, занятым в незапамятные времена непонятными и таинственными делами...

Резак сейчас работал в режиме ультразвукового ножа. Измельченная импульсами резака до молекулярных размеров каменная пыль витала в воздухе невесомым туманом, сквозь который яркий луч налобного фонаря пробивался с немалым трудом. Если бы не полностью изолирующий кислородный прибор, Марк задохнулся бы в течение нескольких минут.

Он обрушил последний «кирпич» в верхнем ряду, отложил резак и принялся складывать обломки на транспортер. Бесшумная лента неторопливо понесла принятый груз прочь из штрека, а Марк взял в руки сканер. Начало кармана проступило на экране светлым пятном с четко очерченными границами. Судя по показаниям прибора, до него оставалось пройти сантиметров шестьдесят. Сердце Марка учащенно забилось. Он мысленно рассмеялся над охватившим его чувством азарта, совершенно неуместного для каторжника и раба.

Негромко пискнул контрольный сигнал. Марк взглянул на манометр дыхательного аппарата: стрелка вступила на красное поле, настала пора менять воздушный баллон. Он выбрался в штольню и с облегчением снял маску.

Возле его штрека откатчик загружал породой транспортную машину - похожий на гусеницу многочленный механизм с низкими бортами, созданный, чтобы ползать под землей, преодолевая любые изгибы и повороты туннелей. Лицо рабочего наполовину скрывал респиратор, впрочем, Марку и так было ясно: в число пассажиров его рейса он не входил.

- Куда выбрасывается порода? - спросил Марк.

- В отработанные горизонты или наружу, - голое откатчика из-под респиратора звучал глухо и малоразборчиво.

- Ты вывозишь это на поверхность?

Откатчик удивленно посмотрел на Марка и стянул респиратор на подбородок.

- Конечно, нет. Мне нечего там делать. Мы везем породу наверх и выгружаем в отвальной камере. Когда она заполняется, открываются заслонки, и пресс выдавливает породу, выбрасывает в пропасть.

Он вернул респиратор на место и продолжил работу, а Марк отправился менять баллон. В подсобном помещении никого не было, да и по пути ему никто не попался. Очень жаль. Марку отчего-то страшно хотелось поделиться с кем-нибудь известием о своей находке. Выбрав и проверив баллон, Марк вернулся к своему штреку. Откатчик уже закончил здесь свою работу, его механизм перебрался метров на сто в глубь штольни. Марк натянул маску и нырнул в каменную щель.

Около получаса ушло на то, чтобы приблизиться к карману на расстояние десяти сантиметров. Дальше ультразвуком работать было

нельзя. Марк переключил резак в режим лазера. И хотя он установил минимальную мощность, в тесном штреке очень скоро сделалось невыносимо жарко. Комбинезон мгновенно пропотел насквозь: от теплового удара спасал лишь прохладный воздух из баллона.

Марк в очередной раз выключил резак и взялся за сканер. От кармана его отделяла перемычка толщиной меньше сантиметра. Марк достал титановый клинышек, вставил в едва заметную щель и качнул вначале осторожно, затем сильнее. Камень треснул, щель расширилась, наружу хлынула струйка белого, как снег, мелкого песка. Действуя клином, Марк обламывал перемычку, расширяя отверстие, пока размер его не сравнялся с боковыми стенками кармана. Теперь настало время работать только руками. Марк отложил клин, снял перчатки, сменил кислородную маску на респиратор и осторожно вдохнул душный, жаркий, пыльный воздух.

Песок на ощупь казался мягким, словно пух. Марк плавно выгребал его горстями у самого края кармана, и песок, текучий как вода, вновь неспешно заполнял образовавшиеся лунки, стекаясь с периферии. Однако уровень его постепенно понижался и настал момент, когда Марк увидел вершину Хрустального Цветка. Марк остановился, чтобы передохнуть и унять невольное волнение, а потом продолжил работу. Песка в кармане становилось все меньше, и Хрустальный Цветок постепенно открывал Марку свою прекрасную суть. Он представлял собой кристалл эллиптической формы со множеством искрящихся светом граней. Его большой диаметр равнялся локтю взрослого мужчины. Его внутренняя структура непостижимо менялась при каждом движении внешнего источника света. Там, внутри Цветка, рождались странные формы, вспыхивали звезды, галактики и вселенные и тут же исчезали, чтобы дать место появлению новых. Смотреть на Цветок хотелось бесконечно, и Марку пришлось сделать над собой усилие, чтобы вернуться к реальности.

Затаив дыхание, он протянул ладони и осторожно поднял Цветок с его песчаного ложа. Цветок был тяжел и холоден, но холод этот отчего-то не казался Марку мертвым. Медленно и плавно Марк развернулся, положил Цветок в подготовленный контейнер, закрыл крышку и только после этого выдохнул. Он вспомнил, что карман следует осмотреть до конца. Второго Цветка он явно не обнаружит, но советы Луиса следовало выполнять точно.

Он вновь начал выгребать песок и делал это намного быстрее, потому что нужды в особой осторожности уже не было. Старания его оказались вознаграждены. В дальнем углу, у самой стенки кармана, пальцы Марка ощутили предмет величиной с половину кулака. Он вытащил его и подставил под свет лампы. «Ребенок» Хрустального Цветка действительно имел некоторые основания называться таковым. Он был похож на Цветок формой и множеством правильных

граней, однако на том сходство и кончалось. «Ребенок» был темно-серым, непрозрачным камушком. При желании сотворить абсолютную копию «ребенка» из куска базальта или иной породы подходящего размера и цвета сумел бы любой резчик по камню средней квалификации.

Марк отложил камень в сторону и продолжил поиски. Спустя короткое время он убедился, что никаких сюрпризов карман больше не скрывает. До официального окончания смены оставалось чуть более двух часов, но Марка это уже не касалось. Он имел право закончить работу немедленно, а также твердое намерение этим правом воспользоваться. Он сунул найденный камушек во внутренний карман комбинезона, осторожно поднял контейнер с Цветком и стал выбираться из штрека.

* * *

- У тебя счастливая рука, - сказал Луис, и в тоне его звучало уважение.
- Найти Цветок в самый первый день - такого на моей памяти еще не случалось. Если удача тебя не оставит, очень скоро ты сможешь возглавить свою команду.

Они сидели в углу полупустой казармы. Кто-то из членов команды уже спал, кто-то бродил по жилому сектору, пытаясь развлечься или отвлечься.

- А что это мне даст? - поинтересовался Марк.

- Не очень много, однако здесь мы привыкли ценить даже самую малость. Лишний свободный день, лишнее свидание с женщиной, если она у тебя есть.

- У меня нет женщины.

- Зато теперь есть возможность ее найти.

- Нет, Луис, - покачал головой Марк. - Боюсь, все это мне не слишком интересно. У меня другие планы.

Луис негромко рассмеялся.

- Ты еще не понял, что планы строить здесь невозможно. Жизнь наша определена на годы вперед, и никто не в силах этого изменить.

- Помнится, ты говорил, что выбраться на поверхность довольно легко. Это на самом деле так?

Луис посмотрел на Марка с изумлением.

- Я не собираюсь помогать тебе совершить самоубийство.

- Я просто спрашиваю, - успокаивающе сказал Марк. - И уверяю тебя, самоубийство в мои планы уж точно не входит.

- Ты еще не излечился от несбыточных фантазий, - вздохнул Луис. - Запомни: побег отсюда невозможен, чем скорее ты это поймешь, тем легче будешь переносить свое нынешнее положение.

Дверь казармы отворилась, вошли Фаран и Бэккетт. Марк призывно махнул им рукой, и скоро они продолжили разговор вчетвером.

- Скажи, Луис, неужели за все время никто не попытался совершить нечто более значительное, чем бегство в ледяную пустыню? Можно было бы попробовать захватить снегоходы, прорваться на них в космопорт...

- Невозможно, - помотал головой Луис. - Снегоходы расстреляют прямо на поле. Неужели ты думаешь, что эти мысли пришли в голову только тебе? К тому же постоянно здесь находится не более двух машин. Они стоят в гараже за бронированными воротами. Конечно, за ночь можно было бы вскрыть двери с помощью резаков, но гораздо раньше охранники тебя просто пристрелят. А когда ворота открываются, чтобы забрать добытые Цветы, привезти оборудование или продукты, охраны бывает столько, что справиться с ней вообще нет ни малейшего шанса.

- А ты как думаешь, Фаран? - спросил Марк.

- О чем?

Фаран сидел напыжившийся, злой. Он ничего не нашел в своем штреке, потому что не собирался ничего искать. Весь день он просто бездумно чиркал резаком стенку забоя, пытаясь отыскать ответ на один-единственный вопрос: как с ним могло случиться такое? Он страшно устал и готов был винить в своих бедах любого, кто первым попадет под руку, но ссориться с Марком ему не хотелось.

- Ты согласишься попробовать, если что-нибудь удастся придумать?

- Если! - воскликнул Фаран. - Если бы мне удалось добраться хоть до одной поганой глотки...

Он яростно пошевелил толстыми сильными пальцами.

- Фаран согласился бы, - мягко произнес Бэккетт, положив тому руку на плечо. - Я бы тоже согласился, если бы существовал план. Полагаю, мы все вместе должны над ним подумать.

Луис вздохнул тяжело и демонстративно громко.

- Мы все здесь когда-то пытались строить планы, пока не поняли, что самое главное - суметь прожить как можно дольше. Рано или поздно здесь должны появиться корабли из большого мира, я уверен в этом. Когда-нибудь нас найдут. Но только тех, кто сумеет выжить. Вот о чем мы должны заботиться в первую очередь.

- Скажите, Луис, а вы не согласитесь рискнуть, если план будет того стоить? - спросил Бэккетт.

- Такого плана не будет никогда, - отрезал Луис.

Свет под потолком трижды мигнул. Это означало, что для пленников наступало время сна...

...Марк открыл глаза, мгновенно вспомнив, где и почему находится. На соседней койке похрапывал Фаран, в конце помещения кто-то трудно откашливался, но причиной внезапного пробуждения были вовсе не

эти обычные ночные звуки казармы. Ему вдруг приснилось, что сердце его пульсирует гулко и мощно, словно готовясь немедленно взорваться. Марк рывком сел на койке и схватился за грудь. Рука наткнулась на что-то твердое. «Ребенок» Цветка. Марк перевел дух и понял, что это был только сон - сердце билось ровно, разве что чуть учащенно. Марк вытащил из кармана кристалл и сжал его обеими ладонями. Ничего не происходило. Нагретый теплом тела Марка камень был мертв, каким и положено быть любому камню. Марк посидел еще немного, прислушиваясь к себе и пытаясь разобраться: отчего же, собственно, он не отдал камень Луису? Немедленного ответа он не находил, зато точно понял, что оставит камень себе. Это была просто уверенность, рожденная наитием, с которым Марк привык считаться. Он спрятал камень и постарался уснуть.

* * *

Свободный день, пожалованный в качестве награды за находку, Марк употребил на исследование окружающего пространства и нашел его весьма значительным. Жилые сектора - женский и мужской, отделенные друг от друга запертыми дверями, - занимали сравнительно малую часть ходов, залов, заброшенных штолен и штреков, которые невольники города Истинный Свет прогрызли в скальном монолите за многие годы. Марк переходил с яруса на ярус, углублялся в темные туннели, которые заканчивались глухими тупиками, возвращался на ближайшую развилку и начинал новое исследование с тем же разочаровывающим результатом. Один из ходов оказался плотно закупоренным отработанной породой. Марк приблизил лицо к преграде почти вплотную и ощутил слабый ток морозного воздуха, сочившегося сквозь щели. Это место он отметил в памяти особо. Вполне вероятно, что там, за грудой камня, располагался один из выходов на поверхность. Вполне вероятно также, что такой туннель был здесь не единственным и понадобится лишь время, чтобы отыскать среди них удобный выход наружу. Марк отправился обратно. Дорога заняла у него немало времени, он едва успел к раздаче вечернего пайка. В столовой оставалось совсем немного народа, но Луис был здесь, словно ожидая появления Марка.

- Могу я спросить, как ты провел день? - поинтересовался Луис.

- Конечно, - охотно ответил Марк. - Я просто бродил. И думал.

- Ты так и не желаешь смириться.

- Не желаю. Для этого пока просто нет оснований. Я ходил по горизонтам лишь несколько часов, не осмотрел и сотой части нашей тюрьмы, но уже обнаружил немало интересного.

- Вот как! - воскликнул Луис. - И что же ты обнаружил?

- Расскажу позже. Мне нужно подумать... над моим планом.

- У тебя есть план?

- Пока нет. Но, думаю, скоро появится.

Луис нахмурился, погрузился.

- Ты мне нравишься, Марк. Поэтому я бы не хотел твоей гибели.

- Я вовсе к ней не стремлюсь.

- И еще больше я не хотел бы, чтобы пострадал кто-то еще. Те, кого тебе удастся заразить своим...

- Безумием? - усмехнулся Марк. - Ты хотел произнести именно это слово?

- Пожалуй... да!

- Это не безумие, Луис, поверь мне. Теперь я почти уверен, что способ вырваться отсюда существует. И я намерен его сформулировать. Нам не нужно захватывать корабль для побега с Клондайка. Да и вряд ли у нас хватит на это сил. Но захватить станцию связи - совсем ненадолго, чтобы послать сигнал о помощи, - мы сумеем. Только действовать нам придется всем вместе, и произойдет это очень скоро.

Луис покачал головой.

- Я не рассказал тебе еще кое о чем, - проговорил он. - Даже если здесь появятся корабли Департамента безопасности, помочь нам они не смогут.

- Почему?

- Эти фанатики предусмотрели подобный вариант развития событий. Рудная гора вместе со всеми пленниками будет уничтожена ядерным зарядом, который заложен в одной из замурованных шахт.

- Откуда ты знаешь?

- Встречаясь с нами, Лодд иногда бывает разговорчив. Не сомневаюсь, впрочем, что он всегда точно знает, что и насколько намерен нам открыть.

Марк задумался.

- Ну что ж, - медленно сказал он. - Хорошо, что я узнал об этом. Значит, в моем плане должно быть предусмотрено, как решить и эту проблему.

Луис хмуро уставился на него, но не произнес больше ни слова. Встал и пошел из столовой, не дожидаясь Марка. Эту ночь Марк спал крепко, без сновидений. А когда утренний звонок разбудил его, почувствовал себя свежим и отдохнувшим.

* * *

Помня слова Луиса о том, что каждый шахтер, в среднем, отыскивал не более одного Цветка в неделю, Марк считал возможным следующие шесть дней не напрягаться на работе. Дождавшись, когда все

разойдутся по своим забоям, он снимал снаряжение и отправлялся в очередной поход по лабиринту, планомерно исследуя его закоулки. Походы эти были довольно однообразны. Просверленные в скале за десятилетия ходы и лазы отличались друг от друга количеством поворотов и ответвлений, но ни один из них не приближал к выходу. Он бродил в стороне от рабочей зоны; не встретив за все время ни одной живой души. На третий день Марк сменил тактику поиска. Теперь он избирал те ходы, что вели вниз, стараясь погрузиться в недра горы как можно глубже, и однажды отыскал нечто интересное.

В одном из нижних туннелей путь Марку преградил бруствер обрушившейся с потолка породы. Само по себе это уже было необычно, потому что в сплошной скале участки мягкого грунта ему еще не попадались. Преграда была невысока - всего по пояс Марку. Он осторожно перебрался через нее и уже через десяток шагов обнаружил, что этот ход был устроен не человеком, а силами природы. Неровных стен и подножия туннеля шахтерский инструмент явно не касался. Ход был извилист и труднопроходим, однажды Марку пришлось почти ползком преодолевать его сужение. Но за ним открылся довольно просторный грот. Марк услышал журчание воды, и его лампа осветила черную поверхность подземного потока, вырывающегося из отверстия в одной стене грота и бесследно исчезающего в противоположной.

Это было интересно, однако ни на шаг не приближало Марка к цели. Река текла под землей, ее наполняли подземные родники. Вряд ли она выходила наружу. Скорее всего, пробежав многие километры под скованной вечным холодом поверхностью планеты, она вливалась в такую же либо впадала в подземное озеро или даже море - может быть, единственный незамерзающий водоем всей огромной полярной области.

Какой-то предмет блеснул в луче фонаря. Марк подошел ближе, наклонился и поднял смятую упаковку пищевого концентрата. Здесь он оказался явно не первым. Видимо, кто-то из тех, кто искал способ и путь к бегству, точно так же стоял на берегу черного потока, разочарованный бесполезностью своего открытия.

Марк решил прекратить дальнейшие поиски, которые могли длиться еще сколь угодно долго, и сосредоточиться на расчистке заваленного обломками базальта прохода, который он обнаружил в первый день. Этим он и занимался последние два дня, которые выделил для своих путешествий. Работа оказалась не из легких. Его инструменты здесь были бесполезны, Марк практически вручную разбирает завал, оттаскивая в соседние штольни обломки камня. Но с каждым часом ток воздуха снаружи ощущался отчетливее, и Марк понимал: он становится все ближе к цели...

После завтрака Луис задержал его, отозвав в сторону.

- Нужно поговорить. Я приду в твой штрек. Жди меня и никуда не уходи.

- Куда я могу уйти? - воскликнул Марк, но Луис оборвал его резким, раздраженным жестом.

- Я приду! - повторил он и ушел.

А Марк отправился в свой забой и принялся ковырять резакком базальт. Трудился он поначалу безо всякого усердия, устраивая длинные перерывы, но постепенно неожиданно для себя увлекся, потому что сканер в какой-то момент показал на экране слабое пятнышко, которое вполне могло оказаться началом песчаного кармана. Изолирующая маска не позволила ему услышать шаги за спиной, Марк обнаружил, что не один в штреке, лишь ощутив на плече руку Луиса. Марк выключил резак, выбрался вслед за Луисом в штольню и стянул маску. Рядом, у соседнего штрека, трудился откатчик, загружая удаленной породой механическую «гусеницу». Он остановился лишь на миг, окинул Марка и Луиса равнодушным взглядом и тут же вернулся к работе.

- Смотрителю Лодду стало известно, что один из рабочих уже несколько дней бродит в рабочую смену по руднику без видимой цели, - сообщил Луис.

- Откуда же он это узнал? - поинтересовался Марк.

- Я говорил тебе, что большая часть рудника находится под постоянным наблюдением. Рано или поздно твои отлучки обязательно бы обнаружили. Так оно и произошло. Ты ведь не будешь отрицать, что это был именно ты?

- Не буду, - согласился Марк. - Но за время своих отлучек я кое-что нашел, и теперь у меня, кажется, есть план.

Луис молча смотрел на него, и Марк продолжил:

- Я обнаружил выход из рудника. Он был завален пустой породой, но я расчистил его почти до конца. Завтра я ненадолго выберусь наружу, чтобы осмотреться.

- И что дальше?

- Если все сложится хорошо, в следующий раз мы выберемся вместе и нападём на один из транспортов.

- Это невозможно! - горячо воскликнул Луис. Копотившийся неподалеку откатчик повернул голову в его сторону, и Луис резко сбавил тон: - Ты умрешь в первые же полчаса. У нас нет одежды, способной защитить от такого холода.

- Вот поэтому мне понадобится твоя помощь, Луис, - сказал Марк. - Ты должен что-то придумать. Понимаю, что добыть полярный комбинезон тебе не под силу, но отыскать что-то посущественнее наших спецовок, чтобы продержаться на морозе полчаса-час, ты, полагаю, сможешь. Я бы хотел, чтобы ты сделал это как можно скорее.

- Это безумие, - потрянул головой Луис. - Ты погубишь себя и всех нас.

- Хорошо, - Марк положил руку ему на плечо. - Обещаю тебе, что все дальнейшие действия мы станем обсуждать вместе и очень подробно. Но побывать снаружи мне нужно обязательно.

Луис недолго помолчал.

- Хорошо, - сказал он. - Я подумаю, чем тебе помочь. Но на это мне потребуется некоторое время...

Он ушел, а Марк принялся пробиваться к карману, который оказался пустышкой, не содержащей даже «детей» Цветка. Вечером и утром следующего дня они с Луисом разговаривали только о работе. Марк терпеливо ждал и ковырял базальт. Лишь за ужином Луис знаком показал, что желает сказать ему нечто.

- Я приготовил то, что ты просил, - сказал он после того, как они с Марком уединились. - Где находится твой выход?

- Вряд ли я сумею объяснить, - усмехнулся Марк. - Я могу только провести тебя туда, но сейчас этого делать не следует.

- Ты прав, - кивнул Луис. - Мы встретимся там, куда я перенесу все, что тебе пригодится. А потом ты увидишь Клондаик в его истинном свете. Очень надеюсь, что это избавит тебя от иллюзий.

- Когда и где?

- Завтра, сразу после окончания рабочего дня. Оставь инструменты в своем штреке. Ты пропустишь ужин, но мы сохраним твою порцию к твоему возвращению. Если, конечно, ты вернешься, на что я очень надеюсь. А теперь слушай: из главной штольни ты должен спуститься на два яруса ниже и на пересечении туннелей выбрать левый, тот, что будет не освещен. Пойдешь почти до конца, когда увидишь на стене желтый круг, свернешь направо. Пройдешь еще около сотни метров, там я тебя буду ждать. Ты все запомнил?

- Да, - кивнул Марк.

- Тогда удачи нам всем!

Луис ушел в сторону сектора развлечений. Марк немного постоял, глядя ему вслед, а потом залез в карман комбинезона и вытащил «ребенка» Цветка, которого отчего-то не стал отдавать, да так и носил с собой все это время. Камень был теплым - это естественно, он впитал в себя тепло тела Марка. Но Марку показалось, что в нем есть и собственная, внутренняя теплота, крохотный источник ощущения уверенности, спокойствия и ожидания удачи. Нет, эти «дети» Цветов не зря имели собственную цену...

- Что это у тебя? - услышал Марк взволнованный голос за спиной.

Марк быстрым, мягким движением спрятал камень в карман и обернулся. Уже знакомый Марку откатчик со странной жадностью смотрел на его руки. Лицо откатчика было белым и безволосым. Скорее всего, он родился и жил на Грейде - планете, единственный материк которой, а по сути - большой остров, находился в зоне нескончаемых туманов и дождей. Грейда была очень теплым, сырым и

сумрачным миром, жители которого почти никогда не видели лика собственного светила и не стремились повидать светила иные. Интересно, как и когда он сюда попал?

- Я был неосторожен и немного поранился, - Марк показал свежую ссадину на тыльной стороне левой ладони, которую действительно получил несколько минут назад.

Интерес в глазах откатчика мгновенно угас.

- Нужно быть осторожнее, - пробурчал он и потащился к своей спальной камере.

- Как тебя зовут? - окликнул его Марк.

Откатчик обернулся.

- Зачем тебе мое имя?

- Взамен тех имен, которые мне придется забыть здесь навсегда.

Откатчик помолчал, потоптался на месте, а потом хрипло рассмеялся и пошел прочь.

- Гланс, - сказал он, прежде чем свернуть за угол. - Попытайся его запомнить, если тебе это действительно поможет.

За несколько минут до того, как в жилом секторе отключили свет, на койку Марка присел Бэккетт.

- Ты ничем не хочешь поделиться? - поинтересовался он. - Я спрашиваю только для того, чтобы узнать: не нужна ли тебе помощь?

- Пока нет. Но все равно спасибо. Думаю, очень скоро твоя помощь действительно потребуется.

Бэккетт пристально смотрел на Марка, и в глазах его плескалась надежда.

- Удачи тебе...

Марк спал крепко и без сновидений, проснувшись полным бодрости. А потом целый день в своем штреке старательно имитировал напряженную деятельность, считая часы и минуты до окончания смены. Когда же таймер сообщил, что пора заканчивать, - ждал еще некоторое время, пока его штрек минуют возвращающиеся в жилой сектор шахтеры и откатчики. Текли минуты, но в штольне совсем неподалеку все еще слышались шорох и каменный стук. Потеряв терпение, Марк выбрался из штрека и увидел откатчика Гланса, возившегося возле своей «гусеницы».

- Что ты здесь делаешь, Гланс? - удивился Марк. - Рабочее время закончилось.

- Я мог бы задать тебе тот же вопрос, - пробурчал он.

- Иду на встречу со зрителем Лоддом, - сказал Марк. - Надеюсь, ты не возражаешь?

Гланс не стал отвечать или не нашелся с ответом. Он неподвижно смотрел в спину Марка, пока тот не скрылся в боковом туннеле.

Спуск на нижние ярусы Марку был прекрасно знаком, он без труда отыскал нужный поворот и уверенно двинулся дальше, следуя

полученным от Луиса указаниям. Отмеченный желтым кругом туннель оказался прямым, длинным и не имел боковых ответвлений. Марк отсчитал уже более сотни шагов, но свет фонаря по-прежнему рассеивался во мраке, не достигая материальной опоры. Но зато Марк чувствовал, что по мере его продвижения температура заметно падает. Стены туннеля внезапно раздались в стороны, и Марк оказался в просторной пещере. На противоположной стене под лучом фонаря что-то блеснуло.

- Луис! - негромко позвал Марк и сделал несколько шагов вперед.

Внезапно темнота вокруг наполнилась движением. Крепкие руки схватили Марка, вспыхнул яркий свет. Марк непроизвольно зажмурился, а когда раскрыл глаза, увидел перед собой Луиса, а рядом с ним - смотрителя рудника Лодда. Марк с усмешкой подумал: брякнув Глансу первое, что пришло в голову, он удивительным образом угадал.

- Прости, Марк, - сказал Луис. - Я отговаривал тебя, как мог. Но ты не желал ничего слушать, а я не мог допустить, чтобы пострадали люди, увлеченные твоими безумными планами.

Марк молчал.

- Вы неплохо начали здесь, молодой человек, - заговорил Лодд с фальшивым сожалением. - Я надеялся, что вас ждет успех. К сожалению, люди вашего типа мне хорошо знакомы. Вы относитесь к категории скрытых безумцев, не способных принять реальность и использовать ее на свое благо. Вы опасны, как пораженная болезнью клетка здорового организма. В таких случаях единственный способ лечения - немедленное удаление.

- Что вы собираетесь со мной сделать? - спросил Марк.

- Ничего, - дернул сухим плечом Лодд. - Мы отнюдь не жестоки. Ты хотел выбраться наружу, и такая возможность тебе сейчас будет предоставлена. И винить в этом ты должен только самого себя. Прощай, Марк Грегус.

Марка потащили по туннелю. Конвоиры вели себя излишне грубо, хотя Марк не делал ни малейшей попытки сопротивляться. Ему не стоило никакого труда освободиться, но ни охранники, ни Лодд не должны были об этом знать, поэтому он покорно сносил толчки и рывки, как и положено обреченному, который расстался с последней надеждой. Шагавший впереди охранник с видимым усилием сдвинул в сторону тяжелую стальную дверь. Марка втолкнули в длинный тамбур. Внутренняя заслонка задвинулась, а охранники уже открывали внешний люк. Лютый холод ворвался в помещение, напрочь вымораживая влагу. Воздух помутнел от пара, который тут же обратился в мельчайшие частицы льда. Марк ощутил сильный толчок в спину и вылетел на снег. Дверь за его спиной с лязгом захлопнулась. Лютый холод тысячей ледяных когтей впился в незащищенные участки кожи, вползал под тонкую ткань комбинезона, но все это было не

важно.

Бесконечную снежную равнину, украшенную кое-где невысокими округлыми холмами, освещали две небольшие, но яркие луны. Их света вполне хватало, чтобы ориентироваться в окружающем пространстве. За спиной Марка высились отвесные скалы Рудной горы. Марк побежал направо с единственной целью - удалиться от двери, из-за которой за ним могли наблюдать. Уже через минуту он почувствовал, как невыносимый мороз начинает сковывать его члены. Дальше в таком режиме двигаться было нельзя. В качестве укрытия Марк выбрал небольшое углубление в скале, сел, опершись спиной о камень, и приготовился к трансформации.

* * *

Луис должен был предать - Марк понял это в тот самый момент, когда спросил его о побегах. Луис солгал. По крайней мере один побег с планеты Клондайк увенчался успехом, Луис не мог этого не знать. Два года назад рейсовый грузовик подобрал спасательную капсулу, из последних ресурсных сил взывающую о помощи. В капсуле обнаружили подростка. Ему здорово повезло. Аппарат глубокого сна отключился из-за недостатка энергии. Через несколько дней мальчишку ждала неизбежная гибель от голода или нехватки воздуха.

Спасенного доставили в ближайший офис Департамента безопасности, где он после реабилитации поведал о существовании планеты Клондайк и города Истинный Свет с его рудничной горой. История подростка вкратце выглядела следующим образом. Отправившись вместе с группой однокашников в познавательный круиз, он оказался на борту пиратского корабля, замаскированного, как и во всех прочих случаях, под мирного перевозчика. В результате вместо знойного курортного Латрака он оказался на холодном Истинном Свете. Дальше вмешался случай. Одним из командиров кораблей, зафрахтованных общиной Истинного Света для грузовых перевозок, оказался отец подростка. Так уж произошло, что в то самое время он находился на планете и каким-то образом узнал, что в составе новой партии пленников находится его сын.

Отец подростка служил общине достаточно долго, он получал за молчание огромные деньги и прекрасно знал здешние порядки. Поэтому он не пошел смиренно просить отпустить сына - результатом было бы немедленное уничтожение обоих. С несколькими близкими ему людьми из состава команды он атаковал приемный сектор Рудной горы, перебил с десятков охранников, нашел сына и стартовал с планеты на своем корабле. К сожалению, далеко уйти ему не удалось. Посланный вдогонку перехватчик расстрелял беглеца до того, как тот

успел уйти в пространственный прыжок. Командир гибнущего корабля успел лишь засунуть сына в аварийную капсулу и послать ее в единственный прыжок в сторону обитаемой системы.

Стандартная аварийная капсула может около двух месяцев поддерживать жизнь своего пассажира в режиме глубокого сна и еще пару недель, когда основной энергетический ресурс исчерпается. Она способна совершить посадку в автоматическом режиме, но навигационного оборудования в капсуле нет. Поэтому понять, откуда, из какого сектора пространства погибающий корабль отправил ее в прыжок, не было никакой возможности. Отыскать планету рабовладельцев, так тщательно и успешно скрывающих ее координаты, Департамент не мог. Показания мальчика о ней были крайне скудны и ситуацию абсолютно не проясняли. Хрустальные Цветы были единственным следом. Но они доставлялись на аукционы из абсолютно различных мест, разными компаниями-перекупщиками, и след этот прерывался уже на втором-третьем посреднике. Единственным способом отыскать планету оставалось тщательное, кропотливое просеивание возможных кандидатов в соучастники рабовладельцев. К сожалению, лишь на основе вероятностных прогнозов - то есть фактически вслепую. В течение полугода Марк совершил восемь полетов и почти уверился, что никогда не достигнет результата. Беда была и в том, что, учитывая крайне специфический климат Истинного Света, в поисках кроме Марка могли участвовать лишь четверо сотрудников Департамента...

Особая группа Департамента безопасности насчитывала чуть более сорока сотрудников. Каждый из них попадал туда в результате длительного и кропотливого отбора. Агенты Департамента скрупулезно просеивали данные сотен тысяч потенциальных кандидатов, отыскивая уникальные, единичные экземпляры человеческой расы в десятках населенных миров. Кстати, Марк к их числу не принадлежал. Он был рожден на Айсбурге - планете вечных ледников и вулканов. Его способности были следствием направленных искусственных мутаций и сурового естественного отбора в течение пяти сотен лет борьбы за выживание крохотной колонии планеты. Айсбург вращался вокруг своего солнца по вытянутой эллиптической орбите. Каждый оборот он на четыре стандартных года удалялся от светила, превращаясь на это время в мир холода и льда, сохраняющий атмосферу и океанские глубины незамерзшими лишь за счет тепла горячего ядра планеты. А следующие два года на Айсбурге царило жаркое, невыносимо жаркое лето. Природа Айсбурга за миллионы лет приспособилась к этим условиям. Одни обитатели планеты засыпали на весь долгий зимний период, прячась глубоко под землей. Другие, наоборот, выходили из укрытий, занимая освободившиеся пространства для того, чтобы жить и сеять семена продолжения жизни своего рода. Когда приходило лето,

они менялись местами, не особо замечая и не мешая друг другу.

Людам такое не подходило. Они хотели стать главными хозяевами открытого ими мира и властвовать над ним всегда, независимо от времени долгого солнечного года. Для этого они должны были к нему приспособиться, и за сотни лет им это удалось... Жители Айсбурга любили свой изменчивый мир, зато не отличались любовью к путешествиям и перемене мест. Агентам Департамента пришлось немало потрудиться, чтобы отыскать Марка и еще четверых его соплеменников, согласившихся принять предложение поступить на службу.

Марк с нетерпением ждал предательства Луиса, потому что оно должно было ускорить исполнение намеченных планов. Он потянулся и с наслаждением вдохнул свежий морозный воздух. Стояла прекрасная погода. Легкий ветерок срывал искрящуюся пыль со снежных барханов. Он встал и огляделся. Обострившееся зрение уловило легкое свечение атмосферы над горизонтом - где-то там сияли искусственные источники света, освещая город или космодром. Туда Марк и намеревался проследовать. Он сделал несколько шагов, опробуя свою измененную сущность. Слегка кружилась голова - следствие слишком быстрой трансформации тела в режим зимы. В естественных условиях у Марка, как и у всех жителей его родной планеты, это изменение занимало более недели, оно проходило неторопливо и плавно. Кожа постепенно плотнела и утолщалась, менялся метаболизм, готовя организм к долгой суровой зиме. Когда трансформация завершалась, тело Марка практически прекращало отдавать тепло и влагу внешней среде. Единственным каналом термодинамической связи с внешним миром оставалось дыхание. Теперь же резкая смена температуры ускорила изменения. На это понадобилось немало энергии, и сейчас Марку очень хотелось есть. Впрочем, можно было и потерпеть.

Мешала обувь. Марк опустил на снег и поспешно сбросил ботинки, с наслаждением погрузив ступни в прохладный снег. Конечно, полураздетый и босой человек на Истинном Свете выглядит странно, но одежда Марку в его нынешнем состоянии была не нужна да и вряд ли позволила бы замаскировать еще более странную внешность. Он еще раз огляделся и легким, скользящим шагом побежал в сторону города, называемого его обитателями Истинный Свет.

Бежать было легко. Снег под ногами слежался до твердости асфальта, легкий ветер услужливо подталкивал в спину. Марк чувствовал себя почти счастливым. Вот только действительно очень хотелось есть. Заглядевшись на светлеющий горизонт, он не заметил занесенной снегом ложбинки и провалился по пояс. Из-под ног стремительно рванулось что-то мягкое и живое. Белой пушистой молнией промчалось с десятков метров и нырнуло в снежную толщу, словно в воду, зарывшись с невероятной скоростью. Эта ледяная

пустыня вовсе не была мертва, жизнь присутствовала здесь. Марк пожалел, что у него нет времени поохотиться, и продолжил бег.

Теперь он был внимательнее и потому спустя некоторое время обнаружил, что сам сделался объектом охоты. Наперерез ему неслось существо с длинным телом, покрытым белой шерстью, - иных подробностей Марк разглядеть не мог. Коренной обитатель Истинного Света явно превосходил Марка в скорости, столкновения было не избежать. Марк этому обрадовался и приготовился к встрече...

...Он умылся снегом - колючие кристаллы замерзшей воды прекрасно впитывали свежую кровь - и обтер руки об остатки комбинезона, исполосованного когтями хищника, прежде чем Марк твердыми как сталь пальцами разорвал ему горло. Сам Марк ничуть не пострадал - его кожа оказалась слишком прочной для полярного зверя, но комбинезон сейчас годился только на заплатки. Когда Марку придет время возвращаться на рудник, надо будет позаботиться об облачении, дабы не пугать уж слишком товарищей по плену. Зато на вкус полярный хищник оказался совсем неплох. Планета Клондаик начинала нравиться Марку все больше, несмотря на присутствие Лодда. Он подумал о том, что когда все закончится, можно будет провести здесь недельку-другую с друзьями. Но вначале предстояло сделать еще многое. Поэтому, преодолев искушение продлить привал, Марк спрятал под снегом остатки трапезы и продолжил путь.

Он перевалил через небольшой взгорок, и перед ним открылся купол города Истинный Свет. Там Марку пока делать было нечего, он искал иную цель и тут же ее обнаружил. Справа, километрах в двух, светились ярким фиолетовым цветом посадочные площадки городского космодрома. Три из них были заняты кораблями, две оставались свободными. На границе посадочного поля Марк увидел здания служб обеспечения и ажурные конструкции антенн пункта связи. Комплекс административных построек был обнесен высокой и частой оградой из колючей проволоки: персонал, конечно же, нуждался в защите от местных хищников. Чтобы преодолеть ограду, Марку пришлось повозиться - кроме собственных пальцев иными инструментами он не располагал. В конце концов проволока поддалась его усилиям. Нижняя нитка лопнула, и Марк осторожно прополз под колючками. Вряд ли здесь существовала система постоянного внешнего слежения - в ней просто не было необходимости. Однако на всякий случай Марк некоторое время выждал и двинулся дальше, окончательно убедившись, что его вторжение осталось незамеченным. Но дальше было сложнее. Дверь пункта связи оказалось запертой. Она выглядела слишком прочной, чтобы пытаться пробиться внутрь силой, к тому же наверняка была первой из двух. Да Марк и не собирался поднимать шум. Если Луис не врал про атомную мину под рудником, - а Марк обязан был учитывать такую возможность, - задача его

усложнилась. По первоначальному плану он должен был любым способом прорваться на пункт связи и дать сигнал, которого ждал десантный корабль Департамента безопасности, после чего немедленно уйти и спокойно отсидеться в какой-нибудь уютной снежной пещерке, пока десантники придут и сделают свое дело. Теперь же все перевернулось, и Марку еще предстояло понять, как поступить дальше.

Заметно посветлело. Начинался рассвет короткого дня. Выбрать тактику дальнейших действий следовало до того, как над горизонтом приподнимется светило. Марк обошел здание по периметру, обнаружил запасной выход и убедился, что он тоже надежно заперт изнутри. Поземка, которую гнал усилившийся ветер, мгновенно засыпала неглубокие лунки следов Марка. В конце концов он пришел к неизбежному выводу, что ему остается только ждать, устроив лежку неподалеку от двери. Рано или поздно дежурные пункта связи выберутся наружу. Хотя бы для того, чтобы смениться. Марк прикинул их возможное число. Скорее всего, один-два человека, большому количеству там просто нечего делать. В любом случае шансов проскользнуть внутрь, выполнить задачу, оставшись незамеченным, у Марка было немного. Но выбирать не приходилось. Первое задание оставалось главным: так или иначе, Марк должен был навести десант на планету.

Он начал быстро копать рядом с укатанной гусеницами экипажей дорожкой, что вела от крыльца к воротам ограды, и через несколько минут полностью зарылся в снег. Поворочался немного, утрамбовывая телом пол и стены пещерки, и обратился в слух, который оставался сейчас единственным каналом информации извне. После плотного ужина (или завтрака?) Марк был способен провести вот так дней десять без всякого вреда для себя. Он лежал, составляя в уме сообщение, которое должен будет послать, а потом стал обдумывать свои дальнейшие действия на тот случай, если все пройдет благополучно.

Прежде всего он как можно скорее вернется на рудник. Как это сделать, Марк уже примерно знал. Они не станут прорываться сквозь двери, из которых Марка вышвырнули на погибель, потому что они наверняка оборудованы тревожными датчиками. Они пройдут той самой заброшенной штольней, которую Марк почти откопал. Правда, он весьма приблизительно представлял, где именно она находится, но надеялся на приборы, которыми наверняка оснастят передовую группу. Кстати, об этом тоже надо сказать в сообщении...

Марк почувствовал, что под сердцем у него что-то шевелится. Теперь это была не иллюзия, а настоящее, реальное движение в кармане комбинезона - одной из немногих деталей облачения, сохранившихся после схватки с хищником. Марк сунул руку в карман и вытащил

камешек. Отчего-то с некоторым трудом. Он взглянул на него и понял отчего: камешек действительно пульсировал и понемногу увеличивался в размерах.

Подчиняясь мгновенно возникшему чувству, которое Марк не успел осознать, он резко вскочил, пробив головой снежный потолок, и швырнул изо всех сил «дитя» Цветка. Камень взлетел над ограждением. Марк успел заметить, что в полете с камнем продолжали происходить изменения - он распух, потом выбросил в разные стороны тонкие, длинные иглы, на мгновение сделавшись похожим на огромного морского ежа, и, едва коснувшись поверхности, лопнул, взорвался с оглушительным грохотом, взметнув вокруг себя снежное облако.

Только теперь Марк вспомнил фразу Луиса о странном поведении «детей» при низких температурах. После трансформации тело Марка больше не отдавало тепла камню. Камень остывал, холод сделался детонатором.

Марк услышал, как распаивается дверь узла связи, и нырнул в свою нору, которая сейчас превратилась в траншею. Обнаружить его не составляло почти никакого труда, но оба выбежавших из здания человека в полярных комбинезонах не обращали внимания ни на что вокруг, кроме облака, возникшего на месте взрыва. Люди, возбужденно выкрикивая что-то, бросились к месту происшествия, зачем-то выхватив оружие, а Марк, содрав с себя и швырнув в снег жалкие остатки комбинезона, скользнул к приоткрытой двери тамбура.

Как Марк и ожидал, центр связи был пуст. Вполнакала светились индикаторы контрольной панели. Это был серийный УДП-комплекс, работать на котором Марк, как и все его коллеги, мог с закрытыми глазами. Жаль, что в нынешнем состоянии пальцы его изрядно утратили гибкость, и общение с компьютером происходило не в том темпе, который сейчас требовался. В данный момент комплекс находился в режиме пассивного слежения. Марк перевел аппаратуру в режим передачи и принялся набирать сообщение. Первоначальный план необходимо было изменить, и Марк торопился рассказать, что именно следует сделать.

Он подписал сообщение кодовым именем и сбросил его в корзину первоочередной отправки. Тем временем комплекс медленно выходил на рабочий режим. Включались цепи источников питания, стартовые аккумуляторы наполнялись энергией, готовясь совершить информационный прокол пространства. На все это требовалось время. Марку оставалось только ждать.

Он подошел к окну и увидел, что вокруг воронки собирается все больше людей. Они выбегали из соседнего здания, суета нарастала, повышая шансы Марка на успех. Кто-то распаивал дверцы ангара, выгоняя гусеничный экипаж.

Прозвучавший сигнал готовности заставил Марка вернуться к компьютеру. Загрузка завершилась. Марк тронул клавишу ввода, и спрессованный в миллисекунду объективного времени сигнал умчался в пространство. Ему все удалось. Еще некоторое время потребовалось, чтобы уничтожить физические следы своего присутствия здесь. Разумеется, связисты рано или поздно обнаружат непонятный расход энергии, возможно, даже обратят внимание на небольшую лакуну в файле регистрации событий. Но Марк не без оснований рассчитывал, что все это спишут на появление неизвестного феномена, и уж конечно, никому не придет в голову заподозрить, что в центре связи побывал обреченный на гибель пленник. Перед тем как покинуть пункт связи, Марк еще раз выглянул в окно. Вокруг воронки все так же толпились жители Истинного Света. Причин для беспокойства у Марка не было, но следовало подумать о возвращении.

Он уходил через запасной выход с противоположной стороны постройки, прикрывшей его от суетящихся людей. И тут ему немного не повезло. Одна из дверей в коридоре, по которому он спешил, внезапно распахнулась, и оттуда показался заспанный, зевающий человек - один из отдохнувших членов смены. При виде Марка лицо его исказилось ужасом, он с воплем прыгнул обратно в комнату, захлопнув дверь. Марк не стал портить произведенного впечатления. С ужасным рыком он промчался по коридору, стараясь производить как можно больше шума и топота, выбил дверь и вывалился наружу. Марк очень надеялся, что сонный связист примет его за одного из снежных хищников Истинного Света. Неважно, что лично связисту именно такое чудовище ни разу не встречалось - со сна первые впечатления частенько бывают весьма искаженными...

Проскользнув под проволокой, он замаскировал проделанную дыру, а потом поспешно зарылся в снег поблизости от ограды. Возня продолжалась, происшествие обеспокоило нынешних хозяев планеты. Марк слышал шум нескольких прикативших из города вездеходов и даже гул круживших вокруг воздушных машин. Лишь когда короткий день закончился, и светило, так и не показав своего лица из-за плотных, низких туч, скрылось за горизонтом, Марк выбрался наружу. Он чувствовал себя отдохнувшим и полным сил. Определив направление, Марк отправился к Рудной горе.

* * *

Теперь, когда происходящее на какое-то время вновь вошло в ломкие рамки первоначального плана, Марку оставалось только ждать. Он выкопал себе убежище около стены утесов Рудной горы, примерно

там, где, по его представлениям, мог находиться почти открытый им вход в каменоломни. К сожалению, отыскать его самостоятельно, без помощи товарищей Марк не мог, ему оставалось лишь надеяться, что им не потребуется на это слишком много времени. Правда, вначале им предстоит отыскать его самого. Честно говоря, без желания на то самого Марка осуществить это было практически невозможно. Тело его сейчас отдавало столь мало тепла, что тепловизоры были бесполезны. Чтобы облегчить коллегам задачу, Марк прихватил на узле связи рулончик металлической фольги из кучки таких же, сваленных у запасного выхода. Марк не сомневался: эта пропажа вряд ли окажется замеченной. Рулончик он аккуратно развернул рядом со своей пещеркой, замаскировав слоем снега. Марк ждал и размышлял.

Рано или поздно его найдут. Но дальше все будет много сложнее. В своем нынешнем обличье Марк не мог надеяться затеряться среди прочих пленников, а на обратную трансформацию ему требовалось гораздо больше времени. Марку необходима помощь - как извне, так и изнутри. Десантники Департамента уже на пути к Истинному Свету, вероятно, руководством на основании полученной от Марка информации разработан какой-то план, но вряд ли он предусматривает открытый штурм рудника со стороны главного входа. Если ядерный заряд существует, - а Марк был склонен подозревать, что дело обстоит именно так, - его успеют взорвать, какими бы стремительными ни оказались действия десантников. Нет, операция по освобождению пленников должна будет начаться изнутри, и главная роль в ней будет принадлежать сотрудникам особой группы.

Но для этого они должны оказаться внутри гигантской скалы, изъеденной поколениями охотников за Хрустальными Цветами.

Небо, как и в прошлую ночь, на короткое время очистилось от облаков, и Марк впервые увидел над собой оба спутника планеты - яркие белые диски, один втрое меньше другого, движущиеся по небосклону по одной траектории. Большой понемногу нагонял меньший, на время слился с ним, будто проглотил, а потом вырвался вперед, оставляя более удаленного от планеты собрата позади...

Марк спал чутко, но появление гостей заметил лишь в последний момент, когда совсем рядом с пещеркой скрип снега выдал чьи-то осторожные шаги.

- Марк! - тихо позвали его.

Марк поднялся навстречу. Лица двух десантников в белых полярных одеждах скрывали защитные маски, и Марк не мог их опознать.

- Я Санди, - поняв затруднения Марка, помог ему один из коллег. - Со мной Калев. Ты странно выглядишь. Нет, прости: ты выглядишь классно. Ни разу не видел тебя таким. Кстати, все три твоих земляка с нами, они нацепили такую же «боевую раскраску». Слушай, открой секрет: как в этом состоянии вы друг друга различаете.

- По привычке, - буркнул Марк. - Надеюсь, ваше прибытие осталось незамеченным?

- Мы использовали челнок-«невидимку». Здешнее оборудование не в состоянии его засечь. Базовый корабль прячется за одним из спутников.

- Где остальные?

- Не очень далеко отсюда. Ждут наших сообщений.

- Пусть пока ждут, - кивнул Марк. - Вначале нам с вами нужно кое-что сделать... Скорее вам, чем мне.

Он наскоро объяснил ситуацию: один известный, наверняка охраняемый сигнализацией вход и другой, который еще предстояло отыскать.

- Я бы отправился по кратчайшему пути, - сказал Калев. - Эти двери мы проломим за две секунды.

- И поднимем тревогу по всей планете, - со смешком кивнул Санди.

- Она оказалась невелика, - проворчал Калев. - Вся твоя планета - город и рудник.

- Этого достаточно, чтобы половина перечисленного взлетела в верхние слои атмосферы. Марк, ты можешь показать, где нам следует искать твою тайную нору? Ну, хотя бы приблизительно?

- Вон там, - показал Марк, изобразив, насколько позволяло его нынешнее обличье, растерянность и смущение.

- Тогда пойдем искать. - Калев не любил ждать и долго раздумывать.

- Пойдите, парни, - сказал Марк. - Я хочу есть. Я ждал вас почти двое суток.

Голод вновь терзал его - сказывались все те же последствия слишком быстрой трансформации, да и пробежать пришлось около сотни километров, не считая всего прочего. Калев мощно хлопнул себя ладонью по груди, что должно было означать извинение за забывчивость, и сбросил с плеча один из ранцев.

- Прости, Марк, меня об этом предупредили, но я совсем забыл.

Он внимательно смотрел, как Марк извлекает брикеты пищевого концентрата и начинает с хрустом поглощать. Смотрел без отвращения или неприязни - просто с любопытством: способы поддержания сил у сотрудников особого отдела Департамента в разное время и в разных ситуациях могли весьма существенно различаться. Собственно, это относилось и к самому Калебу. Марк не смущался, потому что понимал: Калебу просто интересно.

Потом Марк улегся на снег - ему необходимо было некоторое время полежать, а Санди с Калевом отправились на поиски.

Марк забылся сном и, видимо, проспал несколько часов. Его разбудил голос Калеба из оставленной рации.

- Марк! Марк! Ты меня слышишь? Мы нашли твою нору. Добирайся к нам сам, мы тоже иногда имеем право на отдых.

Они ждали Марка под скалой с таким отрицательным уклоном, будто она готова была немедленно рухнуть. Марк почувствовал, что даже в своих замечательных комбинезонах они начали замерзать. Или им это просто показалось, потому что вечно замерзшим был весь окружающий мир, который только Марка согревал воспоминаниями о доме.

- Смотри, Марк, - Калевб сунул ему в руки указатель, - там след тепла. Если ты хочешь, мы превратим в пар весь этот лед до основания камня.

- Не торопись, Калевб, пусть решает Марк, - с беспокойством сказал Санди.

Он впервые оказался напарником Калеба и еще не привык к его шуткам.

Ничего выжигать было нельзя. Они втроем вырезали блоки льда и относили в сторону, погружаясь в тело ледника, пока не достигли скального основания. Именно здесь обнаружился засыпанный когда-то проход в лабиринты Рудной горы. Доделать начатую Марком изнутри работу большого труда не составило. Оказавшись у прохода в штольню, они устроили краткое совещание.

- Нам не удастся найти бомбу самостоятельно, - предупредил Калевб. - У этой скалы высокий радиоактивный фон, поисковые приборы здесь бесполезны.

- Мы отыщем ее другим способом, - сказал Марк.

* * *

Штрек, в котором работал Фаран, был одним из последних в штольне. Марк предпочел бы иметь дело с Бэкеттом, но его рабочее место располагалось в гораздо более оживленной части активной зоны рудника, добраться туда, оставшись незамеченным, Марку было бы намного труднее. Он укрылся за углом, пропуская ведомую откатчиком «гусеницу», нагруженную обломками базальта, и скользнул вперед, прижимаясь к стене туннеля.

В штреке оказалось не очень пыльно. Фаран, сдвинув на грудь маску, что-то сосредоточенно рассматривал, опустившись на колени, и появление Марка осталось для него незамеченным.

- Фаран! - негромко произнес Марк.

Тот неторопливо обернулся. Лицо его выразило удивление, которое тут же сменилось ужасом. Вскрикнув, Фаран отпрыгнул к стене и выставил перед собой резак.

- Фаран, не бойся! Это я, Марк.

- М-марк? - хрипло повторил Фаран. - Ты Марк?

- Да, Фаран, успокойся. Я родился на планете Айсбург. Мы меняемся, когда становится очень холодно, а потом еще раз, когда приходит

тепло. Я был на поверхности, и мне пришлось трансформироваться. Все в порядке.

Не выпуская резака, Фаран осторожно приблизился. Коснулся груди Марка и тут же отдернул руку, словно обжегшись.

- Марк, - снова сказал он, вглядываясь и понемногу узнавая черты его лица. - Действительно... Это невероятно. Луис сказал, что ты погиб под обвалом...

- Он солгал. Луис не только старший в команде. Он работает осведомителем Лодда. Он предал меня, когда я убедил его, что собираюсь устроить побег.

- Они тебя не убили?

- Почти. Не совсем. Хотя желали сделать именно это. Охранники просто выбросили меня наружу. Они не подозревали, что здешний климат мне очень нравится.

- Зачем ты вернулся? - спросил Фаран.

- Для того чтобы вытащить отсюда тебя и всех остальных.

- Это невозможно, - уныло проговорил Фаран. - Никто из нас не умеет превращаться в чудищ, которым не страшны морозы. - Он сообразил, что сказал что-то не то, и поторопился исправиться: - Извини, я не...

- Я вернулся не один, - перебил его Марк. - Здесь десантники Департамента безопасности. Собственно, забыл сказать, что я тоже там работаю.

- Так ты попал сюда намеренно?

- Ну вот ты и догадался, - хмыкнул Марк.

Фаран наконец опустил резак. Кажется, он окончательно пришел в себя.

- Чего ты хочешь от меня? - спросил он.

- Для начала, чтобы ты привел сюда Луиса.

- Понимаю, - кивнул Фаран. - Ты намерен наказать его за предательство.

- Не в этом дело. Рудник заминирован. Если десантники начнут штурм, его просто взорвут. Власти Истинного Света прекрасно знают, что ждет их за похищения и убийства сотен людей. Луис нужен нам, чтобы найти и обезвредить заряд.

- Думаешь, ему многое известно? - усомнился Фаран.

- Думаю, с его помощью мы отыщем того, кто располагает нужной информацией.

- Я понял, - сказал Фаран после короткого раздумья. - Я сделаю это.

Он шагнул вперед, намереваясь протиснуться мимо Марка к выходу, но тот его придержал.

- Не спеши. Для начала я хочу, чтобы ты принес парочку рабочих комбинезонов.

Фаран с недоверием оглядел Марка с ног до головы и ухмыльнулся:

- Не думаю, что комбинезон поможет тебе прикинуться человеком.

- Это не для меня, - объяснил Марк. - Вообще-то, Фаран, я - человек. Просто немного не такой, как ты. И еще. Потом, после того как ты приведешь сюда Луиса, я хотел бы, чтобы ты позвал Бэкетта.

- Зачем? - подозрительно спросил Фаран.

- Возможно, мне понадобится ваша помощь. И вообще, мне хотелось бы, чтобы где-то поблизости находилось побольше людей, которым можно доверять. Ты знаешь таких?

Фаран задумался.

- Помнишь того спесивого чиновника, которого здесь пришибли первым?

- Крамик? - удивился Марк. - Он же попал в другую команду. И он совсем не кажется мне похожим на героя.

- Его перевели в нашу команду на твое место, когда ты исчез. А что касается героя... Чтобы спасти свою семью, Крамик готов на все.

- Согласен, - склонил голову Марк. - Только полагаю, смотритель рудника Лодд понял это немного раньше тебя.

- Конечно, - немедленно согласился Фаран. - И уверен, что Крамика перевели к нам не случайно. Он готов продать всех вокруг ради спасения своих близких. Уверен, так он и поступает. Наверняка он доносит Лодду даже о том, что кто-то надевает носки наизнанку. Но когда Крамик узнает и поймет, что для спасения семьи нужно делать совсем другое, он не задумается перед выбором ни на минуту.

Лицо Марка неспособно было отражать эмоции, но Фарану удалось угадать его реакцию по выражению глаз.

- Сейчас ты смеешься надо мной или над ним? - нахохлился он.

- Нет, Фаран, - Марк постарался в меру теперешних своих физических возможностей изобразить улыбку. - В данный момент есть повод посмеяться над Лоддом.

* * *

Откатчик по имени Гланс совершил преступление. Вместо того чтобы вновь отправиться на «гусенице» за очередным грузом породы, он загнал свой механизм в пустой штрек и, прижимаясь к стене, стараясь ступать бесшумно, заскользил по штольне. То, что он заметил несколькими минутами раньше, наполнило его возбуждением и надеждой. На руднике происходило нечто, чего происходить не должно. Здесь появились чужие. Двое неизвестных в одежде, ничуть не похожей на рабочие комбинезоны рудокопов или откатчиков, прятались в темном проходе. Они были уверены, что мрак надежно укрывает их, потому что не знали: Гланс, родившийся в сумрачном мире Грейды, обладал настолько острым зрением, что сумел разглядеть темные силуэты затаившихся пришельцев даже в этой

тьме.

Это был его шанс. Откатчику никогда не стать гражданином, за всю жизнь он не успеет добраться даже до категории Действительного Кандидата в граждане - такие награды достаются лишь рудокопам, тем, кто отыскивает и находит Хрустальные Цветы. Но добиться привилегий можно и иным способом, важно лишь не упустить возможность. Теперь такая возможность у Гланса появилась. Он не сомневался, что зритель Лодд по достоинству оценит его старания. Он выглянул из-за угла - туннель был пуст - метнулся к противоположной стене и залег, вжавшись в крохотную нишу, уподобившись горке неубранной породы. Гланс приготовился ждать, смотреть и слушать...

О том, как произошла встреча Фарана с Луисом, Марк узнал позднее, сейчас они с Калемом и Санди просто ждали в одном из заброшенных штреков. В спальняй пещере команды Луиса в это время шел тихий и очень напряженный разговор.

Фаран, чрезвычайно возбужденный, вбежал в казарму и знаком показал Луису и Бэкетту, что хочет поговорить. Втроем они устроились на пустующей койке в дальнем углу.

- Я нашел Марка, - без предисловий выпалил Фаран.

Глаза Луиса расширились, он отпрянул.

- Ты бредишь, - прошептал он.

- Я нашел его! - воскликнул Фаран. - Он едва дышит, он обморожен, но он жив. Он говорит что-то про выход - я не понял, из рудника или нашего сволочного положения. Мы должны ему помочь.

- Ему удалось выбраться из завала, - сказал Бэкетт. - Луис, если бы ты сразу попытался его вытащить...

- Штрек рухнул! Он лопнул всеми стенами внутрь! - крикнул Луис. На них начали оглядываться, и он понизил голос: - Такое случалось не один раз. Когда мы разбирали камни, то находили даже не труп - только обрывки плоти. Если вы не верите...

- Сейчас я склонен поверить Фарану, - остановил его Бэкетт. - А ты?

- Конечно... конечно. Я немедленно вызову спасательную бригаду, - Луис начал подниматься, но Фаран его удержал.

- Никакой бригады, Луис. Только мы втроем. Никто не должен знать, что стало известно Марку, пока мы не узнаем. Ты согласен со мной?

- Конечно, - автоматически проговорил Луис и повторил после паузы намного увереннее: - Конечно. Мы пойдём...

- Немедленно, - продолжил Бэкетт.

- Но ему наверняка нужен врач! - воскликнул Луис.

- Марк просил, чтобы о нем не узнал никто, кроме нас троих, - сказал Фаран. - Он намерен рассказать что-то очень важное.

- Ему понадобятся лекарства, - поднялся Луис. - Я пойду приготовлю...

- Я обо всем уже позаботился, - заверил Фаран. - Все, что нам

необходимо, спрятано в инструментальной. Но ты должен придумать, где мы его спрячем.

- Да... - Луис ненадолго задумался. - Да, я знаю. Здесь немало укромных мест.

- Тогда пойдете! - нетерпеливо позвал Бэккетт.

Прочие пленники, из тех, кто еще не провалился в тяжелый сон, проводили уходящих взглядами, выражающими слабый интерес. Никто ни о чем их не спросил.

* * *

К этому времени штольни окончательно опустели. Откатчики тоже закончили работу, устроив свои механизмы в стойла. Марк вслушивался в тишину подземелья. Она не была абсолютной. Могучая плоть монолита дышала: Марк слышал легкое потрескивание в толще камня, слабое журчание струек просочившейся в трещины влаги, шорохи скатывающихся песчинок, и когда в этот естественный фон вторгся звук шагов, Марк слегка вздрогнул.

- Они идут, - сказал он в горошину рации.

Шаги приближались. Марк улегся поудобнее и закрыл глаза.

Луис в ошеломлении остановился перед лежащим телом. Бэккетт был потрясен не меньше.

- Это Марк? - спросил Луис.

- Это он, - подтвердил Фаран. - С ним что-то произошло, он изменился, но это действительно он. Ему очень плохо, он постоянно теряет сознание. Мы должны ему помочь.

Луис приблизился и присел рядом с Марком на корточки.

- Тихо! - он предупреждающе вскинул руку, повернулся к выходу из штольца и прошептал: - Там кто-то есть!

Фаран и Бэккетт машинально повернулись, и в то же мгновение Марк ощутил прикосновение острия иглы к коже. Играть дальше не было смысла. Марк схватил Луиса за руку, сжал и выкрутил. Луис охнул. Марк вытащил из его ладони крохотный шприц.

- Ты собирался убить меня во второй раз, Луис, - с грустью сказал он. - Как видишь, это не так просто сделать.

- Кто бы ты ни был, у тебя ничего не получится, - пробормотал Луис, корчась от боли. - Сейчас здесь будет охрана. Я сумел дать знак своему человеку. Вы уже проиграли. Отпусти мою руку!

У входа послышались шаги, в пещерку вошли Санди с Калобом. Оба выглядели изрядно смущенными.

- За ними следил какой-то человек, - сказал Санди. - Мы слишком поздно это заметили, и ему удалось удрать. Мы не сумели отыскать его в этом проклятом лабиринте.

- Я вам говорил, - хмыкнул Луис.
 - Жаль, что вы его упустили, - вздохнул Марк. - Это меняет ситуацию, но не существенно.
 - У вас нет шансов, - проговорил Луис. - Вас схватят и накажут. Это вопрос времени.
 - Это у тебя нет шансов, Луис, - возразил Марк. - Посмотри на моих товарищей: они прибыли на Клондайк всего несколько часов назад. Тебе никогда не приходилось встречаться с боевым десантом Департамента безопасности? Скоро такая возможность у тебя появится. Десантники готовы к штурму и ждут нашего сигнала. Но есть одна проблема - ты знаешь какая.
 - Я знаю, - склонил голову Луис. - Бомба. Все равно мы все погибнем.
 - Ты так жаждешь смерти?
 - Она неизбежна.
 - Неизбежности не бывает, - отрезал Марк. - Во всяком случае, не всегда и уж точно не теперь. Кстати, кто этот твой помощник, которого не сумел поймать Санди?
 - Фин Крамик. Я сделал ему знак, чтобы он незаметно следовал за нами. Сейчас он наверняка беседует с Лоддом.
 - Пусть так, этого уже не изменить. Тогда стоит поторопиться. Поэтому я спрашиваю тебя, Луис: готов ли ты нам помочь? Если да - спасешься сам и спасешь остальных пленников. А мы в ответ никогда не будем вспоминать о твоих дополнительных обязанностях на руднике.
- Луис думал недолго. Собственно, выбора у него не было.
- Чего вы от меня хотите? - спросил он.

* * *

Смотрителю рудника Лодду предстояла бессонная ночь. Предчувствие подсказывало ему приближение кризиса. Такое редко, но случалось. В последний раз - много лет назад, когда несколько десятков безумцев попытались поднять восстание и даже сумели прорваться в административный сектор. Конечно же, все они были уничтожены. А старших рабочих команд, прозевавших мятеж, Лодд приказал вышвырнуть наружу. Тем, кто быстро умер от холода, повезло: смерть от клыков полярного льва намного мучительнее. Правда, чтобы полностью восстановить работу рудника, пришлось доставить сразу два корабля с новыми партиями пленников. Система охраны тогда была серьезно изменена, и с тех пор ничего подобного не происходило.

Осведомитель - ничтожное существо из команды откатчиков по имени Гланс - сообщил о том, что на рудник вернулся тот, кто несколько дней назад был приговорен к смерти. Невероятно! Человек не может

выжить без защиты и пищи на восьмидесятиградусном морозе, гибель бунтовщика от холода или от когтей хищников была неизбежна. Тем не менее ему не только удалось избежать смерти, но и проникнуть на рудник. К тому же, как утверждал осведомитель, он вернулся не один. Сообщая об этом, Гланс дрожал от возбуждения и преданно ловил взгляд Лодда. Смотритель снизошел до похвалы. Бдительность и старание осведомителя были достойны щедрой награды. Он объявил Глансу, что с этой минуты тот переходит в категорию Действительных Кандидатов в граждане города-государства Истинный Свет. «Будь столь же предан и внимателен, - сказал Лодд, - и недалек тот день, когда ворота славного города откроются перед тобой».

Счастливый шпион ушел, а Лодд задумался. Как приговоренному удалось остаться в живых? Кто были его спутники? Как они появились на планете? Станция слежения гарантировала, что ни один корабль не нарушит суверенного пространства государства Истинный Свет.

Нет, никаких пришельцев извне быть здесь не может. Лодд склонялся к тому, что бунтовщику помог кто-то из горожан. Они же сопровождают его теперь. Лодд подумал, что в последнее время Стражи Учения работают спустя рукава. Тайные отступники и предатели до сих пор остаются не выявленными, распространяя вокруг себя ересь. Даже если их число невелико, опасность каждого преуменьшать нельзя. Зачем они здесь? На что надеются? Каковы их цели? Сколько их?

Его смущали и другие новости: непонятный взрыв у космодрома, странное существо, проникшее в помещение центра связи. Бестолочь техник, видевший это существо, ничего не сумел рассказать толком. Существо показалось ему огромным и белым - вот и все, что из него удалось выдавить. Огромными и белыми могли быть только полярные львы, но от них надежно защищала ограда, да и сами звери давно уже близко не подходили к местам человеческого обитания.

Лодд снова и снова просматривал подробный отчет происшедшего в тот день и усиленно размышлял. Произошел взрыв, природа и причины которого остались непонятными. Где-то поблизости бродил полярный лев. Напуганный грохотом, он мог броситься куда угодно, в том числе и в открытые ворота периметра, и дальше - в здание центра связи. Тварь находилась в такой панике, что даже не сожрала попавшегося на пути техника. Жаль, подумал Лодд, уж без этого болвана обойтись было бы нетрудно. Итак, огромный и белый. Огромный и белый полярный лев. Пусть так, коль уж нет иных вариантов.

Лодд мерил шагами свой рабочий кабинет, намечая то, что предстояло сделать немедленно. Помощь из города уже послана. Когорта бойцов примется прочесывать коридор за коридором в поисках бунтовщика и его пособников. К сожалению, никто из них прежде не был на руднике. Подробные планы будут у каждого, но Лодд прекрасно

понимал, что почувствует человек, впервые оказавшись в лабиринтах под сотнями метров камня над головой. Лодд решил, что прежде всего искать беглецов будут сами пленники. Они их выследят, отыщут их логово, и тогда настанет время действовать воинам когорты... Лодд подошел к селектору и приказал немедленно собрать старших рабочих команд.

* * *

- От рабочей зоны к сектору администрации ведет всего один туннель. По нему доставляют на рудник новые партии пленников. Он находится под постоянным наблюдением и перекрыт дверями из брони с изомерным покрытием, против которого бесполезны ультразвуковые и плазменные резак, - торопливо рассказывал Луис. - Любого, кто попытается прорваться силой, немедленно сожгут лазерами.

Он замолчал, крутанул головой и горько усмехнулся.

- Я помню такую попытку. Пять лет назад несколько безумцев захватили в заложники двоих охранников. Они думали, что двери перед ними откроются.

- И что же произошло? - поинтересовался Санди.

- Их всех сожгли. Вместе с заложниками.

- Другого пути в центр управления нет?

- Нет, - сказал Луис с некоторой заминкой. - Кстати, я ни разу не был в Центре управления рудником, никого из пленников туда не пускали. Возможно, существует путь через транспортную зону, откуда отправляют Хрустальные Цветы и куда привозят продукты и топливо. Может быть, я не знаю. Но там - вооруженная охрана, через нее не пробиться. Нет, для чужаков другого пути просто не существует.

- Это неправда! - прозвучал голос из темноты входа, и в пещере появилось новое лицо, в котором Марк узнал Крамика, а за спиной его возвышался Калеп.

- Он шел открыто и держал руки перед собой, - объяснил Калеп. - Когда я его схватил, он сказал, что должен немедленно увидеть Марка.

- Это тебя они не смогли поймать? - просил Марк.

Крамик всмотрелся, разглядел, кто находится перед ним, и отшатнулся в ошеломлении.

- Ты - Марк? Марк Грегус?

- Я Марк Грегус. Тот самый Марк, который попал сюда на одном корабле вместе с тобой и твоей семьей. Не обращай внимания на то, что сейчас я выгляжу немного иначе. С нами такое иногда происходит. При случае я объясню тебе подробнее. Но позже. Как тебе удалось сбежать от моих друзей?

- Я спрятался в щели, которой они не заметили. Здесь много укрытий.

Потом я немного подождал, когда они пройдут мимо меня, возвращаясь обратно.

Марк перевел взгляд на Луиса.

- Вот видишь, Луис, оказывается, все обстоит не так плохо. Не думаю, что Крамик пришел сюда непосредственно после свидания со зрителем Лоддом. Это так, Крамик?

- Я не встречался с Лоддом, - подтвердил тот.

- Значит, у нас есть некоторая фора во времени.

- У вас ее нет, - сказал Крамик. - Ваше появление на руднике заметил кто-то другой. Сейчас все команды поднимают на ваши поиски. Об этом я и пришел предупредить.

Марк повернулся к Санди.

- Он не лжет, - хладнокровно произнес тот. - Луис тоже не лжет... но он не до конца искренен.

Санди - эмпат. Читать мысли он не способен, точно так же, как и миллиарды человеческих особей, рассеянных по Галактике. Увы, телепатия так и осталась пустой легендой, человеческий мозг (скорее всего, к счастью) недоступен ментальному вторжению извне. Но эмпат способен уловить мельчайшие нюансы настроения, мимики, поведения - солгать ему невозможно. Санди не читал мысли - он только чувствовал их запах.

- Есть еще один вход, - сказал Крамик. - Им пользуются те... те, кто...

- Я даже не считал нужным о нем упоминать! - горячо воскликнул Луис. - Это просто коридор, в котором может находиться только один человек!

- Это тайный ход, по которому к Лодду приходят его осведомители? - догадался Марк.

- Да, - сквозь зубы проговорил Луис. - Крамик знает об этом не хуже меня. Туда нельзя войти по собственному желанию и невозможно выйти, если тот, к кому ты идешь, этого не позволит. В любом случае, миновать его можно только в одиночку и с разрешения Лодда. Я мог бы рассказать о нем и без Крамика, но это путь в никуда.

- Сейчас он говорит то, во что действительно верит, - прокомментировал Санди.

Марк задумался.

- Скажи, Луис, если бы ты сейчас появился там, то смог бы войти? - спросил он. - Лодд пустил бы тебя?

- Вероятно, - Луис флегматично пожал плечами. - Думаю, пустил бы с радостью - ведь ему известно, что я видел тебя и твоих друзей. Ну и что с того?

- Отсюда нужно немедленно уходить! - взволнованно вмешался Крамик. - Начинается облава, и искать вас станут прежде всего в этом секторе.

- Тогда мы уходим, - согласился Марк и поднялся. - Луис поведет нас к месту свидания со зрителем Лоддом...

Они по одному выскользнули из выработки в штольню. Здесь по-прежнему было темно и тихо, и лишь Марк изощренным слухом уроженца Айсбурга смог уловить отдаленные, смутные звуки приближающейся облавы. Молчаливой цепочкой, которую возглавлял Луис, они ныряли из туннеля в туннель, переходили с яруса на ярус, протискивались в каменные щели, изредка останавливаясь для короткого отдыха. Во время одной из таких остановок Марк не удержался и спросил Крамика:

- Почему ты решил помогать нам, а не Лодду?

Перед тем как ответить, Крамик старательно закашлял. Наверное, чтобы выиграть немного времени, преодолеть стыд и набраться решимости сказать правду - все это Марк сумел понять даже без помощи Санди.

- Ты не поверишь, но я отвечу совершенно искренне и честно, - тускло пробормотал он. - Лгать больше не имеет смысла. Во-первых, я вернулся потому, что понял: я опоздал с доносом. Недалеко от места, куда мы идем, я встретил того, кто меня опередил. Человек с белым лицом из команды откатчиков. Он был так счастлив, что не посчитал нужным скрывать свою удачу. Его сделали Действительным Кандидатом в граждане Истинного Света. Вряд ли смотритель Лодд был бы столь же щедр по отношению ко мне.

- А во-вторых?

- Во-вторых, я просто решил использовать тот шанс, который мне остался. Этот шанс - вы. Последняя надежда или отчаяние - я не знал точно...

- И теперь тоже?

- Теперь - по-другому. Я верю, что у нас получится. Хотя точно так же не знаю, не понимаю как...

Марку было жаль Крамика, но, вспоминая его прежнего - напыщенного и чванливого, он не сумел удержаться:

- Попросту говоря, настала пора, когда тебе уже некого предавать.

Он тут же почувствовал, что с его стороны это было чересчур жестоко. Крамик покраснел, глаза подернулись влагой.

- Мои дети, - сказал Фин Крамик. - Моя жена... У меня никого больше нет в этом мире. Ради них я готов на все...

- Ты встретишься с ними, Крамик, - мягко сказал Марк, машинально протянув руку в знак доверия, и Крамик испуганно отпрянул. К нынешнему обличку Марка он не успел привыкнуть.

Отдых закончился, маленький отряд продолжил путь. Марк шел замыкающим. Он не боялся измены Луиса, потому что за тем шаг в шаг следовал Санди. Изредка останавливаясь, Марк слушал происходящее за спиной и не обнаруживал ничего, кроме тех звуков, которые он называл дыханием горы. Но настал момент, когда слух Марка уловил иной звук, источник которого находился впереди. Марк передал по

цепочке сигнал к немедленной остановке.

* * *

Бунтовщика с чужаками искали уже несколько часов подряд и не могли обнаружить никаких следов. Лодда это беспокоило и раздражало все больше. В руднике никто не пропадает бесследно, рано или поздно заблудившиеся (или пытавшиеся бежать) пленники находились. По крайней мере - их останки. Кстати, специально этих безумцев никто не искал. На их высохшие мумии рано или поздно натыкались либо патрули охранников во время плановых рейдов, либо откатчики, сбрасывавшие отходы в заброшенные выработки. Лодд в который раз за сегодняшний день пожалел, что уступил настояниям магистрата убрать, ради экономии, приборы слежения из секторов рудника, признанных неперспективными. Именно там, подозревал Лодд, сейчас скрываются преступники. Сообщения о ходе поисков Лодд получал непрерывно, и пока они его не радовали.

Сейчас Лодд находился в зале визуального контроля, где двенадцать сменных диспетчеров следили за экранами, куда поступали изображения с видеоточек, расставленных в лабиринтах рудника. Среди двенадцати диспетчеров было четыре женщины. Лодд впервые осознал это обстоятельство, и вдруг ему пришла в голову мысль, что возвращение бунтовщика вполне могло быть подготовлено одной из них. Лодд никогда не доверял женщинам, даже в молодые годы.

Мысль о том, что измена вполне могла гнездиться и здесь, потрясла Лодда. Он смотрел в зал, оценивая обоснованность своих подозрений, как вдруг одна из дежурных воскликнула:

- Я вижу их! Я их засекала!

Помогла одна из немногих видеоточек, оставшихся в брошенных рудокопами выработках этого сектора. На повторе записи Лодд насчитал семь фигур, проследовавших через зону обзора. Он потребовал еще раз повторить и укрупнить изображение. Теперь было возможно более или менее четко различить лица разыскиваемых.

Первым в цепочке шел Луис. Лицо его было хмурым, исполненным отчаяния. Луис оказался заложником, понял Лодд. Через заброшенные сектора он ведет мятежников туда, куда они ему приказали. Скорее всего, к центральным воротам. Четверых, следующих за ним, Лодд в лицо не знал, они были облачены в стандартные рабочие комбинезоны, но это еще ни о чем не говорило. Зато шестой Лодду был хорошо знаком - Фин Крамик, новый осведомитель, старания которого вызывали у Лодда некоторую благосклонность. Неужели его тоже захватили в плен? Задумавшись над этим, Лодд слегка отвлекся, поэтому был вынужден еще раз прокрутить запись, чтобы разглядеть

последнего из группы. А когда разглядел - вздрогнул. Лодд никогда не видел подобного чудовища, имеющего лишь отдаленное сходство с человеком. Откуда оно здесь взялось? А где, собственно, тот самый Марк Грегус, о возвращении которого твердил бледнокожий осведомитель Гланс? Впрочем, самого Грегуса осведомитель не видел - он всего лишь подслушал несколько фраз, из которых сделал вывод о его возвращении.

Сам Гланс сейчас, вдохновленный открывшимися перед ним перспективами, рыщет по лабиринту, изо всех сил пытаясь отыскать след чужаков, дабы заработать очередное отличие. Если он найдет их первым, то станет полноправным гражданином города. Так ему пообещал Лодд, и так он, Гланс, считает. Пусть считает, Лодд не намерен его пока разочаровывать. Сейчас самое главное - восстановить на руднике спокойствие.

Конечно же, утвердился в своем предположении Лодд, бунтовщики идут к центральным воротам, рассчитывая прорваться там в административный сектор, у них просто не может быть иной цели. На этом пути их и следует ждать. Однако на всякий случай нужно подготовиться и к худшему. Лодд обязан это сделать по инструкции, это его долг...

Он глубоко вздохнул и набрал команду активации атомного заряда.

* * *

Марк услышал, а Санди неведомым образом ощутил опасность впереди, и произошло это практически одновременно. Вся восьмерка, повинувшись жесту Санди, опустилась на холодный камень извилистого, с неровной поверхностью хода, поднимавшегося с нижнего яруса на вышестоящий горизонт. Марк пробрался вперед мимо своих спутников и прилег рядом с Луисом. Ход выводил в огромный зал, скупо освещенный «нетленными» кобальтовыми светильниками и заставленный ящиками с оборудованием. В стенах зала темнели отверстия туннелей и ходов, больших и малых, просверленных в таком множестве и беспорядке от основания пещеры до свода, что они вызывали мысли о куске сыра. Только этот дырчатый сыр был серым, холодным и смертельно опасным.

- Дальше не пройти, - прошептал Луис. - Здесь нас ждут.

Марк прислушался и решил, что Луис прав. Шорох одежды. Звук скольжения пальцев по металлу оружия. Короткий, судорожный вздох в попытке сдержать отрывку. Где-то здесь пряталась засада. Здесь их ждали, этот зал был ловушкой. Марк отполз назад, утянув за собой Луиса.

- Расскажи мне, где она, твоя тайная дверь? - попросил он.

- Я приходил сюда из восточного туннеля, - хмуро ответил Луис. - Он напротив, справа от нас, думаю, ты успел его увидеть. Дверь в пятидесяти шагах от угла налево, она слегка замаскирована под цвет камня, но не заметишь ее нельзя. Тот, кто намерен пройти этим путем, должен нажать кнопку вызова и ждать ответа.

- Что за дверью?

- Я уже объяснял, - с досадой сказал Луис. - Тамбур. Не очень длинный, но узкий и невысокий. В нем запрещено находиться более чем одному человеку. Внутренняя дверь не откроется, пока не закрыта внешняя, и она не откроется тому, кого сюда не приглашали, а если кто-то попытается нарушить это правило, его встретят большие неприятности. Возможно, в виде пули, порции газа, удара лазерного ножа или чего-нибудь иного - я не знаю точно, да и какая разница! И как же вы собираетесь туда попасть?

- Мы над этим подумаем, - пообещал Марк. - Только я хочу уточнить, Луис: если ты подойдешь сейчас к двери и нажмешь кнопку вызова, тебя впустят?

- Если ты попросишь, я пойду, - обреченно сказал Луис. - Правда, не знаю зачем. К тому же, как мне кажется, до двери я не сумею добраться. Сейчас здесь только убивают.

Марк медленно покачал головой.

- Я вовсе не прошу тебя об этом, - мягко проговорил он. - Я всего лишь спросил. Мы отдохнем и постараемся что-нибудь придумать.

Лицо Марка было неспособно отражать эмоции, поэтому никто, даже Санди, не видел его досады и смятения. Марк не знал, как поступить. Засада сама по себе проблемы не представляла, оружие Калеба и Санди могло превратить ее в пар вместе со всей здешней рухлядью - но что делать дальше? Осознав степень угрозы, Лодд не станет медлить. Они не могли прятаться здесь до бесконечности, рано или поздно мобилизованные со всего рудника загонщики доберутся и сюда, потому что будут искать пришельцев сколь угодно долго, пока не найдут.

Чтобы добраться до двери, нужно отвлечь внимание тех, кто сидит в засаде. Как это сделать?

Калеб тронул Марка за плечо, прервав его раздумья.

- Марк, - сказал он, - я думаю, мне пора начать подготовку.

- Тебя застрелят, прежде чем ты приблизишься к этой проклятой кнопке.

- Я так не думаю, - покачал головой Калеб. - Уверен, важнее всего для них найти тебя и понять, что же произошло. Они не станут убивать шпиона, предварительно его не допросив.

- Что я должен буду им сказать? - растерянно спросил Луис.

- Ты - ничего, - ответил Марк.

- Но тогда как я?..

- Пойдем со мной, Луис, - позвал Калеб.
- Куда? - кажется, Луис слегка испугался.
- Это не страшно и не опасно, я просто не хочу, чтобы мне мешали.
Правда, ты немного удивишься, - коротко рассмеялся Калеб.
- Не беспокойся, Луис, - сказал Марк. - Калеб не причинит тебе вреда.
Преодолевая легкое сопротивление Луиса, Калеб повел его за собой.
Крамик, Фаран и Бэккетт непонимающе смотрели вслед, пока тех не скрыл поворот туннеля.
- Что мы будем делать дальше? - просил Бэккетт.
- Ждать Калеба.
Калеб появился очень скоро. Впрочем, теперь это был уже не совсем Калеб. А за ним из туннеля вышел Луис - бледный, с пустым, ошеломленным взглядом.

* * *

Капрал Гизи услышал звук быстрых шагов и вскинул руку, призывая не торопиться со стрельбой. Приблизившийся к ним был один и явно не стремился остаться незамеченным. Из туннеля выбежал человек, шатаясь от изнеможения сделал несколько шагов и без сил рухнул на пол. По знаку Гизи двое охранников подхватили его и притащили к командиру.

- Я - Луис, старший рабочей команды и доверенное лицо смотрителя Лодда, - задыхаясь, проговорил он и протянул на раскрытой ладони пластиковый восьмиугольник. - Вот знак его благосклонности. Преступники там, они совсем недалеко, вы схватите их, если поторопитесь!

- Ты покажешь нам дорогу, - приказал Гизи.

- Нет, - мотнул головой осведомитель. - Я обязан немедленно встретиться со смотрителем Лоддом. То, что я должен сообщить, гораздо важнее поимки нескольких сумасшедших. Свяжитесь с ним немедленно, прошу вас, офицер!

Гизи подумал и поднес ко рту переговорное устройство.

- Капрал охраны Гизи Центру управления. Мы задержали некоего Луиса, который требует немедленной встречи со смотрителем Лоддом по неотложному делу. Он предъявил знак смотрителя. Жду распоряжений.

Подождал немного и выслушал ответ.

- Вы двое, - показал он, - отведете этого человека к смотрителю через шестой фильтр.

- Я знаю дорогу, - сказал Луис.

- Тебя проводят эти двое, - повысил голос Гизи, - а сейчас быстро говори, где находятся остальные!

- В конце туннеля, откуда я прибежал, спуск на второй ярус, потом пещера, я всю ночь водил их по коридорам, они измотаны и едва стоят на ногах, вы легко захватите их.

- За мной! - скомандовал Гизи и первым ринулся в туннель. Через несколько секунд они остались в зале втроем.

- Пошли, - один из охранников дернул осведомителя за руку.

Тот легко поднялся, и охранник только сейчас понял, насколько могучего телосложения был этот раб. Но больше ничего подумать не успел. Осведомитель схватил обоих охранников и стукнул друг о друга головами.

* * *

Из Центра управления рудником смотрителю Лодду сообщили, что охранники напали на след и преследуют мятежников по пятам. Это немного успокоило смотрителя, но окончательно тревога не ушла. Кризис закончится, когда измена будет пресечена, а неведомая тварь схвачена или уничтожена.

Как раз в этот момент через главные ворота одна за другой вкатывались машины с солдатами. Даже если капрала Гизи с его людьми постигнет неудача, теперь мятежникам не скрыться. Количество ходов и туннелей, пробитых искателями Хрустальных Цветов в Рудной горе за десятилетия, велико, но отнюдь не бесконечно. Неторопливая, планомерная облава большими силами неизбежно приведет к искомому результату. Лодд предусмотрел и ту возможность, что пособники преступников могут быть и снаружи. Если это действительно так, уйти им не дадут. Несколько полицейских машин со сканерами занимали позиции вокруг монолита, полностью перекрывая возможность бегства кому бы то ни было. Остаться незамеченной ими не сможет даже полярная мышь.

И все же как бунтовщику удалось выжить? Где он? Эта загадка не давала смотрителю покоя. Сообщников он мог найти только в городе, но преодолеть тридцать километров пути по снежной пустыне в одиночку, без помощи казалось невозможным. Помощь должна была подоспеть немедленно после того, как его вышвырнули в ледяную ночь. Сторожевые сканеры, показания которых Лодд просматривал уже не один раз, фиксировали лишь едва различимое присутствие редких природных обитателей полярной зоны.

Лодд еще раз включил запись. Вот яркое оранжевое пятно с очертаниями человека - бунтовщик на снегу. Пятно постепенно бледнеет - тело приговоренного теряет последние остатки тепла - и исчезает совсем. Недавно теплая, живая плоть обратилась в лед. Но он остался жив! Что же произошло потом? Неужели эта запись -

подделка? Выходит, измена действительно кроется намного ближе, чем зритель предполагал вначале? Лодд взволнованно заходил по кабинету. Было бы неплохо, если бы Марка Грегуса взяли живым. Он подошел к пульта, чтобы отдать соответствующее распоряжение, но так и не опустил руку на кнопку вызова, потому что услышал сигнал, сообщающий, что в тамбуре секретного входа ждет посетитель. Лодд включил экран и увидел лицо Луиса - набрякшее, с пустым взглядом смертельно уставшего человека.

- Луис! - воскликнул Лодд в переговорное устройство.

- Да, зритель, - хрипло ответил тот.

- Как тебе удалось уйти? Где остальные?

- Я все расскажу.

Силы явно покидали его, и Лодд поторопился отпереть внутреннюю дверь тамбура, а потом в нетерпении бросился из кабинета в помещение, предназначенное для подобных встреч. Шагнущих было за ним охранников Лодд остановил взмахом руки. Луис был одним из самых надежных агентов Лодда, зритель даже склонялся к тому, чтобы через два-три года нарушить им же установленные правила и позволить Луису сделаться Действительным Гражданином государства и города Истинный Свет.

Луис ввалился в комнату и рухнул на стул.

- Говори! - нетерпеливо потребовал Лодд. - Как Грегусу удалось уцелеть? Кто эти люди с ним? Как они сюда попали. Как имена этих предателей? И где сам Грегус?

- Сейчас, - тихо произнес Луис. - Я все расскажу. Они не предатели.

- Вот оно что! - презрительно поднял брови Лодд. - Как же ты предлагаешь их называть?

- Они пришли не из города. Это десант Департамента безопасности. Они все-таки отыскали вас. Скоро начнется штурм рудника, а потом очередь дойдет и до города. Вы знаете, насколько суровы законы Федерации к пиратам и рабовладельцам. Город Истинный Свет перестанет существовать.

Лодд был настолько потрясен, что с минуту просто открывал и закрывал рот, не в силах что-либо произнести.

- Ну что ж, - произнес он наконец. - Так тому и быть. Судьба хранила нас многие десятилетия. Когда-нибудь мы могли бы сделаться центром новой империи. Нам просто не хватило времени... Ты можешь идти, Луис. А я выполню свой долг.

- Вы взорвете рудник?

- Это тебя уже не касается. Я сказал: ты можешь идти!

Лодд поднялся. Некоторое время Луис продолжал сидеть, а потом встал и он. Лодд вдруг осознал, что Луис выглядит немного иначе, чем обычно. Было в нем какое-то отличие, которого Лодд поначалу не мог уловить, но внезапно понял: Луис вырос! И вырос заметно. Он

возвышался над Лоддом почти на голову. Лодд машинально посмотрел на его ноги, обнаружив еще одну странность: обувь Луиса была совсем не та, которую выдавали пленникам. Лодд поднял голову и отшатнулся. Лицо Луиса менялось, как пластилин, знакомые черты стирались и исчезали. Через несколько секунд перед Лоддом стоял совершенно другой человек.

- Да-да, - ухмыльнувшись, проговорил Калев. - Именно то самое, что ты думаешь. Я и есть тот самый десантник. А теперь у тебя есть возможность познакомиться и с остальными.

Не спуская глаз с Лодда, он шагнул к двери тамбура и отпер замок. Вошедших было шестеро, среди них Луис - настоящий - и странное существо с блестящей гладкой кожей, то самое существо, которое видел Лодд на экране монитора. Как ни странно, Лодд полностью взял себя в руки.

- Полагаю, ты и есть Марк Грегус, - сказал он, глядя на незнакомца. - Я слышал, что Департамент собирает монстров по всей Вселенной. Когда-нибудь настанет день и они отнимут власть у людей, все вы за это поплатитесь.

Трое из присутствующих, в том числе и Грегус, рассмеялись.

- Он человек, зритель, - снисходительно возразил Калев. - Как и я, кстати. Мы люди, хотя и не такие, как ты. Например, у нас никогда не было рабов. Вот теперь и ответь: кто из нас больше похож на людей?

- Пустая болтовня, - отрезал Лодд. - Но вам ничего не удастся. Рудник взлетит на воздух, вы - вернее, ваши лидеры - не получите того, чего хотите. Вероятно, сейчас вы начнете мне угрожать или пытаться торговаться - все это бесполезно. Со мной вам ничего сделать не удастся, а бомба все равно будет взорвана. Мои люди отлично знают свои обязанности, они выполнят свой долг, не колеблясь ни минуты.

.- Мы это предвидели, - произнесло чудовище по имени Марк Грегус, - и торговаться с тобой, зритель Лодд, не будем.

В глазах Лодда что-то сверкнуло, но спросил он совсем не о том, на что в глубине души рассчитывал Марк.

- Ответьте мне, просто ради любопытства: эта тварь, которая побывала на космодроме, тоже одна из вас?

- Эта тварь - я, если тебе так нравится меня называть, - ответил Марк.

- Жаль, что тебя не убили, - проворчал Лодд. - А теперь вы можете убить меня. Я не желаю больше разговаривать. Все равно вы переживете меня ненадолго.

- Убить? - удивился Калев. - Зачем? Ты нам еще годишься, зритель.

Он внезапно прыгнул к Лодду, схватил его за плечи и уставился в глаза. Лодд сделал инстинктивную попытку вырваться, но даже шевельнуться не сумел в железных руках гиганта, мышцы и кости лица которого вновь пришли в движение. Выглядело это жутковато, но Лодд

был не в силах оторвать взгляда. Чужак старел на глазах, кожа его желтела и покрывалась морщинами, подбородок втягивался, губы истончались, нос слегка удлинялся, опускаясь к верхней губе. Протекли короткие минуты, и на Лодда глядела почти точная его копия, если не считать роста и телосложения. Кaleb отпустил зрителя и отер со лба капли пота: вторая трансформация подряд далась ему с немалым напряжением.

- Ну вот, - сказал Кaleb-Лодд. - Неплохо было бы взять у тебя и твой голос, но это потребует немного больше времени, а его у нас нет. Достаточно будет, если ты отдашь мне свой балахон...

К счастью, Лодд был хоть и худ, но широк в кости. Его просторная одежда скрыла мускулатуру Калеба, а когда он ссутулился, пряча разницу в росте, сходство сделалось почти абсолютным.

- Ты отправишься с нами, - объявил Лодду Марк Грегус. - Не надейся подать знак своим, у тебя все равно ничего не выйдет. А вот если у нас все получится, ты останешься жить. Но не обещаю, что жизнь твоя будет слишком приятной. За совершенное нужно отвечать.

Лодд смотрел на него с ненавистью. Он не мог ничего ответить, даже если бы захотел; рот его уже плотно перекрывала «повязка молчания». Почти до колен упакованный в смиренный кокон, он был в состоянии лишь шагать туда, куда его подталкивали конвоиры. В довершение на голову Лодда набросили непроницаемый мешок, он ослеп и практически оглох.

Имитируя старческую шаркающую походку зрителя, Кaleb возглавлял процессию. Следом Луис, Крамик, Фаран и Бэкетт конвоировали Марка, Санди, и Лодда с мешками на головах. При виде Марка у охранников полезли глаза на лоб, но Кaleb-Лодд зыркнул на них настолько свирепым взглядом, что никто не осмелился встрять с вопросом.

В одном из коридоров к Калебу подобострастно подбежал ожидавший его охранник.

- Зритель Лодд! Командир прибывшей когорты Гудин ожидает ваших распоряжений в Центре управления.

Кaleb-Лодд кивнул, потом проскрежетал, старательно имитируя интонации зрителя:

- Ты пойдешь с нами!

Охранник щелкнул каблуками. Он шагал немного впереди и потому фактически указывал правильный путь.

- Осмелюсь спросить, зритель Лодд, - повернулся он. - Ваши пленники - те самые, кого мы должны были найти?

Кaleb согласно склонил голову.

- Вопросы потом, - едва слышно произнес он.

Следуя тем же порядком, они миновали коридор, поднялись на один пролет широкой лестницы и через раздвижные двери вошли в Центр

управления рудником. Шагавший последним Бэккетт тут же замкнул замок и задвинул тяжелый засов, что поначалу осталось без внимания находящихся в Центре служащих по той причине, что все как один таращились на пленников, и прежде всего на Марка.

В просторном зале находилось чуть более десятка человек. Из кресла навстречу Лодду поднялся грузный офицер и вскинул руку в приветствии.

- Смотритель Лодд! Мои солдаты в вашем распоряжении. Мы готовы начать операцию немедленно!

- Очень хорошо, Гудин, - сказал Калев в полный голос и выпрямился.

Растерянность и ошеломление отразились на лице офицера, но реакция у него была неплохая, потому что уже в следующее мгновение он попытался выхватить из кобуры оружие. Однако реакция Калеба была на порядок выше, он выбросил руку вперед и легко сорвал кобуру вместе с поясом. Марк и Санди, мгновенно сбросившие мешки и фальшивые путы, уже стояли по обе стороны от него с оружием наготове.

- Всем отойти к стене! - зычно скомандовал Калев. В силовых операциях Марк всегда предпочитал уступать руководство ему. - С этой минуты вы находитесь под юрисдикцией Федерации. Мы - сотрудники Департамента безопасности. Любое неподчинение будет расцениваться как очередное нарушение закона. Не усугубляйте своего положения. Военный десант Федерации уже находится на вашей убогой планете. Меньше чем через час рудник будет полностью взят под наш контроль.

Марк с немалым злорадством, которое, правда, самого его слегка смутило, обнаружил, что сопровождавший их в Центр охранник оказался тем самым губастым, что без малейшей причины поразил его шоковым разрядом максимальной мощности в день встречи. Конечно, губастый не мог узнать вчерашнего пленника в его нынешнем обличье, но поскольку охранник медлил с исполнением команды, Марк не сумел отказать себе в удовольствии приподнять его за форменный ремень над полом и швырнуть в нужном направлении.

Люди вставали со своих мест и медленно отходили к стене, глядя на Калеба, как загипнотизированные, потому что как раз в это время лицо его менялось, обретая истинные черты. Лишь один из служащих попытался было зачем-то рвануться к контрольному пульта, но из лазера Санди ударил луч, прочертивший перед непокорным дымную полосу, и тот мгновенно передумал.

- Сейчас кто-то из вас имеет шанс заработать себе серьезное смягчение наказания, а может быть, и полное прекращение судебного преследования, - продолжал между тем Калев. - От него требуется нейтрализовать атомную мину, которую кто-то из ваших недоумков спрятал в руднике. И заодно рассказать, где именно она находится.

Есть желающие?

Никто не отозвался.

- Я повторяю свой вопрос! - грозно возвысил голос Калев.

- Мы... не знаем, - робко сказал один из техников. - Коды активации и отмены известны только зрителю Лодду. Никто из нас не знает.

По знаку Калеба Санди вытолкнул вперед Лодда, сорвал с него мешок и снял «повязку молчания».

- Рассказывай, старик, - приказал Калев.

Лодд посмотрел на него с ненавистью и презрительно отвернулся. Тогда перед Лоддом встал Санди.

- Код отмены состоит из шести знаков, - мягко предположил он, глядя в глаза Лодда. Тот молчал.

- Из семи знаков, - продолжал Санди. - Из восьми... Итак, код активации состоит из восьми знаков. Осталось только выяснить, из каких именно. Не заблуждайтесь, зритель Лодд, вам не удастся долго хранить их в тайне.

В глазах Лодда выражение ненависти лишь усилилось. Экран главного компьютера призывно замигал, зазвучал резкий, прерывистый звонок вызова. Калев жестом подозвал техника.

- Узнайте, что им нужно. Но хочу предостеречь вас от необдуманных шагов.

Техник подошел, пробежался пальцами по клавишам. На экране всплыло взволнованное лицо человека в военной форме.

- Зритель Лодд! К главным воротам движется неизвестный отряд вооруженных людей. Две вышедшие на перехват боевые машины были уничтожены, мы вынуждены отступить и запереть ворота. Что нам делать?

Внезапно Лодд с невероятной, совершенно не старческой стремительностью вывернулся из-под руки Санди и прыгнул к экрану.

- Они здесь! Штурмуйте Центр управления! Уничтожьте всех! Взорвите заряд!

В следующее мгновение Калев отбросил его в сторону, но отчаянная вспышка Лодда уже угасла, силы его покинули. Тяжело, надрывно дыша, он опустился на пол. Калев выключил связь, а Санди невозмутимо присел перед Лоддом.

- Итак, продолжим, - как ни в чем не бывало сказал он.

Тонкие, сухие губы зрителя растянулись в торжествующей усмешке.

- Бесполезно, - сказал он. - Вы уже проиграли. Заряд был активирован несколько часов назад. Осталось лишь включить начало отсчета. По инструкции, в том случае, если Центр управления захвачен или зритель выведен из строя, отсчет начинается немедленно. А сделать это можно с любого из четырех резервных пультов...

Он повел вокруг взглядом и вновь улыбнулся.

- Я не сомневался... Посмотрите на табло: кто-то уже сделал это! Среди нас немало тех, кто до конца верен Учению. Всем вам осталось жить не более часа. И мне тоже... но это не имеет никакого значения.

Темное табло посреди стены действительно оживило. Вспыхнувшие на нем цифры неторопливо менялись, показывая истечение оставшихся минут до взрыва.

- Я не хочу умирать! - закричал один из техников, к нему тут же присоединился еще один голос, потом еще один. - Выпустите нас отсюда!

Марк растерялся. Он видел, что Калев и Санди охвачены тем же чувством. Лодд не лгал, Марк понимал это и без помощи Санди. За оставшееся время им вряд ли удастся эвакуировать с рудника сотни пленников. А потом он понял, что и сами они, возможно, не сумеют спастись, потому что массивная дверь дрогнула от удара снаружи: солдаты города Истинный Свет, следуя приказу зрителя, пытались прорваться внутрь. Марк шагнул к пульту и включил громкую связь.

- Включен обратный отсчет ядерного заряда. Через пятьдесят девять минут произойдет взрыв, - сказал он, склонившись над микрофоном. - Уходите немедленно, если хотите выжить.

В дверь стукнули еще пару раз, потом удары прекратились. Один из техников рванулся вперед. Калев вскинул оружие, но тот не обратил на это внимания.

- Я знаю, где находится бомба! - отчаянно выкрикнул техник. - Вы можете успеть...

- Жалкий слизняк, - с отвращением прошамкал Лодд, а потом отчего-то торжествующе захохотал: - Но его предательство бесполезно. Никто не сумеет туда попасть, вы все равно не успеете...

* * *

Марк мчался по лабиринту, а в мозгу его неумолчно щелкал внутренний хронометр, отсчитывая убегающие секунды. Он отправился один, потому что, увидев раскрытый техником маршрут, понял: никто из его товарищей не сумеет его преодолеть. Только Марк был способен совершить это, если ему повезет, если он успеет... Сейчас все решала скорость. И лишь одно обнадеживало Марка: он уже был в том месте, куда должен попасть. Ранее он уже проходил этот маршрут, почти полностью, вплоть до завершающего отрезка.

Прошло девятнадцать минут. Марк переходил с яруса на ярус, опускаясь все ниже в недра горы. Он не пытался вспоминать эти ходы и штольни, он просто точно следовал увиденной и намертво отпечатавшейся в мозгу схеме, которую техник вывел на экран компьютера.

Марк в очередной раз скатился вниз и оказался перед знакомым бруствером осыпи, испытав радость от осознания того, что прошел путь безошибочно. Марк преодолел бруствер и услышал шум подземной реки. Через десяток шагов он оказался на берегу потока. Двадцать шесть минут.

Марк прикрыл глаза, восстанавливая начертанную компьютером схему. Через сотню метров бега под скалой поток вынырнет в такую же пещеру. Из нее нужно подняться наверх, где в выдолбленной камере находится бомба. Чтобы разрядить устройство, Марку понадобится не менее пяти минут. Он должен успеть... Разумеется, бомба попала туда вовсе не тем путем, которым шел сейчас Марк. Ее опустили в камеру, пробив скважину с верхнего яруса, потом наглухо зацементировали. Чтобы добраться до бомбы сверху, даже используя все оснащение, которым располагал десант, потребовалось бы несколько часов. Путь к бомбе по подземной реке был непреодолим для обычного человека - именно поэтому предательство подчиненного не слишком расстроило Лодда. Он не учел лишь того, что Марка не следовало относить к обычным людям.

Тридцать одна минута. Марк провентилировал легкие, сделал глубокий вдох и погрузился в воду. Поток подхватил его и небрежно швырнул вперед. Марк едва успел принять нужное положение, чтобы проскочить через горловину подземного канала. Укрепленный на голове Марка фонарь выхватывал каких-то полтора-два метра пространства, поток же мчался в каменной трубе с невероятной скоростью, и Марк заметил препятствие лишь за доли секунды до столкновения. В этом месте поток совершал поворот, Марка безжалостно швырнуло на стену. Удар сорвал фонарь, который тут же утащила вода. Марка окружил непроницаемый мрак. Его вновь обо что-то стукнуло, потянуло и бросило куда-то вниз, пояс с инструментами зацепился за невидимый каменный клык, Марк рванулся раз, другой, а потом его руки без участия мозга, подчиняясь лишь инстинкту выживания, расстегнули застёжку...

Он плыл вперед, изредка касаясь гладких, веками отполированных водой стен, и пытался подавить подступающий ужас, осознав, что может просто не увидеть в темноте места выхода. Марк почувствовал признаки удушья. Сколько он уже пробыл под водой? Марк не знал. Внутренние часы дали сбой. Нет, прошло слишком мало времени, это просто паника, убеждал себя Марк. Его снова сильно ударило о стену, закружило, и Марк ощутил, что потерял ощущение верха и низа. Вот это было действительно страшно. Он растопырил руки и ноги, пытаясь упереться в стенки узкого канала. Поток неумолимо тащил Марка вперед, но скорость удалось снизить, и это позволило Марку восстановить ориентацию. Но кислорода в крови оставалось все меньше, тоненький звон в ушах превратился в рев сирены, в висках

гулко пульсировала кровь, Марк вновь отдался на волю течения, помогая ему из последних сил. А потом, когда он был уже на пределе возможного, вода выбросила его на поверхность.

Марк жадно глотал воздух, пытаясь сориентироваться в темноте. Он услышал приближающийся шум - там, впереди, река готовилась вновь нырнуть в подземелье, откуда Марку выхода уже не найти никогда. Чувствуя, как от напряжения лопаются мышцы, Марк рванулся поперек течения и удивился, что спасительный берег оказался так близко.

Он выполз на камень, унимая дрожь, рожденную вовсе не холодом. Тут же вскочил и отчетливо понял, что проиграл. В темноте, без инструментов ему ничего не удастся сделать. Через пятнадцать-двадцать минут Марк превратится в пар вместе со всеми пленниками Рудной горы... Нет, он не собирался сдаваться, пока оставался хоть малейший шанс. Свои последние минуты он проведет, сражаясь до конца.

Марк продвигался вдоль стены настолько быстро, насколько мог, лихорадочно шаря руками в поисках хода, который видел на схеме. В какой-то момент рука провалилась в пустоту, Марк заполз в открывшуюся щель и принялся карабкаться вверх. Ход поднимался слишком круто, нога соскользнула, и Марк с отчаянным возгласом вывалился из дыры на берег подземной реки. Тут же вскочил на ноги и начал карабкаться опять. Все бесполезно, ничего уже нельзя было сделать, он чувствовал, как истекают последние минуты. Сколько их еще осталось? Пять? Десять?

Он поднял голову и различил над собой слабое свечение. Это не было иллюзией, Марк ясно различал выход из туннеля. Удвоив усилия, он рванулся вперед, ухватился за края дыры и вбросил тело в пещеру.

Бомба - мирный железный ящик - лежала посреди грота с песчаным полом. Даже закованными в зимние оболочки кожного покрова ногами Марк ощутил, узнал этот песок - точно такой же наполнял карманы, в которых покоились Хрустальные Цветы. А теперь стал основанием для создания совсем иной природы, которое должно было в мгновение, беспощадной вспышке уничтожить и Цветы, и все, что их когда-то создало или хранило.

Марк бросился к контейнеру и увидел столь же мирное помаргивание таймера, отсчитывающего последние мгновения жизни. У него не было инструментов, у него ничего уже не было, включая надежду. Марк просто прыгнул вперед и последним отчаянным усилием вырвал из ящика таймер вместе со шлейфом проводов. А потом упал рядом с бомбой, в ожидании того, что ждет его за Краем. Он лежал, сжимая в руке скисший, покореженный прибор, пока наконец не осознал, что ожидание конца затянулось.

Марк встал. Ноги дрожали и подгибались; чтобы не упасть, он вынужден был опереться на верхнюю грань чудовища уничтожения. И

когда обе его ладони легли на бездушный металл, Марк понял: чудовища больше нет. Оно умерло.

Тогда он снова сполз на песок, прилег поудобнее и принялся ждать, когда его вытащат из этой дыры...

АДАМ-ТРОЙ КАСТРО

ПЕРЕСТРЕЛКА НА ТЕМНОЙ СТОРОНЕ

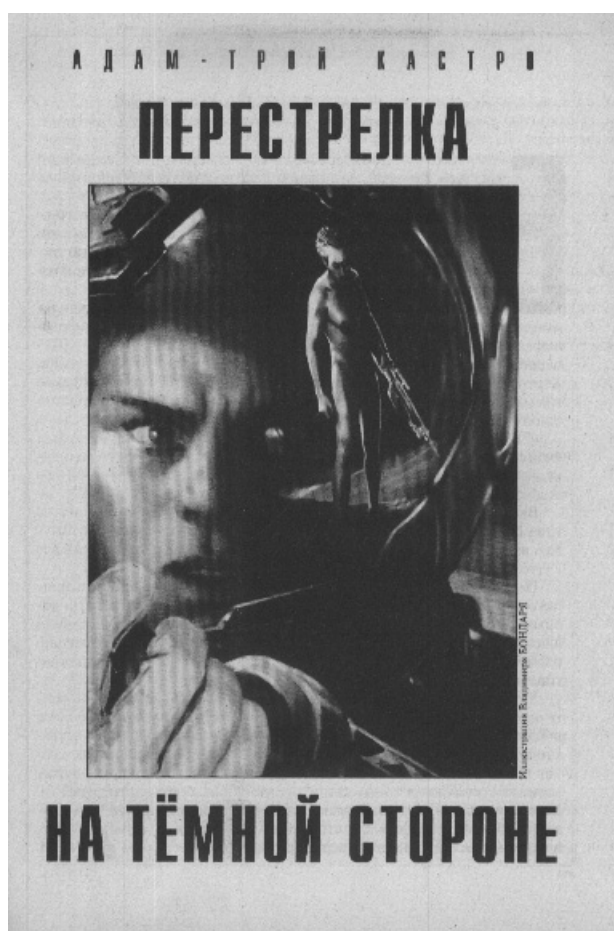

Иллюстрация Владимира БОНДАРЯ

*Когда жертвоприношение
не является жертвоприношением?*

Если захотите поинтересоваться знаменитой перестрелкой в О'Кей Коррале, то первым делом узнаете, что произошла она не в О'Кей Коррале.

Нет. Извините, не совсем точно выразилась. Перестрелка была поблизости от О'Кей Корраля, а не в нем самом. Ну, это так, просто исторический фактик. Один из тех, которые ничего, совершенно ничегошеньки общего не имеют с целой горой канонизированного вранья о том событии.

Вранье это вы можете почерпнуть из старинных кинофильмов, современных голофильмов и даже, как было со мной, из дорожущего мюзикла, что уже который год срывает аншлаги в Куполе Шепардвиль. Я о том дурацком спектакле, где Док Холидэй - женщина, Клэнтоны изъясняются белым стихом, а Эрпы носят шерифские значки чуть ниже револьверных поясов, и эти жестяные звездочки - практически все, что отделяет братьев от полной наготы.

(Если когда-нибудь я вновь почувствую тягу к общению и вы окажетесь рядом, у вас будет шанс раскрутить меня на двухчасовую пылкую речь; для этого надо поинтересоваться модными в пору моей молодости течениями популярной культуры.)

Вы спросите, почему тумстоунская история не забылась лет за тридцать-сорок? Да есть в ней нечто этакое, притягательное. Потому-то и всплывает она снова и снова, немислимо перевернутая всякий раз в угоду предрассудкам очередного поколения.

Помню даже популярный голофильм из одного особенно циничного киносезона, так в нем Клэнтоны представлены безоружными добрыми поселенцами, мечтающими лишь о том, чтобы их оставили в покое, а Эрпы приканчивают миролюбивых бедолаг исключительно из желания продемонстрировать, на что способны записные корпоративные злодеи.

Ежели сорвать все покровы вымысла, мы обнаружим, что действительно 26 октября 1881 года имела место перестрелка между Эрпами и Клэнтонами, и местом этим был аризонский городок Тумстоун. Номинально - исполнение закона, а на самом деле... Немало злых языков потом утверждало, что просто две банды ненавидели друг дружку всеми потрохами и в конце концов устроили разборку с огнестрелом. Не случись она в тот день, произошла бы на следующий или чуть позже. Какая там снайперская стрельба - противники сошлись грудь в грудь и сожгли тридцать патронов примерно за столько же секунд. В общем, никакого безумства храбрых, ничего героического и романтического. Грязная и подлая бойня, свирепая уличная расправа, а не битва между силами закона и криминала.

Эпоха колонизации космоса уже отпраздновала свое первое столетие, и если Уайатт Эрп до сих пор не забыт, то лишь потому, что пережил тумстоунскую заваруху на несколько десятилетий, чтобы слоняться по Голливуду и рассказывать о своих подвигах кинематографическим деятелям. А уж те своего не упустят: любой исторический пустячок раздуют в легенду, и помогут им в том хитрые углы съемки да

мужественные физиономии экранных секс-символов.

С тех пор история безбожно перевиралась каждым, кто видел в том выгоду для себя. И хотя сами изначальные факты были и остаются вполне доступными (а они поинтереснее сценариев кинолент, голофильмов и нудистских мюзиклов), бессмертной эту легенду делает ее пластичность. В один прекрасный день человечество решит задачу межзвездных путешествий (мне это известно доподлинно, и второстепенная цель моего рассказа - довести сей важный факт до вашего сведения), и как пить дать появятся вариации с Эрпами в скафандрах и бандой Клэнтонов-Маклори, принадлежащей к инопланетной расе, которой случится в ту пору заслужить нашу нелюбовь. И тогда уже никто не разглядит в сюжете исторической основы. Эрпа будут считать не более чем мифическим героем, вроде короля Артура или Робина Гуда. Впрочем, он и так уже на полпути к мифу.

И в этом путешествии он не одинок.

* * *

К тому времени, когда я попала в историю с Малькольмом Беллом, Луна успела заполниться людом под завязку. От полюса до полюса теснились курорты, города, заводы - просто яблоку негде упасть. Но все это благолепие распределилось неравномерно. Облюбованные туристами места - только на Светлой стороне, ведь с нее открывается вид на синий шарик: он знай себе сияет, хоть и побит изрядно, и шрамы легко различимы из обсерваторий Армстронга. Даже тем из нас, кто родился на Луне и чья нога ни разу не ступала на планету-мать, так и не оправившуюся от катастроф последних столетий, легче на душе от того, что она - колыбель предков и всегда висит в нашем небе.

Разумеется, мы не всегда настроены столь философично в отношении Земли; скажем так, она просто нравится нам - потому что красивая. По этой-то причине лунные жители и прозвали ее Люстрой. Но как бы мы ни относились к ней, факт остается фактом: именно ее присутствию обязана строительным бумом Светлая сторона Луны. Кого ни спроси, всяк ответит, что предпочитает жить на обращенной к Земле половине спутника.

Совсем другое дело - Темная сторона.

Оттуда не увидишь ничего, кроме далеких звезд и Солнца, причем выглядит оно отнюдь не мощным прожектором, а лишь зыбким маячком, едва озаряющим негостеприимный ландшафт. Вот где легче легкого почувствовать себя напрочь оторванным от человечества и его истории.

Потому-то здесь и селятся те, кто в подобном отчуждении никакой трагедии не усматривает.

К тому дню, когда в суровых этих дебрях объявилась я, там скопились чересчур вредные промышленные предприятия, а между ними рассеялись участки поселенцев с приставкой «не»: ненормальных, невезучих, неумелых и нелюдимых. Таких хлебом не корми, дай только уединение. Никто на их затворничество в дичайшем краю и не посягал, главным образом по причине достигнутого компромисса: раз эти психи сами не желают обременять общество своей персоной, так пусть себе торчат безвылазно в добровольном карантине.

Оно, конечно, человек - существо эгоистичное и совсем недалеко ушло от животного, и все же мы, обитатели Светлой стороны, нет-нет да вспомним участливо: каково им там, в потемках? Живы ли еще, здоровы ли?

В день, о котором идет речь, я договорилась, чтобы меня подвезли на скиммере и высадили с двухчасовым запасом кислорода, а возвратились за мной через пять часов, не раньше.

Оттуда было рукой подать до берлоги Белла. Выглядела она более чем непритязательно: длинный обшарпанный металлический ящик; в таком, наверное, и мне предстоит доживать свой век, когда состарюсь. Снаружи никаких прикрас, разве что стандартный десятизначный регистрационный номер и россыпь вмятин, накопленных в прошлом, когда хозяин сдуру поселился на подошве подверженного оползням холма. Системы рециркуляции и складские отсеки в задней части «ящика» занимали куда больше пространства, чем оставалось жильцу. Полным отсутствием запаркованных транспортных средств подтверждался предварительно выясненный мною факт: Белл соблаговолил посетить ближайший населенный пункт добрых тринадцать лет назад.

Для многих поселенцев Темной стороны это довольно типичное поведение. Но мне данное обстоятельство ни о чем не сказало, из чего вы можете сделать вывод: было мне тогда лет гораздо меньше, чем сейчас.

Творя рубчатыми подошвами миниатюрные лавины, я одолела полпути до воздушного шлюза - и тут включилась система охраны, а мой шлемофон заговорил чистейшим, без малейшего следа радиопомех, сухим голосом:

- ...противозаконным. Повторяю, это частная территория, и ваше проникновение сюда является противозаконным. Немедленно удалитесь, иначе будут приняты меры защиты, способные повлечь за собой телесные повреждения и даже смерть. Владелец территории дорожит своим уединением и ни единой ночи не станет страдать бессонницей, переживая из-за вашего идиотизма, вполне возможно, наследственного. Пожалуйста, уходите. Повторяю, это частная

территория, и ваше проникновение на нее является противозаконным. Немедленно удалитесь, иначе...

Я нажала кнопку передачи:

- Примите сигнал бедствия. У меня авария, кислород на исходе, до прибытия спасателей не продержусь. Срочно требуется приют. Прием.

Записанная угроза оборвалась на полуслове, шлемофон заговорил грубым голосом с явственным тexasским акцентом:

- Вы мне, юная леди, лапшу на уши не вешайте! Своими глазами видел, как из скиммера высаживались. Специально сюда приперлись и теперь шантажируете, чтобы дверь открыл. Конец связи.

Наверное, я ухмыльнулась... против воли.

- Да, сэр. Я прибыла намеренно, в надежде с вами поговорить, но положение у меня действительно бедственное. Кислород кончается, и без вашей срочной помощи мне крышка. Прием.

- Ну и кой черт дернул совершить такую глупость? Прием.

- На самом деле, мистер Белл, это никакая не глупость. Я расспросила почти всех, кто вас знал, и прочитала все, что о вас написано. Вывод совершенно однозначен: погибнуть вы мне не дадите. Такая ситуация просто исключена. Но я поняла и другое: чтобы попасть к вам, необходимо оказаться в смертельной опасности. В общем, мне нужно с вами переговорить, и другого подхода я найти не смогла.

Потом добрых пять секунд длилась пауза, но несущая волна была под завязку заполнена возмущением Белла, и я получила наглядный урок, каким потенциалом передачи информации обладает вакуум.

Однако когда Белл наконец заговорил, в его голосе уже не было злости.

- Ну вот, теперь имеем запись признания: ситуаций, угрожающая вашей жизни, создана специально ради проникновения в мое жилище. В данных обстоятельствах сам факт вашего появления здесь является преступлением, попирающим все самаритянские законы Темной стороны. И никто меня не осудит, если я позволю вам умереть.

- Может, и так, но я почему-то совершенно уверена, что до этого не дойдет.

Он ничего на это не сказал, а через секунду снова зазвучало записанное предостережение насчет того, что я иду напрямик в объятия насильственной и крайне неприятной смерти.

Но я, шагая вперед, ровным счетом ничего не теряла. Спуск в долину предварялся потоком пыли и камушков, потревоженных ногами. Для своего путешествия я предпочла начало лунного дня, просто потому, что это время сочла наименее опасным. Но теперь такой выбор казался наихудшим. Ландшафт, которому предстояли полторы недели адского пекла, уже ловил и излучал ничем не фильтрованное солнце, и часть этого жара приходилась на мою долю. И хотя скафандр выдержал бы и куда более серьезную температуру, я не считала, что в

нагрузку к защищенности от враждебной окружающей среды непременно полагается ручеек пота между лопатками.

И вот я на нижнем краю спуска, в пятидесяти шагах от жилища, стою к нему лицом. С минуту пила воду через трубочку и выбирала наилучшее решение. Не то чтобы я поверила Беллу насчет мин-ловушек, однако осторожность лишней не бывает. Ну а где бы я их разместила, будь я старым бирюком-социопатом, одержимым манией уединения? Не слишком близко от стен, иначе залатать не успеешь и останешься без воздуха, когда шрапнель превратит их в решето. И не рядом с воздушным шлюзом. Возможно, в доме ужас как тесно, и хозяин вынужден день-деньской валяться на койке, однако главный выход должен быть в порядке, иначе как пять раз в месяц добираться до складов, размещенных не далее чем в двадцати метрах? Не мог он установить мины и чересчур далеко от жилья, на кромке естественной чаши: здесь все еще звучит грозная запись. Коли дойдет до суда, Белл будет вынужден как-то объяснить столь чрезвычайные меры самообороны. В его интересах, чтобы потенциальный нарушитель имел все шансы внять предостережению и благополучно убраться восвояси.

Искушать судьбу нет никакого смысла, лучше положусь на гуманизм Белла и запасусь терпением.

Я села, установила регулятор охладителя на минимум и предалась размышлениям - помимо прочих, об Уайатте Эрпе.

* * *

За четыре дня до того, как скиммер подвез меня к отшельничьей жестянке на Темной стороне, я просмотрела полдюжины голобоевиков, снятых в первые годы заселения Луны. Пионерская эпоха, когда на самом деле все здешнее население состояло из дипломированных философов и инженеров, предстает в этих фильмах раздольем для убийц и социопатов, которых хлебом не корми, но дай завязать кровную вражду или затеять перестрелку на каком-нибудь крошечном форпосте, вырубленном ранними лунопроходцами в скальной толще. Якобы то было время преступников и героев, время, когда хрупкий порядок, позволивший затем Луне стать вполне сносным пристанищем для миллионов, держался только на быстрых рефлексах горстки храбрецов.

Все это полнейшая чепуха. Как и большинство историй про Уайатта Эрпа.

А правда такова: все тогдашние инженеры подвергались тщательнейшему психологическому тестированию, прежде чем получали разрешение покинуть Люстру. Преступники и психи не имели

ни малейшей возможности затесаться в их ряды. Ну а те, кто прошел отбор, представляли опасность для коллег разве что как рассказчики: согласитесь, можно умереть от скуки, когда приходится день ото дня слушать байки, утратившие в бесчисленных рециркуляциях всю свою занимательность.

На самом деле за первые тридцать лет освоения Луны произошла только одна настоящая перестрелка.

Одна-единственная.

* * *

- Как вас зовут?

На сей раз голос, усиленный моим шлемофоном, прерывался треском и шипением. Помехи были не слишком серьезные, я вполне разбирала слова, однако сделала вывод, что у Белла устаревшая техника. Впрочем, просить его насчет подстройки передатчика едва ли имело смысл. Как тут не вспомнить прадедушку: он, прежде чем вступить в разговор с кем-нибудь не из родни, обязательно вынимал изо рта челюсти. И если собеседнику мало что удавалось разобрать, это была проблема собеседника. Наверное, прадед рассуждал так: можете тратить мое время, но не даром, уж я об этом позабочусь.

- Джесси Джеймс, - ответила я.

До чего же знакома была наступившая пауза! Почти каждый раз, называя свое имя незнакомцу, я получала в ответ, подобную огорошенную тишину. А в ушах Белла эхо Дикого Запада должно было прозвучать особенно громко.

- За дурака принимаете?

Я пожала плечами. Совершенно бесполезный жест - на контуре моего скафандра он не отразился никак.

- Да нет. Просто мои родители были помешаны на истории.

- Были?

- Ну, извините, оговорилась. Были и есть.

Мои родители - штатные сотрудники Гриссомского госуниверситета, кафедра лунной истории. А в порядке хобби изучали прошлое Америки.

- Значит, оба живы?

- Угу.

- Так они что же, о вас не заботятся?

- Заботятся... - Вопрос меня удивил.

- Обижают, поди?

- Нет.

- Может, на психику давят?

- Ничего подобного.

- Хорошие, стало быть, родители?

- Да.

- Любят свою дочку?

Я совсем не понимала, к чему он клонит.

- Любят.

- А у вас, Джесси, любимый человек есть?

- Ничего серьезного.

А ведь надо бы насчет этого позаботиться, подумалось мне. Иначе проблема усугубится и будет отнимать слишком много часов бодрствования.

- Но есть люди, которым та вас не наплевать?

- Есть.

- А вот вам, - повысил он голос лишь чуть-чуть, но достаточно, чтобы выразить осуждение, - похоже, наплевать на всех. И вы готовы разбить сердца родителям, выбросив собственную жизнь на помойку. Ну что за дурацкая прихоть - угробиться, приставая к старику, который вот уж тринадцать лет носу из дому не кажет? Интервью ей подавай! Ладно, черт с ним, с вашим желанием жить, как вам нравится. Давай подумаем о том, как хотят жить ваши родители. Думаете, они нынче утром встали с постели и помолились, чтобы на Темной стороне, в каких-то десяти метрах от лачуги какого-то старого анахорета, обнаружился скафандр с трупом их полоумного отпрыска?

Эге, а ведь он хитер! Такой вопрос не мог не вызвать у меня угрызений совести. Но я пообщалась - устно или письменно - со всеми пятью оставшимися в живых из тех, кому Белл приходится отцом. Это двое сыновей, пребывающих и работающих на Луне, две дочери, завербовавшиеся на Пояс Астероидов, и писатель, который прославился главным образом своими еженедельными катаниями на Центральноафриканском космическом лифте: всякий раз этот чудак радуется подтверждением того, что горизонт по-прежнему изогнут. Все пятеро не догадываются, по каким таким соображениям старик отлучил их от себя. Каждый подтверждает: последний раз когда он общался с Беллом, тот еще заботился о своем наследии и месте в истории. Поэтому я возразила:

- А дети ваши, встав нынче поутру, о чем молятся? О том, чтобы их героического папашу запомнили как морального урода, который, не моргнув глазом, дал мне умереть?

Интересно, оказывается, молчание собеседника может сказать больше, чем самые гневные слова. Я слышала, как старик вскипел, подумав о памяти, которую хочет оставить, и о том, что неблагодарное человечество способно с легкостью над этой памятью надругаться.

Он долго молчал, очень долго, и я даже впервые за весь день почувствовала себя смертной, засомневавшись, верен ли мой расчет. Как ни крути, а за годы одиночества с душой и рассудком может случиться все что угодно. И где гарантия, что прежде с психикой был

порядок? Это как же надо озлобиться, чтобы добровольно отколоться от общества и скрыться в такой глуши?

Снова затрещали помехи.

- На чувства давить? Не терплю шантажа!

- Сэр, вы ошибаетесь. Успокойтесь, это не шантаж. Просто мне надо поговорить с вами.

- Вы даже не представляете, во что лезете.

- Ну, так объясните!

Снова наступила пауза и снова неуютно затянулась. Наконец, после короткого ругательства, я услышала:

- Пойдете, куда скажу, и чтоб ни шагу в сторону!

Я встала, поморщившись от скрипа в коленях.

- Значит, все-таки есть мины?

Он ответил, издевательски хохотнув:

- Взрывчатка для того хороша, кто с точным расчетом не дружен. Поставил мину - и спи спокойно, зная, что в заданном радиусе она все разорвет в клочья. Мне такое расточительство не по нутру, поэтому игрушки у меня другие... Сейчас вы пройдете десять метров. Один неверный шаг - и в скафандре появится отверстие, кругленькое, с двадцатипятицентовик. Ежели в пределах досягаемости, то можно зажать рукой и дотерпеть до конца пути... если дырочку заметить вовремя. Вторая оплошность - одна рука занята, совсем трудно идти. И я тогда не успею вас спасти, это ж одеваться надо, да и ноги меня теперь не так быстро носят. Вы вот что: сдайте назад на несколько шагов, а потом будете четко следовать моим инструкциям. Между прочим, с трех сторон от вас мины нажимного действия...

* * *

В одной из наиболее популярных голливудских трактовок истории Уайатта Эрпа - фильме Джона Форда «Моя дорогая Клементина» - Тумстоун виден на четком фоне Долины Монументов. Узнай об этом реальные прототипы киногероев, вот бы они обалдели!

Более того, Док Холидэй, друг Уайатта Эрпа, в конце фильма умирает от полученных в перестрелке ран. На самом деле Холидэй отошел в мир иной несколько лет спустя, и пусть не слишком приятная смерть его постигла, но уж всяко не насильственная - он провел свои последние дни в больнице, выплевывая остатки туберкулезных легких.

«Моя дорогая Клементина», как и многие другие версии, содержит в себе гораздо меньше правды, нежели того, что за нее было угодно выдать свидетелям и участникам событий.

Точно так же обстоит дело и с «Безвоздушной яростью», самой знаменитой художественной интерпретацией «первой перестрелки на

Луне». Отчасти своей известностью голофильм обязан тому, что полностью был снят лунной кинокомпанией. Малькольм Белл, бывший в ту пору достаточно наивным, чтобы уступить авторские права на свою историю без запрета на ее переделку, впоследствии именно этим и объяснял (а точнее, оправдывал) непрошенный статус человека-легенды. Понять его недовольство нетрудно: «Клементина» в сравнении с «Безвоздушной яростью» - документальный фильм. Мой отец смотрел «Ярость», будучи мальчишкой, уже тогда заядлым книголюбом и знатоком истории. Говорит, поперхнулся лимонадом, кашлял пять минут и дышать не мог до конца фильма, а потом еще минут десять друзья хлопали его по спине.

Вот как истолковывается происшествие в «Безвоздушной ярости».

Малькольм Белл, убеленный сединами ветеран транстибетского вооруженного конфликта, до крайности уставший от войны и преследуемый тяжкими воспоминаниями, никак не может усидеть на Земле. И едва лунные колонии открываются для переселенцев, он подает заявку и получает разрешение эмигрировать. Семейных тогда принимал только Ли Цю; обосновавшись в этом городе, Белл на головокружительную карьеру не претендует, его вполне устроят инженерия окружающей среды и какая-нибудь симпатичная девушка - довольно с него холостяцкой жизни.

Но потом нелегкая приносит туда же Кена Дестри, вместе с его злобным нравом. Этот субъект крадет все, что плохо лежит, задирает каждого встречного и вообще плюет на законы. Его пытается урезонить миролюбивый Белл, но до прямого столкновения дело пока не доходит. Однажды Дестри распоясывается вконец и все свое неистовое вожделение обрушивает на Конни Перкинс, а ведь она какими-то четырьмя часами раньше согласилась выйти замуж за Белла. С гневным возгласом: «Да что он себе позволяет!» - жених облачается в лунный скафандр и отправляется в погоню по изрытой кратерами поверхности, и кончается этот вояж перестрелкой из самодельного метательного оружия, которое противоборцы изготовили из лежащих вокруг Купола Армстронга стройматериалов.

Фильм «Холодные розы», вышедший на экраны через несколько лет после того, как Белл сам себя отправил в изгнание, получился куда более достоверным. От этого пострадали драйв и саспенс, но все же целиком списать с фактов успешную нарасти на них ложь не получилось. А задолго до этого Белл выступил с нашумевшим ответом поклонникам, пожелавшим узнать, много ли в «Безвоздушной ярости» правды. То было простое и горькое заключение: «Правда - что все мы тогда находились на Луне».

На самом же деле Белл ни разу в жизни не видел боя. Не участвовал ни в транстибетской, ни в какой другой войне. Не встречал Кена Дестри ни на Земле, ни на Луне вплоть до инцидента, благодаря которому

прославился. И переселился Белл не в качестве беженца, выигравшего в лотерею, а как профессионал с длинным послужным списком; вдобавок на Луне уже трудилась его жена Конни, она подергала кое за какие ниточки и тем самым помогла супругу обойти несколько претендентов с лучшими, чем у него, результатами тестирования. Оба перебрались на спутник задолго до того, как его правительство сочло, что пора открывать ворота для иммигрантов.

Дикое поведение Дестри и впрямь делало его опасным, но едва ли это объясняется врожденной зловредностью; скорее всего, дело тут в разрушительном влиянии на мозг промышленных химикалий - что только не приходилось развозить по стройплощадкам, двенадцать часов кряду просиживая в кабине баржи, и вся эта дрянь норовила подмешаться к воздуху для дыхания. Но уж точно Дестри не имел ни малейшего сходства с отъявленным негодяем, чья циничная ухмылка кочует из одной трактовки событий в другую. Как не имеет его поведение ничего общего со свободой выбора. Оставшиеся на Земле родители Кена получили не только предусмотренное его контрактом пособие от лунного правительства, но и крупную компенсацию от фирмы-производителя некачественных емкостей. Если на то пошло, еще пять жителей Луны, дышавших ядовитым воздухом, были отстранены от работы, прежде чем их здоровью был причинен невосполнимый ущерб, и поэтому компенсации им достались куда более скромные. Все потом сообщили о резком ухудшении самочувствия, но что тому виной - отравление или просто тяжелые условия труда, - вопрос спорный.

Правда заключается в том, что Дестри соорудил рельсовый ускоритель масс, или попросту рейлган, и обстрелял несколько отрядов, пытавшихся его обезвредить. Причинил серьезные травмы, но, по счастью, никого не убил. Однако недостроенный Купол Армстронга, который послужил в «Безвоздушной ярости» легкоузнаваемым фоном, на самом деле совершенно ни при чем. Еще несколько лет после инцидента этот участок лунной поверхности никого не интересовал, что уж тут говорить о его покупке, планировке и тем более частичной застройке.

В финальной сцене «Безвоздушной ярости» расщепивший Малькольм Белл схватывается с Кеном Дестри врукопашную после многодневной погони по лунному рельефу. Тогда как на самом деле не было вовсе у Белла такого намерения - преследовать недруга. Он, как и вся Луна, своевременно получил известие о приключившемся с Дестри умопомрачении, а заодно рекомендацию не попадаться психу на его пути - и счел этот совет вполне разумным. Он даже через неделю после исчезновения Дестри присоединился к общему мнению: у бедняги должен выйти запас кислорода, или пищи, или еще чего-нибудь необходимого, и он, скорее всего, уже труп. Но вот страсти

улеглись, а работа не терпит простоев, она требует от Белла ежедневных рейсов между его перенаселенным районом и новым, строящимся, а вернее, роющимся километрах в тридцати. Так Белл оказался среди нескольких работяг, не расстававшихся с рейлганамии - просто на тот случай, если всеобщая успокоенность вдруг окажется необоснованной.

В «Безвоздушной ярости» от подлинной истории осталось мало. Кое-что домыслено, кое-что выброшено. Но уцелел один весьма немаловажный факт, известный лишь тем людям, которые жили тогда на Луне. Они подтвердили: да, в этом фильме имеется крупница истины. Перестрелка действительно была.

* * *

Я, пожалуй, не поверила в сверхточное противоскафандровое оружие, но и не видела смысла выводить Белла на чистую воду. Когда он велел повернуть, я повернула; подчинилась затем и команде сделать несколько шагов назад (он-де малость не рассчитал и завел меня в ловушку, которой дал название Долина Смерти) - один неверный шаг, и мой скафандр, как выразился Белл, «станет больше похож на купальник». К тому моменту во мне наполовину созрела уверенность: охранная система - такое же вранье, как и почти все перепевы истории с перестрелкой.

Через несколько лет Белл исчез, оставив после себя феномен, благодаря которому с его участка до сих пор не снят карантин; власти приказали обыскать территорию вокруг запертого дома и убедились: все это правда - насчет мин. Стоит об этом вспомнить и вообразить, как при абсолютном нуле в жилах вскипает кровь, и я с головы до пят покрываюсь мурашками. Но в тот день гостя сделала, как требовал хозяин, и наконец очутилась в воздушном шлюзе. Ко мне возвратилась уверенность, невесть где пропадавшая с тех пор, как в моей голове родился безумный план.

Шлюз был стандартным - коробочка с площадью основания квадратный метр и примерно такой же высотой, так что даже при моих скромных габаритах пришлось согнуться в три погибели, - иначе бы просто не войти.

Я попыталась представить, как сюда входит-выходит Белл, и вспомнила прочитанное: среди пионеров преобладали люди невысокие, таких специально отбирали, чтобы им было удобно работать в малых пространствах. Если и питала я иллюзии насчет того, что человек-легенда окажется исполином размером с греческого бога, макушкой скребущего облака... то это все были глупости. А они были, чего уж греха таить. Это же все-таки Малькольм Белл, а не

хухры-мухры! Встреча мне предстояла совсем не рядовая - все равно что увидеться с самим Вильгельмом Теллем, или Робинот Гудом, или... Уайаттом Эрпом.

За моей спиной скользнула в проем дверь, окаймлявший ее шланг тотчас надулся, герметизируя шлюз. Такая техника считалась устаревшей, еще когда я пешком ходила под стол. Через несколько секунд слышались звуки: свист поступающего извне воздуха, металлическое шарканье моих подошв о решетку пылеуловителя в полу. Я решила ждать и не среагировала даже на вспыхнувшую зеленую лампочку над внутренней дверью.

Динамик прохрипел голосом Белла:

- Теперь безопасно. Снимите шлем, если хотите.

Я не шелохнулась.

- А внутреннюю дверь открыть не собираетесь?

- Еще не решил. Но вы можете устраиваться поудобнее. Я не из тех, кто приносит в жертву вакууму непрощенных гостей.

«Это верно, - подумала я. - Но ты из тех, кто окружает свое жилье смертельными ловушками или, по крайней мере, пугает ими».

С другой стороны, приходилось ли мне выбирать? Что может быть глупее, чем задохнуться через час-другой в скафандре, когда снаружи воздуха - на целый век. Поэтому я отстегнула шлем, балдея от свиста, как лесной сурок: это давление в моем скафандре сравнялось с давлением в кабинке шлюза, где концентрация воздуха прежде была несколько больше.

Когда попадаешь в незнакомый космический дом, вкус его воздуха сразу же рассказывает о многом. В последние недели, опрашивая людей, которые знали Белла, я посетила несколько жилищ, чьи хозяева уже давно перестали чувствовать собственный дух - до того ядреный, что у меня слезы на глаза наворачивались. Другое дело - у Белла. Здесь витал еле заметный стариковский запах, легчайшая сладость его напоминала о микстуре от кашля, - в общем, просто благоухание по сравнению с «амбре» предыдущих домов. Мне даже удалось различить некий экзотический цветочный аромат, наводящий на мысли о тропической выставке в Шепардвильском ботаническом саду. Что это, парфюм или освежитель воздуха? А может, герой самой знаменитой лунной переделки затеял выращивать цветы под фитолампой? Почему бы и нет? Ведь должен он был чем-то заниматься все эти годы.

Короче говоря, мне в его логове уже нравилось.

- Спасибо.

- На «пожалуйста» не рассчитывайте, - буркнул он. - Это бессовестное злоупотребление чужим временем и гостеприимством. По-моему, ни того, ни другого вы просто не заслуживаете.

Я перенесла вес с одной ноги на другую - надо было как-то скрыть

чувства. Устыдил меня Белл, даже в жар бросило.

- Понимаю. И прошу не сердиться. Я очень благодарна... хотя вам, конечно, на это наплевать.

Несколько долгих секунд я ждала отклика. Не получив его, предложила:

- Хотите, объясню, что меня сюда привело?

- А незачем вам утруждаться, мисс Джесси Джеймс. Возможных поводов раз-два и обчелся. Вы или книжку обо мне писать вознамерились, или хотите признаться, как много я для вас значу, или известная персона должна поучаствовать в рождении анекдота, над которым будут смеяться ваша родня и приятели. Означает все это одно: вы подходите к памятнику, откалываете от него кусочек и идете восвояси с сувениром в кармане. Будь я в самом деле памятником, а не человеком, проблемы бы не возникло. К тому же много вас слишком, если каждый хапнет по кусочку, что от меня останется? Вам ведь история перестрелки нужна? Так чего проще, закачиваете «Холодные розы» и смотрите. Там много чего накручено и переверано, но минимум половина - факты. И незачем ко мне с расспросами приставать.

Другой на моем месте принял бы слова Белла за истерику, за жалобное нытье. Но в его устах все это звучало как констатация печальных фактов, основанная на многолетнем тяжелом опыте. Видать, немало назойливых любителей курьезов добралось-таки до его шлюза.

- Сэр, я видела «Холодные розы». Но там нет того, что мне необходимо узнать.

- Ну тогда почитайте доклад комиссии. Это итог шестимесячного расследования, с уймой таких подробностей, сам Освальд Шпенглер ими бы подавился. Но если вы из чутких натур, которым надо знать, «на что это было похоже», то у меня для вашего брата имеется доходчивый ответ: не было времени остановиться и поискать сравнение.

Его злость не смутила бы меня даже на единый миг, но понадобилось несколько секунд, чтобы выбросить из головы недоуменную мысль о Шпенглере, чей «Закат Европы», каюсь, мною до сих пор не прочитан; может, возьмусь за него, когда проведу несколько лет в отшельничестве.

- Нет, сэр, подробности перестрелки мне не нужны. Я об этом уже все узнала, что хотела.

На этот раз пауза была короткой.

- Что же тогда?

- Вас побудила вооружиться потенциальная опасность. У одного из коллег пришла в расстройство психика, не по его вине. Он выстрелил по вашей барже. Вы покинули транспортное средство и сами

применили рельсовый ускоритель масс. Столкновение продолжалось несколько минут, и конец мог быть только один: рано или поздно кто-нибудь из вас поразил бы цель. Выжить посчастливилось вам. И вы чуть было не попали под суд - кто-то из ретивых юристов утверждал, что вы не менее опасны, чем ваш противник. Но все подобные обвинения были сняты. История переходила из уст в уста и обрастала домыслами, и вы уже давно живете с репутацией героя. Однако, сэр, все прочее - это пунктирные линии между местами, где вы стояли, и местами, где ваши снаряды нашли свою цель. Все это было сотни раз рассмотрено и проанализировано под всеми возможными углами зрения куда более умными и дотошными людьми, чем я. И я не явилась бы сюда и не стала отнимать у вас время, если бы меня интересовал уже многократно пройденный путь. Если на то пошло, я ведь даже не историк. Сэр, хотите верьте, хотите нет, но у меня действительно есть причина здесь находиться.

Когда он вновь заговорил, в голосе зазвучал оттенок уважения:

- Сколько ж вам лет, юная леди?

- Двадцать четыре.

- Кажется, я слышу высокомерие юности. А известно ли вам, что спустя несколько лет после вашего рождения я перестал пускать людей в этот шлюз?

- Да, сэр. Конечно, вам до моего мнения дела нет, но все-таки скажу: мне ваше одиночество кажется бессмысленным.

Я сама опешила от этих слов; представляю, как они подействовали на Белла. Ничего подобного не было в длинном списке тактических приемов, которые заставили бы его изменить давней привычке и разоткровенничаться перед незнакомой посетительницей. Даже сейчас фраза кажется мне оскорбительной. Здравый смысл требовал любыми способами завоевывать симпатию, всеми правдами и неправдами втираться в доверие. Помню, что я аж съежилась: вот сейчас он откроет внешний люк и выбросит меня в вакуум, и придет мне, нахалке, конец.

Каково же было мое изумление, когда раздался грубый хохот.

Малькольм Белл так невежливо смеялся четыре раза за все время нашего знакомства. Это ровно столько, сколько раз он вообще смеялся при мне. Другие люди варьируют громкость и тон, им не чужды нюансы, вроде вежливого смешка или несдержанного хихиканья. Белл, как выяснилось, был вполне способен реагировать весельем на услышанное, но он никогда не раздражался хохотом, если не мог весь без остатка отдаться этому занятию, а когда мог, остановиться получалось не скоро.

Должна сказать, мне уже много лет не хватает этого смеха. И мысль о том, что он когда-то прозвучал благодаря моим стараниям, наполняет меня гордостью.

А в тот день я уж было решила, что хохот не прекратится никогда. Но вот он все же постепенно затих, и Белл сказал:

- Человеческая раса удивляет меня примерно раз в тридцать лет, рождая на свет особь, ради которой стоит сделать исключение. Ладно, Джесси Джеймс, получайте свою аудиенцию.

И внутренняя дверь скользнула вбок...

* * *

Почти в каждой трактовке инцидента у О'Кей Коррала Уайатт Эрп предстает такой несокрушимой скалой, скорее титаном, нежели человеком; он до того уверен в своих моральных устоях, что кажется, именно эта уверенность лучше всякой брони защищает от лихого свинца.

И это вполне может оказаться правдой.

А еще достойно упоминания то, что человек с такой биографией ни разу не испытал укус пули. Кого ни возьми из других «легенд Дикого Запада», всем досталось. Джесси Джеймс, Билли Кид, Дикий Бил Хикок... Кто застрелен в спину, кто смотрел убийце в лицо, но все эти супермены в итоге оказались доступны насильственной смерти точно так же, как и любой обыватель. И только тело Эрпа осталось целым и невредимым.

Неизбежно складывается впечатление, что в разборке с Клэнтонами, когда Эрп стоял под градом пуль и сам лупил в упор, он был высок и бесстрашен и так же твердо верил в собственную неуязвимость, как потом верили многие поколения, которым снова и снова, под разными соусами разные повара преподносили его приключение.

И снова я скажу: возможно, так оно и есть. Мало ли на свете безумцев, убежденных в том, что законы вероятности к ним не применимы.

А может, он тогда был вне себя от ужаса и мечтал оказаться где-нибудь подальше от Тумстоуна.

* * *

Малькольм Белл сидит за пультом лунной баржи класса «Б». Скорость движения - примерно сорок километров в час, пункт назначения - строящаяся солнечная батарея на гряде в трех часах езды от базы. Кабина служит дополнительным укрытием, благодаря ей внутри скафандра температура воздуха поддерживается в комфортном диапазоне; иное дело, если бы в течение всего рейса водитель подвергался жестокому воздействию чистых солнечных лучей. Но в

кабине отсутствует воздух - это типично для того времени и для тогдашнего уровня технологии.

Белл не в форме - накопилась усталость. Он никому не признается, что последние ночи плохо спал. Охотно бы взял отгул, будь здешняя производственная культура снисходительна к таким вещам, как неявка на работу по болезни. Сколько уже лет продолжается освоение Луны, а жизнь на ней по-прежнему не сахар. Девиз простой: можешь ходить - значит, можешь и вкалывать, и Белл достаточно подвижен, чтобы служить винтиком механизму, который обеспечивает жизнь на этом каменном шарике.

Белл все понимает и не жалуется, но ведь он - человеческое существо, подвергающееся нагрузкам, способным сломать любого. В его мозгу идут одновременно четырнадцать разнонаправленных процессов. Частью это мысли о дороге, пройденной уже десятки раз, частью - о товарище, коллеге-инженере, который выставил себя настоящей скотиной. Еще Белл выуживает в памяти имя популярного певца: что за черт, оно же нынче у всех на устах, а не вспомнить, хоть ты тресни! - и при этом мечтает о простом, тогда получится повидать друзей, Минни и Эрла. А еще он краешком мозга думает о Дестри - вот же угораздило этого сукина сына свихнуться. Да, Дестри, черт бы тебя побрал...

Белл понимает: это глупо. Нет смысла бояться Дестри. Все равно что бояться молнии, которая или ударит в тебя, или не ударит. Если понадобится ей, уж она не промахнется. Любые страхи только жизнь портят. Что проку гадать, пронесет - не пронесет? Как карта ляжет, так и будет. Просто подожди - и узнаешь.

Да и Дестри, по всему, уже мертв. Ну, какая вероятность, что он рыщет где-то здесь, вдали от баз снабжения, и высматривает другую такую же крысу лунной пустыни, чтобы сделать ей гадость? Это уже давно не человек, а банка протухшей тушенки. Испекся в своем скафандре, а может, и взорвался, распертый гнилостными газами. Образ, конечно, отвратительный, но единственно возможный, потому как Дестри - не монстр, а всего лишь человек, которому выпал несчастливый билет в лотерею под названием «Ну, любит Господь иногда пошутить».

Белл все это знает точно так же, как свои служебные коды, аварийные процедуры и преглупейшие слова модной песенки - засела, дрянь такая, в голове и забываться не намерена. Но он человеческое существо, а человеческие существа вечно чего-нибудь боятся, и никак ему не избавиться от жуткой картинке: бац, и шлем разбит выстрелом из нелегального оружия, и вместо головы быстро развеивающийся парок. Пугают не предсмертные муки, а невозможность узнать, когда это случится. Вот сейчас ты живой, а уже через миг сделаешься мертвым и даже пикнуть не успеешь. А ну как эта мысль - вот эта,

которую он сейчас думает, - самая последняя и других уже не будет? Он ведь про то даже не узнает. Или вот эта последняя? Или эта?

Когда в приборную панель ударяет метательный снаряд и вдребезги разносит манометр, Беллу везет вдвойне. Во-первых, он смотрел в правильном направлении, а во-вторых, успел довести себя до форменной паранойи. Вакуум - это вакуум, в нем не грянет далекий выстрел, не поддержит его грозным звоном разбитое стекло кабины. Просто возникла дырка там, где секунду назад ее не было, и если бы Белл не думал о Дестри, он бы запросто дал себя укокошить. Драгоценные секунды растратились бы на гадание: что за сбой в работе механизма привел к столь странному повреждению?

А так он мигом сообразил: стреляют. С одного из зубчатых холмов, что возвышаются над изъезженной трассой. Дестри, кто же еще.

Даже не додумав это до конца, Белл кидается влево, просто потому, что таков кратчайший путь наружу. В следующий миг второй снаряд пронзает пустоту там, где только что находился водитель, и тоже врубается в приборную панель. Толку от него практически нет - так, немножко пищи для воображения будущих писателей и сценаристов.

На Луне тела падают, по земным меркам, медленно - иначе не могут, как бы им этого ни хотелось. Отчаянная уловка Белла выглядит фарсом, до каменистого грунта целая вечность падения, добрых два метра, спасибо высоченным каткам баржи. И понимание того, что по нему ведется стрельба, не прибавляет ни единого «g».

Он даже успевает отправить в эфир отчаянную мольбу, прежде чем соприкасается с реголитом.

- Я Белл, вызываю Контроль! Срочно требуется помощь!

В этот день по связи дежурит Клифф Макрэй. Родом он с тexasского севера и говорит с густейшим ковбойским акцентом - тем самым, что вот уже больше века окрашивает речь непропорционально большого числа публичных представителей НАСА.

- Не волнуйся, Белл, мы поможем. Что у тебя за проблема?

Белл все еще падает рядом с покинутой им баржей. Своей жизнью он обязан инерции, несущей его параллельно курсу машины и тем самым прячущей от стрелка. Но через секунду ситуация изменится, если он не окажется на ногах и не продолжит движение самостоятельно.

- По мне бьют с холма, - хрипит он.

Макрэй держит паузу пять секунд.

- Без паники, приятель, я сейчас определяю твое местонахождение. Так, южнее Седьмой трассы, семнадцатая веха. Подтверждаешь?

- Насчет трассы правильно, а которая веха, не знаю. Я выскочил из баржи и укрылся за нею. Она все еще едет.

- Личность напавшего удалось установить?

- Да пошел ты! Как я могу установить его личность? Да и зачем? Что, на нашем камешке много свихнувшихся стрелков?

В ответе Макрэя сквозит мрачное веселье:

- Понял тебя, Малькольм. Оставайся в укрытии и жди подкрепления. Считай, что мы над этим уже работаем.

Тем временем Белл утверждает на ногах и следует одним курсом с баржей. Та знай себе едет, причем с небольшой скоростью. Казалось бы, поспевать несложно - беги легкой трусцой. Так, да не так - лунные скафандры для подобного способа передвижения не приспособлены. Как и лунная гравитация. Нормальный бег человеческого существа представляет собой некоторое число отрезков времени, когда обе ноги не соприкасаются с землей, и моментов, когда бегун использует силу тяжести. Луна по этой части может предложить лишь нечто вроде ленивого балета. Есть, правда, способ добиться куда большей скорости, но для этого надо всего ничего: вырасти на Луне. Иначе нужного навыка не заполучить.

Белл родился на Земле. В штате Аризона. В городе Тумстоуне.

Это лишь временная мера - бежать возле баржи. У нее, между прочим, не имеется «кнопки мертвеца», устройства, которое в случае гибели водителя или потери им сознания остановит транспортное средство. Гораздо важнее, чтобы оно везло утратившего дееспособность водителя в направлении ближайшей базы, где есть воздух. Потому-то баржа и курсирует по цепочке зарытых магнитных вех, и они не дадут сбиться с запрограммированного пути. Но движется она так медленно, что любой полумразумный стрелок (и даже, как в данном случае, безумный) может спуститься со своей позиции и выстрелить с другой стороны. Держась у борта, Белл рано или поздно вновь окажется на линии огня.

В эфир возвращается голос Макрэя.

- Белл, слышишь меня?

- Считай, что я над этим работаю.

- К тебе направились с разных сторон три группы, и мы делаем все, чтобы их стало больше. Помощь прибудет в течение получаса. Рекомендуем продолжать движение и не вступать в борьбу с Дестри, если только он не навяжет ближний бой. Как слышишь? Прием!

- Слышу, - буркнул Белл, одолеваемый недобрыми мыслями. - Вот что: этот псих может мониторить наши частоты. Не хочу, чтобы он меня запеленговал. Давай-ка помолчим, пока ребята не приблизятся.

- Да, Белл, это разумно. До связи.

Едва умолкает рация, Белл горько жалеет о своем решении. Как знать, а вдруг это был последний в его жизни разговор? Ну, остался бы Макрэй на связи, что такого? Если враг сканировал частоты, он уже знает о выдвигании спасателей. Правильнее всего для Дестри было бы дать деру. Не настолько же он безумен, чтобы дожидаться, когда его окружит целая армия.

Да, маловероятно.

Однако чутье подсказывает: надеяться на его здравомыслие нельзя. Не осталось у Дестри никакого здравомыслия, и он не прекратит охоту.

* * *

Сложно сказать, что я ожидала увидеть в доме Белла. За последние месяцы я успела побывать во многих жестянках и полюбоваться интерьерами, соответствовавшими всем без исключения точкам графика - от запущенного хлева до стерильной роботизированной больницы. Даже пообщалась с некоей знаменитостью раннего этапа колонизации (имени не называю), чье обиталище было задрапировано такой уймой розовой прозрачной ткани, что хватило бы на классический турецкий гарем; этот тип и одевался в розовое, хотя, с сожалением вынуждена констатировать, султана из себя не корчил. Мне нет дела до того, насколько вы любопытны. Повторяю, имя этого человека вам знать ни к чему.

Совсем другая картина открылась мне в доме Белла. Обстановка аскетичная почти до стерильности. Голый функционализм во всем. На службе у комфорта одна-единственная штукавина - ультразвуковой душ, причем его генераторы не только в потолке, но и в стенах, и даже в половицах. Кресло-кровать разложено. Ни одного непривычного моему глазу предмета, кроме фиолетовой вазы, достаточно глянцевитой, чтобы вовсю бликовать, и достаточно прозрачной, чтобы в ней угадывалось содержимое (лунная почва, предположила я). Тоже не диковина. Грунт этот вполне плодороден, и кое-кто из нас, обитателей Луны, собирает его для комнатных растений.

Белл оказался старым-престарым. Как я и ожидала. Ему было семьдесят, когда он приобрел эту недвижимость и сообщил свой новый адрес, и далеко за восемьдесят, когда он в последний раз посетил ближайший населенный пункт. Тогда-то и сфотографировал Белла по случаю кто-то из зевак, толпой ходивших за ним следом, и более свежие снимки мне не попадались.

Из-за невероятной худобы он скорее смахивал на жердь, нежели на человека. Поступь была очень нетвердой: как выразился один из опрошенных мною людей, глядишь и боишься, не раскололись бы хрупкие косточки.

Собрав все доступные сведения о последнем выходе Белла на люди, я пришла к заключению: он пресыщен вниманием публики, озлоблен расспросами о легендарном прошлом, и если за его темно-кариими глазами остались какие-то крохи интеллекта, до них невозможно добраться сквозь туман старости и путаницу мыслей. Очевидец его визита в город, пытаюсь описать это грустное и трогательное событие, приплел болезнь Альцгеймера, о которой слышал то ли от дедушки, то

ли от бабушки. Это дегенеративное заболевание обычно ассоциировалось с преклонным возрастом, оно превращало свои жертвы в овощи, отнимая способность думать и помнить. Приобрести эту хворь Белл никак не мог, синдром давным-давно прекратил свое существование. Но свидетель визита полагал, что без болезни все-таки не обошлось. А как иначе объяснить превращение народного героя в робко шаркающее не пойми что.

Белл, которого я увидела перед собой, явно приближался к столетнему юбилею. Но глаза оставались ясными, движения - уверенными, речь - внятной и энергичной. В общем, никаких внешних признаков недуга. У этого сукина сына были даже волосы, несколько прядей, укорачивать их Белл не считал нужным, может, времени на это пожалел; они плыли над смуглой, в печеночных пятнах кожей, как перистые облака над изгибом Земли. Некоторые из моих знакомых старикашек по неделям не брились, этот же щеголял безупречно гладким подбородком и чистой, с нерастрепанными швами одеждой.

Да, он был старым. Не побоюсь этого слова, древним. Но не ветхим. Он еще вполне мог о себе позаботиться.

Или он пошел на поправку, или та давешняя хрупкость - не более чем притворство.

Я знала, что он на меня смотрит. По моим сведениям, он любил женщин. И я - первый посетитель женского пола за последние десятилетия. Это, конечно же, не влюбленный взгляд, да и вряд ли стоило на него рассчитывать, ведь все мои прелести прячутся в бесформенном скафандре. Но у меня в ту пору было миловидное лицо, если можно считать миловидностью редкое сочетание черт, которые порознь выглядели бы далекими от идеала. Все-таки спасибо тебе, Боже, за большие карие глаза, именно они соединяют детали моей внешности в нечто приемлемое - вплоть до того, что некоторые даже считают меня красивой. Не будь у меня этих спасительных глаз, я бы, наверное, попросилась на жительство в зоопарк.

Он вытащил из-под убирающегося стола модульное кресло, дав понять, что я могу располагаться поудобнее, сел на край койки, держа при этом спину абсолютно прямо, и скорбно покачал головой:

- Юная леди, в любом просвещенном обществе вас бы заживо сварили в масле.

- Ошибаетесь, сэр, подобная экзекуция мне не грозит. Но вот камнями меня время от времени побивают.

У него дрогнули губы.

- Мило. Смело. Вы достаточно начитаны и вполне владеете антикварным сленгом. И вы гораздо симпатичнее, чем ваш печально знаменитый тезка на старых фотографиях. Честно скажу: будь я на восемьдесят лет моложе, дал бы себя соблазнить.

- Благодарю, сэр.

- Это не комплимент, всего лишь голая правда, - похвалил он меня еще раз. - Так говорите, вы не историк. И что бы я вам ни выболтал, это не обернется лекцией для зевающих пустоглазых студентов, верно? И вы не репортер. Иначе бы не заявили, что вас не интересуют самые очевидные вещи. По той же причине я смело могу утверждать: вы не из восторженных поклонников, которые с детства мечтают увидеть своего обожаемого героя. Я все еще прав?

- Да, сэр.

- В таком случае, вынужден признать, что зашел в тупик. Кто вы по профессии?

- Младший аудитор Лунной налоговой инспекции.

У него расширились глаза - чуть-чуть, но достаточно, чтобы показать белки, окружающие ясные карие радужки. Что-то - может, веселье? - напрягло его челюстные мышцы, и он произнес:

- Должен ли я теперь жалеть, что впустил вас? Вы и правда мелкая чиновничья сошка, мечтающая впечатлить свое начальство введением мощного ректоскопа в дряблую финансовую кишку полоумного старца?

- Нет, сэр. Начальство не знает о том, что я здесь.

- Верю. Поскольку отлично знаю: я не задолжал ни цента.

Я со значением посмотрела на него:

- Сэр, это не совсем так. Вы отлично знаете, что ничего не задолжали за последние тридцать лет.

Ни одна морщинка не сгладилась, однако он вдруг как будто сбросил десять лет. И снова улыбка чуть изогнула губы.

- Продолжайте.

- Нельзя ли мне сначала воды?

- Будьте как дома.

Но вместо того чтобы встать и распорядиться его запасами, я пососала трубочку, торчащую из шейного обруча скафандра. И поморщилась - вода успела перегреться. Почти как свежесваренный кофе, только без вкуса. Термоизоляция питьевого резервуара осрамилась при проверке в деле, но можно смыть пыль в горле, и то хорошо.

- Видите ли, я в конторе зеленый новичок, поэтому на меня свалилась вся рутина. Составляю доклады, которые никто не собирается читать.

- Бюрократия бессмертна, - кивнул он.

- Верно. Так вот, год назад мне поручили разобраться с налоговыми отчислениями различных населенных пунктов Луны. Дело в том, что одни всегда платили больше, другие меньше, как бы власть ни пыталась всех уравнивать.

- Как бы ни изображала видимость попыток, - возразил он.

- Верно, - повторила я. - Мы оба прекрасно понимаем, что систему не исправить. Всегда остается кто-то обиженный. Восстанови справедливость по отношению к нему - и обделишь кого-нибудь

другого. То есть мне предстояло потратить уйму времени, но мои старания не изменили бы ровным счетом ничего. Однако работа есть работа, и я в нее добросовестно впряглась и получала вполне ожидаемые результаты, пока не обнаружила одну аномалию, мимо которой не смогла пройти...

- Давайте-ка все же пройдем мимо нее. Я старый человек, болтовня о налогах для меня слишком большая роскошь...

Дудки, меня так легко не заткнуть, очень уж часто я слышала этот довод.

- Однажды в поле моего зрения попала небольшая группа лиц, получивших пожизненное налоговое освобождение. Сколько бы лет им ни отмерил Господь, они не обязаны платить ни цента. Среди них есть священнослужители, в частном порядке исключенные из налогообложения, когда церковь утратила свой льготный статус. Но это глубокие старцы, поэтому сбросим их со счетов. Все же остальные - это отшельники вроде вас, прячущиеся на Темной стороне. Самое типичное объяснение звучит так: я-де абсолютно самодостаточен, никакого налогооблагаемого дохода не имею и услугами государства не пользуюсь. Но я присмотрелась и выяснила: все не так просто. Лунное правительство передает вам участок в вечное пользование. Государство оплачивает ваше жилье, за его счет идут поставки продовольствия и кислорода. А ремонт? А медицинское обслуживание? Даже деньги к вам поступают - приличные суммы, вполне достаточные, чтобы без проблем жить десятилетиями вдали от людей. Эти средства ложатся на счет условного депонирования в зарубежном банке, и до них многие из вас даже не дотрагиваются или раздают их родне и благотворительным организациям. Лишь единицы в конце концов отказываются от затворничества и проводят хорошо обеспеченный остаток жизни в каком-нибудь очаге цивилизации.

Переведя дух, я заявила:

- Так вот, сэр, мне это показалось небезынтересным. Как только кто-нибудь из вас порывает с отшельничеством, он получает нормальный налоговый статус. Из этого можно сделать один-единственный вывод: правительство Луны платит вашему брату за такой вот образ жизни. Более того, оно следит за тем, чтобы выбранная вами для проживания территория не застраивалась и чтобы никакие бюрократы не совали нос в ваши дела.

Последняя фраза вызвала еще одну кривую улыбку:

- Едва ли это относится к моей сегодняшней компании.

- Да неужели у вас сложилось впечатление, что это официальный визит? Если так, то прошу извинить. Я здесь как частное лицо, и тому есть причина. На все вопросы о вашем налоговом статусе я получала либо уклончивые, либо обескураживающие ответы. Попробовав добыть сведения у самого высокого начальника, я получила

натуральный щелчок по носу: мол, прекрати копать где не надо, если не хочешь испортить себе карьеру.

Он прокомментировал, сочувственно покачав головой:

- Вот же идиот этот ваш начальник. Пять минут с вами - и я уже могу совершенно ответственно утверждать, что он свалял большого дурака.

Я постаралась как можно изящнее пожать плечами - напрасный труд, когда на тебе скафандр.

- Да, как это ни грустно, лучший способ разжечь мой интерес - это потребовать, чтобы я не совала нос не в свое дело. Поэтому я продолжила поиск и вскоре обнаружила очень много безумных стариков и чуть меньше безумных старух, порвавших все связи с обществом, чтобы запереться в консервных банках на Темной стороне. Они работали на той же стройке, что и вы, и в те же самые годы. Порядка шестидесяти процентов из них в тот пятилетний период ютилось в бараках. Тогдашние грузоперевозки обеспечивались несколькими тысячами человек максимум; вероятность того, что столь значительная часть какого-либо сегмента населения пожелала бы на склоне лет податься в пустынники, выглядит астрономически малой. Дальше - еще интереснее. Подняв всю доступную статистику и как следует ее проанализировав, я пришла к выводу: существует определенная дата, когда число лунных крыс первого поколения, желающих себе старости вроде вашей, увеличилось скачкообразно. Надо ли добавлять, что это за день, на который пришлись дежурства ваших коллег?

Установив дату и выявив признак, поставивший ее особняком, я нашла верный способ проверить свою догадку. Я занялась лунными крысами, трудившимися на стройке до и после того дня. Из них кто-то уволился, кто-то покинул спутник, а некоторые даже утратили дееспособность по болезни или из-за травм как раз в интересующий меня период. Всего их около тридцати, однако никто не сделался отшельником на Темной стороне... А что же люди, исполнявшие свои обязанности именно в тот день? Таких больше пятидесяти.

Речь идет не только о временной корреляции. Вероятность того, что кто-либо из ваших коллег переберется на Темную сторону, растет экспоненциально с приближением к обсуждаемой дате. Из присутствовавших на сцене изначально шести мужчин и двух женщин - тех, которые ответили на призыв о помощи, - пятеро дожили до восьмидесяти лет, и все они стали отшельниками. Из сотен людей, работавших на станции «С», что примерно в двухстах километрах, никто не имел тогда прямых контактов с этой восьмеркой, и только через четырнадцать суток человек двадцать пообщались с ней. Таким образом, сэр, у нас складываются две гауссовы кривые, и в середках у них одно и то же время и место. Одно и то же событие.

Тут я заметила, как усилилось сердцебиение. Очень уж велика

случайно обнаруженная мною тайна, и очень уж близко я к ней подошла - кожей чувствую, как она давит. Снова я глотнула противной горячей воды, снова перевела дух и наконец заговорила:

- Мистер Белл, не сердитесь на меня. Будь вы один такой, я бы поняла. Посттравматический синдром, психическое расстройство... Ну, еще пара-тройка подобных случаев меня бы тоже не удивила. Многие становятся необщительными к старости. Да будь вас таких хоть тысяча, но без столь явной связи с тем днем, я и то бы не насторожилась. История человечества богата сюрпризами. Но когда все признаки указывают на общий знаменатель... Да еще это активное участие лунного правительства... Тут уже не знаешь, что и думать. Сэр, передо мною тайна, и в центре этой тайны - вы.

Я простерла к нему руки:

- Мне необходимо узнать. Пожалуйста, расскажите, что еще произошло в день перестрелки.

Понадобилась добрая секунда, чтобы понять: в комнате я одна.

Я проговорила пять минут, и это было только подготовкой к вопросу, завладевшему в последний год всем моим существом. Но вот и долгожданный момент настал, и вопрос прозвучал, и я теперь сгусток надежды, страха и жгучего желанья узнать... Произнеся роковые слова, я уткнулась взглядом в свои колени, боясь посмотреть Беллу в лицо. Вот сейчас все решится!

Но только после того, как разум мой осознал тишину - пожалуй, опоздав с этим на добрую секунду, - я подняла голову и почувствовала, как подо мной разверзлась черная бездна.

Малькольм Белл исчез.

* * *

Паранойя может стать механизмом выживания. Особенно на Луне, где одинокого человека, преследуемого помешанным сотрудником, не насторожит хруст грунта под обувью в нескольких метрах позади.

У водителя, семенящего рядом со своей баржей, обзор ограничивается размерами лицевой пластины скафандра. Никогда еще рассудок Малькольма Белла не пребывал в столь параноидальном состоянии. Раз в пять-шесть секунд он поворачивается кругом, почти не сомневаясь, что увидит Кена Дестри, который уже приблизился для выстрела в упор. Оглядывая безжизненный ландшафт слева и столь же безжизненный ландшафт сзади, Белл не забывает проверять, свободен ли путь впереди. Но при этом знает: дело зашло слишком далеко, нельзя ничего серьезного предпринять для самозащиты, и остается лишь высматривать человека, вознамерившегося его убить.

Это не ужас. Не совсем ужас. Малькольм Белл трудится во

враждебной среде вместе с другими мужчинами и женщинами, для них уже само пребывание здесь - смертельный риск, и хотя он, как и его товарищи, тайком сомневается, по силам ли выбрал себе профессию, на людях держится невозмутимо.

Если ему суждено погибнуть, это не будет смерть труса.

Так что вовсе не ужас испытывает Белл, а что-то иное. Недоумение продолжается несколько минут, и наконец он понимает: это инстинкт пытается спасти ему жизнь.

Как будто нет четкой причины слушаться инстинкта. У Белла слишком мало данных, чтобы установить местонахождение Дестри относительно своего собственного, и поди угадай, правильно он делает, двигаясь рядом с баржей, или необходимо срочно предпринять что-нибудь другое.

Но внутренний голос утверждает безоговорочно: Дестри близко, он обходит баржу за кормой. И Белл проживет считанные минуты, если не сменит позицию.

Как не хочется отдаляться от баржи! Ведь это единственное укрытие до прибытия спасателей. И она едет достаточно медленно, нетрудно держаться рядом и даже можно обогнать, а забраться сейчас на борт - значит потерять несколько бесценных секунд. Почему-то Белл не сомневается: если он просто схватится за скобу и запрыгнет наверх, Дестри, бегущий за кормой, не упустит возможности проделать в нем дырку.

Поэтому он напряженно оглядывает лежащий впереди ландшафт, ищет способ спасения. И вдруг судьба посылает ему подарок, а именно - бугор метрах в двадцати по курсу, совсем небольшой, этак в половину его роста. Приблизившись, Белл различает одинокий валун непонятного происхождения, может, метеорит, а может, откатившийся обломок породы с ближней гряды. Его ни по каким признакам не отличить от прочего геологического мусора, делающего столь увлекательным занятием ежедневное созерцание лунной поверхности. Мимо этого камня Белл проезжал сотни раз, но ухитрился его не заметить. А сейчас просто влюбился в него, насколько человек способен влюбиться в кусок породы.

Мгновение-другое потратив на торопливый расчет, Белл прибавляет скорости. Он бежит, не сводя глаз с камня - как будто это самый настоящий пуп изведанной Вселенной.

Бег получается не особо красивым. Да и может ли быть иначе, если вы родились не на Луне, если громоздкий скафандр затрудняет любое движение, а гравитация превращает самую ровную поступь в череду нежелательных прыжков в длину? Тем не менее Белл, снискавший славу едва ли не самого неуклюжего работяги на стройке, теперь рассчитывает каждый шаг с небывалой, немислимой точностью. И вот еще что хорошо: он замечает, едва покрыв половину расстояния до

благословенного камня, как на его поверхности бесшумно вспухло облачко пыли. Добрую, стало быть, службу ему сослужила параноя. Кен Дестри сзади, он стреляет, и выживание Белла зависит от верности следующего хода.

Белл прыгает на камень, отталкивается ногами и летит вправо; он целит в открытую кабину баржи. Это очень опасная затея, и не потому, что можно, ударившись о порожек, свалиться под гусеницу и превратиться в фарш. Любая другая оплошность, даже самая мизерная, тоже способна его погубить. Например, порвешь скафандр о кромку люка - и все, ты уже достояние истории.

Но Белл благополучно попадает в игольное ушко и скачет по рифленому полу кабины, точно «блинчик» по озерной глади.

Инерция неизбежно вынесет его через второй проем, и он окажется по ту сторону баржи.

Но уже не безоружным.

Пересекая кабину, Белл хватает самодельный рейлган, вместе с ним вылетает наружу и падает на лунный грунт.

Есть!

Шансы уравнились.

* * *

Малькольм Белл исчез.

И ни клуба дыма, ни вспышки, ни хлопка резко сместившегося воздуха.

Если его пропажа и сопровождалась какими-то визуальными эффектами, я их прозевала. Случайно или нарочно он выбрал тот самый миг, когда я была просто не в состоянии пополнять свою копилку знаний новым чувственным опытом.

Только что он сидел на кровати - и вот его нет.

Как и нет никаких сомнений: он воспользовался моей кратковременной невнимательностью, чтобы выскочить и спрятаться.

Это жилище отшельника на Темной стороне Луны. Тут есть ультразвуковой душ (пустой) рядом с уборной (не занятой), кладовки (запертые), несколько ниш, слишком маленьких, чтобы в их сумраке мог спрятаться человек. И все это - в поле моего обзора. Напрашивается мысль о бесшумно скользящей панели, скрывающей за собой пространство объемом со шкаф, - там без труда затаится любитель поиграть в Гудини с глупыми визитерами.

Дядя мой был учителем математики, он объяснил, что надо делать, чтобы не запаниковать в безвыходной ситуации. «Дроби каждую трудность на части методом логических деревьев, - говорил он. - Как минимум тебе удастся отделить постижимое от непостижимого».

Итак, существуют только две возможности. Или, точнее, две принципиально разные группы версий. Каждая группа представляет собой ствол, от которого ответвляются тысячи вероятных объяснений.

Первая: исчезновение Белла не имеет ничего общего с его личным выбором. Он прекратил свое существование либо перенесся в другую плоскость бытия, а может, гораздо ближе, например, к рулетке в казино «Фэнтези» в центре Гриссома, - и случилось это не потому, что он хотел довести до умопомрачения проникшую к нему в дом назойливую девицу, а по воле неконтролируемых им сил, скажем, трехголового пришельца, набравшего не те координаты на пульте телепортационной кабинки в сотне световых лет от нас. Какой бы ни была причина его исчезновения, возможно, он сам ничего подобного не ожидал. Сидит теперь небось под небом в горошек и гадает, что же это за сюрреалистический морок свалился на его голову.

У этого логического дерева есть очень большой недостаток: если вмешавшиеся силы неподконтрольны Беллу, то они неподконтрольны и мне, и я всего лишь обменяла одни загадки на другие. Причем новых в миллион раз больше - и где же тот капризный старичок, к которому можно пойти за отгадками?

Значит, и заморачиваться не стоит с версиями, растущими из данного ствола. Это по определению вне моих возможностей.

Итак, остается вторая достойная рассмотрения группа версий: Белл исчез намеренно, с помощью хитрой техники или неизвестной мне сверхъестественной способности.

Пойдя этим путем, я попаду на новую развилку. Белл либо уверен, что мне не разгадать фокус, либо допускает, что я на такое способна. Если верно первое допущение, я достигла самого тупикового из всех возможных тупиков. И погубила свое будущее - придется же объяснять, почему сигнал бедствия был мною отправлен из дома таинственно исчезнувшего героя. Мне обеспечены многодневные, если не вечные, допросы - обязано же следствие выяснить, куда я дела труп несчастного старца. А потому прорабатывать эту версию я не стану. Если препятствие неодолимо, какой смысл расшибать об него лоб?

Если же Белл, исчезая, допускал, что я смогу найти отгадку... В этом случае он оставил мне все необходимое для успешного поиска. Поэтому я глубоко вздохнула и приступила к тщательному, пять за пядью, осмотру жилища.

Если можно обстановку описать одним словом, то вот оно: функциональная. Ни единой деталью не грешит против практичности. У Белла не было ни предметов искусства, ни безделушек, ни даже книг, кроме тех, что можно заказывать по хайтек-сети. Не дом, а монашеская келья. И по всем признакам хозяина это более чем устраивало.

Но если у тебя любящая семья и безупречная репутация, разве ты

пожелаешь себе такой жизни?

Он сидел у меня на виду - и вдруг исчез в мгновение ока. У него просто-напросто не было времени, чтобы спрятаться.

Мимо меня не проходил. Такое трудно не заметить, когда на тебе скафандр и ты сидишь в столь тесном помещении, как комнатка отшельника на Темной стороне. Центральный проход узок, и я перегораживала его почти полностью. Беллу пришлось бы отодвинуть меня в сторону или повалить.

Применив бритву Оккама, я сделала вывод: шансы найти объяснение тем выше, чем ближе к кровати будет вестись поиск. Поэтому я приступила к осмотру спального места.

Белл ночевал на матрасе из полиуретановой пены; она поступала из ниши в полу, где хранился резервуар с жидкостью. Матрас не приходилось чистить и поправлять, поскольку за день испарялся верхний слой, и взамен насос выдавал свежую порцию пены. Сама я таким никогда не пользовалась, но слышала, что это стоящая вещь для тех, у кого проблемы с поясничным отделом позвоночника. Я погладила ее ладонью и завистливо вздохнула, хоть и была сама не своя от тревог и забот. Вот бы ночь на такой лежанке провести, пусть даже без сна, - это ж райское блаженство...

Но присутствие матраса означает, что под кроватью Белл спрятаться не мог - там место занято баком с жидкостью и насосом.

Столь же бесполезными для меня выглядят и перегородки с трех сторон от кровати. Прочный металл, холодный на ощупь и без видимых щелей, даже на стыках. Ни перемещаемых панелей, ни потайных дверей, ни участков, где на стук гулко отзывается пустота. Сняв правую перчатку и приложив к стене ладонь, я ощутила слабую вибрацию, такую приятную для нашего брата, лунного жителя, - стало быть, исправно действует механика, не надо беспокоиться за свой следующий вздох.

Ладно, я убедилась, что за стеной находятся машины. Один ответ найден, но остается еще приличный список вопросов.

Я возвратилась к своему стулу и уселась, не сводя глаз с ямки, оставленной в пене человеческим телом. Будь в комнате ковер, подняла бы его в надежде обнаружить ведущую вниз, во мрак, вертикальную шахту с лестницей. Окажись на стенах украшения, искала бы скрытые за ними ходы. Найди я холодильник, а не только два крана, отодвинула бы его. В любом месте, испытанном на себе прикосновение человеческой личности, нашлось бы сколько угодно «ниточек», пусть даже никуда не ведущих. Но только не в этой жестяной коробке, что раньше содержала в себе старика, потом старика и меня, а теперь только меня. Во всем жилище лишь одна принадлежащая Беллу вещь имела, возможно, некое предназначение сверх сугубо практического, и это была нетипично яркая ваза. Ну что ж,

за неимением лучшего займемся ею.

Я взяла вазу в руки. Холодная посуда, словно только что из морозильника. На ощупь как стекло, но мягче. Пальцы мои оставляли вмятины, которые исчезали, стоило сместить руку. Я наклонила вазу, потом наклонила в другую сторону: содержимое смещалось на манер почвы, какой, по моему предположению, оно и являлось. Сунув нос в узкое отверстие, я состроила гримасу. Что за запах? Не то чтобы дурной, но совершенно незнакомый, даже сравнить не с чем. Поколебавшись, я еще сильнее накренила сосуд и высыпала совсем немножко, не больше объема столовой ложки, на безупречно чистый стол.

Нет, это не лунная почва.

Но что бы это ни было, оно такое же фиолетовое, как вмещавшая его ваза, и так же дивно отражает верхний свет. Большею частью это тончайшая пыль вроде талька, но в ней виднеются поблескивающие кристаллы. «Неужели древний стиральный порошок?» - такой была моя первая и самая безнадежная догадка. Но зачем он нужен в доме, где вся чистка осуществляется ультразвуком?

Я потыкала в крошечную горку указательным пальцем, а затем без конкретной причины, просто в беспомощных гаданиях, на что же это я смотрю, пропахала бороздку. Палец мой превратил холмик в две гряды примерно одинаковой протяженности. Помню, я тогда подумала: ерундой же занимаюсь.

Но тут вдруг обе гряды сместились, будто по собственной воле. Сделанный мною промежуток затянулся порошком, и вот уже нет равнины, а есть седловина.

Что за чертовщина?! Холмику о двух вершинах понадобилось лишь мгновение, чтобы еще более сузиться, образовать неправильный конус, неотличимый от того, что создала я, когда высыпала порошок.

Да-да, я имею в виду именно тот самый конус, один в один! Голову бы дала на отсечение, что ни одна порошинка не осталась лежать особняком.

Опять разрезав кучку надвое, я половину отодвинула, насколько позволяла столешница, влево, а вторую - максимально вправо. Обе вытянула и изогнула буквой S. Теперь подождем и посмотрим, как они себя поведут.

Две порошковые змейки так змейками и остались, но поползли друг к другу, извиваясь доподлинными гадами, и свились в причудливых объятиях точно посередине того расстояния, на которое я их разнесла. Сразу же расплзлась их форма, смешалось содержание, и снова передо мной тупой конус. Похоже, именно в таком состоянии загадочное вещество чувствовало себя наиболее комфортно.

Игрушка? Вроде пластилина, только с кнопкой перезагрузки?

Я подсыпала порошка, увеличив кучку вдвое, и снова ее

располовинила, на сей раз создав барьер, а проще говоря, оставив между частями руку. Теперь эта чертовщина проявила сообразительность - половинки двинулись друг к другу, обнаружили, что их счастливому воссоединению мешает моя конечность, и спустя миг, который я могла расценить исключительно как период раздумий, дружно устремились вдоль руки к тому месту, где я предусмотрительно оставила сантиметр между кончиком пальца и стенкой. Там части встретились и срослись. Как же это напоминало двух давно заплутавших восходителей, пробирающихся по разным склонам горы к вершине, где их ждет восторженная встреча!

За моей спиной Малькольм Белл подтвердил:

- Да, оно живое.

Я повернулась как ошпаренная и увидела его - на той же кровати, где он сидел перед исчезновением. В точности тот самый человек, что и несколькими минутами раньше, вот только сохранившиеся пряди волос выглядят так, словно побывали на ветру, да и в морщинах на лице поблескивает испарина. Белл улыбался от уха до уха, мое смятение его явно забавляло.

- И смышленное, - добавил он.

У меня перед глазами поплыла комната.

Я воззрилась на порошок, который теперь кружил у основания вазы, как будто искал дверку в родной дом, и ухитрилась выговорить слабеньким голосом:

- Что вы сказали?

Он ухмыльнулся.

- Вы достаточно умны, чтобы это переварить. Надо только из головы мусор кое-какой выкинуть, место освободить.

Я снова посмотрела на стол. Порошок теперь двигался вверх по крутому боку вазы, лип к ее скользкой поверхности, будто и ведать не ведал ни о гравитации, ни хотя бы о здравом смысле. У меня не то что обмякли - в кисель превратились колени. Я попятилась и опустилась на гостевой стул, переполненная чем-то очень похожим на благоговейный страх.

- Так оно неземного происхождения?

- Ну да.

- Это что же получается?.. Вы установили первый контакт?

На его лице появилась грусть.

- Нет, первый контакт установлен другими и гораздо раньше. А это вещество получено при четвертом или пятом контакте. Меньше двадцати лет назад.

- Что-что-что-что? ЧТО?!

- Послушайте, я стар, у меня не осталось времени на всякие церемонии. Вы сюда пришли ради правды, вот и получайте правду, как я ее понимаю. Извольте включить мозги и усваивать с лету. А прежде

всего вам необходимо понять, что все, кто работал на Луне, когда произошла перестрелка, были уже вовлечены в исторический первый контакт, никак не связанный с другим выдающимся феноменом, который представлял собой Дестри. Да-да, тут ничего общего, мы выясняли. Проехались до участка, где поселились наши пришельцы, Минни с Эрлом, самые славные ребята на свете, - и спросили у них, как это все следует понимать. А они только руками разводят, мол, самим в диковинку.

- Того, что вы мне рассказываете, в учебниках истории нет.

Он хмыкнул.

- В том-то и проблема. Учебники истории пишут люди, и они до того привыкли заботиться о точности излагаемого, что решили придать своей деятельности вес точной науки. В то время как правда никакого отношения к этому не имеет.

Я обхватила губами трубочку. Если вода и остыла, то совсем чуть-чуть. Да оно и к лучшему: едкое тепло помогло мне зацепиться за «здесь» и «сейчас». Пожалуй, менее противное пойло такой услуги не оказало бы.

Прежде чем проглотить, я несколько секунд держала влагу во рту, потом посмотрела в лицо сидящему на кровати старику. Ко мне вернулось спокойствие, по крайней мере его бледная тень.

- Не лучше ли будет, если вы просто подведете итог?

- Итог? Две лунные крысы затеяли стрельбу друг в друга, и это самое маловажное из тогдашних событий. Под чем я должен подвести итог? Мы - я имею в виду ветеранов лунной стройки, отшельников Темной стороны - участники проекта, который оказал беспрецедентное влияние на судьбу человечества. Все же прочее не более чем примечания к этому факту.

Он лег на кровати, сцепив кисти и в них, как в колыбельку, уместив затылок.

- Если хотите, можем на этом и остановиться. Пособлю вам вернуться в цивилизацию, и сделаем вид, что ничего не произошло. Или расскажу до конца, но тогда вам придется сказать «прощай» надежде закончить свои дни в окружении толстых внучат, потому что при таком раскладе вы когда-нибудь возьмете с меня пример, то есть спрячетесь в глуши. Или - или, выбирать вам. А я снаружи побуду, подожду.

Прежде чем я успела спросить, что значит «снаружи», Белл снова исчез.

И в этот раз я смотрела прямо на него. Нет, это не было проделкой иллюзиониста. Он разом утратил свои измерения. Сначала сделался плоским, как фотография на доске розыска, потом еще раз сложился, превратившись в прямую черту, затем обернулся светящейся точкой. Вот и она сгнула, оставив на моей сетчатке яркий фиолетовый послеобраз.

Я должна еще кое в чем признаться. За всю жизнь я только раз падала в обморок. Один-единственный раз. Удовольствие, прямо скажем, ниже среднего, и вам его испытать не пожелаю. Такое может случиться, когда ваш разум, или тело, или эмоции достигнут точки абсолютного насыщения, и кратковременная отключка пойдет только на пользу здоровью.

Не сомневаюсь, вы предположили, что я имею в виду именно тот момент, о котором речь. Вообще-то нет, но тогда я была крайне близка к обмороку. Ко всем чертям провалилось мое душевное равновесие, мир сделался серым по краям, закатились глаза... Нет, только не это!

Вот так просто. Я взяла и отказалась терять сознание, схватилась за край стола, сжала изо всех сил, чтобы почувствовать его твердость. Совладала с дыханием. Секунд десять потратила на раздумья, как теперь действовать. И сделала то единственное, что показалось имеющим смысл: вернулась на стул и стала ждать.

* * *

Уайатту Эрпу несказанно повезло выйти живым из всех переделок, благодаря этому обстоятельству он предстал в глазах потомков выдающимся искусником стрельбы от бедра. В многочисленных инсценировках своих приключений он совершает баллистические чудеса, например, галантно позволяет недругу первым кинуть руку к кобуре и лишь тогда хватается за собственный револьвер, успевая прицелиться и выстрелить на миг раньше. Часто он выказывает милосердие, то есть ранит, а не убивает. В отдельных случаях Эрп, чтобы не проливать крови, выбивает ружье из рук супостата.

Подобную картинку вы обнаружите в словаре, если откроете его на слове «чепуха».

Во-первых, короткоствольному оружию той эпохи подобная точность боя и не снилась. Находились мастера быстро выхватывать револьвер из кобуры и метко стрелять, но будучи, так сказать, специалистами узкого профиля, они нечасто рисковали подставлять свою шкуру под хорошо пристрелянную винтовку. И уж никто, даже Эрп, не осмелился бы пальнуть из своего дурацкого недомерка, чтобы выбить ружье из вражеских рук, даже будь такой фокус возможен в принципе. В те времена человечество только мечтало об эффективной хирургии, и схлопотать пулю в живот означало провести свои последние считанные дни на мокрой от пота подстилке, побывать в аду до клинической смерти, до того как можно будет выяснить, что причитается на самом деле - геенна огненная или райские кущи. Тогда действовало то же суровое правило, что и сейчас: если перед вами вооруженный противник и сами вы можете нажать на спуск - валите гада не

заморачиваясь!

Кто-то, быть может, и обладал воспетой в вестернах меткостью, но это искусство становилось бесполезным, если перестрелка затягивалась. При выстреле возникало облако порохового дыма - вам и не представить, какое оно было большое и непрозрачное. Любая серьезная пальба сопровождалась дымовой завесой, она поедом ела глаза и скрывала позицию противника. Разборки голливудских ковбоев этого недостатка лишены, и мы прекрасно видим, кто попадает в цель, а кто промахивается, кто ранен, а кто убит. Люди же, которые дрались не на жизнь, а на смерть в пыльных городах, закладывая тем самым краеугольные камни для будущих пирамид лжи, действовали в гораздо менее комфортных условиях. И мифический «стрелок», на экране пробивающий пикового туза с пятидесяти шагов, в реальности едва ли смог бы разглядеть карту.

Ну и наконец, перестрелка, сделавшая легендарным Уайатта Эрпа - самое нетипичное событие в его жизни. Далекое не каждый день он был вынужден хвататься за револьвер. Даже имея дело с вооруженными нарушителями спокойствия, знаменитый шериф предпочитал свой коронный прием: подкрасться сзади и оглушить дубинкой. Да, коварно, да, жестоко - но зато меньше покойников на улицах Тумстоуна, а главное, меньше вероятность самому стать одним из них. В некоторых постановках создатели признают: Уайатт Эрп не был идеальным героем, и его поступки не совсем то, на чем желательно строить легенды.

Подобным же образом и из Малькольма Белла, проявившего смекалку в «первой лунной перестрелке», молва сделала не знающую промаха машину-убийцу, которая одержала верх над самым опасным душегубом Солнечной системы.

Сожалею, но это тоже не является истиной.

Кен Дестри был, мягко говоря, нездоров. Он получил сильное отравление и, как следствие, тяжелое неврологическое расстройство. С точки зрения медицины он являлся умалишенным, его рефлексы, как и способность к абстрактному мышлению, ослабли до абсолютного минимума, при котором человек остается опасным и подвижным. Представьте себе бешеную собаку: она опасна, но при этом движется раскоординированно, ничего не соображает и испытывает страшную боль. Вот так и Дестри, возможно, не понимал, кто он и где находится, и не догадывался даже, что подвергает риску свою жизнь. И он, конечно же, не осознавал того наиважнейшего, благодаря чему в более совершенном мире и сам бы прославился наравне с величайшими первооткрывателями. Хотите знать правду? В тот день никакого Кена Дестри уже не существовало.

* * *

Во второй раз менее чем за пять минут покидая кабину баржи, Малькольм Белл намерен приземлиться с выходом на четкий кувырок, чтобы в следующий миг оказаться на ногах, в удобной для стрельбы позиции.

Но получается совсем не так, как задумано.

Беллу, если на то пошло, еще не приходилось совершать подобные акробатические номера, да к тому же на Луне, да еще и облаченным в скафандр.

Поэтому вместо ловкого нырка-кувырка выходит крепкий удар плашмя о грунт. Вскидываются руки-ноги, потом и туловище взлетает на две-три секунды, которые для перегруженного рассудка выглядят полноценными минутами. Чудо, что не разбита лицевая пластина шлема, не порван скафандр, не пострадали жизненно важные органы внутри этого тонкого кокона; иначе кровожадный Дестри остался бы без противника.

Белл кричит, крайне неуклюже пытается затормозить и бьется о реголит еще крепче, чем в первый раз.

Происходи это на Земле, скольжение дало бы ему тактическую выгоду - он бы поднял тучу пыли, закрылся ею от противника, хоть и указал бы ему примерное направление на цель. Но это - Луна. Тут нет воздуха, способного замедлить осаждение пыли. И враг, сам оставаясь скрытым, отлично видит падение Белла - ну точно в голливудском фильме.

Скольжение уже почти закончено, когда меньше чем в метре от головы Белла камень величиной с кулак разлетается вдребезги.

Заметить стрелка при этом не удастся. В такой ситуации самое разумное - откатиться, но на спине здоровенный горб со снаряжением, он зарывается в грунт подобно якорю, и Белл, беспомощно лежа на боку, теряет драгоценные секунды. Он видит еще два удара метательных снарядов, один приходится туда, где только что была его грудь, второй вздымает пыль меж раскинутых ног. Беллу абсолютно ясно: он влип. Он покойник. Следующий выстрел придется в живот, или в лицевую пластину, или в ранец. Эх, ранец, как же ты подвел: предназначенный для жизнеобеспечения, получается, ты обеспечил смерть.

И даже ответная стрельба бесполезна. Неизвестно, где прячется Кен Дестри. Нет времени обнаружить его и взять на мушку. Да и снайпер из Белла никакой. Но все же один шанс на миллион - это лучше, чем вообще ничего.

Поэтому он вертит головой, озирает ландшафт, ищет силуэт.

И вот чудо из чудес: метрах в двадцати обнаружен идущий к нему Кен Дестри. И это не походка здорового человека. Маньяк подволакивает

ногу и замирает перед каждым шагом, как будто его должны взвесить и одобрить голоса, борющиеся за власть в помраченном рассудке. Даже если бы вдруг Дестри одеревенел, а затем рухнул ничком, Белл не удивился бы - он и сам в этот миг испытывает что-то вроде безумия, которое перед лицом смерти заглушает любые страхи.

Балансируя на краю этого безумия, подозревая, что в падении повредил себе череп, Белл что-то бормочет. Это абсолютно бессвязная речь, случайный набор звуков и ничего более. Меньше чем через сутки он прослушает эту околесицу в записи и поразится тому, до чего же близок был к потере рассудка. А может, все-таки ступил за грань безумия. Возможно, это его и спасло, управляя за него решениями, и безумию он обязан шансом провести остаток жизни в роли кумира.

Но вот Дестри останавливается и поднимает самодельный рейлган.

А из рук Малькольма Белла - несказанное везение - не выпало его оружие. Он потом так и не сможет вспомнить, как нажимал на спуск.

* * *

Белл вернулся, дав мне поразмышлять в одиночестве минут сорок. Я в этот момент смотрела прямо на него, а потому отследила-таки эволюцию от точки света до двухмерного картонного силуэта мужчины. На все про все понадобилась какая-то доля секунды, и я не уверена в том, что процесс имел место в действительности - а ну как он состряпан моим мозгом из мимолетных впечатлений? Но даже ожидая подобной метаморфозы, я была близка к обмороку. Однако, парализованная страхом, все-таки держалась за сознание. Если Белл испытывает меня, я не подкачаю...

И вдруг он ухмыльнулся, на щеках пролегли глубокие складки старости.

- Вот так я вел себя в ту последнюю секунду, перед тем как мы с Дестри прицелились друг в друга. Случалось мне в те давние времена и другие потрясения переживать, это было не первым, но худшим. Я тогда стал другим человеком. Как насчет выпить?

- Воды? - спросила я.

- Какой еще воды! Будет вам ломаться, не девственность теряете.

Я кивнула. Он повозился возле шкафчика и вручил мне пластмассовый цилиндр. Что это в нем? С виду апельсиновая шипучка, а на самом деле? Я рассудила так: мне выпали очень интересные приключения, но прежде чем приступить к следующему, надо дождаться, когда обстановка перестанет вращаться перед глазами.

- Это сброженный друхз, - пояснил Белл, - цветущий организм с планеты, что примерно в пятистах двадцати световых годах отсюда.

Не я тот умник, который додумался гнать из него алкоголь, но должен признаться, что приложил руку к постройке первого на этом мире перегонного куба. Боюсь, не могу подарить вам баночку на прощание, лунное правительство на это смотрит очень неласково, даже приняло закон - контрабандный вывоз друкса с Темной стороны карается пожизненным заключением.

- Он такой опасный? - хрипло спросила я.

- Нет, дело в самом секрете. Найдется талантливый биохимик, проанализирует состав и заподозрит, что он прибыл из-за пределов Солнечной системы. В этих стенах можешь пить сколько угодно, но все же советую не перебирать. По мозгам дает еще как.

Это я уже и сама заметила - голова словно превратилась в тугий воздушный шарик.

- Белл, я вас раскусила. Вы из тех ловеласов, кто старается подпоить девушку.

В ответ он фыркнул, правда, без раздражения.

- Вообще-то в этом никогда не было нужды. - Он забрал цилиндр и вернул в шкаф, потом сел на край постели и окинул меня самым что ни на есть оценивающим взглядом. - Итак, Джесси Джеймс, что скажете? Хотите, чтобы я распорядился насчет вашего возвращения, или желаете услышать остальное?

Я это восприняла как пустую формальность. Любой прочел бы решение у меня на лице.

- Слушаю вас.

- Хорошо. Вот он, итог: люди, работавшие вместе со мной в тот великий день, совершили важнейшее открытие. События, что у всех на слуху - далеко не всегда те самые события, которые круто разворачивали историю. Великая китайская стена не стала надежной защитой от чужеземцев, «Пони-Экспресс» не принес своим хозяевам ничего, кроме убытков, а перестрелка между мною и Кеном Дестри - глупая и грязная человеческая трагедия. Она бы никак не повлияла на чьи-либо судьбы, кроме моей собственной, если бы не одно обстоятельство, сохраненное нами в тайне. И в эту тайну можно посвящать только особых людей, задающих особые вопросы.

Кстати сказать, той перестрелки я совершенно не помню. Не помню в каком бы то ни было реальном смысле. И не потому, что случай этот сильно травмировал мою психику, и не по причине преклонных лет, когда уже не вспомнить, что ел поутру на завтрак. Дело в том, что никто не помнит ничего. Никто из нас. С точки зрения деятельности человеческого разума, я не совсем та сущность, которая пережила обсуждаемое нами событие. Моя нынешняя сущность развилась из прежней. Сейчас у меня не такой ум, как в тот день или в любой последующий, я не столько помню пережитое, сколько реконструирую те неврологические связи, с помощью которых событие было

воссоздано в последний раз. То есть на самом деле я располагаю лишь программой имитации воспоминаний, воссозданных в тот последний раз, когда мне случилось о них подумать. Вам это понятно?

На самом деле нить повествования я потеряла в рекордно короткое время - возможно, по вине алкоголя.

- Не уверена.

Зря я боялась, что он обидится или рассердится.

- Вы знаете, каково это - сидеть и слушать мои разглагольствования. Вы четко воспринимаете данную ситуацию, потому что она происходит здесь и сейчас. Но все, что отложено в долговременной памяти, не более чем приблизительное соответствие. В этом архиве хранится не коллекция четких кадров, а инструкции для воссоздания обветшавших приблизительных соответствий тем впечатлениям. Вот пример: мой мозг знает, что если связать определенное число нейронов, ко мне вернется вкус маминого вишневого пирога. Если же я не задам себе прямой вопрос о пироге, то буду ностальгически улыбаться и размышлять о том, что в былые времена умели печь настоящий хлеб... Но то, что я на самом деле вспоминаю, думая о мамином пироге, - это копия копии копии копии... Воспоминание может иметь очень мало общего с тем, что происходило в действительности. Или вообще ничего не иметь, ведь за прошедшее время на запечатленный вкус пирога разрушительно повлияли разные факторы, в частности мое желание быть снисходительным к памяти старой женщины, а также воспоминания о других отведаанных мною вишневых пирогах. Понимаете, о чем я?

Я не могла взять в толк, какое отношение к делу имеет все это.

- Кажется, вы пытаетесь по очень длинной и извилистой дорожке подвести меня к мысли, что за прошедшее время ваши воспоминания изменились.

- Все-таки вы не поняли. Прошлое для нас не что иное, как кот в ящике Шрёдингера. И этого кота мы меняем тысячью различных способов, когда совершаем неуклюжие попытки его увидеть. И если двое, стоя на равнозначных позициях, спорят о точной последовательности запомнившихся им событий, на каком-то уровне каждый из них может быть совершенно прав - в своей голове. Поскольку именно происходящее в головах до некоторой степени определяет реальность, которую они помнят. То есть точный вкус маминого вишневого пирога больше не существует. Он вообще существовал лишь единовременно, когда я ел пирог. Нынешнее же мое воспоминание о нем, копия копии копии копии, - единственный способ сегодня измерить тогдашнее. Поэтому воспоминание влияет на реальность, изменяет ее. Это оно устанавливает, каким вкусу быть прежде.

Я покачала головой.

- Прошу прощения, сэръ, но я пока не услышала ничего, кроме семантической... чепухи. Должно же во всем этом быть место для объективной истины.

- И оно есть, - заявил Белл. - Мы не можем дружно уверовать в Санта-Клауса и тем самым вызвать к существованию сего пожилого бородатого джентльмена по той лишь причине, что нуждаемся в его компании. Наше влияние на повседневную жизнь не столь велико, да и сложившееся общее мнение оказывает сглаживающий эффект, никому не позволяя причинить слишком большой вред. Но в тот день я совершил открытие... вернее, его совершил Кен Дестри, если уж вы ждете от меня полной правды. Оказывается, прошлая и даже нынешняя объективная реальность отзывчива на наше восприятие. Да еще как отзывчива! Будучи должным образом мотивированы, мы способны создать любое количество локальных изменений при условии, что обойдем очень серьезное препятствие - сложившееся общее мнение. Успеваете за мной?

Какое там! В моих ушах все это звучало сушей тарабарщиной. Я пыталась сказать нечто утвердительное, но не послушался язык. Оставалось лишь пожать плечами.

Белл вздохнул, но без малейшего раздражения или досады. На лице читалось лишь сочувствие к той, которая должна пройти дорогой, открытой им много лет назад.

- Ну так вот: возможно, Кен Дестри - первый человек на Луне, который полностью лишился рассудка. Пусть по причинам, от него не зависящим, но лишился. И случилось это не тогда, когда он жил в бараке вместе с двумя сотнями квалифицированных строителей, чье «здравомыслие» влияло на его рассудок. Он спятил, пребывая в замкнутой системе, оказавшись в скафандре, ничего не деля с человеческим обществом, даже воздуха. Если коротко, Дестри был сам себе кот Шрёдингера и никак не соприкасался с реальностью.

Белл снова тяжело вздохнул.

- И это, юная леди, возвращает нас к самому важному вопросу, связанному с его помешательством. К вопросу, не дававшему покоя всем нам в свое время, но полностью проигнорированному теми, кто впоследствии писал учебники истории. Вопрос этот столь очевиден, что вы сейчас изумитесь: как же я сама до этого не додумалась? Видите ли, Дестри спятил почти за три недели до того, как мы с ним повстречались. В течение этих недель каждому было известно, что он неуправляем. Что он опасен. Каждый понимал: его необходимо поймать и подвергнуть лечению, в крайнем случае убить, пока он дров не наломал. И никто из тех, кто тогда работал здесь на шесть правительств и четыре крупнейшие корпорации, не был готов пригласить его к себе, предоставить на ночь теплую постель, починить скафандр, снабдить всем необходимым для жизни и поутру отпустить

на все четыре стороны таким же неизлечимым и буйным. Это было бы совершенно безответственным поступком, вплоть до социопатии.

А вот теперь сложите все, что вам уже известно, и задайте очевидный вопрос.

- Как ему удалось так долго продержаться?

- Ну да: где он, черт побери, воздух брал все это время?

* * *

Проходит семь минут после того, как Малькольм Белл выстрелил Кену Дестри в голову. За это время он успевает взглянуть на труп с нескольких сторон. Плача, опускается рядом на колени. Встает и ходит по кругу, словно в надежде, что при очередном обходе скорченный у его ног мертвец воскреснет. Не желая верить собственным глазам, пятится, поворачивается спиной к убитому, даже топчется на месте, сложив на груди руки, как будто изображает человека на остановке в ожидании автобуса номер девять. Ему даже представляется, что Дестри все-таки не умер. Вот сейчас он восстанет чудовищным зомби и нападет со спины...

«Не дури!» - гневно приказывает себе Белл. Но в такой безумный день любая чертовщина кажется возможной, поэтому он оборачивается, ожидая увидеть Дестри либо лежащим, либо атакующим. Судьба, однако, к нему добра - по крайней мере настолько, что избавляет от подобного кошмара. Он не реагирует на панические голоса из шлемофона, требующие доложить обстановку и уверяющие, что подмога уже совсем рядом. После он ответит, что пребывал в шоке и попросту не воспринимал этих воплей. Неправда, он просто не хочет ни с кем разговаривать - так как едва ли способен сейчас выдавать нечто осмысленное, относящееся к делу или хотя бы членораздельное.

Ему бы дождаться обещанной подмоги, сбить с рук покойника, вернуться в барак и месяца на полтора провалиться в сон.

Он не видит, как на ближайшей гряде останавливается багги, как с него спрыгивают двое в скафандрах и подбираются сзади. Вполне обоснованная осторожность, ведь эти люди нервничают, не зная, кто перед ними - тот, кого надо спасать, или тот, от кого надо спасать. На любое резкое движение они готовы ответить стрельбой. Не знает и Белл, сотрясаемый дрожью, заметной даже в скафандре. Наконец спасатели приближаются достаточно, чтобы опознать его по символам на скафандре. С этого расстояния им виден и убитый.

Дестри гол, как только способен быть гол человек. Можно было бы сказать «абсолютно гол», если бы он находился в атмосфере. Но вокруг - вакуум, который должен был его прикончить гораздо раньше,

чем точный выстрел Малькольма Белла.

И не страх неминуемой смерти, а облик Дестри, совершенно незащитного перед вакуумом и все же ковыляющего по камням, точно заправский пьяница, с бородой и всклокоченной шевелюрой точь-в-точь как у земного отшельника, против воли покинувшего свою пещеру, - вот что потрясло рассудок Белла за миг до того, как двое выстрелили друг в друга.

Удивительно, что в таких обстоятельствах Белл вообще смог нажать на спуск. Может, просто судорожно дернулся палец?

Злосчастного Дестри обязательно подвергнут вскрытию и найдут, что он не получил никакого физического ущерба сверх отравления ядом, содержащимся в резервуаре скафандра, который он давно сбросил, а также смертельного ранения, причиненного Беллом. Никаких следов хотя бы секундного воздействия вакуума; даже не лопнул ни один кровеносный сосуд. Не выявлены и признаки голодания. Так и не смогут точно опознать содержимое желудка - каким-то необычным способом приготовленное мясо и загадочные приправы. И откуда взялась грязь под ногтями? То же самое с присохшей к коже морской солью. И с неизвестной разновидностью клеща, приютившегося в спутанных волосах. У насекомых, если можно их так назвать, ДНК окажется неземным.

Но вся эта суматоха начнется через несколько дней, когда посвященные в ситуацию люди осознают масштабы свалившейся на них тайны.

Первой к Беллу приближается Конни Олдрин Неродственница, причем за годы ее деятельности на Луне кличка приросла к фамилии почти намертво⁸. Конни прикасается шлемом к шлему, и Белл слышит приглушенный голос без помощи радио.

Это из ее уст впервые прозвучал наиважнейший вопрос: «Как же он сумел?».

* * *

Когда Белл закончил, я попросила новую порцию дружба.

Краешек моего сознания уже понял, что Белл предостерегал неспроста. Услышанное изменило мою судьбу. Куда ни подайся отсюда, какую карьеру ни сделай, с кем ни заведи дружбу, конец известен: я окажусь в такой вот тесной клетушке одна-одинешенька, если не считать тайны, прижатой к груди, как родное дитя. Может, это случится со мной не через десять лет и даже не через двадцать, ведь

⁸ * *Базз Олдрин - американский астронавт, второй человек, ступивший на поверхность Луны. (Прим. перев.)*

и Белл заперся не сразу. Но рано или поздно я обязательно подамся в отшельники, и хотя сейчас перспектива страшит, есть и толика странноватого любопытства: а вдруг это не так уж и плохо?

- Вы говорили об инопланетянах, с которыми был установлен контакт. Как бишь их - Минни и Эрл?

Он пожал плечами.

- Мы до сих пор не знаем точно, кем были Минни с Эрлом. Возможно, «инопланетяне» - всего лишь наиболее подходящий для них ярлык. Конечно же, в первую очередь мы обратились с вопросами к ним, поскольку они обладали способностями вроде тех, что продемонстрировал Дестри. Но в их причастность никто не верил. Ведь они не проявляли никакой враждебности к нам, совсем даже напротив. И мы платили взаимностью, даже были безмерно рады их присутствию. С чего бы вдруг им наделять своими талантами какого-то сумасшедшего?

- Но вы же не знали, с какими целями они прибыли, - заметила я.

- Да, вы правы. Зато мы знали их самих. Это очень хорошие соседи. И потом, оказать Дестри кое-какую техническую помощь для выживания - это одно, а вдохновить его на разгуливание по Луне в чем мать родила - совсем другое. - Глаза Белла зажглись самым настоящим чувством. - Нет, как ни крути, они были правильными ребятами... А вообще-то Минни и Эрла я только для того упомянул, чтобы вы поняли: к тому времени мы успели мало-мальски привыкнуть к головоломкам. Услышав от пришельцев, что они тут ни при чем и даже не догадываются, по каким таким причинам Дестри пошел на преступление, мы дружно перевели дух и взялись за иные версии.

Первым делом мы рассмотрели вероятность того, что мозг или тело Дестри подверглись спонтанной благотворной мутации, например, из-за отравления. Но и этот путь завел в тупик. Никто из коллег, получивших меньшие дозы яда и сумевших выздороветь, не демонстрировал подобных аномалий, а многочисленные специалисты, изучавшие труп, писали в отчетах, что организм Дестри существенных изменений не претерпел, по крайней мере все клетки остались прежними.

А сейчас я подведу итог. Когда наши мудрецы исключили все рациональные гипотезы, в их числе та, которая вашего покорного слугу обвиняла в величайшем мошенничестве за всю историю освоения космоса, осталась только одна версия, иррациональная. Дестри был сумасшедшим и не понимал, что выживание в вакууме является проблемой. Именно это обстоятельство и позволяло ему обходиться без скафандра. То есть он считал, что способен дышать, и это ему давало возможность дышать.

Прошло немало времени с тех пор, как я моргнула в последний раз. Компенсации ради я моргнула еще трижды и сказала:

- Все-таки не верится. Он же не первый в истории человечества псих, которому угрожала смерть от удушья. Да и будь он первым... Когда такое вдруг случается, псих не успевает уверовать в свое бессмертие. Уберите из воздушной смеси весь кислород, и я потеряю сознание, веря, что мне отлично дышится, а потом умру.

- Верно, - кивнул Белл, демонстрируя полное одобрение моей способности замечать явные нестыковки. - Стало быть, за этим кроется что-то еще, какой-то особый способ верить в невероятное. И этот способ Дестри случайно нашел.

Вот как мне это объяснил один из первых исследователей проблемы. Вообразите наипрочнейшую дверь шириной в тридцать километров. Все, о чем только вы мечтали, сложено в большую кучу по ту сторону. В двери есть замочная скважина, а у вас есть ключ. Но подойти к замку можно только вслепую, со стороны, которая полностью исключает возможность найти его, продвигаясь по прямой. Согласитесь, маловато шансов. Тем более что замочная скважина просверлена под совершенно невообразимым углом и примет ключ лишь в том случае, если он четко под этим наклоном пойдет. И это не тот угол, который сразу явится на ум; наоборот, вы его нипочем не угадаете, если вооружитесь опытом и рациональным мышлением. Нет, надо все отвергнуть: знания, интуицию - и двигаться только наугад. Попадание почти невозможно, ведь практически все, что вы делаете, основано на личном опыте. Но если вдруг случится чудо и вы наткнетесь на замочную скважину, можно будет пометить дорожку к ней, а потом снова отыскать, когда пожелаете.

И вот появляется Дестри. У него мозги превратились в кашу. Все барьеры между реальным и субъективным разрушены. Полностью исчезла «внутренняя цензура». Он наобум придумывает всякую чепуху, тычется, как слепой котенок, и внезапно, побеждая вероятность, находит замок и проворачивает ключ, даже не подозревая о том, какое великое открытие совершает.

Нельзя исключать, что он не был первым. Сохранилась уйма разных историй о юродивых и визионерах, чьи деяния проще всего назвать чудесами. Многие из этого выдумка... возможно, даже большая часть. Мы ведь говорим о необычном, а ложь - явление самое что ни на есть заурядное... И тем не менее почему бы не задать вопрос: может, на Земле когда-то нашлась пара чокнутых, проделавших то, что удалось на Луне Дестри с его протравленными мозгами? Разве не мог среди тех, кто себя мнит пророком или божеством, затесаться обыкновенный шизофреник, способный чисто случайно добыть разгадку? Найти ключ к двери, отыскать способ мышления, который позволяет разуму попирает время и расстояние, нарушать общепринятые законы физики, жизни и смерти?

- Хотите сказать, что и нам это под силу?

- В день перестрелки у нас появился факт: Дестри это удалось.

- Коли так, есть только один способ заполучить этот дар для человечества. Нужно выделить деньги на программу «Внутреннее пространство» - по-другому, пожалуй, не назовешь - и набрать волонтеров, готовых отказаться от объективности ради субъективного. «Внутринавты» уединятся там, где ничто не будет их отвлекать, вдали от людей, стремящихся объяснить им, какие они кретины. И никакой гарантии на успех - только знание, что один психопат уже отыскал замочную скважину.

- На самом деле требуется лишь самая малость, - сказал Белл. - Постоянно снабжать тех, кто захочет до конца своих дней быть котом Шрёдингера, всем необходимым... А теперь скажите, кто еще годится на такую работу, кроме людей, которым уже случалось надолго запирается в жестянке ради изучения Вселенной? И даже из таких согласятся только старики, ведь для них это единственная возможность и дальше вести научный поиск.

Да будет вам известно: понадобилось двадцать лет непрерывной концентрации, чтобы один из нас наконец разгадал секрет Дестри. Прошло еще пять лет - и он смог наконец объяснить другим свое открытие. Еще за пять лет накопилась приличная группа людей, достигших этого уровня. Еще пять - и теперь некоторые из нас запросто скачут туда и обратно. Правда, никто до сих пор не научился постоянно обходиться без воздуха, поэтому я не рискую без скафандра покидать шлюз. Я вообще редко пользуюсь шлюзом, но это не значит, что сию сиднем взаперти... Ведь есть и другие проходы - например, через пространство и время. И мы еще не придумали, как без ущерба для человечества передать ему наши знания.

Наступила тишина, правда, не мертвая. Гудели машины жизнеобеспечения, предназначенные для простых смертных вроде меня, никак не приспособленной к невозможному.

Он встал и произнес:

- Джесси Джеймс, в этом доме вы всегда желанная гостья. Вы мне нравитесь. И уж коли я не способен совсем обойтись без этого старого жилища, его могут сделать уютнее регулярные визиты такой умной и очаровательной женщины. Вы очень молоды, вам еще рано запирается ради поисков дорожки, которая уже найдена мной и другими. Поэтому вряд ли я соглашусь давать вам уроки. Придет время, и вы, если будет на то желание, пойдете к цели своим собственным путем. Но я вижу в вас потенциал и думаю, что одну бесплатную экскурсию вы заслужили. Хочу вас кое с кем познакомить.

И он протянул руку. Поколебавшись миг-другой, я ее приняла.

Через много лет - даже не могу назвать точную цифру - лунное правительство объявило о смерти Малькольма Белла. Якобы его кремировали, следуя им же оставленным инструкциям, и развеяли пепел по Солнечной системе, и он попал в атмосферу, на почву каждой планеты, где успело обосноваться человечество. А последнюю порцию поместили на борт безымянного зонда, мы все еще стреляем такими в темноту, и жест этот позволил прессе высокопарно заявить, что Белл теперь принадлежит звездам.

Как утверждалось в большинстве некрологов, последние годы он тихо и мирно прожил в своем доме на Темной стороне, думая одному только ему известные думы. Он порвал связи с человечеством, и лишь изредка его посещали врач и Джесси Джеймс, женщина теперь уже средних лет - по версии прессы, его личный помощник. Белл оставил значительные средства на содержание своего жилища, и оно будет обслуживаться до тех пор, пока Джесси Джеймс не переселится в него однажды, достигнув весьма и весьма преклонного возраста.

Если Белл в самом деле умер и кремирован, посетители, время от времени возникающие на моем пороге, не задавали бы вопросов, где он находится и каким образом там оказался. Не спрашивали бы каждый раз, вижусь ли я с ним, шлет ли он или его друзья какую-нибудь полезную информацию. Ну, если на то пошло, я минимум четыре раза видела Малькольма Белла после его так называемых похорон и надеюсь увидеть еще, хотя, подобно ему, я высоко ценю путь, найденный злополучным Кеном Дестри, и ни слова не скажу о нем тому, кто считает себя способным постичь истину с помощью одних лишь вопросов.

Когда разнеслась новость о кончине Белла, я занималась рутинной ревизией в одном лунном парке. Сразу же заявила, что на сегодня работу прекращаю, отложила бухгалтерские книги и побрела мимо смеющихся детей, шумных аттракционов и ларьков с обычным ассортиментом продуктов, предназначенных для порчи зубов и увеличения обхвата талии. Не знаю даже, что я тогда чувствовала. Конечно же, не печаль. Новость не застигла меня врасплох. Не было и чувства невосполнимой утраты. Я успела выйти замуж, обзавестись дочерью и друзьями, сделать карьеру и внушала себе, что никогда не пойду дорогой Малькольма Белла. Но почему же тогда я все время думала об этом?

Думала и в ту минуту, когда спохватилась и обнаружила, что сижу на скамье напротив обиталища пары клонированных белых медведей. Свой корм они ели не даром, карабкались день-деньской на высочайшую точку своих владений и оттуда падали в пруд, привлекая уйму зевак. Шлепок брюхом о воду напоминал гром, а вздымающиеся брызги - взрыв. Среди посетителей парка не одна я такая нашлась -

другие тоже подыскивали удобные для любования медвежьим шоу местечки. Приятно, что ни говори, сидеть и смотреть, как звери, святая простота, радуются жизни.

Через некоторое время я пригляделась к логову. Двое взрослых медведей не испытывали неудобств, однако их территория была почти вдвое меньше, чем выглядела. Благодаря ухищрениям строителей со светом и перспективой воображению рисовались арктические просторы, где когда-то вольно гуляли предки этих зверей. На самом деле сходство с земным Заполярьем было лишь условное, да и наших медведей сегодняшняя Арктика убила бы так же быстро, как и лунный вакуум, окажись они вне купола.

Фреска на изогнутой полумесяцем задней стене медвежьего приюта изображала ледяные поля, густую синеву неба и кочующих морских котиков вдали. Картина меня восхитила: кажется, каменные элементы вольера сливаются с фреской, и почти невозможно угадать границу между настоящим и поддельным.

Фреске, разумеется, полагалось радовать не медвежий, а человеческий глаз - звери не способны оценить эти образы из истории своего вымирающего вида. Сидя в тепле искусственного весеннего дня, я подумала: интересно, медведи воспринимают свою естественную среду обитания в двухмерном изображении? А если воспринимают, то принимают ли ее на веру? Может, глядя на несуществующих котиков в несуществующих километрах, мишки ломают голову, как бы добраться до этакой вкуснятины? Поймут ли они когда-нибудь, что нет ничего проще - надо только подойти к стене под правильным углом.

Конечно, не поймут. Они звери, а не философы. Но неужели это единственная причина, не дающая им найти ключ к отгадке? Будь у полярного медведя хотя бы воображение и логика сумасшедшего Кена Дестри, смог бы он поверить, что способен преодолеть невидимый барьер и с помощью этой веры оказаться в краю, который считает родным?

Люди на такое способны. Я это знаю наверняка, потому что видела своими глазами.

Вопрос в том, должна ли я отдать этому путешествию собственную жизнь.

Не стану утверждать, что решение пришло ко мне именно тогда. В старый дом Малькольма Белла я переехала только через тридцать лет, и все это время сомневалась и колебалась. Могу только сказать, что кое-какое влияние на мой выбор тот день в парке оказал.

Еще один заслуживающий упоминания день - это когда мы с Беллом впервые встретились и он велел взять его за руку.

Там был мир. И мир неплохой. С деревьями, не похожими на деревья, горами, слабо напоминающими горы, и небом, какого я прежде не

видела никогда. Так красиво, так гостеприимно. Воздух - не надышаться; легкие наполнились энергией, взбодрилась каждая клеточка тела. А еще там было озеро, от него шел аромат, несомненно безопасный для человека - ведь в розовой воде всюду плескались дети, играли с гладкокожими и большеглазыми животными: я бы их назвала котиками, будь у котика на лапе противопоставленный большой палец. На одном берегу пляж окаймляла цепочка коттеджей, скромных и по размерам, и по экстерьеру; над всеми без исключения развевался лунный государственный флаг, над некоторыми - флаги древних земных стран.

В тот день мы с Малькольмом Беллом спустились с холма и обнаружили, что среди коттеджей есть незанятые - их хозяева отправились путешествовать. Но поселок не пустовал, мне на глаза попалось не меньше двадцати человек в возрасте от младенческого до почти пожилого. Они узнавали моего спутника и приветливо махали с уютных веранд.

А тот, покинув анахоретову пустынь, как будто сбросил добрых тридцать лет. Пускай куда не делись морщины и волосы остались седыми, но глаза наполнились жизнью, зажглись любовью к людям. Я вдруг засмузилась, но все же посмела поинтересоваться, поведя вокруг рукой:

- Так что же, все они - отшельники Темной стороны?

Мой вопрос вызвал бурное веселье.

- Почти все, - отсмеявшись, ответил Белл. - Одни самостоятельно нашли сюда дорогу, а кое-кого, вроде этого молодца, - указал он на человека, сошедшего с крыльца и направившегося к нам, - привели мы, решив, что он того заслуживает.

Необыкновенной пышности усы придавали мужчине самый что ни на есть геройский вид. Судя по походке и протянутой для приветствия руке, настроен он был дружелюбно, но в его глазах я не увидела теплоты. «Ее и не бывает, - объяснил мне позднее Белл. - Не тот у него эмоциональный репертуар».

Мигом вспомнив его слова о разуме, способном попирать время и расстояние, нарушать общепринятые законы физики, жизни и смерти, я почувствовала, как ослабли колени. И, подав незнакомцу руку, сбивчиво проговорила:

- Зд-дравствуйте. Я Д-Джесси Джеймс.

Усача, судя по его виду, подмывало хихикнуть, но он сдержался. А может, в его эмоциональном репертуаре смеха не было тоже.

- В самом деле?

- Это не шутка, - ответил за меня ухмыляющийся Белл. - Ее и правда так зовут.

Обладатель моржовых усов пожал мне кисть. А я уже почти не сомневалась, что сейчас он представится как Уайатт Эрп. Тот самый

Уайатт Эрп! Неужто его забрали из времени, истории и даже смерти и перенесли сюда, чтобы он мог вечно жить среди звезд? В тот день я уже успела понять, что нет ничего невозможного. Ведь мне мечталось о подобном чуде, а Белл умел стирать разницу между «мечталось» и «сбылось».

Но я не угадала.

Пускай известностью Малькольм Белл ничуть не уступал Уайатту Эрпу и легенда о лунном стрелке часто перекликалась с легендой о тумстоунском шерифе, как реальный человек он не должен был Эрпу ничего. Он задолжал другому.

А кому именно, я узнала, когда усач проговорил:

- Рад с вами познакомиться, мэм. Я Кен Дестри.

Перевел с английского Геннадий КОРЧАГИН

© Adam-Troy Castro. Gunfight on Farside. 2009. Печатается с разрешения автора.

Повесть впервые опубликована в журнале «Analog» в 2009 году.

Глеб ЕЛИСЕЕВ

СТРАННЫЙ, СТРАННЫЙ ВЕСТ

Перефразируя знаменитое высказывание Осла из «Шрека», можно уверенно заявить: «Вестерны любят все!». Ну кто из нас в детстве не играл в ковбоев и индейцев и не засматривался фильмами с Клинтом Иствудом! И ведь обаяние ковбойских историй с одинаковыми, чего уж греха таить, сюжетами оказалось настолько всеобъемлющим, что от чар вестерна не убереглась даже фантастика, которой вроде бы чужды револьверы и скакуны. О вестерне в кинофантастике мы уже рассказали нашим читателям (см. статью в «Если» № 5 за 2008 год «Револьверы и звездолеты»), а теперь обратимся к литературе.

Никто не станет спорить: вестерн является самым американским направлением-жанром-видом в искусстве-литературе-кино. Вестерн - это растянувшаяся на сотни томов и тысячи километров киноплёнки ода героям Фронтiera. В большинстве своем литературные вестерны (в отличие от кинематографических) сочиняются самими американцами, что вполне логично. Книги немцев К.Мая и Л.Вельскофф-Генрих в этом ряду исключение. К тому же эти авторы так рьяно стремились

вывернуть каноны жанра наизнанку, что некоторые критики напрочь отказывались признавать их работы вестернами.

При этом за долгие годы развития жанра (а одним из первых его образцов стала «Прерия» Д.Ф.Купера, вышедшая в свет еще в 1827-м) сложился ряд стереотипов и характерных черт, позволяющих зачислять в разряд вестернов то или иное произведение. Прежде всего, это место действия. События обязаны развиваться на Диком Западе, то есть на территории Фронтiera - зоны освоения земель, куда вошли штаты Северная Дакота, Южная Дакота, Монтана, Вайоминг, Канзас, Небраска, Техас и более западные территории. В более широком варианте - на всем западе североамериканского континента, включая Северную Мексику и Южную Канаду.

Пресловутый индивидуализм американцев проявился в типичном сюжете вестерна, где герой в одиночку или с парой верных друзей противостоит всему враждебному миру. Тексты о Диком Западе обычно тоже «черно-белые»: этические позиции заявлены с самого начала, и герои придерживаются их до самого финала, злодеи, соответственно, злодеями и умирают. Есть расхожая шутка о том, как надо правильно строить первую сценку книги о Фронтиере: салун, у дверей сидит маленькая собачка. Появляется главный герой, привязывает лошадь, гладит собачку, входит. Затем прибывает основной злодей. Привязывает лошадь, с размаха дает пинка собачке, заходит в салун...

Ну а если появляются в книге мексиканцы, то обычно они исполняют лишь две роли: либо законченных бандитов, либо крестьян-недотеп, нуждающихся в защите «белого брата». Функция индейцев тоже разнообразием не отличается: или коварные и безжалостные злодеи, или благородные дикари, ведущие родословную прямо от куперовского Чингачгука. И даже если иные авторы пытаются разрушить подобные стереотипы (вспомним «Танцующего с волками» или «Маленького большого человека»), то это - своеобразная перемена знаков.

За долгие годы развития литературный вестерн постоянно осуществлял экспансию на сопредельные территории литературы. Влияние столь всеобъемлющего явления не могло не затронуть и НФ. Однако между консервативным по своей природе вестерном и еретичной фантастикой возникали очень сложные, если не сказать противоречивые отношения. Многие авторы, особенно в приключенческой фантастике, пытались использовать расхожие приемы книг об освоении Фронтiera, другие же всеми силами пытались освободиться от вестернизации НФ, подвергая весь жанр беспощадной критике.

Скепсис к вестерну, рассматриваемому как ничемное развлечение, возможно, ярче других выразил М.Крайтон в знаменитом фильме «Мир Дикого Запада» и его последующей новеллизации. И в фильме, и в книге был изображен огромный аттракцион с роботами, имитирующий

жизнь Дикого Запада на потребу веселящейся публике. А символом вестерна становится безумный робот-убийца, взявшийся уничтожать посетителей парка. В фильме его впечатляюще сыграл русский американец Юл Бриннер, ставший, кстати, знаменитым после роли в классическом вестерне «Великолепная семерка».

Крайтон не был одинок в своем негативном отношении к историям об освоении западных территорий. Еще раньше похожую схему использовал Д.Джейкс в романе «Шестизарядная планета». Здесь фантаст описал целую планету Миссури, где роботы изображают жизнь в западных штатах Америки XIX века. Самую же жесткую сатиру на произведения о Диком Западе можно найти у лучшего юмориста американской НФ Роберта Шекли в хорошо известном отечественному читателю рассказе «Бесконечный вестерн».

И тем не менее беспощадность критики не опровергает, а лишь подчеркивает влияние вестерна на западную НФ.

* * *

Наибольшее влияние вестерна на фантастику (особенно фэнтези) проявилось в конструировании сюжетных схем и изображении героев. Например, у самого знаменитого автора приключенческой НФ первой половины XX века Э.Р.Берроуза знакомая схема (герой-одиночка против враждебного мира) торжествует в марсианском цикле. Первый роман цикла, «Дочь тысячи джеддаков», начинается в антураже вестерна: индейцы преследуют главного героя - бывшего офицера кавалерии, которому лишь чудом удастся ускользнуть от них на Марс. И в дальнейшем приключения Джона Картера обычно развиваются по шаблонам книг о Фронтире. Разве что вместо диких индейцев в книгах появляются различные виды марсиан, а фауну прерий сменяют причудливые представители марсианского бестиария.

Из мира вестернов взят и антураж марсианских рассказов Кэтрин Мур об искателе приключений Нордвесте Смите, включенных в сборники «Шамбло», «Нордвест с Земли» и «Алый сон». Часто использовал приемы и сюжетные ходы текстов о Диком Западе в своих произведениях и Джек Вэнс. Особенно это заметно в цикле «Большая планета», который открывался одноименным романом и был продолжен книгой «Мир прогулочного катера».

А уж далее - десятки, даже сотни фантастов использовали классические схемы вестерна в описании бесчисленных приключений своих героев на просторах Галактики. Ведь даже самый популярный НФ-цикл в современном мире - «Звездные войны» (как фильмы, так и беллетризации) - всю использует приемы и типичные штампы книг о покорении Запада.

Но куда активнее и охотнее сюжетные ходы вестерна использовали создатели фэнтезийных миров. Еще в 1950-е годы Л.Спрег де Камп и Л.Картер бестрепетно переделывали тексты о ковбоях Р.Говарда в очередные повести и рассказы о Конане, всего лишь меняя индейцев на пиктов, а кавалерию США - на рыцарей Аквилонии. Впрочем, начало этому положил сам литературный отец Конана-варвара, схожим образом написавший рассказ «По ту сторону Черной реки».

Однако самая впечатляющая фэнтезийная история, основанная на традициях вестерна, была создана С.Кингом в цикле «Темная башня», начатом в 1982 году повестью «Стрелок». Этот сериал повествует о приключениях Роланда Дискейна, последнего стрелка в параллельном мире, пережившего глобальную катастрофу, почти уничтожившую всех людей. До катаклизма стрелки играли в этом мире роль благородных рыцарей, пусть и вооруженных револьверами. Теперь же на Роланда и его спутников, которых он обрел во время странствий, судьбой возложена важнейшая задача - найти Темную башню, стоящую в центре мира и не дать ей рухнуть. Чем не классический вестерн!

В наибольшей степени традиции и привычные элементы ковбойских историй заметны в двух романах цикла - в «Колдуне и кристалле» и «Волках Кальи». Последний и вовсе отсылает читателя к сюжету «Семи самураев» aka «Великолепной семерки». Роланд Дискейн и его верные спутники вынуждены остановить свое путешествие к Темной башне, чтобы помочь жителям маленькой деревушки Кальи, которую терроризируют механические слуги Алого Короля.

Не смогли избежать искушения вестерном и более молодые создатели фэнтези. В качестве примера можно привести хотя бы относительно свежую трилогию Р.Хобб «Сын солдата» - по антуражу типичное приключенческое фэнтези, а по сюжету - классический вестерн.

Нужно сказать, что большинство фантастических произведений, сохраняя дух книг о ковбоях, все же отказываются от буквы жанра - от конкретных географических и исторических обстоятельств. Впрочем, большинство - не значит все...

* * *

Точная географическая привязка к тем же областям Большого Дикого Запада, что и в вестернах, была осуществлена во многих американских НФ-книгах о судьбах человечества после глобальной катастрофы. Фантасты США почему-то уверены, что если на запад их страны рухнут атомные бомбы, то, слегка оправившись от случившегося, они обязательно вернутся ко временам храбрых шерифов и кровожадных индейцев. И вместе с тем авторы уверены, что в результате

глобальной катастрофы в бывших свободных Штатах восторжествует обскурантизм, антисциентизм и религиозное мракобесие.

У Ли Брэккетт в «Долгом завтра» после атомной войны традиции жизни первопоселенцев восстановили религиозные фундаменталисты меннонитского толка, стремящиеся уничтожить любую память о науке и технологиях. На землях Дикого Запада, в наименьшей степени подвергшихся атомным ударам, происходит действие романа У.Миллера «Кантата для Лейбовича», а также посмертного продолжения «Святой Лейбович и Дикая Лошадь», завершеного Т.Биссоном. У Ф.Х.Фармера в «Долгой дороге войны» нарисовано вырождающееся население западных штатов, разделившееся после ядерной войны на отдельные племена и враждующее друг с другом примерно так, как это делали индейцы Великих Равнин до прихода белых. По землям бывшего Дикого Запада, пережившего все ужасы атомных бомбардировок, едет главный герой книги Р.Железны «Дорога проклятий». У Д.Краули распавшуюся на части и погружившуюся в пучину беззакония Америку в районе возродившегося Фронтiera населяют искусственно выведенные наполовину люди, наполовину животные в романе «Звери».

После глобальной пандемии, почти погубившей человечество, один из наиболее известных городов американского Запада - Лас-Вегас - становится главной резиденцией сил зла в эпопее С.Кинга «Противостояние», а развитие многих эпизодов романа происходит на фоне впечатляющих пейзажей бывшего Фронтiera. В книге Д.Брина «Почтальон» население США, пережившее атомную войну, начинает очень быстро устанавливать социальные отношения, весьма напоминающие беззаконие ковбойских территорий середины XIX века. Но если в реальной истории на осваиваемые земли постепенно приходил закон, то героям Брина приходится самим бороться с самозванными повелителями Америки, исповедующими неофашистские взгляды. О жизни мормонов в посткатастрофических условиях Нового Фронтiera, возникшего после атомной войны, писал О.Скотт Кард в цикле рассказов «Пограничный народ».

Иногда авторы чуть-чуть сдвигают географические координаты, как это сделали С.Ланье в «Путешествии Иеро» (действие разворачивается на севере США и юге Канады) и Э.Пэнгборн в романах «Дэви» и «Славная компания» (герои странствуют по радиоактивному северу Штатов). Но сути дела подобные географические вольности не меняют - перед нами все тот же «постапокалиптический вестерн».

Столь стойкая литературная традиция не оборвалась и сегодня, да и вряд ли когда прервется. Даже разрушенный атомными бомбами Дикий Запад остается Диким Западом. И все же встречаются книги, где облик Фронтiera меняется почти до неузнаваемости. Он становится...

странным.

* * *

Авторы НФ прекрасно знают: внешне бесхитростные и открытые взору прерии запада США - лишь фасад, прикрывающий многочисленные тайны или неслыханные ужасы. Подобный взгляд на реальность очень популярен в современной географической фантастике ближнего прицела. В подобных произведениях писатели с увлечением рассказывают о деяниях уцелевших потомков древних индейских цивилизаций или преступлениях современных «джентльменов удачи» на бывшем Диком Западе. В книгах этого субжанра невидимая посторонним тайная жизнь, идущая на землях Фронттира, не замирает ни на секунду. И, конечно же, значительную роль в этом секретном действе играют инопланетяне.

Об этом писал еще Ч.Оливер, который, кстати, был автором и вестернов, и исторических произведений о Фронтире. Он активно использовал свои знания и при написании НФ-книг, события в которых разворачивались среди хорошо ему знакомых западных пейзажей. Именно здесь с инопланетянами, прибывшими на Землю, пришлось столкнуться жителям местных маленьких городов (романы «Ветер времени» и «Тени на Солнце»).

В циклах «Паломничество: книга Народа» и «Народ: неотличимая плоть», начатых в 1952 году рассказом «Арарат», З.Хендерсон изложила историю группы инопланетян, потерпевших в конце XIX века катастрофу в районе Дикого Запада, но сумевших прижиться там, внешне не выделяясь среди других поселенцев.

Бескрайние западные земли укроют любого беглеца и любые тайны. Например, у К.Вильхельм в романе «Время можжевельника» героиня, скрывающая от властей инопланетное послание, нашла убежище на Западе, прячась в резервации индейского племени. И не случайно именно здесь, в заброшенном индейском поселении, происходят события финального эпизода НФ-сериала «Секретные материалы».

Однако наибольшую фантастическую трансформацию и Фронттир, и вестерн получили в книгах, повествующих о так называемом «Странном Западе». Это литературное направление возникло достаточно давно, еще в 1930-е годы. В текстах о «Странном Западе»^{*9} читатель имеет дело с внешне обычным вестерном, но по

⁹ * Само название «Странный Запад» укоренилось в прессе и критической литературе лишь после выхода в свет в 1996 году ролевой игры «Deadlands», где мотивы вестерна сочетались с элементами литературы ужасов. (Прим. авт.)

мере развития сюжета в его прозаический мир начинают проникать элементы фантастического, мистического или сверхъестественного. Часто такие произведения оказываются близки к стимпанку и его всевозможным микроразновидностям (вроде дизельпанка, клокпанка или атомпанка), а также к различным альтернативным историям.

Значительное число вестернов с мистическим или фантастическим антуражем написал еще Р.Говард. Среди них можно отметить «Тень зверя», «Сердце старого Гарфилда», «Долину сгинувших», «Ужас с холма», «Каменное сердце». Коснулся тайн Дикого Запада и Г.Ф.Лавкрафт в рассказах «Проклятие Йига» и «Курган», написанных в соавторстве с З.Бишоп. В «Кургане» отшельник из Провиденса так отозвался о землях бывшего Фронттира - «Туманный край, полный легенд и седых преданий».

На столь же невероятных западных территориях происходили приключения помощника шерифа Ли Уинтерса, описанные Л.Уильямсом и публиковавшиеся в 1950-е годы в жанровых журналах. В этих историях рассказывалось, как Уинтерс во время многочисленных путешествий по прериям Дикого Запада сталкивался то с вампирами, то с оборотнями и привидениями. М.Уэллман создал целый цикл книг о Джоне Сильвере, воине-менестреле с Аппалачских гор, странствующем по альтернативным США. Хотя большая часть событий в книгах Уэллмана и происходит на землях американского Юга, героя нередко заносит и на территорию Фронттира.

В рассказе Х.Уолдропа и С.Атли «Последний прыжок Кастера» было описано альтернативное прошлое, в котором аэроплан был изобретен накануне Гражданской войны в США, а в роли одного из главных героев здесь выведен один из самых противоречивых персонажей войн с индейцами - генерал Джордж Армстронг Кастер, в реальности погибший в 1876 году в битве у Литл-Биг-Хорна.

На интерес читателей к книгам с фантастическим взглядом на освоение Фронттира повлиял и Д.Ленсдейл. В его романе «Смерть на Западе» повествовалось о жестоко убитом индейском шамане, возвращающемся в виде призрака в городок Мад-Крик в Техасе, чтобы мстить бледнолицым. Впоследствии писатель создал еще несколько книг об «иной Америке» как с элементами мистики, так и в жанре альтернативной истории. Наиболее заметным стал роман «Цеппелины на Западе».

Последним романом Л.Ламура, одного из крупнейших авторов вестернов в литературе США, также стала история о привидениях в антураже Дикого Запада - «Призрачная меза». Среди книг фантаста А.Д.Фостера можно отметить сборник рассказов о «странном Фронттире» - «Безумный Эмос». А Г.Гаррисон изменил всю американскую историю середины XIX века, в том числе и историю западных штатов, в цикле «Звезды и полосы», начатых романом

«Звезды и полосы навсегда». Альтернативная история освоения Дикого Запада и войн с индейцами была предложена и О.Скоттом Кардом в цикле фэнтези о мастере Элвине, открытом романом «Седьмой сын».

В сплоченный отряд авторов книг об «ином Западе» в конце XX - начале XXI века влились Д.Сваллоу, Б.Дэвис, Ш.Л.Хенсли, А.Сарсон, Т.Прэтт и некоторые другие. Были изданы основательная антология «Когда Запад был странным» и специальная «Энциклопедия Странного Запада» (под редакцией П.Грина). Даже российские писатели, далекие от проблем американского Фронттира и его отражения в литературе, стали создавать похожие по тематике и сюжетам тексты. Достаточно вспомнить цикл А.Уланова «Однажды на Диком Западе».

Впрочем, торжество книг про «самый невозможный Вест» лишь подчеркивает стабильность интереса к литературе о покорении прерий и пустынь, лежащих за Миссисипи, не только в США, но и во всем мире. Ведь «странный вестерн» при всей своей причудливости остается той же старой доброй историей про героев Фронттира. А это доказывает только одно: вестерны останутся востребованы и читателями, и зрителями, и издателями, и писателями еще очень и очень долго. Ведь, как верно поет группа «Ленинград»: «Мы выросли на книжках про ковбоев!».

Рецензии

Рецензии

Мэри ШЕЛЛИ
ФРАНКЕНШТЕЙН. ПОСЛЕДНИЙ ЧЕЛОВЕК
Москва: Ладомир - Наука, 2010. - 667 с.
Пер. с англ. З. Александровой.
(Серия «Литературные памятники»).
2000 экз.

Творчество Мэри Шелли (1797-1851) - достояние мировой культуры. Но с переводами на русский как-то не складывается. Знаменитый «Франкенштейн» был издан у нас лишь в 1965 году, а другой популярный фантастический роман писательницы добрался до России и вовсе только в этом году. «Последний человек» (1826), посвященный «Адаму последнему», с его эсхатологическим сюжетом не приобрел

зловещей сенсационности «Франкенштейна», хотя общее у них явно есть - «вселенские» путешествия, экзистенциальные испытания личности, волею судеб вовлеченной в трагические жизненные обстоятельства.

Действие разворачивается в конце XXI века. К 2070 году благодаря техническим (есть даже воздухоплавание!) и политическим достижениям человечество все же достигает желанного просперити. Однако в 2092 году, через 600 лет после открытия Америки и изгнания евреев из Испании, надвигается беда: разом обрушиваются на цивилизацию землетрясения, бури, чума, зараза и голод; пустеют города Америки и равнины; толпы эмигрантов наводняют запад Европы. Почти вся Великобритания и некоторые другие северные европейские державы ушли под воду, в Германии и России урон еще грандиознее! Бури, наводнения и ядовитые ветры «превысили меру страданий»...

В конечном итоге в живых остается лишь Верони Лайонелл, чью рукопись, найденную в Сивиллиной пещере, и публикует автор «Франкенштейна» (прием хотя и не новый в литературе, однако, мягко говоря, спорный и даже раздражающий). В 2100-м, последнем году человечества, герой решает описать произошедшее. На лодке с несколькими томиками Шекспира и Гомера, с провизией и псом он плывет к морю. Жизнь все равно продолжается...

Этот роман - ярчайший образец научной фантастики эпохи романтизма и, несомненно, заслуживает того, чтобы с ним познакомились истинные любители НФ.

Валерий Окулов

Лоуренс ТОТТ-ЭВАНС

ЛОРД-ЧАРОДЕЙ

Москва: АСТ - Астрель - Полиграфиздат, 2010. - 480 с.

Пер. с англ. Г.Косова.

3000 экз.

Лоуренс Уотт-Эванс - один из тех крепких и признанных «среднячков», на которых держится производство жанровой фантастики в США. Достойное, но умеренное количество премий и призов. Добросовестно-поточное производство романов. Задатки мастера пера и склонность к психологизму, которые в начале каждого нового сериала заставляют критиков питать завышенные ожидания. Вот сейчас Уотт-Эванс покажет себя Настоящим Писателем!

Эти ожидания читателей преследуют фантаста как минимум с

середины 1980-х, когда вышел первый том уже знакомых нашим читателям «Легенд Этшара». Но оправдывать надежды Уотт-Эванс не торопится. У «товарной фэнтези» свои законы, а если получается делать ее качественно, то уже и славно...

Сравнительно новый (в 2006 году запущенный) сериал «Легенды Избранных» открывается романом «Лорд-Чародей». Стандартность и оригинальность здесь, как обычно у Уотт-Эванса, в надлежащих пропорциях. Все не настолько стандартно, чтобы быть скучным, и не настолько оригинально, чтобы выбиться из формата. Итак, что мы имеем? Мир, насквозь мистически одухотворенный и пронизанный магией. Сообщество магов-чароделов, миром сим управляющее во имя поддержания равновесия, гармонии, естественного течения вещей и т.д., и т.п. Глава сообщества Лорд-Чародей, который в силу своего могущества может впасть в искушение и стать Темным Лордом... Да-да, именно Dark Lord. Вы же не рассчитывали на что-то необычное?

И конечно же, в первом романе именно эта беда и случается. И конечно же, на Темного Лорда у благих сил есть команда Избранных - каждый со своими особыми способностями, со своей функцией, со своим талисманом... Книга понравится геймерам - Уотт-Эванс вообще щедро использует приемы игровой индустрии в своих сюжетах.

При неплохом плетении сюжета и определенном «психологизме» - вполне приемлемое чтение для любителей жанра.

Сергей Алексеев

Ника БАТХАН

ОСТРОВ РАЙ

Минск: Регистр, 2010. - 320 с.

3000 экз.

Появление дебютных сборников Ивана Наумова, Дмитрия Колодана, Карины Шаинян и теперь вот Ники Батхан для меня лично прозвучало как признак того, что издание фантастики возвращается, что называется, к традиции. Именно с такими книгами должен дебютировать писатель, ответственно относящийся к стилю, языку и сюжету своего письма. Так и было во времена, предшествовавшие безумному книгоизданию 1990-х. Именно с такими сборниками дебютировали в свое время литературные учителя Ники, которых она вспоминает в первых строках посвящения, - Святослав Логинов и Леонид Кудрявцев, да и многие другие авторы старшего поколения. А в последние лет 15 и вплоть до недавнего времени дебютировать с рыхлым и пухлым, неряшливо написанным романом было проще, чем

со сборником отличных новелл.

В книгу Н.Батхан вошли рассказы и небольшие повести, написанные автором за несколько лет. Каждое произведение - товар штучный. Для каждого не только придуман собственный литературный прием, но и разработан собственный фантастический мир. В одном описана Русь накануне татаро-монгольского нашествия, в которой язычество, персонифицированное Волхом сыном Старого Ящера, отступает под напором христианства. В другом пираты Карибского моря, вооружившись античной картой, ищут Остров Рай. В третьем - закат этой самой Античности, когда к стареющему трибуну, поселившемуся в Британии, из Греции приходит в гости сатир. Есть здесь рассказы, сюжеты которых развиваются в исторических реалиях России - как XIX, так и XX века. А есть истории, действие которых происходит в традиционном абстрактно-сказочном мире. Но во всех текстах литературное пространство тщательно продумано и прописано. Сильная сторона писательницы - детали, подробности, мелочи. Именно этим так хороши дебютные сборники - в каждой вещи автор ищет, каждая история оригинальна и не похожа на соседнюю, у каждой своя интонация.

Андрей Щербак-Жуков

Андрей ХУСНУТДИНОВ

ГУГЕНОТ

Москва: Снежный ком - Вече, 2010. - 400 с.

(Серия «Нереальная проза»).

3000 экз.

Первую книгу Хуснутдинова - «Данайцы» - иные критики уподобляли «Омону Ра». Новый роман писателя уместнее сравнить с «Вестями из Непала». Здесь спуск оказывается долгим и причудливым - мы успеваем несколько раз обойти по спирали этажи местной преисподней, следуя за неким бизнесменом по фамилии Подорогин. Впрочем, пусть будет просто П., или точнее В.И.П. - бизнесмен средней руки, «с истекшим сроком годности», со связями в криминальных кругах, которые он не умел использовать.

Из своего гастронома с недобрым названием «Нижний» П. опускается все ниже. В грязные квартиры со странными трупами, в замызганные кабинеты работников прокуратуры, в пропахшие хлоркой казармы. Между делом его заносит то в президентский люкс, то в Боровицкую башню - но даже Кремль на нижних уровнях не таков, каким мы привыкли его видеть. Изменения нарастают постепенно, они

начинаются с малозаметных опечаток, потом захватывают фотоальбомы, воспоминания, внешность и суть.

На улицах этой странной Москвы все меньше народу, все больше неслучайных событий. Все отчетливее следы присутствия тайных организаций, которые осуществляют вероятностное планирование будущего и в делах которых П. успел поучаствовать. Разница между прогнозированием и созданием будущего также стирается, остаются проявления субъективной воли: совпадение, пойманный взгляд, резонанс. Метафизическое исследование того, как отдельные субъекты смогли путем манипуляций превратиться в «новых русских», дает жизнь образам, достойным кисти Босха.

Из вроде бы простых лингвистических конструкций и приземленных бытовых фраз у Хуснутдинова формируется вязкий стиль с несколькими уровнями сложности. Писателю часто удается подметить, как человеческое восприятие «влипает» в иную ситуацию и подчиняется ее законам, как незаметно персонаж делает очередной шаг, ведущий по ту сторону зеркала или двери.

Сергей Некрасов

ПОВЕЛИТЕЛИ СУМЕРЕК.

Антология

СПб.: Азбука-Классика, 2010. - 448 с.

5000 экз.

Антология представляет собой собрание отечественной «вампиристики». Она продолжает собрание англосаксонской подобной литературы, изданное подзаголовком «Вампиры» в 2007 году. Особый интерес к теме - не только издательский, но и читательский - объяснил автор послесловия, критик В.Владимирский: «В последние годы благодаря неожиданному успеху романов Стефании Майер и фильма «Сумерки»... о вампирах начали активно писать и в России. Причем берутся за это дело, как правило, авторы, никогда раньше в особом интересе к «литературе ужасов» не замеченные, зато обладающие уникальным талантом аккуратно выдавать по книжке раз в три месяца».

В нашей литературе вампирская тема всегда была на периферии. И большой успех случался на этом поле весьма редко. Вот и при сравнении двух «азбуковских» антологий видно полное превосходство англосаксонского «протографа» по сравнению с отечественными вариациями. Британские и американские авторы работают внутри колоссальной традиции, породившей мощнейший арсенал, который

позволяет погрузить читателя в состояние страха, напряжения или «темного упоения», сталкивая его с миром нежити.

В России же «вампиристика» еще в пеленках, и кроме того, у нас жизнь и культура другие. Не столь многие рвутся испытать эти эмоции по книгам, их и без того полным-полно. Поэтому в «Повелителях сумерек» так мало истинных шедевров данного направления, таких, чтобы можно было поставить в один ряд с классиками из «Вампиров». По большому счету, всего один: зачаровывающе страшная «Квартира» Кирилла Бенедиктова. Прочее же - удачное, как, например, «Шлюха» Далии Трускиновской и «Упырь» Юрия Гаврюченкова, или провальное, как «Охота» Марии Акимовой (наивное упражнение в беллетризации ходячих киносюжетов) - ни ужаса, ни душевного потрясения не вызывает. Это не вампирская литература. Это сюжетные конструкции с вампирскими декорациями. Впрочем, а нужно ли нам оно?..

Дмитрий Володихин

Алексей КИРСАНОВ
ПЕРВЫЙ СУДЬЯ ЛАБИРИНТА
Москва: Эксмо, 2010. - 416 с.
(Серия «Русская фантастика»).
5000 экз.

Из соседнего мира в наш перенесена технология эссенциальной медицины. Иначе говоря, распутывания тех «узелков» в сети судьбы и личности, которые нарушают психическое, а через него и физическое здоровье человека. Здесь, у нас, деловой корыстолюбец и тщеславный ученый «оттуда» пытаются поставить полумагическое эссенциальное знание на компьютерную основу. При этом они крушат судьбы «живых инструментов», пока сами эти «инструменты» не начинают оказывать им сопротивление... Идея - многообещающая. Но в композиционном смысле она отыграна слабо.

Слишком много «воды» и мало динамики, слишком часты уходы от основного действия в боковые сюжетные отростки, слишком затянутая концовка. Остается впечатление повести, «разбодяженной» до романа необязательными добавками. Персонажи горят преувеличенными, мультипликационными страстями, рациональные, логически мотивированные поступки позволены, большей частью, «злодеям». Вместо психологии - театральность.

Что мешает объявить провалом дебютный опыт Алексея Кирсанова? Только одно, пожалуй. В тексте с большой чуткостью показано противостояние «бензинового рая», т.е. современного большого

города, и той идеальной, уютной, облагороженной городской реальности, которая чем дальше, тем прочнее укореняется в массовом сознании жителя мегаполиса. Здесь - вонь, суета, нервное истощение, грубость отношений, серая кубатура ландшафта. Там - прекрасные «прибалтийско-готические дома», зеленая улица творчеству и самоотверженное служение людей друг другу... Кирсанов, заставив своих персонажей «провалиться» в реальность параллельного мира, в сущности, столкнул их с овеществленной мечтой миллионов эскапистов, угрюмо нюхающих бензиновый выхлоп, бредя на работу с грошовой зарплатой. Получился еще один, менее фэнтезийный, вариант знаменитого города Ехо. И за это читатель, пожалуй, будет благодарен автору.

Дмитрий Михайлович

**Юлия ОСТАПЕНКО
ЛЕГЕНДА О ЛЮДОВИКЕ**

***Москва - Владимир: АСТ - Астрель - ВКТ. 2010. - 512 с.
3000 экз.***

Аннотация сообщает, что «легенда о Людовике» - «историческая фэнтези в полной, совершенной красе жанра». Но никакой фэнтези в книге нет, это историко-мистический роман, образец сакральной фантастики. История Франции XIII столетия трактована Ю. Остапенко вольно, в традициях авантюрного романа, где-то между Дюма и Дрюоном. Но это все-таки реальность-1, а не какая-нибудь «параллельная» или же «альтернативная» история. Да и мистики тут немного - видения короля Людовика Святого, его общение со сверхъестественными существами, превращение дервиша Фаддаха в демона - вот, собственно, и всё.

Однако автор столь удачно переложил широкие «бисквитные» полосы реальной истории тонкими прослойками выпадений в мир потустороннего, что вся книга оказывается пронизанной разрядами темной, устрашающей мистики. В центр действия поставлена фигура короля-святого, одного из любимейших героев западноевропейского Средневековья, великого сына католической церкви. Соответственно, Остапенко должна была окунуться с головой в воды христианской этики.

Получилось... странно. Глубокие наблюдения перемежаются с милой безответственной чушью. А взгляд на борьбу христианства с исламом и на Крестовые походы столь политкорректен, что множество христиан - как современных, так и, особенно, средневековых - отказалось бы его

разделить. Но автор поднял корневые проблемы веры, столь масштабные, что доброму христианину найдется над чем всерьез поразмыслить в этом романе. Через «игру персонажей» автор показала, что вера, сочетающаяся с гордыней, пусть и весьма прочная, пусть даже возвышенная и благородная, оставляя в человеке любовь к Богу, выжигает любовь к другим людям. Но что в ней тогда толку, если она, обладая видом внешней правильности и чистым звуком кимвала звенящего, в сердцевине своей - сухая пустыня немилосердной праведности? Гордыня веру сушит...

Дмитрий Володихин

Вл. ГАКОВ

ТОЛКОВАТЕЛЬ КОШМАРНЫХ СНОВ ВЕКА

15 ноября исполнилось бы 80 лет одному из самых значительных авторов британской фантастики второй половины XX века - Джеймсу Грэму Балларду. Не дожив до юбилея всего полтора года и один месяц, он, как и Курт Воннегут, еще при жизни стал автором не просто популярным, а культовым. И, подобно Воннегуту, начав с традиционной science fiction, в дальнейшем совершил безвозвратный дрейф в сторону литературного мейнстрима. Правда, прежде чем распрощаться с жанром, успел стать в нем одним из вождей и духовных лидеров целой жанровой революции!

Россиянин, не имевший возможности читать англоязычную фантастику в оригинале, близко познакомился с творчеством Балларда уже после горбачевской перестройки - первый сборник рассказов британца на русском появился в 1991-м. До этого проскочило по

журналам и сборникам всего несколько рассказов... Притом Балларда в советское время никто особенно не ругал, «политику» ему «не шили», а специалисты по англоязычной фантастике (включая автора этих строк), напротив, с энтузиазмом расхваливали и настойчиво рекомендовали. Но любой квалифицированный редактор в те времена, познакомившись с переводами или внутренними рецензиями, шестым чувством понимал: «Не наш, не пойдет...»

А у «них» его уже в 1970-е почитали за живого классика. Баллард удостоился самых высоких комплиментов от таких корифеев мейнстрима, как Джон Пристли и Грэм Грин. Позже за экранизацию его произведений брались Кроненберг и Спилберг. Что до пестрой толпы вождей контркультуры, так для них английский фантаст был и остается своим. Французский философ и культуролог Жан Бодрийяр в своем культовом труде «Симулякры и симуляция» назвал роман Балларда «Автокатастрофа» «первым великим романом о Вселенной симуляций». Иначе говоря, о мире не настоящем, фантомном, мире-симулянте... А совсем недавно, в 2008 году, один из непреложных столпов британского духа - газета «The Times» включила Балларда в список 50 величайших писателей-англичан второй половины XX века. А не менее авторитетный словарь Collins English Dictionary официально прописал в английском языке прилагательное-неологизм «баллардовское» (Ballardian), определяемое как состояние или настроение, «которые представлены или напоминают те, что описаны в романах и рассказах Дж.Г.Балларда». А именно: «антиутопическая современность, унылые и мрачные рукотворные ландшафты, а также психологические эффекты, оказываемые на личность технологическими, социальными или экологическими изменениями»...

* * *

Начало биографии Балларда предполагало какое угодно продолжение - в том числе и стезю писателя-фантаста. Во всяком случае, обыденным и типичным его детство не назовешь.

Начать с того, что родился будущий писатель в 1930 году далеко от исторической родины - в Шанхае, где его отец, дипломированный химик (а вовсе не дипломат, как ошибочно сообщалось во многих источниках), возглавлял местное отделение крупной манчестерской текстильной фирмы. Детство Джима прошло в определенной изоляции от внешнего мира - шанхайский Международный квартал представлял собой своего рода оазис западной («в основном американской», - вспоминал Баллард) жизни на окраине чуждого и непонятного человеческого муравейника. Учился мальчик в религиозной школе - что, как и следовало ожидать, на всю жизнь отбило у него любовь «к

какой бы то ни было организованной религии».

Когда началась китайско-японская война, родители перебрались поближе к центру города - там меньше бомбили. А после Перл-Харбора Япония вступила в войну с американцами и их союзниками - англичанами, японские войска, успевшие оккупировать город, вошли и в Международный квартал, интернировав всех лиц англосаксонской национальности. Их направили в место, витиевато названное «Центром сосредоточения гражданского населения Луньхуа». Проще говоря - в лагерь.

Джим Баллард с родителями и младшей сестренкой занимали двухэтажный «Блок G», где в тесноте (но все же не в тюремных камерах!) проживало еще четыре десятка семей. Там, в лагерной школе, где преподавали такие же интернированные, будущий писатель завершил свое формальное среднее образование. Реальное - жизненное - ему преподали оккупанты-японцы, о методах и нравах которых читатель и зритель могут судить по автобиографическому роману-бестселлеру «Империя Солнца» и сильно упрощенному одноименному фильму Спилберга.

Считается, что именно эти травматические образы лагерного детства сформировали художественный мир Балларда-писателя. Хотя сам он в своих оценках был более взвешен: «У меня остались не скажу, что счастливые воспоминания о лагере, но, во всяком случае, и не беспросветно негативные... Я помню множество случаев проявления жестокости, непрерывных побоев, но мы, дети, умудрялись и в этом кошмаре выдумывать сотни игр!». А еще он на всю жизнь запомнил фантастический восход «второго солнца» над футбольным полем в лагере Луньхуа. Было это 9 августа 1945 года, и лишь спустя несколько дней 15-летний подросток узнал, что воочию наблюдал далекий отблеск ядерного гриба над Нагасаки.

Вернувшись в 1946 году вместе с сестрой и матерью на историческую родину (спустя два года обе снова отправились в Китай - к оставшемуся там мужу и отцу, а Джим стал жить в доме деда и бабки), Баллард закончил колледж в прославленном Кембридже. И там же поступил на медицинский факультет, выбрав в качестве будущей профессии психиатрию. Что неудивительно - с такими-то картинками детства, навсегда врезавшимися в память!

Впрочем, будущий психиатр во время учебы больше времени уделял собственной психике, чем лекциям и студиям солидных научных трудов. Ибо в университете Баллард начал писать - пока еще не фантастику, а авангардистскую прозу, навеянную, по его собственным словам, «психоанализом и картинками художников-сюрреалистов». В мае 1951 года рассказ дебютанта «Яростный полдень» победил на университетском литературном конкурсе и был опубликован в студенческой газете. Воодушевленный первой победой автор решил,

что медицинская практика не оставит времени на творчество, и, бросив Кембридж, поступил в Лондонский университет - на филологический. Но и там не задержался - к концу года нерадивого студента отчислили. Затем он недолго проработал в рекламном агентстве, потом книгоношей - разносил тяжеленные тома энциклопедий. И все это время продолжал писать, безуспешно пытаясь опубликоваться.

В 1953 году Баллард неожиданно решил послужить родине и записался в Королевские ВВС. Его почти двухлетнее пребывание на авиабазе в Канаде приметно тем, что именно там он открыл для себя НФ, натолкнувшись в местной библиотеке на подшивку соответствующих американских журналов. И там же в свободные от дежурств часы написал свой первый НФ-рассказ - «подражание всей той фантастике, которую я успел прочесть». Это был «Паспорт в вечность», опубликованный лишь десятилетие спустя.

После демобилизации Баллард вновь вернулся в Англию, женился и снял квартиру в лондонском пригороде Чизвике, где у молодых супругов спустя год родился первенец. А под конец того же счастливого 1956 года судьба преподнесла еще один, поистине рождественский подарок - в декабрьском номере НФ-журнала «New Worlds» вышел первый рассказ Балларда «Prima Belladonna».

Поступив в следующем году на работу младшим редактором в научный журнал «Chemistry and Industry», он продолжал писать - на сей раз исключительно фантастику. Хотя и не совсем обычную: «С первых рассказов я хотел писать фантастику, не имеющую ничего общего с космическими кораблями, далеким будущим и тому подобной чепухой... научную фантастику, основанную на настоящем». Под «настоящим» начинающий писатель понимал также нечто свое, особенное - мир сюрреальный, мир мифов, подсознательных образов и архетипов, мир, постигаемый не рационально, а интуитивно. Именно таковым мыслили окружающее представители европейского художественного авангарда, с которыми связал свою творческую судьбу и Джеймс Баллард. А то, что он выбрал для реализации своих художественных целей «конвенционную» (во всех смыслах) science fiction, ну что ж... каждый пишет, как он слышит.

Кстати, о конвенциях. Побывав на одной из них - своей первой и последней, состоявшейся в 1957 году в Лондоне, Баллард был настолько разочарован миром своих будущих читателей, что до конца года не смог выдавить из себя ни единого рассказа.

Но потом они продолжали выходить в «New Worlds». Более того, рассказы все больше нравились читателям - и приносили деньги, хоть и небольшие. В 1960-м уже ставший популярным писатель смог перебраться с семейством в более престижный лондонский пригород Шеппертон. Там он за две недели отпуска написал свой первый роман «Ветер ниоткуда». Книга вышла в январе 1962 года и успешно

разошлась - настолько, что после этой публикации Баллард окончательно «завязал» с редакторской поденщиной.

Следующие без малого полвека он занимался только тем, что больше всего любил и умел делать: писал.

* * *

А вот о творчестве Балларда рассказывать намного тяжелее, чем о его биографии. Это один из самых странных авторов фантастической прозы - литературы по преимуществу рациональной и поддающейся рациональному же осмыслению. Баллард так и остался в ней редким исключением - неуловимым, зыбким, изменчивым. А в качестве читателя и любителя Балларда (не всего!) могу привести лишь часто возникавшую в голове эмоциональную оценку: «Здорово, но непонятно».

Творчество этого автора можно условно разделить на три неравных (по длительности) и художественно неравнозначных этапа. «Первый Баллард» - это мастер короткой формы, автор блестящих рассказов (в основном ранних). «Второй» - автор четырех романов-катастроф, вышедших в бурные шестидесятые. И наконец, абсолютно непохожий на первых двух «Баллард № 3» - неистовый экспериментатор-ниспровергатель, автор «конденсированных романов» и абсурдистской прозы последних десятилетий.

В чем Джеймс Баллард остался, пожалуй, непревзойденным мастером, так это в создании того самого баллардовского настроения, упомянутого выше. Не сюжет, не оригинальные идеи и не образы героев были сильной стороной Балларда-писателя, а созданная атмосфера, настроение, ощущение, подсознательные архетипы. Словом, все то, что сам он назвал «внутренним космосом» - альтернативой традиционно понимаемому материальному Космосу. Если на кого-то из отечественных читателей рассказы Балларда не произвели впечатления - это, скорее, проблемы перевода. В оригинале они действительно завораживают, обволакивают, рождают целые букеты ассоциаций и смутные ощущения прикосновения к заветной тайне, которая еще будет мучить и мучить.

Разбирать подробно рассказы и романы Балларда - задача для короткой статьи заведомо непосильная. Поэтому лишь напомним главные его произведения.

Из ранних рассказов мне особенно врезались в память «Земли ожидания» (в русском переводе - «Место ожидания»), «Конец», «Мистер Ф. - это мистер Ф.», «Трепетный убийца», «Утонувший великан», «Смотровые башни», «Последний мир мистера Годдарда», «Хронополис», «Концентрационный город». Далее почти все новеллы,

«героями» которых стали Время и Энтропия (как эквивалент разрушения, стагнации, загнивания, душевного опустошения): «Сад Времени», «Песчаная клетка», «Вопрос возврата», «Могилы Времени»... Наконец, это цикл рассказов, действие которых происходит на опустевшем курорте Вермиллион-Сэндз (Багряные Пески), где встречает свой жизненный закат декадентствующая богема.

А из «катастрофической тетралогии» 1960-х наибольшее впечатление оставил последний роман, «Кристаллический мир», в котором, по меткому замечанию Брайана Олдисса, «талант Балларда заблестал во тьме, как драгоценные самоцветы его кристаллических лесов». Вместе с более ранними романами - «Ветер ниоткуда», «Затонувший мир» и «Засуха» - он составил великолепную апокалиптическую фреску, на которой глобальные природные (а отчасти и рукотворные) катастрофы служат лишь художественным фоном для катастрофы психологической, которая волновала Балларда всю жизнь. В этих романах нашу планету и вызревшую на ее теле цивилизацию последовательно уничтожают четыре алхимические первостихии - воздух, вода, огонь и камень (в данном случае неотвратимый процесс кристаллизации всей органической жизни под влиянием энтропийных процессов в космосе).

Тот же Олдисс - коллега, друг и соратник Балларда - тонко подметил признаки начавшегося кризиса в творчестве своего друга и его неизбежного отхода от традиционных романов-катастроф - и конвенций science fiction вообще. В романах цикла, по словам Олдисса, Баллард «так и не смог решить для себя главную проблему - как писать роман, в котором попросту нет героев». Их заменяют пейзажи, психологические коллизии, символы и подсознательные архетипы...

Впрочем, «исход» Балларда из НФ наметился чуть ранее. В 1964 году писатель овдовел - жена умерла от пневмонии, и на его попечении остались сын и две дочери. Больше он так и не женился, хотя спустя несколько лет после пережитой трагедии, с легкой руки еще одного друга и соратника Майкла Муркока, познакомился с Клер Уолш, оставшейся самым близким ему человеком до последних дней жизни, оборвавшейся в лондонской квартире Уолш в апреле прошлого года.

Может быть, и эта личная трагедия подтолкнула творчество в новом направлении - так появились произведения, в которых стилистические поиски в духе поп-арта окончательно подмяли под себя сюжет. А главными героями стали опять-таки не конкретные персонажи, а персонифицированные человеческие агрессивность и насилие. Вместе с подмеченным еще Фрейдом неразлучным спутником - сексом.

После цикла экспериментальных рассказов-коллажей (или «конденсированных романов», как их назвал Баллард), объединенных в сборниках «Район катастрофы» и «Выставка жестокости», а также сенсационного «садо-эротического» романа «Автокатастрофа»

писатель стал культовой фигурой для поколения семидесятых, для которого вся эта мозаичная фреска мира, раздираемого внутренними демонами насилия и саморазрушения, представлялась, конечно же, самой что ни на есть реальностью. А одержимые фобиями, комплексами и патологиями персонажи писателя только подтверждали афоризм другого гуру эпохи, Уильяма Берроуза: «Психопат - это парень, который только что осознал, что происходит на самом деле».

После еще более сенсационной экранизации Кроненберга об «Автокатастрофе» написаны десятки статей, авторы которых обсуждают открытое Баллардом триединство Автомобиля, Секса и Насилия, на которых, как на мифических трех китах, держится современный мир. Естественно, такой мир чреват глобальной катастрофой, для которой Баллард нашел остроумное название «Автогеддоном». Иначе говоря, новый вариант конца света - под колесами или в салоне автомобиля, не суть важно! (Любопытно, что через пару недель после написания книги Баллард сам попал в автокатастрофу. Первую в жизни и, к счастью, без фатального исхода. Вот и не верь после этого в магическую связь между автором и его детищем - книгой!)

Однако присоединяться к разноголосому хору критиков, анализирующих «позднего» Балларда, меня лично как-то не тянет. И не потому, что поджимают заданные журнальные объемы статьи. Просто для автора этих строк подобное занятие по увлекательности станет чем-то сродни труду патологоанатома. Конечно, любопытно посмотреть, как там все внутри устроено - но может и затошнить. Да и страшновато...

* * *

В 1970-х годах автор «Автокатастрофы», к тому времени один из признанных вождей британской «Новой волны», получил наконец желанное признание со стороны серьезной критики и читателей Большой Литературы. Помогла этому отчасти и череда скандалов, связанных с его последними произведениями.

Когда первый американский издатель, познакомившись с рукописью «Автокатастрофы», вернул ее с пометкой: «Автор явно душевнобольной» - это были еще цветочки. Позже книга все-таки вышла в США, но первый тираж издательство пустило под нож - под влиянием только что закончившегося в Англии судебного процесса, на котором местное издательство едва отбилась от обвинений в распространении порнографии. А позже, уже в 1990-х, когда на экраны вышел фильм Кроненберга, запрета картины яростно потребовал не какой-то оплот ханжества и благопристойности, а не менее

скандальная британская «желтая» газета «Daily Mail»! Чуть раньше, в 1980-м, на национальном съезде американской Республиканской партии, на котором в президенты выдвигали Рейгана, его противники распространяли листовки, на которых был перепечатан один из фрагментов баллардовской «Выставки жестокости». Название его (в отцензурированном переводе) звучит так: «Почему я желаю трахнуть Рональда Рейгана»...

За последние тридцать лет продолжали выходить все новые книги живого классика британской фантастики, но фантастики в них становилось все меньше и меньше. Зато от произведения к произведению необратимо росли скепсис и разочарование автора в отношении технологических чудес космического века. «Оформителем наших кошмарных снов о темной стороне века, придающим им законченный образ», назвал Балларда английский критик Джон Клют и продолжал: «Для него завершение XX века стало концом и технологических грез, а вовсе не началом эпохи их окончательного триумфа. Космический век закончился, давно и пророчески заметил Баллард, и за осознание этого меланхолического факта писателя нескоро простят».

Сам же Баллард продолжал свой труд «господина оформителя» до последних дней жизни. Он получал восторженные отклики в прессе и разнообразные литературные премии, хотя общественной и публичной жизни откровенно сторонился. А если и появлялся в новостных строках, то чаще как источник очередного скандала. Так в 2003 году он отказался принять высшую награду страны - Орден Британской империи, заявив, что не намерен «играть в эти игры, служащие рекламной кампании нашей нетвердо держащейся на ногах монархии».

Это уже не просто скандал - оскорбление национальных святынь!

В июне 2006 года врачи обнаружили у писателя рак простаты, от которого он спустя три года скончался. Однако перед этим успел выпустить еще одну автобиографию (первая «Империя Солнца»), названную неожиданно оптимистично для «оформителя кошмаров» - «Чудеса жизни». А спустя неделю после кончины писателя одна из ведущих газет страны в качестве некролога перепечатала последний опубликованный рассказ Балларда. Названный символично и на сей раз совершенно «по-баллардовски» - «Умирающая осень».

Курсор

Курсор

Российские фанаты сериала «Вавилон 5» были приятно удивлены. Собравшись на свой небольшой ежегодный конвент 12 сентября в Москве, в клубе «Bilingua», они обнаружили, что встречу по приглашению организаторов посетили американский актер Уолтер Кёниг и его супруга актриса Джуди Левитт. Уолтер Кёниг сыграл в сериале «Вавилон 5» персонажа с литературным именем Альфред Бестер (и другого, не менее «литературного», в еще одном знаменитом фантастическом сериале «Star Trek» - лейтенанта Павла Чехова). Сам Кёниг, имеющий литовские корни, и его жена, чьи предки с Украины, очень неплохо разбираются в русском искусстве, о чем они не преминули поведать собравшимся.

«Игра Эндера», экранизация одноименного романа Орсона Скотта Карда, положившего начало знаменитому циклу об Эндере Виггине, сдвинулась с мертвой точки. Более чем на десять лет «зависший» проект Вольфганга Петерсена, разочаровавшего продюсеров своими последними прокатными неудачами, поменял режиссера. На капитанском мостике его сменил Гэвин Худ («Росомаха»), который написал собственный сценарий. Проект ведет независимая компания Odd Lot Entertainment.

Ditmar Awards - австралийская национальная фантастическая премия обрела очередных лауреатов. Ими стали Каарон Уоррен за роман «Легкости», Пол Хайнс за повесть «Жены», Кэт Спаркс за рассказ «Семнадцать».

Робот Стёпа как новый ученик появился в 166-й московской школе. Он растет с ребенка, передвигается на колесах и во все стороны вертит яйцеобразной головой. На самом деле это не совсем робот, а управляемый дистанционно «аватар» тяжелобольного мальчика Стёпы Сопина, проживающего в километре от школы и не имеющего возможности посещать занятия. Он «ходит в школу», управляя роботом R.BOT-100, получая с него видео-и аудиосигнал, а заодно и транслируя на лицо-экран собственное изображение. Он не только присутствует в классе, но и выходит к доске, отвечает на вопросы. Такой робот - экспериментальная разработка, но стоит относительно недорого: его производство обходится примерно в 100 тысяч рублей, а при постановке в серию себестоимость снизится.

Киноверсия одной из самых популярных и масштабных фантастических саг современности - «Темной башни» Стивена Кинга - обещает стать не менее масштабной. Продюсеры Рон Ховард и Брайен Грейзер от имени принадлежащей им компании Imagine Entertainment заключили соглашение со студией Universal Pictures и

каналом NBC о начале финансирования проекта. Учитывая объемы саги, ее экранизация станет мультиплатформенной. Сначала выйдет кинофильм, его продолжит телесериал, после первого сезона будет снята еще одна кинолента. Затем последует второй сезон сериала, после чего проект завершится третьим кинофильмом. Первый фильм Рон Ховард, режиссер таких популярных лент, как «Аполлон 13» и «Код да Винчи», планирует поставить сам, также он примет участие и в первом сезоне сериала. Сценарии ко всему проекту пишет знаменитый Акива Голдсман.

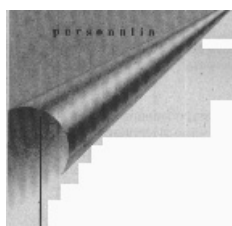
Премия «Хьюго», вручалась на очередном «Ворлдконе», впервые проходившем на Зеленом континенте, в Мельбурне, в начале сентября. В номинации «Роман» неожиданностей не произошло: две книги, уже и так собравшие немалый урожай премий, поделили первое место - это «Заключительная девушка» Паоло Бачигалупи и «Город и город» Чайны Мьевилля. В номинации «Повесть» первенствовал «Палимпсест» Чарлза Стросса, «Короткая повесть» - «Остров» Питера Уоттса, «Рассказ» - «Замороженная невеста» Уилла Макинтоша. Лучшей драматической презентацией длинной формы стал фильм «Луна 2112». Приз имени Джона Кэмпбелла, вручаемый лучшему начинающему писателю, достался Шенан Макгуайер.

«Звездный мост», один из самых популярных фантастических конвентов на территории бывшего СССР, проходил с 16 по 19 сентября в Харькове уже в двенадцатый раз. На него съехались двести участников - как профессионалов, так и поклонников фантастики. Фестиваль проходил на базе Харьковского национального университета им. В.Каразина (ХНУ). В рамках фестиваля прошли доклады и диспуты о теории, практике и современном состоянии фантастики, творческие встречи, художественные выставки. Работали семинар Г.Л.Олди, секции альтернативной истории, ролевых игр, философская секция и другие. Состоялись интеллектуальная игра «Звездный мост», чемпионат по пейнтболу, театрализованное огненное представление «Arcanum» и несколько концертов.

Традиционные литературные премии фестиваля завоевали: в номинации «Циклы, сериалы и романы с продолжениями» «Золотой Кадуцей» получила Ольга Громыко за книгу «Год Крысы. Путница», «Серебряный Кадуцей» - Федор Березин за «Войну 2011. Против НАТО», «Бронзовый Кадуцей» Вадим Панов за «Продавцов невозможного». В номинации «Крупная форма» (романы) золото досталось Дмитрию Казакову за книгу «Русские боги», серебро - Карине Шаинян за роман «Долгий путь на Бимини», бронза - Михаилу Успенскому за «Райскую машину». В номинации «Дебютные книги» победили Алексей Кирсанов (псевдоним Юлии Гавриленко) и Марины

Дробковой) с романом «Первый судья Лабиринта», Мириам Петросян с книгой «Дом, в котором...» и Максим Хорсун с романом «Ушелец». Все эти призы вручались по результатам голосования участников, а лауреаты в номинации «Критика, публицистика и литературоведение» определяются решением профессионального жюри. Первое место здесь завоевал Максим Чертанов за книгу «Герберт Уэллс», второе - Владимир Гопман за статью «Любил ли фантастику Шолом Алейхем?», третье - Станислав Бескаравайный за статью «Оценка путей футурического вмешательства». Приз «философский камень» - Гран-при от Харьковского Института Чудаков - достался Михаилу Успенскому за выдающиеся заслуги перед Ее Величеством Фантастикой.

In memoriam 10 сентября в своем лондонском доме на 91-м году жизни скончался известный британский фантаст Э.Ч.Табб. Эдвард Чарлз Табб родился 15 октября 1919 года в Лондоне. Еще подростком состоял в British Science Fiction Association. В фантастике дебютировал рассказом «No Short Cuts» в 1951 году. Будучи весьма плодовитым, он написал большое количество художественных текстов под множеством псевдонимов. Всего за карьеру Табб сочинил около 130 романов, в основном в жанрах космической оперы и фантастических приключений. Самое известное произведение Табба - 32-томная космоопера о приключениях Эрла Дюмареста, начатая в 1967-м романом «Крылья Гефа» и завершенная в прошлом году книгой «Дитя Земли». Отдельные романы цикла выходили и на русском. Однако нашим читателям Табб более всего известен своим прекрасным рассказом «Ваза эпохи Мин».

Personalia

**Вель АРТМАН Серхио Гаут
(Vel HARTMAM, Sergio Gaut)**

Аргентинский писатель, издатель, антологист, литературовед и активист всемирного фэн-движения Серхио Гаут вель Артман родился в 1947 году в Буэнос-Айресе. Изучал юриспруденцию в университете

Буэнос-Айреса. В начале 70-х годов прошлого века написал несколько рассказов для испанского НФ-журнала «Nueva Dimension». В 1985 г. выпустил свой первый сборник рассказов «Тела как предметы желаний». В дальнейшем опубликовал еще две книги - «Настоящее мясо» (2006) и «Убегающие зеркала» (2009), а также свыше 30 рассказов в различных журналах и сборниках НФ и шесть объемных эссе исторического и литературоведческого плана, самыми яркими из которых являются «Вселенная научной фантастики» (2006) и «Тайные общества в истории Аргентины» (2010). Выступил составителем сборников и антологий фантастики (всего подготовил девять изданий). Его собственные произведения переводились на восемь языков, включая болгарский, японский и арабский. Является обладателем ряда жанровых премий стран Латинской Америки и Испании.

Писатель активно участвовал в развитии аргентинских и других испаноязычных печатных изданий, посвященных фантастике. В течение трех с лишним лет являлся литературным директором знаменитого аргентинского электронного журнала «Аххон». В начале 2000-х годов Артман основал в Сети испаноязычное сообщество писателей, переводчиков и любителей фантастики «Comunidad SF», а также «Taller-7» и «Taller-8» - виртуальные «школы креативного письма» для начинающих авторов, координатором которых является по сей день. Сейчас «Comunidad SF» расширилось до международного и многоязычного WEB-форума «Planeta SF».

ВАДЖРА Раджнар (VAJRA, Rajnar)

Американский писатель и профессиональный музыкант Раджнар Ваджра родился в 1947 году в Нью-Йорке. До занятий литературой был «классическим» пианистом и занимался рок-музыкой (играл на гитаре и клавишных), писал песни, преподавал в университете и был владельцем музыкального магазина.

Ваджра дебютировал в научной фантастике рассказом «Прохождение теста Арболи» (1997). С тех пор опубликовал два десятка рассказов и повестей, выпустил книгу в межавторской серии «Нулевая вероятность» - «Последовательности» (2000), а также роман «Выступ у Нокай Коррал» (2003). Большинство произведений писателя вышли в журнале «Analog», и дважды фантаст становился победителем конкурса на лучшее произведение, опубликованное в данном журнале.

КАЛИНИЧЕНКО Николай Валерьевич

Московский фантаст, поэт и литературный критик Николай Калиниченко родился в 1980 году в Москве. Закончил школу № 59 им. Н.В.Гоголя - ту самую, в которой учился Кир Булычёв; высшее образование получил в МАДИ по специальности «Мосты и транспортные тоннели». Строил дома, проектировал мосты, работал продюсером, художником-оформителем, участвовал в археологических раскопках.

Фантастикой увлекся еще в школе. Первая публикация появилась в 2003 году - это был НФ-рассказ «Воры в банке» (в соавт. с Дмитрием Хомаком). С тех пор опубликовал десяток рассказов в центральной периодике и в сборниках. А с 2006 года активно выступает в качестве литературного критика, его статьи и рецензии регулярно публикуются в журналах «Если», «Мир фантастики», еженедельнике «Ex Libris НГ».

КАСТРО Адам-Трой (CASTRO, Adam-Troy)

(Библиографические сведения об авторе см. в № 4 за этот год)

В недавнем интервью сетевому ресурсу FearZone американский писатель-фантаст, чьи произведения номинировались на премии «Хьюго», «Небьюла» и Премию имени Брэма Стокера, рассказал о тех книгах, фильмах и целых жанрах, которые сформировали его как писателя:

«Я вырос на комиксах, по несколько раз смотрел такие фильмы, как «Империя наносит ответный удар» и «В поисках утерянного ковчега», с теплотой помню все «реинкарнации» сериала «Звездный путь»; с увлечением вырезал картинки из журнала «Знаменитые монстры Фильмландии» и обклеивал ими стены моей детской. И все это затем, чтобы потом взрослые, покачивая головой, замечали, что у этого ребенка слишком болезненная фантазия... Вместе с тем не могу сказать, что я фанат только этих жанров - научной фантастики, фэнтези и хоррора, и не употребляю ничего сверх упомянутой диеты. Я наслаждаюсь книжками и фильмами мейнстрима, буквально всем - от классики до современных литературы и кино, и, возможно, прочел детективов не меньше, чем фантастики. А если выбирать, что посмотреть в кино, то я скорее остановлюсь на новом фильме Сидни Люмета или классической картине Билли Уайлдера, чем стану тратить время на очередной блокбастер с очередным супергероем».

РУДЕНКО Борис Антонович

(Библиографические сведения об авторе см. в № 3 за этот год)

Корр.: В повестях и рассказах 2000-х вы отдаете предпочтение динамичной, приключенческой НФ в традициях Карсака или даже Гамильтона? Почему именно это направление, а не что-нибудь, скажем, социально-философско-постмодернистское?

Б.Руденко: Потому что с удовольствием этих старичков читал. А теперь с тем же удовольствием читаю Лукьяненко, Бушкова, Дивова и многих других наших писателей, которые покруче и Карсака, и Гамильтона будут. Ну да, не оправдал я ожиданий некоторых читателей. Мне нравятся приключения - и в жизни, и в литературе. Поэтому и читать о них приятно, и писать.

А социально-философско-... - это у меня тоже есть. Такая тоска - даже самому перечитывать невозможно. Если на всех в мире обижусь - опубликую. Хоть за свой счет.

ФРЕДЕРИК Карл (FREDERICK, Carl)

(Библиографические сведения об авторе см. в № 5 за этот год)

«Я не могу придумать ничего более восхитительного в интеллектуальном плане, чем успех SETI, посылающей информацию в космос в поисках внеземного разума. Есть у нас, астрофизиков, такая слабость.

Годами я изучал загогулины диаграмм на лентах записывающих устройств, пытаюсь выявить сигнал из шума, и заметил, что глаз, вполне сносно улавливающий двумерные и трехмерные образы, значительно уступает уху в приеме одномерных сигналов. И подумал, что музыка, возможно, является самой верной схемой для изучения одномерных информационных потоков. На нашей планете, пожалуй, самым важным линейным инфопотоком является геном, потому я и решил написать компьютерную программу перевода цепочек ДНК в музыкальные фразы.

Затем я написал программу, составившую «музыку» из фрагментов генома мушки-дрозофилы. Прогнал полученные результаты через виртуальный синтезатор и был буквально поражен результатом. Лично мне показалось, что мелодия звучит как «сочиненная» - и неплохая! Возможно, любой неслучайный поток данных создает музыку, не знаю. Или, возможно, есть нечто встроенное в геном, что делает его «музыкальным».

**Подготовили Михаил АНДРЕЕВ, Юрий КОРОТКОВ и Владимир
ИЛЬИН**

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Издательский дом «Любимая книга» предлагает вам подписку на шесть номеров журнала «Если» по цене 90 рублей за номер, **ВКЛЮЧАЯ СТОИМОСТЬ** почтовых услуг.

Цена действительна на номера 2010-2011 годов.

Номера будут высылаться подписчикам ежемесячно.

Обязательно укажите, с какого месяца по какой вы осуществляете подписку.

Процедура проста: вы можете обратиться в отделение банка, оплатить квитанцию, снять копию с ее лицевой стороны и отправить вместе с данными о себе в издательство.

Не забудьте сообщить свои фамилию, имя, отчество и адрес, по которому высылать журнал.

Извещение		Форма № ПД-4
	ООО «Издательский дом «Любимая книга» (наименование получателя платежа)	
	ИНН 7713538330 № р/с 40702810320000000410 (ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа)	
	в ЗАО «КРЕДИТ ЕВРОПА БАНК» (наименование банка получателя платежа)	
	БИК 044525767 № к/с 30101810900000000767 (номер кор. сч. банка получателя платежа)	
	КПП 771301001; Код ОКПО 74659499; ОКВЭД 22.1; 22.2	
	Подписка на журнал «Если» на шесть месяцев. (наименование платежа)	
	Сумма платежа 540 руб. 00 коп.	
	Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.	
Кассир	Итого _____ руб. _____ коп.	
	ООО «Издательский дом «Любимая книга» (наименование получателя платежа)	
	ИНН 7713538330 № р/с 40702810320000000410 (ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа)	
	в ЗАО «КРЕДИТ ЕВРОПА БАНК» (наименование банка получателя платежа)	
	БИК 044525767 № к/с 30101810900000000767 (номер кор. сч. банка получателя платежа)	
	КПП 771301001; Код ОКПО 74659499; ОКВЭД 22.1; 22.2	
	Подписка на журнал «Если» на шесть месяцев. (наименование платежа)	
	Сумма платежа 540 руб. 00 коп.	
	Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.	
Квитанция Кассир	Итого _____ руб. _____ коп.	

Извещение

ООО «Издательский дом «Любимая книга»

(наименование получателя платежа)

ИНН 7713538330

р/с 407028103200000000410

№

(ИНН получателя платежа)

(номер счета получателя платежа)

ЗАО «КРЕДИТ ЕВРОПА БАНК»

в

(наименование банка получателя платежа)

044525225

к/с30101810900000000767

БИК _____ № _____

(Номер кор./счета банка получателя платежа)

КПП 771301001; код ОКПО 74659499; ОКВЭД 22.1; 22.2

Подписка на журнал «Если» на 6 месяцев

(наименование платежа)

540 00

Сумма платежа: _____ руб. _____ коп.

Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.

Итого _____ руб. _____ коп

Кассир
Квитанция

ООО «Издательский дом «Любимая книга»

(наименование получателя платежа)

ИНН 7713538330

р/с 407028103200000000410

№ _____

(ИНН получателя платежа)

(номер счета получателя платежа)

ЗАО «КРЕДИТ ЕВРОПА БАНК»

В _____

(наименование банка получателя платежа)

044525225

к/с30101810900000000767

БИК _____ № _____

(Номер кор./счета банка получателя платежа)

КПП 771301001; код ОКПО 74659499; ОКВЭД 22.1; 22.2

Подписка на журнал «Если» на 6 месяцев

(наименование платежа)

540 00

Кассир

Сумма платежа: _____ руб. _____ коп.

Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.

Итого _____ руб. _____ коп

ВНИМАНИЕ

Издательская подписка: шесть номеров журнала с любого месяца. Отправьте сведения о себе (фамилия, имя, отчество, адрес с почтовым индексом) и приложите копию квитанции об оплате. Условия подписки опубликованы на предыдущей

странице.

Адрес: 119435, г. Москва, Большой Саввинский пер., д. 9. ООО
«Издательский дом «Любимая книга», отдел распространения.

Тел./факс: (499) 248-08-90 (доб. 177)

e-mail: sales@lubkniga.ru

<p>С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т. ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.</p> <p>« ____ » _____ 20__ г. _____ (подпись плательщика)</p> <p>Информация о плательщике</p> <p>_____ (Ф.И.О., адрес плательщика)</p> <p>_____ (ИНН)</p> <p>№ _____ (номер лицевого счета (код) плательщика)</p> <p>С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т. ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.</p> <p>« ____ » _____ 20__ г. _____ (подпись плательщика)</p> <p>Информация о плательщике</p> <p>_____ (Ф.И.О., адрес плательщика)</p> <p>_____ (ИНН)</p> <p>№ _____ (номер лицевого счета (код) плательщика)</p> <p><small>Издательский дом «Любимая книга» 119435 Москва, Б.Саввинский пер., д.9</small></p>	
--	--

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.

« ____ » _____ 20__ г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

_____ (Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН)

№ _____

(номер лицевого счета (код) плательщика)

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.

« _____ » _____ 20__ г. _____

(подпись плательщика)

Информация о плательщике

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН)

№ _____

(номер лицевого счета (код) плательщика)

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

ПОВЕСТЬ

Ричарда ЛОВЕТТА
«СОКРОВИЩЕ НЕПТУНА»

РАССКАЗЫ

Кристофера БЕННЕТА,
Алексея КАЛУГИНА,
Тома ЛИГОНА,
ЙОССА

СТАТЬЯ

Вл. Гакова к юбилею Ли Брэккет

ЧИТАЙТЕ ДЕКАБРЬСКИЙ ВЫПУСК «ЕСЛИ»

ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ!

Наш журнал вы найдете в объединенном каталоге

«Пресса России»
(том I: газеты, журналы)
и в каталоге «Роспечать»
(газеты, журналы).

Цена подписки
(включая стоимость почтовых услуг)
полугодового комплекта
(индекс 73118) – 520 рублей,
годового (индекс 42918) – 951 рубль.

Подписка ведется во всех отделениях связи.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

ПОВЕСТЬ

Ричарда ЛОВЕТТА «СОКРОВИЩЕ НЕПТУНА»

РАССКАЗЫ

Кристофера БЕННЕТА,
Алексея КАЛУГИНА,
Тома ЛИГОНА,
ЙОССА

СТАТЬЯ Вл. Гакова к юбилею Ли Брэккет

ЧИТАЙТЕ ДЕКАБРЬСКИЙ ВЫПУСК «ЕСЛИ»

ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ!

Наш журнал вы найдете в объединенном каталоге

«Пресса России»

(том I: газеты, журналы)

и в каталоге «Роспечать»

